

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В двух частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2022

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 30 декабря 2021 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*;
д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Г. Абраменко

Белорусский государственный университет, Минск

E. Abramenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.72:342.53

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE FEATURES OF PARLIAMENTARY DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE

В настоящее время парламентаризм функционирует в большинстве государств мира. Он неразрывно связан с демократией, так как только демократический политический режим способствует соблюдению ключевых принципов парламентаризма: выражение и защита интересов различных групп населения; приоритет законодательных органов и подконтрольность их народу; взаимодействие парламента с другими органами государственной власти, ориентация на переговорный процесс и поиск компромисса.

Ключевые слова: парламентаризм; парламент; разделение властей; гражданское общество; форма правления; выборы; демократия.

Today, parliamentarianism operates in most states of the world. It is inextricably linked to democracy, as only a democratic political regime promotes the key principles of parliamentarism: the expression and protection of the interests of different groups; the priority of legislative bodies and their accountability to the people; parliament's interaction with other public authorities, a focus on negotiation processes and the search for compromise.

Keywords: parliamentarism; parliament; separation of powers; civil society; form of government; elections, democracy.

В настоящее время вопросы парламентаризма привлекают пристальное внимание политиков и представителей научного сообщества. Эффективное функционирование данного политического института является одним из ключевых признаков демократии, развития гражданского общества и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Являясь универсальным политическим институтом, парламентаризм функционирует в политических системах большинства государств, поэтому ему присущи как общие, так и специфические черты, которые определяются соотношением социальных сил в обществе, национальными традициями, зарубежным опытом, формой правления, политической и правовой культурой.

На сегодняшний день необходимо учитывать два ключевых аспекта парламентаризма: во-первых, парламентаризм является частью системы

государственной власти, так как парламент как его центральный элемент представляет собой один из главных центров по разработке государственной политики; во-вторых, парламентаризм способствует развитию гражданского общества, так как данный институт содействует расширению политического участия граждан, артикуляции и агрегации их интересов посредством расширения каналов коммуникации между структурными элементами гражданского общества и государством.

Для формирования и нормального функционирования парламентаризма необходимо наделить парламент следующими качествами.

Во-первых, самостоятельностью в системе разделения властей. Законодательная власть может считаться ветвью власти только, когда она функционально независима от исполнительной и судебной властей, действуют система сдержек и противовесов и механизмы разрешения конфликтов между парламентом и правительством или парламентом и главой государства.

Во-вторых, высоким уровнем полномочий парламента при решении вопросов государственного управления. Являясь важным институтом в системе разделения властей, парламент формируется как законодательный орган. Таким образом, одна из его важнейших функций – подготовка, обсуждение и принятие новых законов, а также изменение, дополнение, упразднение уже существующих.

Важным принципом парламентаризма является ответственность правительства перед парламентом. В парламентских республиках и парламентских монархиях, где законодательный орган наделен правом избрания и отставки правительства, этот принцип реализуется в полной мере, а в президентских республиках он осуществляется через контрольную функцию парламента. Среди основных форм парламентского контроля можно выделить право заслушивать отчеты правительства о выполнении государственного бюджета, парламентские слушания, выражение недоверия правительству, участие в процедуре импичмента президента, парламентские расследования, создание контрольных и следственных комиссий, специальных органов и должностных лиц (омбудсменов) и т. д. Чаще всего объектом парламентского контроля выступают органы исполнительной власти, но он может распространяться и на деятельность органов местного самоуправления и корпораций, которые находятся в государственной собственности [1, с. 40].

Выполняя контрольную функцию, парламент защищает не только собственные полномочия, но и интересы государства и общества.

В-третьих, деятельностью депутатов парламента на профессиональной основе. Парламент, осуществляя представительную функцию, показывает подлинный источник власти и связывает суверенитет народа с государственной властью. Функция законодателя заключается в том, чтобы свидетельствовать о существовании каналов коммуникации между народом и исполнительной властью, в результате чего требования людей могут быть

«заложены» в машину принятия решений [2, с. 256]. В целях выявления потребностей депутаты должны регулярно проводить встречи с избирателями и отчитываться перед ними. Следует учитывать то, что депутаты парламента вынуждены искать баланс между национальными интересами и интересами своих избирателей. Особенно часто такая проблема появляется при обсуждении направлений социально-экономического развития [3, с. 31]. Таким образом, являясь единственным органом, представляющим суверенную волю народа, парламент реализует представительство в двух аспектах: во-первых – депутаты как представители, делегированные избирателями, и во-вторых – парламент как представитель сообщества граждан [1, с. 34].

Парламент как коллегиальный орган подходит для артикуляции интересов и требований различных социальных слоев и групп, а также общества в целом, их открытое выражение делает парламент публичной ареной для достижения консенсуса между государством и гражданским обществом [4, с. 66].

Одной из ключевых черт парламентаризма является деятельность депутатов на профессиональной основе, которая заключается в освобождении членов парламента от их прежних обязанностей. Членство в законодательном органе становится профессией, характеризующейся определенным социальным статусом и жалованием за выполнение своих функций.

В-четвертых, определенными формами и методами работы законодательного органа: коллегиальное решение задач на сессиях, в комиссиях (постоянных и временных), депутатских фракциях и группах с использованием специфических методов и процедур (прений, интерpellаций и т. д.). Таким образом, логика парламентской процедуры принятия решений побуждает как отдельных депутатов, так и различные фракционные группы, ориентированные на получение большинства голосов, вырабатывать в себе готовность к сотрудничеству и компромиссам.

В-пятых, избранием депутатов на всеобщих свободных выборах для гарантии значительной степени представительности. Парламент является представительным органом, поскольку народ как носитель суверенитета и источник власти избирает в него своих представителей (депутатов), делегируя им свои полномочия. Еще Й. Шумпеттер отмечал, что «демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется всеобщее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнять его волю» [5, с. 332].

Развитое гражданское общество является необходимым условием парламентаризма, так как данный политический институт с одной стороны закрепляет конституционно-правовой статус структур гражданского общества, а с другой – способствует расширению их участия в деятельности государственных органов, а также защищает личную жизнь граждан от вмешательства государства.

Парламентаризм создает основу для формирования и деятельности политических партий. Для реализации своей основной задачи (завоевание власти) партийные структуры принимают активное участие в выборах, и их представители комплектуют состав парламента. В ходе своей парламентской деятельности партии способствуют выполнению одной из основных функций этого органа власти, заключенной в представительстве интересов: они защищают в представительных органах политические, экономические и социальные интересы групп, содействуют политической социализации граждан, являются посредниками между населением и государством. Помимо представительной парламент наделен властной функцией, которая воплощается в реальность при участии партий, так как их политические программы преобразуются в решения, определяющие курс дальнейшего внутри- и внешнеполитического развития государства и подготавливающие при этом почву для принятия закона [6, с. 4].

Являясь политическим институтом, парламентаризм фокусируется на проблеме прав и свобод человека, в том числе и на соблюдении прав избирателей. В этом отношении обеспечивается законодательная база функционирования гражданского общества и правовая основа гражданских прав и свобод человека. Ю. Хабермас в работе «Демократия. Разум. Нравственность» отмечал, что «права человека проистекают из суверенной воли народа, а конституция, которая разделяет разные формы власти, обязана своим происхождением просвещенной воле демократического законодателя» [7, с. 34]. Любое ограничение гражданских прав и свобод ведет к снижению демократизации общества.

Центральное парламентское учреждение без развитой системы разнообразных представительных структур среднего и низовых уровней не может эффективно выполнять даже собственные представительные и законодательные функции. Таким образом, парламентаризм способствует развитию местного самоуправления. Такие структуры обеспечивают парламенту необходимую информацию о состоянии общества, а также являются для него каналами прямых и обратных связей с различными группами населения, общественными движениями и организациями [8, с. 332].

Существенным аспектом парламентаризма является публичность политики, предполагающей гласность в работе представительного органа; выявление и изучение общественного мнения при разработке законопроектов; плюрализм мнений; обнародование, принятых решений и доведение их до граждан, политических партий и общественных объединений; доступность членов парламента для приема граждан, возможность беспрепятственного обращения к депутатам с предложениями и заявлениями.

Таким образом, важнейшими признаками политического института парламентаризма можно назвать:

- а) выражение и защита интересов различных групп населения;
- б) приоритет законодательных органов и подконтрольность их народу;

в) взаимодействие парламента с другими органами государственной власти;

г) его ориентация на переговорный процесс и поиск компромисса.

Стоит отметить, что парламентаризм закрепляется не только и не столько нормативными правовыми актами, но и фактической политической практикой.

В настоящее время выделяются различные модели парламентаризма.

В зависимости от фактической полноты реализации элементов парламентаризма различают развитый, ограниченный, имитационный.

В *развитом парламентаризме* реализованы основополагающие элементы парламентаризма, такие как суверенитет народа; разделение властей; сочетание прямой и непосредственной демократии; наличие законодательного и представительного органа с определенным набором функций; деятельность депутатов на профессиональной основе и их привилегированное положение; политическая гласность; гарантия прав и свобод человека; развитое гражданское общество.

Ограниченный парламентаризм строится на ограничении полномочий парламента и его косвенной подконтрольности исполнительной власти.

В *имитационном парламентаризме* происходит монополизация политической сферы исполнительной властью, которая может править при помощи законов, принимаемых по своему усмотрению; роль представительных органов незначительна, политические партии и институты гражданского общества теряют автономию и, как правило, контролируются государством. То есть такая разновидность характерна для авторитарных режимов [9, с. 36].

Таким образом, в данной классификации отражены разновидности парламентаризма в зависимости от особенностей политического режима. Парламентаризм обоснованно связывают с демократией, так как только демократия создает условия для его реального функционирования.

В зависимости от конституированного порядка взаимоотношений между парламентом и другими высшими органами государственной власти различают рационализированный, министерский, разделенный парламентаризм.

Рационализированный парламентаризм направлен, прежде всего, на защиту правительства от возможного «деспотизма» парламента, так как он затрудняет отставку правительства парламентом. Выражение вотума недоверия обставляется такими дополнительными требованиями, как увеличение количества депутатов, которое необходимо для инициирования вотума недоверия; увеличение срока от внесения инициативы до начала его обсуждения; для принятия решения требуется абсолютное большинство голосов депутатов и т. д. В то время как для вотума доверия, иницируемого правительством, таких усложненных процедур не требуется [10, с. 368]. Законодательные компетенции парламента также ограничены, поскольку конституцией определяются сферы законодательной деятельности, которые

составляют исключительно компетенцию главы государства. Помимо усиления власти правительства «рационализированный парламентаризм» характеризуется наделением президента весьма обширными полномочиями.

Рационализированный парламентаризм сочетает сильную президентскую власть с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства и двойной ответственностью правительства – перед президентом и парламентом. Данная модель парламентаризма характерна для смешанной республики. Наиболее ярким примером является Франция, также к этой категории можно отнести парламентаризм в Польше, Республике Беларусь и др.

Министерциальный парламентаризм характеризуется тем, что парламент является верховным законодательным органом, его законодательные и контрольные полномочия неограниченны; правительство, как правило, формируется парламентским большинством и несет перед законодательным органом политическую ответственность. В то же время у правительства есть право законодательной инициативы и ходотайства о роспуске парламента (перед главой государства). Министерциальный парламентаризм, как правило, существует в странах с двухпартийной или многопартийной системой с одной доминирующей партией. Его примером могут служить Великобритания, Венгрия, Чехия [11, с. 38].

Разделенный парламентаризм характеризуется тем, что отношения между президентом и парламентом строятся на основе жесткого разделения властей. При такой разновидности парламентаризма представительный (законодательный) орган государственной власти может ограничивать действия главы государства при помощи законов, а президент, в свою очередь, обладает правом отлагательного вето на решения парламента. Например, можно говорить о разделенном парламентаризме в США.

Таким образом, данная классификация основывается на зависимости моделей парламентаризма от особенностей форм правления.

Необходимо сказать, что в чистом виде модели парламентаризма встречаются очень редко, чаще всего признаки одной модели дополняются признаками других.

В настоящее время основной тенденцией развития современных государственных систем является усиление исполнительной власти и ослабление роли парламента. Именно исполнительная власть имеет возможность использовать ресурсы для оперативного решения проблем в обществе. В условиях борьбы с пандемией Covid-19 роль правительства возросла, что связано с необходимостью усиления централизации в период угрозы жизни и здоровью граждан. Так, в ряде стран (Италии, Венгрии, Чехии, Латвии, Австралии, Казахстане, Испании, США) были введены режимы чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации; в 18 государствах были приняты решения о переносе даты выборов и референдумов (Австралия, Армения, Боливия, Великобритания, Иран, Италия, Канада, Кипр, Киргизия,

Северная Македония, Сербия, Сирия, США, Франция, Чили, Швейцария, Шри-Ланка, ЮАР); были отложены на неопределенный срок все парламентские обсуждения кроме вопросов кризиса (Европарламент, Испания); приостанавливалась работа парламента (Канада). Помимо этого произошло усиление экспертократии, все большую роль начали играть научные и экспертные советы.

С другой стороны, стоит учитывать, что сложившаяся ситуация привела к модернизации работы парламента, например к внедрению видеоконференций, дистанционного голосования, расширению использования парламентариями социальных сетей, как для обмена информацией и мнениями, так и для контакта с избирателями.

Особую роль в современном мире играет и парламентская дипломатия. Фундаментальные изменения международной среды влияют на превращение парламентариев в дипломатических акторов. Во второй половине XX в. парламента стали налаживать транснациональные связи через создание межпарламентских объединений, выстраивать парламентское измерение интеграционных проектов (Парламентское собрание Беларуси и России) и военно-политических союзов (Парламентская ассамблея НАТО). Существующие на сегодняшний день межпарламентские объединения отличаются по своему составу и выполняемым функциям, однако все они могут рассматриваться как транснациональные парламентские сети для коммуникации и трансляции своей повестки.

Парламентаризм является универсальным политическим институтом и присущ разным формам правления (он может развиваться как в монархиях, так и в республиках), а также различным типам республик (парламентской, президентской и смешанной), что породило большое количество его форм и разновидностей. В большей или меньшей степени характерные элементы политического института парламентаризма можно найти в политических системах всех современных демократических государств. В истории развития парламентаризма были периоды взлетов и падений: усиления исполнительной власти вплоть до полного подчинения ей парламента. В результате это привело к совершенствованию механизма взаимодействия между ветвями власти, этот процесс продолжается и в настоящее время.

Список использованных источников

1. Парламентаризм в государствах – участниках межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств / Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств, Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ. – СПб.: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 278 с.

2. Институты конституционного права иностранных государств / А. Н. Домрин [и др.]; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Городец-издат, 2002. – 496 с.

3. Керимов, А. А. Современный парламентаризм: особенности и проблемы развития / А. А. Керимов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 30–36.

4. Зенченко, В. А. Представительство интересов – центральная проблема парламентской системы / В. А. Зенченко // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства; [под ред. В. А. Божанова]. – Минск, 2008. – Вып. 6, ч. 2. – С. 64–77.

5. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Й. А. Шумпетер; под общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

6. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск: ФУАинформ, 2009. – 320 с.

7. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: КАМІ, 1995. – 245 с.

8. Матвеев, Р. Ф. Думать, говорить или действовать? / Р. Ф. Матвеев // Парламентаризм в России и Германии: история и современность: сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; отв. ред. Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина. – М., 2006. – С. 322–337.

9. Керимов, А. А. Парламентаризм в современной России: особенности становления и развития: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. А. Керимов. – Екатеринбург, 2006. – 186 л.

10. Василевич, Г. А. Конституционное право зарубежных стран / Г. А. Василевич, Н. М. Кондратович, Л. А. Приходько; под общ. ред. Г. А. Василевича. – Минск: Кн. дом, 2006. – 480 с.

11. Онишко, Н. В. Парламентаризм как конституционно-правовой институт / Н. В. Онишко // Журн. рос. права. – 2003. – № 4. – С. 35–43.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. И. Апанович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Apanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.21

ПРЕДЫСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

BACKGROUND OF THE FORMATION OF SOCIAL PARTNERSHIP INSTITUTIONS

Статья посвящена изучению траектории становления и развития институтов социального партнерства в континентальной Западной Европе. Изучены институты Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени, предшествовавшие современному социальному партнерству. Выявлена преемственность между институтами прошлого и настоящего. Сделан вывод о важности пути развития инсти-

туда для его нынешнего состояния, выявлены особенности развития человеческой кооперации.

Ключевые слова: социальное партнерство; протосоциальное партнерство; Древняя Греция; гетерии; Древний Рим; корпорация; Средневековье; сословия; соседские общины; корпорации районов; общегородские корпорации; цехи; корпоративизм; неокорпоративизм; трипартизм.

The article is devoted to the study of the development trajectory of social partnership institutions in continental Western Europe. The institutions of Antiquity, the Middle Ages and Modern times, which preceded modern social partnership, were studied. The continuity between the institutions of the past and the present is revealed. The conclusion is made about the importance of the development path of the institute for its current state, the features of the development of human cooperation are revealed.

Keywords: social partnership; protosocial partnership; Ancient Greece; heterii; Ancient Rome; corporation; Middle Ages; estates; neighboring communities; district corporations; citywide corporations; guilds; corporatism; neocorporatism; tripartism.

Статья подготовлена под научным руководством доктора политических наук, профессора Н. А. Антанович.

Современное развитие обществ западных государств характеризуется рядом достижений и вызовов, побуждающих политические элиты развивать механизмы поддержания социальной стабильности и устойчивости политической системы. Следует отметить следующие достижения и вызовы, акцентирующие развитие социального партнерства: 1) повышение качества жизни; 2) совершенствование коммуникативных технологий; 3) снижение устойчивости социального статуса человека в современном мире; 4) глобализация современной экономики.

Современное социальное партнерство решает не только социально-экономические, материальные, но и нематериальные запросы в демократизации общества, самовыражении человека, экологической безопасности общества.

На постсоветском пространстве институт социального партнерства начал изучаться с целью поиска механизмов преодоления социально-экономических конфликтов. К настоящему времени в Беларуси и России накоплены практика социального партнерства и ряд работ по ее теоретическому осмыслению. Работы М. В. Кивариной, С. В. Решетникова, Н. А. Антанович, О. Е. Побережной [1] сконцентрированы на теоретических вопросах института социального партнерства. С. А. Иванов выявил связь социального партнерства и социокультурных особенностей страны [2]. Э. А. Лутохина рассмотрела реализацию института социального партнерства в России и за рубежом [3]. А. А. Федченко описала эволюцию идей социального партнерства [4]. Отметим, что недостаточно изученной является проблема исторического становления социального партнерства. Среди мыслителей, чьи идеи в будущем легли в основу социального партнерства, мы можем выделить Ж.-Ж. Руссо [5], Ф. Бэкона [6] и Э. Дюркгейма [7].

Целью данной статьи является выявление траектории развития социального партнерства в континентальной Западной Европе. Исследование поможет полнее раскрыть суть и реализацию социального партнерства, выявив особенности предшествовавших этапов развития института.

Социальное партнерство можно определить как институционализированное взаимодействие между социальными группами, при посредничестве государства в качестве третьей стороны, направленное на согласование интересов сторон.

Э. А. Лутохина выделяет среди принципов социального партнерства: взаимное признание интересов участников социального партнерства; равенство сторон на всех стадиях партнерских отношений; социальную справедливость при регулировании интересов; поиск компромиссного решения при разрешении конфликтных ситуаций [3, с. 70].

Размышления о сотрудничестве и согласовании интересов социальных групп содержатся в философских трактатах древности, на что указывают в своих работах А. А. Федченко и С. А. Иванов [4; 2]. «Птаххотеп, Заратустра, Конфуций, Аристотель и Цицерон говорили о необходимости общественного согласия, определяемого особенностями государственного и общественного устройства» [4, с. 117–118].

Начальную точку социального партнерства можно отсчитывать от работ Ж.-Ж. Руссо. Совершенное законодательство, по мнению Руссо, нельзя создать в результате борьбы партий. Законы должны приниматься в результате плебисцита. Хотя в работах Руссо речь шла об общественном согласовании, нельзя не отметить схожести этого термина с социальным партнерством [5, с. 56]. Э. А. Лутохина делает отсылку к идеям Ф. Бэкона о том, что пренебрежение интересами и мнениями разных социальных сословий ведет к конфликтам [6, с. 380–415].

На наш взгляд, институт социального партнерства в Западной Европе имеет древнюю историю, которая берет свое начало из объединений граждан античности. В современном виде данный институт появился в XX в., однако можно говорить о протосоциальном партнерстве в предшествующие периоды истории как о первых попытках гармонизации общественных отношений и интересов. Протосоциальное партнерство близко современному по стремлению к объединению людей на основании групповых интересов, их совместной защиты и поиска согласования.

По мнению П. А. Кропоткина, разложение первобытной родовой общины и усложнение социально-экономической жизни обществ (разделение занятий и переселение) дали толчок формированию союзов людей. Черты подобных союзов: а) подобно первобытному роду, они имели собственных богов и собственный церемониал богопоклонения; б) закрепляли обязательства взаимной поддержки, характерные для первобытного рода (взаимная защита, отстаивание интересов и материальная поддержка своих товарищей); в) члены объединений считали себя братьями и сестрами. На месте рода возник «воображаемый род» [8, с. 317–318].

В Античной Греции объединение по профессиональному признаку было слабо развитым, поскольку: 1) в ремесленных мастерских использовался труд рабов [9, с. 60], а значительную часть ремесленников составляли иностранцы [10, с. 119]; 2) в античном мире доминирующей формой деятельности было сельское хозяйство. Как указывал Дюркгейм, из-за этого производство замыкалось на семью и деревню (которая, по сути, была большой семьей), не выходя за их рамки для обмена, тем самым не стимулируя разделение труда и развитие ремесел [7, с. 21].

В сфере политики Античной Греции мы можем обратить внимание на гетерии (в некоторых переводах этерии), этим термином обозначались как официально признанные группы, так и тайные политические союзы, по преимуществу олигархического характера. Политической властью в Древней Греции обладали представители наиболее знатных или влиятельных кланов или семей, опиравшиеся на гетерии. Во главе каждой из таких гетерий стоял лидер. Чаще всего им становился отпрыск влиятельного семейства либо старший по возрасту [11].

В Древнем Риме ситуация была несколько иной. Предпосылкой возникновения объединений было решение древнеримского царя Нумы разделить всех жителей Рима по профессиональному признаку. Каждому цеху Нума дал право на подобающие ему собрания и назначил религиозные обряды [12]. Решение имело два последствия: а) была преодолена разобщенность между римлянами и сабинянами, создав в Риме гражданское единство и б) разделение на цехи способствовало разделению труда, а, следовательно, объединения людей начали осознавать свои групповые интересы.

В Риме формировались и первые корпорации. Термин «корпорация» имеет латинское происхождение от слова «*corpus habere*», которое означает «право коллективных образований, признаваемое государством за объединениями подобного рода». Позже в римском праве стал употребляться другой термин – «*corporatio*» [13, с. 176].

Первоначально такие союзы не возникали вокруг коммерческой деятельности. На первом месте стояли духовное родство и достижение политических целей [13, с. 176]. Наиболее частыми формами консолидации индивидов являлись религиозные общины, похоронные товарищества [14, с. 76]. В I–IV вв. н. э. получили распространение коммерческие объединения. Данные товарищества занимались определенным видом деятельности (финансы/займы, морские перевозки, гончарное дело и т. д.) [13, с. 176].

Для позднего развития римских корпораций характерно выполнение официальных функций – каждая профессия рассматривалась как общественная служба, за несение которой корпорация несла ответственность перед государством. В этом Э. Дюркгейм видел гибель корпораций, поскольку «зависимость от государства превратилась в невыносимую кабалу», поддерживать которую можно было только принуждением, пока власть была достаточно сильна. С падением Западной Римской Империи в 476 г. распалась и система корпораций, альтернатива которой появилась только к XI в. [7, с. 13].

Следующим этапом в развитии социального партнерства мы можем назвать Средневековье, где корпорациями были основные слои/сословия: два высших – дворянство и духовенство, «промежуточное» – бюргерство и низшее – крестьянство. Каждое сословие имело свои права и обязанности [15].

В средневековом обществе до 90 процентов населения занималось сельским хозяйством, дополняя его местными промыслами, и было объединено в сельские, соседские общины. Свои хозяйственные дела общинники решали на сходе домохозяев, где рассматривались прошения пришлых людей о включении их в общину, судились на сходах из-за потравы, кражи чужого скота, нарушения границ усадеб, сообща вели управление общими угодьями – лесом, водами, лугами. Это создавало систему обычного права, служившую орудием защиты крестьянства от злоупотреблений помещиков, например превышения ими оброка. Известны петиции сельских общин королю Франции, где общинники просили государя о справедливости, жаловаться на злоупотребления господ. Нарушения помещиком обычного права его крестьян могли привести к их мятежу, к гибели самого господина или его управляющего [15].

Схожую систему имели и города, с той разницей, что система объединений в них была сложнее. На первом уровне стояли соседские общины (соседи по улице), которые далее объединялись в корпорации районов, а они в свою очередь – в общегородскую корпорацию [15].

Существовали цехи – объединения ремесленников одной профессии. Ремесленники одной профессии вступали в братство, которое объединяло людей, но не производства, так как каждый мастер имел свою мастерскую. Мастера совместно вырабатывали уставы своих цехов, которые утверждали на городском совете или даже у короля [15].

В политической сфере цехи выбирали старейшину, своего представителя в городскую ратушу для участия в городском самоуправлении. В Средневековье политическая власть имела дело не с отдельными гражданами, а с корпорациями [16, с. 244]. Стоит упомянуть суды цехов, которые организовывались для разрешения внутренних споров.

Цехи строились на принципе солидарности: равенство всех членов цеха, одинаковая выгода для всех и пользование имуществом на равных условиях. Здесь же стоит указать на взаимопомощь при болезни члена цеха, материальную помощь в организации похорон, поддержку вдов и сирот в случае смерти цеховика, а также совместное участие в богослужении и церемониях, посвященных святым покровителям ремесла [16, с. 243–244]. Все это в совокупности формировало социальную роль цеха.

Цехи выполняли функцию улучшения человеческого капитала участников союза. Во-первых, через систему ученичества. Чтобы стать мастером, нужно было долгое время (первоначально – 7 лет) пробыть учеником, а затем работать в качестве подмастерья, совершить странствие по городам, чтобы ознакомиться с производственными особенностями той же профес-

сии, и в конце выполнить пробную работу, сотворить ремесленный шедевр по заказу других мастеров [16, с. 244].

Во-вторых, цехи формировали бизнес-этику, так как были частью города как корпорация и несли перед ним ответственность. Идея «справедливости» по отношению к общине и «правды» по отношению к потребителю пронизывала весь процесс производства и обмена. Сырье, используемое ремесленниками, должно быть «честным»; хлеб должен быть выпечен «по совести» [8, с. 190].

Корпорации играли большую роль в предупреждении конфликтов. Использовались рабочие конгрессы. В некоторых частях Германии ремесленники одного ремесла, но из разных общин, собирались ежегодно для обсуждения вопросов, относящихся к их ремеслу: определение сроков ученичества, заработной платы, условий путешествия по своей стране и других вопросов функционирования цеха [8, с. 193–194].

Власть цехов и гильдий исчезла из-за индустриализации и модернизации промышленности и торговли, распространения централизованных государств. После Великой французской революции в большинстве западноевропейских стран в течение XIX в. система корпораций была заменена законами о свободной торговле [17, с. 208]. Работник из члена корпорации переходил в ранг наемного рабочего, находящегося в полной власти работодателя. Новая модель социальных отношений имела как позитивные (повышение эффективности производства), так и негативные последствия (антагонистические противоречия между классами). К концу XIX в. обозначились две идеологические позиции по преодолению данных противоречий: либерализм настаивал на развитии рыночных и демократических институтов, а марксизм подразумевал переход к бесклассовому обществу, где производство сосредоточится в руках ассоциаций индивидов [18, с. 47]. В противовес указанным идеологиям возник корпоративизм [19, с. 51]. Режимы, основанные на идеологии корпоративизма, были установлены в Италии, Португалии, Испании и Австрии. Лидеры данных режимов видели идеал социальной гармонии в средневековой цеховой организации.

По мнению А. В. Павроза, «сущность корпоративистского третьего пути заключалась в идее перехода от индивидуалистического к функционально организованному обществу, где базовой социальной единицей выступает не отдельный человек, а выделенная по функциональному принципу группа», что роднит данные режимы со средневековой системой корпоративного представительства. «Целью подобных групп становилось не только исполнение экономических функций, но и социальная организация входящих в них индивидов» [19, с. 51].

Таким образом, институтами протосоциального партнерства являлись: античные гетерии и корпорации; средневековые сословные, соседские и цеховые корпорации; группы, выделенные по функциональному признаку в корпоративизме. Гетерии Древней Греции и корпорации Древнего Рима мы не можем назвать полноценным социальным партнерством, так как

отсутствовало согласование интересов между различными группами, а государство не участвовало в данном процессе. В Средневековье эта роль государства также была слаба, отсутствовало равенство между корпорациями. Деятельность функциональных групп в корпоративизме начала индустриальной эпохи не может относиться к социальному партнерству, так как они были полностью контролируемы государством. Античность, Средневековье и период корпоративизма формируют субпериоды прото-социального партнерства.

С окончания Второй мировой войны мы можем говорить о начале непосредственно социального партнерства. В указанный период формируется модель представительства интересов, схожая с корпоративистской: членство в объединениях стало добровольным, объединения стали равноправными партнерами с государством, союзы работодателей и работников были отделены и отграничены друг от друга и от государства, сохранив функциональное представительство. Данная модель получила название неокорпоративизма.

Наиболее распространенной формой неокорпоративизма можно назвать трипартизм, который предполагает взаимодействие между тремя сторонами: работниками, нанимателями и государством. При этом на государство возлагаются контрольные функции «третьей стороны». К концу XX в. система трипартизма стала ослабевать ввиду застоя в профсоюзном движении, возникшем в результате роста среднего класса. Из-за этого трипартизм постепенно эволюционирует в «коммунитаризм», который предполагает расширение числа участников взаимодействия, за счет негосударственных объединений, и использование методов прямой демократии [1, с. 91–92].

Таким образом, в статье выявлена траектория развития социального партнерства в континентальной Западной Европе, состоящая в преемственности современного состояния изучаемого института более ранним периодам истории. Античность, Средневековье и период распространения идей корпоративизма сформировали формы протосоциального партнерства, в которых развивалась человеческая кооперация, становясь более широкой (в плане субъектного и объектного состава) и демократичной, что и привело социальное партнерство к его нынешнему состоянию. Однако древнегреческие гетерии и корпорации Древнего Рима мы не можем назвать институтами социального партнерства, так как отсутствовало согласование интересов между различными группами, а государство не участвовало в данном процессе. В Средневековье эта роль государства была слаба, отсутствовало равенство между корпорациями. Деятельность функциональных групп в корпоративизме начала индустриальной эпохи не может относиться к социальному партнерству, так как они были полностью контролируемы государством. После Второй мировой войны объединения работодателей и работников отделяются друг от друга и от государства, что приводит к формированию социального партнерства по модели неокорпоративизма. Самой распространенной формой неокорпоративизма стал трипартизм,

основанный на балансе между работниками и нанимателями в нормативных рамках, установленных государством.

Список использованных источников

1. Решетников, С. В. Социальное партнерство и социальная работа как механизмы реализации социальной функции государства / С. В. Решетников, Н. А. Антанович, О. Е. Побережная // Республика Беларусь – социальное государство: теория и практика: сб. материалов круглого стола / Юридический факультет Белорус. гос. ун-та; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск, 2016. – С. 90–95.
2. Иванов, С. А. Социальное партнерство как феномен цивилизации / С. А. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – № 3. – С. 79–99.
3. Лутохина, Э. А. Социальное партнерство и его модели в зарубежных странах (опыт и уроки) / Э. А. Лутохина // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 1. – С. 69–75.
4. Федченко, А. А. Траектория развития социального партнерства / А. А. Федченко, Е. С. Дашкова, Н. В. Дорохова // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 117–124.
5. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж. Ж. Руссо; пер. с фр. А. Д. Хаютина. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
6. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон; пер. с англ. З. Е. Александровой [и др.]. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
7. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с франц. А. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
8. Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин; пер. с англ. В. П. Батурина. – СПб.: Книгоиздательство «Голос Труда», 1922. – 346 с.
9. Муравьёва, Л. А. Финансово-экономическое развитие Древней Греции / Л. А. Муравьёва // Международный бухгалтерский учет. – 2013. – № 5. – С. 58–68.
10. Кулишер, И. М. Очерк экономической истории Древней Греции / И. М. Кулишер. – СПб.: Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 240 с.
11. Процессы демократизации в Древней Греции: борьба за власть аристократии [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский центр «Высшая школа экономики». – Режим доступа: <https://perm.hse.ru/news/456527000.html>. – Дата доступа: 06.02.2022.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Нума [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1439000400>. – Дата доступа: 20.11.2021.
13. Мудрицкий, С. В. Особенности правового регулирования корпоративных отношений в римском частном праве / С. В. Мудрицкий // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2021. – № 1. – С. 175–180.
14. Нехай, Д. А. Исследование формирования и развития корпораций в Древнем Риме / Д. А. Нехай // Новый университет. Сер. «Экономика и право». – 2012. – № 6. – С. 76–77.
15. Сванидзе, А. Средневековые корпорации [Электронный ресурс] / А. Сванидзе // Гуманитарный портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/651> – Дата доступа: 06.02.2022.

16. Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы: в 2 т. / И. М. Кулишер. – 9-е изд. – Челябинск: Социум, 2004. – Т. 1: Средние века. – 412 с.

17. Умарова, М. А. Гильдия как прообраз общественного объединения в средневековой Европе: вопросы правового регулирования / М. А. Умарова // Colloquium-journal. – 2019. – № 27. – С. 207–208.

18. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1974. – 63 с.

19. Павроз, А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние / А. В. Павроз // Социология и политология. – 2009. – № 24. – С. 50–61.

(Дата подачи: 16.02.2022 г.)

П. А. Баракхвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ФРОНТИРА

THE PECULIARITIES OF THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE RUSSIAN FRONTIER

Выявлены и охарактеризованы основные этапы эволюции русского фронта. Показано, что особенности его преобразования, а именно государственное управление фронтными процессами, определяются типом российской институциональной матрицы с доминированием редистрибутивных институтов. Вместе с тем пространственная удаленность новых территорий, их выраженная экономическая специализация и слабая заселенность автохтонным населением обусловили укрепление здесь рыночных институтов и, как следствие, возникновение пространственной неоднородности российской институциональной матрицы и диффузии рыночных институтов из периферии в центр Российского государства. Последствиями политики властей по сдерживанию рыночных институтов явились вяло текущая дефронтализация и, как результат, возникновение «подушки» колонизации – наличие огромного числа слабо заселенных и неосвоенных ресурсов богатых территорий. В конечном счете, это обусловило выбор экстенсивного пути развития, причем подобная ориентация сохранилась даже в XX веке.

Ключевые слова: фронт; базовые институты; институциональная матрица; колонизация, Российская империя.

Herein, the main stages of the Russian Frontier's evolution are revealed and characterized. It is shown that the peculiarities of its transformation, namely, state management of frontier processes, are due to the type of the Russian institutional matrix, in which redistributive institutions are dominant. However, the remoteness of new territories, their pronounced economic specialization, and sparse population density led to the reinforcement of market institutions and,

consequently, the emergence of territorial heterogeneity and periphery-to-center diffusion of market institutions in the Russian institutional matrix. The results of the government's policy of market institution containment were in defrontierization and the creation of the colonization «pillow» – a large number of sparsely populated, but rich in resources, territories. In the end, this conditioned the choice of extensive development, preserved even in the XX century.

Keywords: frontier; basic institutions; institutional matrix; colonization; Russian Empire.

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий актуализировали проблему исследования фронтиров и их роли в генезисе и взаимодействии социальных систем. Существует множество определений данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Дж. Тернера [1], фронтир – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон трактует фронтир как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [2]. И. Я. Левяш отмечает, что «фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [3, с. 194]. В отличие от межгосударственной четко выраженной границы, это «размытая область переменной ширины» [4], характеризуемая культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» [5, с. 82], особыми социальными условиями. Фронтиры – это «своеобразные инкубаторы для формирования и развития новых обществ» [6, р. 14].

Фронтир обладает пространственно-темпоральными характеристиками, являясь одновременно историческим процессом и определенным пространством [7].

Следует отметить, что данный термин в отечественной и российской науке начал применяться относительно недавно, впервые – в отношении истории освоения Сибири и Дальнего Востока [5, 8–12], впоследствии – при исследовании расширения Российской империи на юго-восток [12–17]. Однако, несмотря на повышенный интерес к данной проблематике, ряд вопросов остается слабо изученным. Среди них – факторы, определяющие характер эволюции этой «зоны неопределенности». Решению данной проблемы и посвящена настоящая работа, в которой анализируется феномен фронтира в азиатской части России.

Методологической основой настоящей работы является исторический неонституционализм, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование взаимосвязанных и взаимозависимых равнозначных подсистем – экономической, политической, социокультурной [18]. Вся структура регулируется сложной системой институтов, в которой можно выделить базовые экономические, политические и социокультурные институты, формирующие институциональную

матрицу [19]. Наличие фронта в пространстве, занимаемом социумом, обуславливает трансформацию его институциональной матрицы.

Несмотря на несинхронность фронтальных процессов в азиатской части России (различные времена формирования и скорости изменения), в эволюции каждого фронта можно выделить несколько фаз (стадий). Пре-стадией (необходимым условием) формирования фронта является возникновение «вакуума», отсутствие четких границ, что обуславливает возможность расширения занятого социальной системой пространства. Южные и восточные рубежи Московского государства в период его становления не были четко очерчены вследствие соседства с ним племенных группировок кочевых и полукочевых народов. Московия не могла защититься от постоянных набегов кочевников, наносивших непоправимый экономический ущерб, уводивших в рабство молодое, трудоспособное население. Вследствие этого формирование русского фронта было обусловлено не столько возможностью экспансии, сколько необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей.

Первая стадия фронтализации – формирование военного фронта. Начиная со второй половины XVII в., власти Московского государства вкладывали огромные средства в постройку укрепленных линий (форпостов) на южных и восточных рубежах. Это, в свою очередь, привело к переселению на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Зона фронта оказалась областью соприкосновения различных жизненных укладов – оседлого (земледельческого) и кочевого (скотоводческого), что неизменно порождало конфликты. Однако это не приводило к «тотальной зачистке» местного населения российскими властями. Особенностью российского подхода было постепенное превращение форпостов военного назначения в административные центры с целью утверждения позиций империи в регионе.

Второй стадией фронтализации стало оформление юридического статуса фронтальных территорий и установление особых военизированных форм управления. Примером тому является «Устав о сибирских киргизах» от 22 июля 1822 г. [20], который способствовал систематизации принципов управления Степным краем, судопроизводства, социально-экономических отношений. Предполагалось «расширение» фронта: статус форпостов постепенно должен был перейти от крепостей, расположенных на Сибирской линии, к административным единицам внутри Степного края – окружным приказам. Для осуществления этой задачи была учреждена новая административно-территориальная единица – Омская область. На ее территории предусматривалось нахождение постоянных и иррегулярных войск, а глава области наделялся гражданскими, военными и дипломатическими полномочиями (в круг его задач были включены: проведение пограничных линий между Омской областью и Томской и Тобольской губерниями, организация внутренних округов и их разграничение, формирование системы внешних округов).

На территориях русского фронта формировался стиль управления, отличный от такового в центральной России: здесь чиновникам разрешалась значительно большая самостоятельность в решении местных вопросов. Отметим, что особенностью имперского управления являлось отсутствие единого центрального органа для управления всеми фронтными территориями в Азии [21].

Третья стадия фронтиризации – перенесение (трансплантация) на новые территории экономических институтов редиистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России¹. В частности, Сибирский приказ² исправно собирал как ясачные³, так и неясачные налоги и сборы. Ясачные сборы рассматривались как источник чистого государственного дохода. В Сибирь же ежегодно высылалось хлебное и денежное жалование, равное по величине неясачным сборам и налогам, поступающим из Сибири в центр от таможенных сборов.

Вместе с тем особенности экономических взаимоотношений центра и фронтных территорий, обусловленные пространственной удаленностью и выраженной экономической специализацией последних, привели к укреплению рыночных институтов⁴ на новых землях, т. е. к возникновению локальной пространственной неоднородности российской институциональной матрицы и, как следствие, диффузии рыночных институтов из периферии в центр Российского государства. Начиная с царствования Алексея Михайловича производственно-коммерческая часть Сибирского приказа начала дробиться на подразделения (палаты) в соответствии с выполняемыми функциями: Расценная, Купецкая, Казенная, Скорняшная. Палата координировала деятельность широкой сети агентов и штат экспертов мехового дела. Дело приемки, оценки, учета поступающей пушнины было отлажено до мелочей. Была создана разветвленная система сбыта, реагирующая на объемы поступлений и спроса [23, с. 29–31].

Четвертая стадия фронтиризации – перестройка социокультурных институтов. Главным механизмом, задействованным при этом российскими властями, стало насаждение русского православного элемента. Центральными фигурами русской колонизации стали казак, крестьянин и ссыльный. При этом, в отличие от американского фронта, данным процессом руководили не частные фирмы, а государство, что определяется доминирующими институтами российской институциональной матрицы. Государство

---

¹ К редиистрибутивным экономическим базовым институтам относятся: редиистрибуция (аккумуляция – согласование – распределение) в качестве институтов обмена, общественно-служебная собственность, общественный/служебный труд и жалобы в виде обратной связи [22].

² Орган центрального управления сибирскими землями.

³ Ясак – натуральный налог, главным образом пушшиной.

⁴ К рыночным экономическим базовым институтам относятся: отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как институт обратной связи [22].

регулировало укомплектование штатов административных учреждений, размещение русских населенных пунктов (как правило, отделенных от мест проживания местного населения и расположенных в стратегически важных местах – вдоль трактов и пограничных линий), создавало для русских переселенцев защитную инфраструктуру.

Тем не менее возникший социокультурный фронт не был непрозрачным вследствие демографических «перекосов» (превышения мужского населения, что обуславливало «смешанные» браки), а также задействованного российскими властями механизма социализации (частичного вовлечения местного населения в управление территориями, обучение в российских школах).

За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления новых земель за империей, использования помещика в качестве основного действующего лица колонизации. Здесь не было крепостного права. Законы колонизации требовали от ее участников предприимчивости, личной инициативы, способствуя тем самым появлению и распространению элементов субсидиарного мировоззрения – рыночных социокультурных институтов, и, как следствие, пространственно-локальной трансформации российской институциональной матрицы.

Пятая стадия эволюции фронта – эрозия фронтальных признаков (дефронтализация). Главной целью данного этапа была окончательная интеграция фронта в общеимперское пространство. Для выполнения этой задачи задействовались различные инструменты. Среди них особое место занимало создание развитой инфраструктуры, в первую очередь за счет строительства железных дорог. Примечательно, что Россия, в отличие от Америки, делала упор на их линейную протяженность, а не на разветвленность. Административные пункты располагались, как правило, вдоль железнодорожной магистрали.

Важное значение имела интенсификация руководимой государством русской колонизации. Инструментом ее осуществления стало Переселенческое управление, созданное в 1896 г. в составе Министерства внутренних дел. С 1905 г. оно вошло в состав Главного управления землеустройства и сельского хозяйства.

На дальневосточных землях апробировались новые колонизационные технологии, характеризующиеся высокой степенью участия государства, что проявлялось в государственном субсидировании планового заселения на этих территориях православного населения и морских перевозок Добровольческого флота.

Удаленность от центра обусловила развитие структур местного самоуправления, которому предоставлялись значительно большие права, чем в центральных российских губерниях.

Тем не менее процесс дефронтализации осуществлялся крайне медленно, главным образом из-за малонаселенности фронтальных территорий, что требовало более активного задействования механизма стимулирующей

обусловленности. В качестве его инструментов П. А. Столыпиным было предложено распространить в Сибири права собственности на землю (закрепление рыночного института). Однако данное предложение, которое в случае его реализации обусловило бы значительную трансформацию редистрибутивной институциональной матрицы с доминированием идеи общественного интереса над личным, было отвергнуто, поскольку такое землеустройство «прикрепит старожила к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» [24, с. 44] по освоению новых территорий.

И все-таки рыночные институты на этих землях формировались. С 1908 г. сибирским переселенцам отводят земельные участки не только для общинного владения, но и под хуторы. В общинах с уравнительным переделом начинаются размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Отметим, что процесс разложения общинного землевладения в Сибири проходил значительно быстрее, чем в России.

Наличие обширных, богатых ресурсами (и, следовательно, экономически перспективных) фронтальных территорий в азиатской части России, где развивались и укреплялись рыночные институты, обусловило возникновение к концу XIX в. пространственной неоднородности российской институциональной матрицы, что, вообще говоря, чревато развитием кризиса. Это вызвало колебание самодержавия: с одной стороны – для колонизации нужно крестьянство, с другой – нельзя допускать укрепления рыночных институтов, в частности вводить здесь право собственности на землю. Последствия подобной политики – вялотекущая дефронтализация и, как результат, возникновение «подушки» колонизации – наличие огромного числа слабо заселенных и неосвоенных, богатых ресурсами территорий. В конечном счете это обусловило выбор экстенсивного пути развития, причем подобная ориентация сохранилась даже в XX в., когда решение вопроса о продовольственной безопасности увязывалось с необходимостью освоения целины.

В заключение отметим, что наличие обширных фронтальных территорий на юго-востоке и востоке оказало колоссальное влияние на исторический путь России. «Расширение» вглубь Евразийского континента, все дальше от моря, обжитых территорий, перекрестков западноевропейской цивилизации привело к слабой вовлеченности в международное разделение труда и слабому трансферу передовых западных технологий, особому, российскому типу модернизации.

Список использованных источников

1. *Turner, F. J.* The Significance of Sections in American History [Electronic resource] / F. J. Turner. – Mode of access: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. – Date of access: 15.01.2021.

2. *Billington, R. A.* America's Frontier Heritage / R. A. Billington. – University of New Mexico Press, 1975. – 320 p.

3. *Левяш, И. Я.* Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты / И. Я. Левяш // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 193–196.

4. *Semple, E. C.* Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthro-geography [Electronic resource] / E. C. Semple. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>. – Date of access: 15.01.2021.

5. *Замятина, Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 75–88.

6. *Kopytoff, I.* The African Frontier: the Reproduction of Traditional African Societies / I. Kopytoff. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987. – 213 p.

7. *Якушенков, С. Н.* На границе тучи ходят хмуро, край суровой тишиной объят / С. Н. Якушенков // Journal of Frontier Studies. – 2016. – № 4. – С. 7–32.

8. *Скобелев, С.* Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра / С. Скобелев // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 149–190.

9. *Тихонов, А. А.* Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения [Электронный ресурс] / А. А. Тихонов // Материалы научно-практической конференции «Вагановские чтения – 2010». – Режим доступа: http://samlib.ru/t/tihonov_zh_grianiy/frontirsibirskijamerikanskijtochkizrenija.shtml. – Дата доступа: 20.01.2022.

10. *Зуев, А. С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии / А. С. Зуев // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – 1999. – Вып. 1. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – С. 124–136.

11. *Ledonne, J.* The Frontier in Modern Russian History / J. Ledonne // Russian History. – 1992. – V. 19. – № 1/4. – P. 143–154.

12. *Буканова, Р. Г.* Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. / Р. Г. Буканова, З. А. Тычинских, С. Р. Муратова // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4. – С. 89–95.

13. *Якушенков, С. Н.* Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 1. – С. 109–114.

14. *Романова, А. П.* Межкультурные коммуникации на фронте и вне фронта (сравнительный анализ) / А. П. Романова, М. С. Топчиев, Е. А. Саракаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3. – С. 298–303.

15. *Khodarkovsky, M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800 / M. Khodarkovsky. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. – 304 p.

16. *Мизис, Ю. А.* Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века / Ю. А. Мизис, О. В. Скобелкин, А. И. Папков // Вестник ТГУ. – 2015. – Т. 20. – № 10. – С. 7–15

17. *Хайдов, И. М.* Русский фронт на Тереке: фронтальная идентичность терских казаков в первой половине XIX в. / И. М. Хайдов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 3. – С. 54–58.

18. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социо-

логическая мысль. – М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

19. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 468 с.

20. Устав о сибирских киргизах. Закон 29127 [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=417&part=177. – Дата доступа: 21.01.2022.

21. *Сандерленд, В.* Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство / В. Сандерленд // *Imperium inter pares: Роль трансфертов в российской империи* / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. – М.: НЛО, 2010. – С. 21–39.

22. *Барахвостов, П. А.* Трансформация институциональной матрицы Великого княжества Литовского в составе Российской империи / П. А. Барахвостов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки.* – 2020. – № 4. – С. 53–64.

23. *Зубков, К. И.* Сибирский приказ как институт регионального управления (XVII–XVIII вв.) / К. И. Зубков // *Уральский исторический вестник.* – 2015. – № 4(49). – С. 26–35.

24. *Островский, И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И. В. Островский. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – 309 с.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

С. В. Венедиктов

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

S. Venidziktau

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus, Mogilev

УДК 007

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ ПОСТПАНДЕМИИ

DIGITAL CIVIL SOCIETY AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON OF THE POST-PANDEMIC ERA

В статье анализируются изменения в системе доминирующих практик гражданского взаимодействия, обусловленные реалиями информационного общества. Приводится определение цифрового гражданского общества, выявляются его специфика и функциональные характеристики. Показано влияние эпохи постпандемии на формирование матрицы критериев цифровой гражданской ответственности, среди которых называются способность к информационной солидаризации и стремление к формированию информационного иммунитета. Цифровое гражданское общество рассматривается в качестве

гаранта национальной безопасности государства в информационно-коммуникативной сфере в условиях инфодемии – «эпидемии дезинформации».

Ключевые слова: гражданское общество; цифровое гражданское общество; цифровая гражданственность; коммуникация; эпоха постпандемии; информационный иммунитет; информационная безопасность; инфодемия.

The article explores changes in the system of dominant practices of civil interaction, due to the realities of the information society. The definition of digital civil society is given, its specificity and functional characteristics are revealed. The influence of the post-pandemic era on the formation of a matrix of criteria for digital citizenship is shown, among which are the ability for informational solidarity, the desire to form informational immunity. Digital civil society is considered as a guarantor of the national security of the state in the information and communication sphere in the context of an infodemic – an «epidemic of disinformation».

Keywords: civil society; digital civil society; digital citizenship; communication; post-pandemic era; information immunity; information security; infodemia.

Процессы глобализации и цифровизации коммуникативного пространства влекут за собой взаимопроникновение различных сфер жизнедеятельности социума: политической, информационно-коммуникативной, гуманитарной, культурной и т. д. При этом создаются условия для возникновения синергетического эффекта от взаимодействия структур, которые ранее развивались и функционировали на локальном или национальном уровне. В первую очередь это касается структур гражданского общества, получившего в стремительно трансформирующейся информационной сфере потенциал выхода за национальные рамки, гражданского взаимодействия в пространстве межгосударственной, глобальной коммуникации [3, с. 30–31]. На уровне гражданского общества происходит процесс формирования ценностно-ментальных оснований новой цифровой идентичности.

Обобщение устоявшихся трактовок показывает наличие двух принципиально различных взглядов на природу гражданского общества. Одни исследователи характеризуют его как общественную систему в целом, достигшую определенного уровня развития. Другие – как особую сферу социума, отличную от государственных структур. В рамках второго подхода выделяется три варианта содержания понятия гражданского общества: 1) социальная реальность, противостоящая государству; 2) частная сфера, отличная от государственной и общественной; 3) публичная сфера, опосредующая отношения между частной сферой и государством [2].

Мы предлагаем рассматривать гражданское общество как общественно-частную сферу, занимающую промежуточное место между личностью и государством и выполняющую функцию координации общественных и частных интересов [3, с. 34]. С этих позиций его можно представить также как коммуникативный процесс между гражданином и государством, приобретающий форму «интерсубъективного дискурса» (Э. Гидденс [11]) или «коммуникативной рациональности» (Ю. Хабермас [9]). Именно интеграль-

ная совокупность составляющих делает гражданское общество комплексом структурированных норм социальной активности [5].

В условиях изменения в системе доминирующих практик гражданско-го взаимодействия, обусловленного новыми реалиями информационного общества, происходит неизбежная трансформация коммуникативного процесса между гражданскими и государственными структурами. На наш взгляд, в первую очередь необходимо вести речь о цифровизации данного процесса, повышении функционально-ролевого статуса информационно-коммуникационных технологий и изменении онтологической парадигмы гражданина как представителя среднего класса – ядра гражданского общества в традиционных представлениях. Общественная значимость начинает все более отождествляться с информационной значимостью, возможностью и способностью оказывать коммуникативное воздействие в публичном дискурсе, а понятие социального капитала в современных реалиях точнее будет определить как «социально-информационный капитал».

В этой связи полагаем оправданным введение в научный оборот понятия «цифровое гражданское общество», которое достаточно корректно описывает ту часть общественно-частной сферы, которую затронули процессы цифровизации и виртуализации социального взаимодействия. Признанные международным сообществом принципы этого феномена отражены в Окинавской хартии глобального информационного общества (2000), Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003), Плана действий Тунисского обязательства (2005) и др. При наличии множества определений понятия «цифровое общество» и его исчерпывающей теоретической проработке (существенно признание того факта, что информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан (цит. по [6, с. 180]) четкая и полная дефиниция цифрового гражданского общества в научном дискурсе отсутствует. Мы предлагаем следующее определение: общественно-частная сфера, локализованная в цифровом коммуникативном пространстве, занимающая промежуточное положение между личностью и государством и выполняющая функцию координации общественных и частных интересов в условиях развития информационного общества и цифровой экономики.

Говоря о цифровом гражданском обществе, следует учитывать специфику: 1) субъектов интеракции (с философской точки зрения – граждане как пограничные, виртуально-социальные личности, а также гражданские формирования, построенные на принципах сетевой коммуникации как внутри сообществ, так и с внешней, физической средой); 2) способов интеракции (гибридные действия символического либо физического характера на основе виртуальных форм солидаризации); 3) целей интеракции (изменение социально-политической, экономической реальности способно замещаться самодостаточными коммуникативными практиками в сетевом пространстве); 4) источников гражданской активности (их вторичность,

взаимообусловленность проявлениями активности в офлайн-пространстве).

Последний пункт требует пояснений, так как является достаточно дискуссионным, будучи связанным с ответом на вопрос о возможности существования цифрового гражданского общества в условиях несформированности гражданского общества в его традиционном понимании. На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос будет отрицательным, если принять во внимание тезис о том, что гражданское общество отражает достаточно высокую степень социальной зрелости, которая может быть сформирована исключительно в традиционных практиках интерактивной демократии. Поэтому далеко не любая активность в цифровом пространстве является проявлением активности гражданского общества, равно как и не любая сетевая личность является отображением реальной личности, выражающей мотивированное целеполагание и через виртуальные действия реализующей реальные гражданские инициативы. В качестве примера можно привести проявления протестной активности в социальных сетях, которые неизменно фиксируются в периоды обострения политических противоречий в государствах с различными экономическими укладами и различными типами общественно-политических систем. Подобная активность, носящая преимущественно деструктивный характер, чаще всего противоречит устоявшимся в конкретном социуме практикам выражения интересов гражданского общества, что является критерием незрелости последнего (т. е. выражение общественно-частных интересов в публичном дискурсе невозможно, пока эти интересы не сформированы и не структурированы). Напротив, в государствах с развитой общественно-частной сферой, в которых произошел переход от «экспрессивной» к «интерактивной» демократии, наблюдается тенденция к формированию относительно равновесной системы «традиционное гражданское общество / цифровое гражданское общество», где проявление активности в одной подсистеме логично сопровождается активностью в другой. Таким образом, происходит своеобразный транзит практик гражданского взаимодействия в цифровую среду, при котором симметричное развитие офлайн- и онлайн-активности общественных структур служит критерием для выявления существования самого цифрового гражданского общества.

Рассматриваемое в данной статье понятие актуализировалось в новой социальной реальности, формирующейся с 2019 г. в связи с пандемией COVID-19. Период, который уже принято характеризовать как эпоху постпандемии, имеет очевидную коммуникативную специфику, что отразилось на процессах, происходящих в структурах традиционного гражданского общества. В эпоху постпандемии условия для развития практик гражданской коммуникации (наличие символического пространства, инфраструктуры, субъектов, целей, аксиологических ориентиров и т. д.) виртуализируются, преодолевая ограниченность физического мира; интернет-среда создает новое символическое пространство, в котором нейтрализуется национальная

специфика, и устанавливает новые стандарты социального взаимодействия [4, с. 612].

В контексте исследования принципиальное значение имеют следующие особенности эпохи постпандемии: 1) социальное дистанцирование (вызывает изменение привычных моделей гражданской активности, нейтрализует устоявшиеся механизмы солидаризации при обсуждении и решении общих проблем); 2) замещение привычных практик социального взаимодействия дистанционными формами в информационно-коммуникационной среде Интернета (снижает роль эмотивного фактора социальной интеракции, препятствует развитию эмпатии, заинтересованности в достижении общего результата); 3) массовое распространение искаженной, недостоверной, манипулятивной информации, фейков (формирует общее недоверие граждан к содержанию публичного дискурса, в том числе к информации, предоставляемой официальными государственными структурами); 4) подверженность граждан негативному медиаинформационному воздействию, снижение индивидуального «информационного иммунитета» – способности к самостоятельной оценке степени достоверности сведений, распространяемых в медиасфере (снижает устойчивость общества к манипуляциям со стороны акторов публичной сферы).

При ограниченности вариантов социального взаимодействия (например, в условиях вынужденной изоляции, минимизации физических контактов, закрытия границ, «локдауна») проявляется «компенсаторная функция цифровой коммуникации, в результате чего виртуальное взаимодействие становится нормой, доминирующей формой общения, новым стандартом соприкосновения гражданских структур; виртуальное взаимодействие в массовом восприятии становится реальным, замещая привычную активность» [4, с. 613].

Можно утверждать, что постпандемия, с одной стороны, ускорила процессы цифрового транзита гражданского общества, который начался за десятилетия до COVID-19, с другой – сформировала абсолютно уникальные условия публичной коммуникации, внесла коррективы в аксиологическую систему общества, в расстановку приоритетов глобальной политики. Эпоха постпандемии видоизменила и функциональные характеристики цифрового гражданского общества, проявляющиеся через уровень гражданственности. В классическую матрицу критериев гражданственности включаются способность социального взаимодействия, высокий уровень социальной ответственности, структурирование устойчивых частных интересов и их координация с интересами общественными [2]. В новой, «цифровой» матрице критериев появляются такие показатели, как способность к информационной солидаризации, стремление к формированию личной культуры медиапотребления и информационного иммунитета – индивидуального вклада гражданина в обеспечение информационной устойчивости общественной системы.

Мы считаем, что в новых коммуникативных реалиях эпохи постпандемии именно наличие высокого уровня медиаинформационной культуры,

проявляющейся в избирательном и сознательном потреблении массового информационного продукта, стремлении к объективности в выстраивании индивидуальной повестки дня (как на локальном, так и на глобальном уровне), к координации личных интересов с общественными в информационной сфере, составляет основу поведения индивида как представителя цифрового гражданского общества. Позитивная направленность цифровой гражданственности может быть диагностирована через снижение общего уровня конфликтности в публичном дискурсе, а также повышение индекса социального доверия (англ. Index of Social Trust), который характеризует нацеленность граждан на устойчивое функционирование социально-политической системы. В данном случае действует достаточно прозрачный принцип: доверие сограждан укрепляет статус формальных социальных структур и институтов (в области политики, образования, здравоохранения, охраны правопорядка, в коммунальной сфере и т. д.), что создает общую благоприятную коммуникативную среду для позитивной солидаризации и снимает напряженность формализованных отношений, которая могла бы проявиться в сетевом пространстве (в виде протестной активности, негативного информационного фона и т. п.) [1]. Например, виртуальная «Программа добровольцев ООН» имеет девиз «Изменить мир через онлайн-волонтерство» [12], популярность набирает также движение цифрового экологического активизма: «Уход в виртуальность – новая реальность для многих активистов, а для экологического просвещения становится важным создание мощного информационного экологического поля» [10].

Следуя подобной логике, можно предположить, что функционирование цифрового гражданского общества, отражающего общую зрелость социума, является весомым фактором обеспечения информационной безопасности общества и государства. Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере (глава 3 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь) [7]. Исходя из приведенного в Концепции определения можно выделить точки соприкосновения понятий информационной безопасности и цифрового гражданского общества: 1) оба понятия предполагают наличие структурированной системы взаимообусловленных общественно-частных интересов, связанных с интересами государства в целом; 2) оба понятия связаны с функционированием информационно-коммуникативного пространства; 3) цифровая гражданственность, как было показано ранее, предполагает осознание потенциальных и реальных угроз в информационной сфере и выбор соответствующей им модели индивидуального и коллективного поведения. Полагаем, что в структурах цифрового гражданского общества реализуется уровень информационной безопасности, который может быть охарактеризован как «гражданский». Учитывая сетевой, децентрализованный характер актуального типа массовой коммуникации, сложность

информационной консолидации общества, несовпадение государственных границ с границами информационными, гражданский уровень информационной безопасности становится мощным фактором внутренней интеграции социума, от которого во многом зависит его устойчивость к внешнему манипулятивному влиянию.

С этой точки зрения цифровое гражданское общество необходимо рассматривать в качестве гаранта национальной безопасности государства в информационно-коммуникативной сфере, что особенно актуально в условиях т. н. инфодемии – «эпидемии дезинформации». Понятие инфодемии, введенное в оборот в 2019 г. Всемирной организацией здравоохранения для описания массового распространения недостоверных сведений, связанных с COVID-19, достаточно точно характеризует общие негативные тенденции в глобальном информационном пространстве. Угрозы инфодемии связаны с искажением информационной картины мира, манипуляцией виртуальными формами коммуникации, распространением негативных форм сетевой активности на гражданском уровне, утратой информационного суверенитета на уровне государственном. Исследователи отмечают «стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве, невозможность осуществить справедливое управление безопасным и устойчивым функционированием сети Интернет в связи с существующим в настоящее время распределением ресурсов между странами» [6, с. 177], что является проявлением принципов «мягкой силы». Поэтому коммуникативную консолидацию, солидаризацию в рамках цифрового гражданского общества следует считать критериями зрелости общественной системы в целом, равно как и показателями эффективности государственного курса по реализации концепции информационной безопасности [7; 8].

Перспективы дальнейшей эволюции цифрового гражданского общества обусловлены необходимостью его трансформации из теоретического конструкта в часть социальной реальности, отражающую развитие глобально-информационно-коммуникативного пространства, смену парадигмы информационной компетентности личности, изменение типа коммуникации в системе «личность – общество – государство». Неизбежным последствием этого процесса мы считаем выход цифрового гражданского общества за национальные рамки, что в условиях постпандемии способно частично компенсировать социальную изолированность и снижение интенсивности межкультурного взаимодействия.

Список использованных источников

1. *Венидиктов, С. В.* Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакоммуникации: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. ин-т. МВД, 2019. – 176 с.
2. *Венидиктов, С. В.* Медиакоммуникация в гражданском обществе: интеграционный ресурс: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. ин-т. МВД, 2016. – 180 с.

3. *Венидиктов, С. В.* Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции: монография / С. В. Венидиктов. – Минск: БГУ, 2018. – 263 с.

4. *Венидиктов, С. В.* Межкультурная коммуникация в условиях виртуализации социального взаимодействия / С. В. Венидиктов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2022. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 612–613.

5. *Гегель, Г.* Философия права / Г. Гегель // Философское наследие. – М.: Мысль, 1990. – 420 с.

6. *Костина, А. В.* Цифровое общество: новые возможности – новые угрозы / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 3. – С. 172–183.

7. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З: в ред. от 24 мая 2021 г. № 111-3 // АПС «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

9. *Фливерг, Б.* Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливерг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 127–135.

10. Цифровизация общества – новая реальность [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://grans.hse.ru/news/414816050.html>. – Дата доступа: 04.02.2022.

11. *The New Egalitarianism* / ed. by A. Giddens and P. Diamond. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 254 p.

12. United Nations Volunteers Program [Electronic resource] / UN official site. – Mode of access: <https://www.unv.org/>. – Date of access: 04.02.2022.

(Дата подачи: 08.02.2022 г.)

Т. Б. Волочков
ЧУП «Пиплос Медиа», Минск

T. Volochkov
PUE Piplos Media, Minsk

УДК 32.09.5

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВЕБ 2.0 НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

THE IMPACT OF WEB 2.0 DIGITAL TECHNOLOGY ON THE POLITICAL PROCESS

Статья посвящена определению влияния современных коммуникативных технологий Веб 2.0 на динамику политических процессов. В статье изучена диалектика технических, цифровых и социальных инструментов информационно-коммуникативных технологий с точки зрения их воздействия на политический процесс. Показана роль техноло-

гий Веб 2.0 как центрального элемента сетевой политики. Дано определение термина «сетевая политика» с технологической и социально-гуманитарной точек зрения. Сетевая политика рассмотрена как взаимосвязанная структура управления публичными делами с применением информационно-коммуникативных технологий в целом и социальных медиа в частности. Даны определение и классификация современных социальных медиа: универсальные, социальные медиа дневникового типа и межличностного типа. Веб 2.0 определены как технологическая основа социальных медиа.

Ключевые слова: политический процесс; цифровые технологии Веб 2.0; сетевая политика; информационно-коммуникативные технологии; социальные медиа.

The article is devoted to determining the impact of modern communication technologies Web 2.0 on the dynamics of political processes. The article shows the dialectic of technical, digital and social tools of information and communication technology in terms of their impact on the political process. The role of Web 2.0 technologies as a central element of network policy is shown. The term “network policy” is defined from technological and social-humanitarian points of view. Network policy is considered as an interconnected structure of public affairs management with the use of ICTs in general and social media in particular. The definition and classification of modern social media are given: universal, diary-type social media and interpersonal type. Web 2.0 is defined as the main reason for the popularization of social media through the use of the web as a platform.

Keywords: political process; digital technology Web 2.0; network politics; information and communication technology; social media.

Технологические возможности и скорость их трансформации становятся ключевым элементом современности, который сформировал масштаб социальной модернизации. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) – триггер социально-политических трансформаций. Можно привести утверждение Е. Л. Головлевой, что современное объяснение коммуникаций «выходит за пределы изучения технических средств взаимодействия», ИКТ рассматриваются как «средства и виды общественного взаимодействия и обмена информацией» [1, с. 40].

Цифровые технологии Веб 2.0 (или как их еще называют, новые социальные медиа) расширяют как возможности политического участия, так и возможности влияния на политический процесс со стороны различных субъектов социального действия. Изучением проблематики новых социальных медиа занимались следующие ученые: Т. О’Райли, П. Гиллин, Л. А. Браславец, И. А. Быков, Е. А. Кузьмина, Д. Г. Балуев, Д. И. Каминченко, В. Л. Музыкант, В. А. Никитенко, Л. П. Шестёркина, И. Д. Борченко, В. А. Тулисова, О. Г. Филатова и др. Число публикаций увеличивается в геометрической прогрессии.

Цель статьи – выявить роль технологий Веб 2.0 как центрального элемента сетевой политики.

В XXI в. социальные медиа – инструмент социальной и индивидуальной реализации человека. В Интернете юзеры, общаясь друг с другом, публикуют контент и обмениваются информацией, находятся в виртуальном мире

все больше времени. Социальные медиа являются центральным элементом в создании коммуникационной среды современного общества.

Следует определить понятие «социальные медиа». Как такового понятийного различия между «социальными медиа» и «несоциальным Интернетом» не сформировано. Онлайн-издания размещают на своих ресурсах разделы, где журналисты ведут блоги, дают возможность пользователям комментировать или давать оценку публикациям и т. д. Поскольку эти ресурсы являются интерактивными, задействуется квалифицированный персонал при управлении ими.

П. Гиллин в книге «Новые агенты влияния» отмечает, что «социальные медиа – это многозначный термин, который объединяет различные онлайн-технологии, позволяющие пользователям общаться и взаимодействовать между собой». В функционировании социальных медиа ключевое значение имеет активность пользователей [2, с. 67]. Основатель понятия Веб 2.0 Т. О’Райли определил их как «методику проектирования систем, которые путем учета сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются» [3, с. 3]. Ш. Картон так трактовал суть социальных медиа: «слово “социальный” имеет в виду коммуникацию или общение, а “медиа” – лишь метод передачи информации» [4, с. 121]. Й. Бенклер в книге «Богатство сетей» подчеркивал: «...в сетевой информационной экономике потребители одновременно являются производителем информации» [5, с. 6]. В трактовке Веб 2.0 применяют «теорию рукопожатий» о пяти уровнях связи между людьми, разработанную психологами Дж. Траверсом и С. Милгрэмом в 1969 г. Д. Г. Балуев отмечает, что «социальные медиа – это в первую очередь инструмент социальной коммуникации» [6, с. 153–161]. Эту мысль продолжает и В. А. Никитенко: «социальные медиа выступают в качестве социального инструмента коммуникации и носят, в первую очередь, общественную функцию» [7].

С точки зрения автора статьи, понятие Веб 2.0 следует определить как цифровой способ связи индивидов или групп людей и сообществ посредством современных компьютерных технологий. Веб 2.0 также выступают инструментом информационных войн.

Хотя теоретико-методологические основания понимания роли различных форм коммуникации в политическом процессе сформированы авторами дальнего зарубежья, в настоящее время российские и белорусские исследователи активно формируют самостоятельные выводы относительно особенной политической коммуникации в условиях распространения новых социальных медиа. Это обусловлено и тем фактом, что новые социальные медиа имеют ключевые параметры для своего использования. В работе Л. П. Шестёркиной представлены такие характеристики, как:

- универсальность,
- интерактивность,
- доступность,

- мобильность,
- коммуникативность [8, с. 107–111].

Указанные характеристики в совокупности с новыми технологиями представляют возможность выражать свои взгляды и идеи, в том числе в сегменте политической деятельности, не только ограниченному кругу лиц. Как отмечается в работе В. А. Тулисова, «внезапно доступ к трибуне получили “простые смертные”» [9].

Понятие «сетевая политическая коммуникация», получившее распространение благодаря сетевым медиа, сгенерировано И. А. Быковым [10]. В русскоязычной политологии получил распространение термин «сетевая политика», фиксирующий превращение Интернета в поле борьбы политических идей и борьбы за власть. Сетевая политика в трактовке Е. А. Кузьминой представляет собой «явление Интернета, ставшее актуальным в условиях активного развития информационных технологий», когда «политика становится своеобразной игрой, в которой человек выполняет некую непостоянную роль, делая свою идентичность такой же виртуальной, как и сама сетевая политика» [11, с. 117, 119].

Можно акцентировать две, не вполне совпадающие стороны сетевой политики:

1) сетевая политика – это публичная политика, реализуемая посредством осуществления прямой и косвенной политической коммуникации в сети Интернет. Благодаря новым социальным медиа политики активно используют мощности Интернета для популяризации своих взглядов и программ, расширяя свою аудиторию;

2) сетевая политика – это совокупность политически значимых коммуникаций множества членов той или иной социальной сети. В социальной сети (в новых социальных медиа Веб 2.0) происходит обмен сведениями, которые могут повлечь за собой принятие решений и совершение политических действий. Вторая трактовка сетевой политики состоит в том, что на основе взаимных интересов участников сети реализуется потребность в обмене ресурсами/информацией. Все участники сети равны, т. е. в создании политических решений акторы не создают иерархию.

В целом сетевую политику можно определить как систему коммуникаций на основе ресурсной или информационной потребности государственных и негосударственных учреждений и социальных субъектов. Исследователи сетевой политики отмечают такую закономерность, как сходство реальности, которую создают и публикуют в Сети медиа, с традициями [12]. Социальные сети определяются как дополнительные каналы, а иногда и основные, для воздействия на целевые группы. Исследователь В. Л. Музыкант пишет: «глобальная сеть WEB 2.0 как пространство, где пользователь уже не объект – пассивный участник коммуникационного процесса, а активный субъект» [13]. Ученые стараются выявить закономерности влияния на сознание самих пользователей, в том числе на политическое сознание [14, с. 220].

Остановимся на различиях между Веб 1.0, Веб 2.0 и Веб 3.0 (таблица 1).

Таблица 1

Определение социальных медиа [4, с. 121]

Метод передачи информации	Функционал
Веб 1.0.	Сформировали доступ к информации, размещенной в сети Интернет
Веб 2.0.	Создают условия для самостоятельного генерирования информационного контента, происходит совместное конструирование действительности множеством пользователей
Веб 3.0.	Создадут возможность формирования нового информационно-коммуникативного пространства человека, поскольку это технологии виртуального изменения окружающего мира

Итак, благодаря Веб 2.0 развиваются компьютерные социальные сети, которые стали элементом «социальной структуры общества и результатом разработки информационных технологий» [15, с. 7]. А Веб 3.0 могут стать «механизмом саморегуляции всей человеческой популяции» [16].

Выделим основные характеристики Веб 2.0 (по отношению к Веб 1.0):

- появляются благодаря потоковому Интернету, т. е. сервисам, которые объединяют однотипные информационные потоки и направляют их конкретным потребителям → изменился коммуникационный дизайн (интерфейс) таких ресурсов;
- позволяют участникам не только бесплатно генерировать контент, но и управлять им и «раскручивать» ресурс, увеличивая его посещаемость;
- зависят не от «креатива» одного участника, в них реализуется творчество многих пользователей, каждый из которых выражает свое мнение, выкладывает свою текстовую или визуальную информацию.

Впрочем, юзер нередко не осведомлен, что выходит за границы его информативных потоков. Ряд крупнейших интернет-корпораций (IBM, Google, Otagle) в качестве ключевого направления формирования рекомендовали теорию «семантической паутины», либо Веб 3.0, основанную на «смысловом» обрабатывании информации. Метод Веб 3.0 позволяет поисковым машинам взамен юзеров разыскивать информацию по содержимому, начиная исследование по видео- и цифровым изображениям, по метаданным. Таким образом решается действующее положение формирования веба – поиск важной информации и отделение ее от «информационного шума» [17].

Идентификация характеристик Веб 2.0 представлена на рисунке.

Остановимся на вопросе классификации технологий Веб 2.0. Необходимо отметить, что за основу разделением по классам, как правило, берутся данные из сектора IT-бизнеса и из сферы журналистики. Л. А. Браславец порекомендовал употреблять типологию периодических изданий сообразно к классификации общественных медиа [18, с. 76].

В таблице 2 представлены виды современных социальных медиа по технологическому и целевому критериям.

WEB 2.0

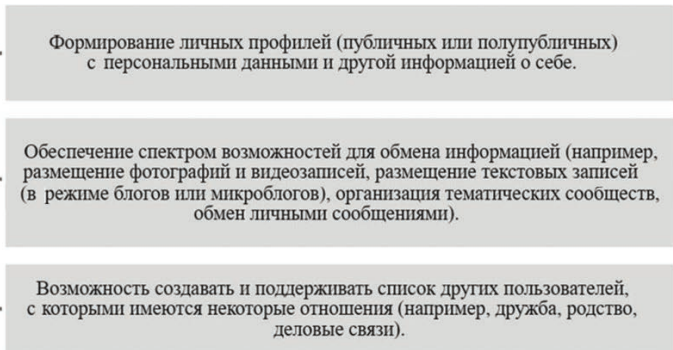

Рис. Характеристики Веб 2.0

Таблица 2

Виды современных социальных медиа по технологическому и сетевому критериям

Вид социального медиа	Описание
Социальные медиа по типу журнала записей	«Блого-платформы» для пользователей сети
Социальные медиа, специализирующиеся на межличностных связях	Созданы для установления профессиональных деловых контактов, обмена опытом, поиска работы (примеры: LinkedIn, rabota.by, dev.by)
Универсальные социальные медиа	Служат поиску людей (друзей, родных, знакомых, бизнес-партнеров, сотрудников и др.) и дальнейшему общению, отличаются большим числом пользователей

В таблице 3 представлены типы ресурсов Веб 2.0 по критерию межличностных связей, на котором специализируется определенная общественная сеть.

Таблица 3

Типы ресурсов Веб 2.0 по критерию межличностных связей

Тип ресурса	Примеры и описание
Многопользовательские сетевые игры	Представляют собой виртуальные сферы с многообразными порядками значений (например, World Of Warcraft)
Социальные библиотеки	Предоставляют возможность публиковать ссылки на книги, аудиозаписи, доступные другим пользователям (например, Discogs.com)
Сервисные социальные медиа	Связывают юзеров на основе совместных интересов, пристрастий либо по различным предложениям (Pinterest, habr)
Социальные каталоги	Созданы для применения в академической сфере (например, Academic Search Premier)

Тип ресурса	Примеры и описание
Геосоциальные сети	Устанавливают социальные связи на основании физического положения пользователя (Facebook, ВКонтакте)
Коммерческие социальные медиа	Созданы для поддержки бизнес-транзакций (например, Lendo)
Форумы	Тематически структурированы, создают возможность тематических публикаций самими пользователями. Наиболее развитые форумы обладают первыми признаками социальных медиа – между участниками устанавливаются социальные связи

Проблема социальных медиа заключается в том, что, «с одной стороны, они вымирают без демократии», а с другой – «демократия в сети убивает сообщество». Ресурсы Веб 1.0 имеют четкую направленность, стиль и тематичность, а также позволяют постоянно менять установки в ходе коммуникации участников.

Обозначим еще одну проблему. Есть точка зрения, что «виртуальная среда на текущий момент времени не готова и не способна выполнять конструктивные действия, способствует только деструктуризации» [19]. Иллюзия анонимности в Интернете и желание быть причастным к политической жизни предоставляют пользователю «возможность подвергать политическую элиту своеобразному троллингу, создавая для этого симулякры» [20]. В то же время, как отмечено в работе Д. Г. Балуюева, виртуальная среда может не только являться «способом обмена сообщениями и условными симулякрами, но и подталкивать целевые аудитории к организации коллективных действий» [21, с. 33–41]. Тут важно разделять «типичного пользователя» Интернета, который создает симулякры импровизационно, и политтехнологов, которые профессионально и целенаправленно основывают создание таких технологий на работах Ж. Бодрийяра [22]. Таким образом, политика как таковая становится «виртуальной игрой» [23]. Для участников данной игры можно сформировать общую политическую позицию, учитывая психосоматический тип пользователей, фон реализующихся политических событий. Сетевая политика в рамках интернет-сетей нацелена на то, чтобы показать состояние политических процессов в определенный промежуток времени.

Таким образом, процесс модернизации ИКТ оказывает воздействие и на поведенческий фактор общества, что в свою очередь влияет на изменения в политическом управлении. В статье Веб 2.0 рассмотрены как цифровой способ коммуникации индивидов или целевых групп людей и сообществ, как инструмент информационных войн. Описаны следующие виды социальных медиа Веб 2.0: социальные медиа по типу журнала записей; социальные медиа, специализирующиеся на межличностных связях; универсальные социальные медиа; и по типам самих ресурсов: многопользовательские сетевые игры, социальные библиотеки, сервисные социальные медиа,

социальные каталоги, геосоциальные сети, коммерческие социальные медиа, форумы.

Технологии Веб 2.0 как функциональная разновидность ИКТ в современной политической реальности стали:

- важнейшим инструментом передачи информации и коммуникации власти и общества;
- центральным элементом сетевой политики в силу их влияния на внутренние и внешние дела государств;
- фактором модернизации моделей общественно-политического механизма.

В условиях проникновения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества произошло становление сетевой политики. Сетевая политика может быть рассмотрена как взаимосвязанная структура управления публичными делами между государством и гражданским обществом. События 2020 г., связанные с президентскими выборами в Республике Беларусь, показали, что сетевая политика играла центральную роль в процессах предвыборной коммуникации. Мы считаем, что необходимые механизмы контроля формирования сетевой политики. Стремительный рост внедрения ИКТ, следствием которого является взаимодействие юзеров с социальными медиа для безостановочной публикации и распространения новостей и актуальных событий, становится инструментом информационного противоборства и формирования информационных войн.

Список использованных источников

1. Головлева, Е. Л. Массовые коммуникации и медиапланирование: учеб. пособие / Е. Л. Головлева. – Ростов: Феникс, 2009. – 40 с.
2. Гиллин, П. Новые агенты влияния / П. Гиллин. – USA: Society for New Communications Research, 2010. – 67 с.
3. О'Райли, Т. Появление названия web 2.0 / Т. О'Райли // Компьютерра, 2016. – 34 с.
4. Carton, S. New Communications Media / S. Carton. – NY, 2012. – 121 p.
5. Benkler, Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom / Y. Benkler. – New Haven, 2006. – 6 p.
6. Балуев, Д. Г. Сравнительный анализ «Новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов / Д. Г. Балуев, Д. И. Каминченко // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 1(33). – С. 153–161.
7. Никитенко, В. А. Сравнительный анализ понятий «Новые медиа» и «Социальные медиа» [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. – 2017. – № 12(101). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiy-novye-media-i-sotsialnye-media>. – Дата доступа: 02.02.2022.
8. Шестёркина, Л. П. Основные характеристики новых социальных медиа / Л. П. Шестёркина, И. Д. Борченко // Ученые записки ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. – 2014. – № 2. – С. 107–111.

9. Тулисова, В. А. Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к New Media / В. А. Тулисова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – № 2. – С. 228–244.

10. Быков, И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / И. А. Быков. – СПб., 2016. – 322 л.

11. Кузьмина, Е. А. Сетевая политика как способ формирования многосторонней политической коммуникации / Е. А. Кузьмина. – Вест. ПАГС, 2016. – № 4(55). – С. 117–121.

12. Ковалев, А. А. Медиареальность как феномен современной культуры / А. А. Ковалев // Вест. Мос. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 6. – С. 70–74.

13. Музыкант, В. Л. Концепция web 2.0 как ключевой драйвер современного образовательного киберпространства / В. Л. Музыкант // Медиаобразование. – 2017. – № 2. – С. 96–111.

14. Поливаева, Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Н. П. Поливаева. – М., 2009. – 462 л.

15. Сазанов, В. М. Социальные сети и технологии / В. М. Сазанов. – М.: Лаборатория СВМ, 2013. – 7 с.

16. DataReportal, отчет: Digital 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: www.slideshare.net/DataReportal. – Date of access: 02.02.2021.

17. Андреев, А. Web 3.0: Менеджеры знаний [Электронный ресурс] / А. Андреев. – Режим доступа: www.webplanet.ru/news/reading-room/2006/3/20/we_3_0. – Дата доступа: 02.02.2022.

18. Браславец, Л. А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.10 // Л. А. Браславец. – Воронеж, 2010. – 76 л.

19. Акопов, Г. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография / Г. Акопов. – М.: КНОРУС, 2017. – 238 с.

20. Что такое симулякр или зачем на самом деле нужен Диснейленд [Электронный ресурс] // Теории и практики. – Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/6543-chto-takoe-simulyakr-ili-zachem-na-samom-dele-nuzhen-disneylend>. – Дата доступа: 08.11.2021.

21. Балувев, Д. Г. Влияние так называемых новых медиа на процесс политической идентификации / Д. Г. Балувев, Д. И. Каминченко // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3(31). – С. 33–41.

22. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

23. Реальная и виртуальная политика: будущее жанра стратегий [Электронный ресурс] // DTF. – Режим доступа: <https://dtf.ru/games/19220-realnaya-i-virtualnaya-politika-budushchee-zhanra-strategiy>. – Дата доступа: 14.02.2022.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

А. В. Гавриков, И. В. Котляров

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск

A. Gavrikov, I. Kotlyarov

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 329:316.75

ВЫБОР КАК ИМПЕРАТИВ УСПЕХА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ)

CHOICE AS AN IMPERATIVE OF SUCCESS: A LOOK THROUGH THE CENTURIES (POLITICAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION)

В статье рассматривается эволюция социально-философских и политических взглядов на формирование выбора различных социальных субъектов, изучается механизм его осуществления, влияние на развитие обществ и государств, анализируется роль выбора в политическом дискурсе современных цивилизаций.

Ключевые слова: философия; социология; политика; политико-философская рефлексия; избирательные системы; электорат.

The article discusses the evolution of socio-philosophical and political views on the formation of the choice of various social subjects, studies the mechanism for its implementation, the impact on the development of societies and states, and analyzes the role of choice in the political discourse of modern civilizations.

Keywords: philosophy; sociology; politics; political and philosophical reflection; electoral systems; electorate.

На планете Земля сложилась ситуация, которая имеет беспрецедентную сложность и подвергает мощному воздействию цивилизации. Это требует реформирования социальной деятельности, в которой необходимо предусмотреть обострившиеся в последнее время вопросы выбора смысла жизни и цивилизационных ценностей. Выбор – важный вопрос как для общества, так и для каждого конкретного человека, который вынужден постоянно искать выход, иногда из сложной ситуации, занимать определенную жизненную позицию, принимать конкретные решения. Причем выбор чаще всего обязателен и неизбежен. Особый интерес представляют механизмы и технологии выбора в политике как деятельности больших масс людей.

Развитие теоретических представлений о выборе: от античных времен до наших дней

Выбор как способ решения многочисленных проблем имеет длительную историю. Под выбором в данной работе будем понимать осознанное определение цивилизационно ориентированными субъектами целей своей деятельности, средств их достижения и конкретной реализации. Важнейший субъект и объект человеческого развития – цивилизация. Это постоянно развивающаяся социальная организация людей, расположенных

на довольно обширной территории, объединенных географической средой и исторической памятью, жизненным пространством и системой хозяйствования, этническими признаками и менталитетом, религиозными ценностями и духовно-нравственными традициями, системой знаний и технологиями их хранения и передачи, системой конкретных действий, требующих постоянного выбора. Выбор цивилизационно ориентированными субъектами действий в значительной степени влияет на развитие цивилизации и государств, обществ и социумов по одному из множества возможных вариантов. История выбора – это модель конкретного этапа развития цивилизационных отношений, записанная при помощи определенных носителей информации.

Система формирования выбора – это исторический механизм. Люди выбирают самые надежные варианты жизнедеятельности, чтобы сделать жизнь свою, детей и внуков лучше, надежнее и проще. Никто не будет выбирать машину, которая усложнит жизнь или создаст новые проблемы. Дальнейшее развитие механизмов выбора позволяет каждому из цивилизационно ориентированных субъектов дорасти до таких высот, достичь которых без правильно сделанного выбора невозможно [1, 2].

История показывает, что научные исследования теории выбора начались еще в античные времена. Постановку поиска будущего можно найти у древнегреческого философа Аристотеля, который изучал связи между выбором и решениями, отмечал, что их люди принимают только тогда, когда они зависят от них. Аристотель связывал выбор с сознательностью и рассудительностью. В трудах автора теории идеального государства Платона содержится идея зависимости выбора вариантов развития от конкретной деятельности людей, а выбор должен быть креативным и справедливым.

Великий мыслитель эпохи Просвещения Иммануил Кант пытался найти плоскости соприкосновения человеческого поведения и выбора им своих поступков. Один из основателей западной философии Георг Вильгельм Фридрих Гегель считал, что народы в разной степени и в разные периоды времени воплощают в себе мировой дух и, следовательно, их выбор и воздействие на исторический процесс отличаются, однако они всегда будут стремиться к лучшему будущему [3].

Многие психологи особое внимание при разработке теории выбора уделяли импульсам. Большинство действий выбора человек совершает неосознанно. Мозг принимает решение за человека, а человек лишь исполняет его требования. Матрица памяти импульсов, стереотипов, пережитых ситуаций управляет субъективными действиями, в определенной степени и человеком.

Основатели когнитивно-поведенческого подхода Б. Ф. Skinner, А. Бандура, Э. Эриксон, А. Бек и другие были убеждены, что основные мыслительные процессы (восприятие и память, формирование понятий и решение задач, воображение и логика) важны для принятия решения. Выбор – это

форма человеческого поведения, детерминированная такими когнитивными параметрами, как стимулы и мотивы, установки и реакции, потребности и ценности. В данном случае анализ социальных интересов и ценностей сочетается с исследованием поведения личностей, участвующих в поиске и принятии выбора [3].

Экзистенциальные теории выбора отличаются основательностью и оригинальностью. В них формирование выбора понимается как свободный и никем и ничем кроме самого субъекта, его мотивов и личностных качеств детерминированный процесс. Классики экзистенциализма Серен Кьеркегор и Анри-Луи Бергсон придают теории выбора особое значение для развития личности. По С. Кьеркегору, выбор – это осознанный, личностный акт, сопровождающийся принятием на себя ответственности. Он предлагает экзистенциальный ракурс подхода к проблеме выбора не как к отдельному психическому акту или рациональному решению, а как к ситуации, в которую оказывается вовлечена личность. «Выбор сам по себе имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет» [4, с. 234]. Французский философ А. Бергсон понимал выбор как проявление свободы воли человека, личностный, волевой поступок, совершаемый в плоскости сознания, но детерминируемый тем, что лежит вне этой плоскости [5, с. 303].

Смысл выбора заметно шире самой ситуации выбора. Он не только в принимаемом решении, но и в том, как личность участвует в поиске ответа, каким путем он получен, в ее самоопределении и изменении в результате выбора. Отгалкиваясь от понимания выбора как процесса, наиболее существенным компонентом которого является экзистенциальный акт принятия на себя ответственности за последствия решения, ученые придают значение тому, насколько рефлексивно, ответственно, обдуманно, осмысленно или, напротив, спонтанно и импульсивно совершен выбор [1–3].

Механизм формирования выбора как один из важнейших элементов развития цивилизации

Выбор жизни является системообразующим моментом развития цивилизаций, которые как высокоорганизованные системы вынуждены реагировать как на кризисные изменения окружающей среды, так и на внутренние проблемы.

Цивилизационное развитие происходит, как правило, в ситуации неопределенности и бифуркации, характеризуется неполнотой и нечеткостью информации на всех этапах деятельности. Как считают многие исследователи, неопределенность насковозь пронизывает историю человечества. Неполнота информации является принципиальной для всех сложных систем и связана с большой размерностью многих цивилизационных объектов, ненаблюдаемостью ряда их переменных, влиянием на функционирование систем социального окружения, субъективизмом субъектов выбора.

Современные цивилизации в процессе своего развития постоянно попадают в сложные ситуации выбора. У. Эшби описывал этот процесс так: «...перехода от любого состояния к состоянию равновесия, система переходит от большего числа состояний к меньшему. Таким путем система совершает выбор – в том чисто объективном смысле, что некоторые состояния ею отвергаются (те, которые она покидает), а некоторые сохраняются (те, в которые она переходит). Таким образом, в той степени, в которой каждая детерминированная система стремится к равновесию, она совершает и выбор». Для сложных систем «область устойчивости обширна и в ее пределах может разыгрываться много интересных событий» [6, с. 333].

С создания проблем в развитии цивилизаций, с появлением условий, приводящих к кризисной ситуации, система мобилизует внутренние резервы на борьбу с ними. Выбор новых форм деятельности – это всегда сложный и болезненный процесс для цивилизации и ее основных элементов. Внутренние колебания цивилизации, возвращающие ее к устойчивости, представляют собой определенную область, в границах которой цивилизационно ориентированные субъекты осуществляют выбор правильного решения. Процессы отбора информации и получения результатов составляют его суть. В условиях бифуркаций, рисков и вызовов важно создание цивилизационных матриц конкретных действий, детерминирующих выбор развития и/или перекодирования общества, его конечных целей, а также стратегию и тактику их достижения, задающих содержание и направление цивилизационных алгоритмов. Каждая матрица выбора представляет собой набор системообразующих количественных показателей, разработанных для измерения состояния цивилизации и позволяющих структурировать множество возможных параметров, определяющих эффективность функционирования цивилизационной системы. Цивилизационные матрицы выбора позволяют, используя современные методы научного знания, не только анализировать причины будущих изменений, но и определять смыслы и ориентиры выбора, предлагать установки для деятельности, поддерживать заслуживающие внимания инновации и находить пространства и методы для их реализации [1–2, 7].

Выбор того или иного варианта развития во многом определяется активностью современных цивилизационно ориентированных субъектов. Они, обладающие необходимым профессионализмом и информационно-коммуникативными технологиями сетевого сообщества, формируют пространство, наполненное принципиально новыми социокультурными кодами, смыслами и символами реального выбора будущих состояний социальной реальности [7, с. 54]. При всей социальной подвижности цивилизаций и трудности фиксации ее элементов эти субъекты, обладающие механизмами социального влияния, разными потребностями и интересами, системами ценностей и особенностями сознания и воли, способами и средствами влияния на социальную реальность, имеют возможность выбора в самых различных ситуациях [1–2, 7].

При поиске правильного подхода к выбору важно опираться на науку, прежде всего, на социологию. Она доказала свою эффективность в самых различных сферах общества, позволяет искать и находить скрытые закономерности и смыслы, сопоставлять многочисленные эмпирические результаты с социологическими данными, учитывать множественные варианты развития общества, регионов, цивилизаций. Кое-кто считает, что социология – это вовсе не наука, а вид беллетристики. Да, она, как художественная литература, выхватывает из жизни изолированные сюжеты и аспекты и складывает их вместе, описывает, чтобы получить объективное, универсальное знание, разработать практические рецепты для решения множества проблем. Социология позволяет изучить действия цивилизационно ориентированных субъектов, направленных на воплощение стратегических замыслов, предложить реформирование цивилизации на технологическом, системном и структурном уровнях и стать настоящей потребностью общества. Очень жаль, но в нашей стране очень не многие чиновники от науки это понимают и, как результат, уничтожают социологию, а дипломированные исследователи даже не пытаются ее защитить. Да и сами властные предержащие не всегда серьезно относятся к проведению социологических опросов, редко участвуют в них, не считая общественное мнение важным механизмом воздействия на выбор правильных управленческих действий.

В современной науке существует мнение об абсолютном превосходстве рефлексии, разума, сознания над любыми другими страстями. И это правильно. Будущее, его развитие, проблемы и перспективы невозможно понять без погружения в него, без анализа изнутри, без рефлексии. Дефиниция «рефлексия» означает процесс, подразумевающий, что человек анализирует самого себя, свои желания и действия, принципы и ценности, взгляды и систему мотивов, полностью погрузившись в ситуацию и переосмыслив совершенные действия, и на основании этого делает выбор.

Рефлексия – это обратная связь самому себе, осмысление событий и чувств. Причем в данном процессе самое сложное – объективность, открытость, честность перед самим собой. Рефлексия является способом развития всего живого. Глубина ее сугубо индивидуальна и зависит от желания социальных субъектов внимательно посмотреть на себя со стороны. Причем рефлексия должна быть направлена и в прошлое, и в будущее. Это реальная возможность вовремя «остановиться, оглянуться», удостовериться, что мы все делаем правильно. Рефлексия – универсальный механизм развития деятельности. Еще Иммануил Кант в своих философских работах писал, что человек в большинстве случаев действует автоматически, стереотипно, используя одни и те же схемы. Рефлексия и есть тот механизм, который позволяет рождать новые схемы. И. Кант, например, рассматривал рефлексию как механизм развития человека в целом и его деятельности в частности [8].

Использование подобных технологий помогает сформировать механизм выбора как важнейший элемент развития цивилизации, движения ее основных элементов к будущему.

Формирование выбора в политике

Изучение проблемы выбора в политике представляет собой одно из приоритетных направлений исследования современного общества. Субъект политики, как правило, делает выбор между достижением общественно значимых целей и удовлетворением эгоистических интересов. Поэтому поиск оптимальных для общества вариантов выбора невозможен без анализа социально-экономических, культурных, политико-правовых, социально-психологических особенностей государства.

Выборы проводятся с давних пор. Честные, прозрачные, справедливые выборы – это обязательное условие формирования и развития демократических основ любого государства. За многие столетия была выработана модель выборов, признаваемая и уважаемая всеми политическим игроками. В обеспечении высокого уровня развития особую роль играет избирательная система как социальная технология, так как именно в ее пространстве и при непосредственном участии ее представителей делается выбор и формируются важнейшие параметры современного бытия.

За многие столетия выборных кампаний электоральные технологии преобразовались в систему строго подобранных, системно расположенных показателей и параметров, решающих четко поставленные задачи. В настоящее время можно выделить два основных типа избирательных систем: мажоритарную и пропорциональную. Мажоритарная система относительного большинства – самая простая модель. Для избрания депутатом или на любую другую должность кандидат должен получить большинство голосов избирателей в избирательном округе или в масштабе всей страны. Мажоритарная система абсолютного большинства от ранее рассмотренной системы отличается тем, что требует для избрания абсолютного большинства голосов, т. е. более половины общего их числа.

В пропорциональной избирательной системе, или системе голосования по партийным спискам, использован пропорциональный принцип распределения мест в представительных органах. Основная идея его состоит в том, что места в представительных органах распределяются пропорционально общему числу голосов, поданных за определенную политическую структуру.

Смешанная избирательная система – сочетание мажоритарной и пропорциональной систем. Часть депутатов в один и тот же представительный орган власти избирается по мажоритарной системе, а другая часть – по пропорциональной системе.

Проблема выбора сопровождает весь период человеческого сознательного развития. Возможно, оно и началось с выбора. Конкретные личности выбирают между добром и злом, миром и войной, честностью и ложью, порядочностью и подлостью, порядком и хаосом, любовью и ненавистью,

здоровьем и болезнями, достоинством и унижениями. Цивилизации, государства, общества выбирают свой путь в будущее. Он особенно сложен и в то же время прост в политике, где выбирают лидеров различных уровней и где имеют специально разработанные избирательные системы.

Представления о путях и формах выбора постоянно меняются, предлагая новые философские и социальные, политические и культурные концепции. Возможно, именно поэтому образы будущего имеют сильное влияние на мировоззрения людей и активно используются не только в художественном, но и в политическом дискурсах.

Выбор – это, прежде всего, поиск лучшего варианта будущих состояний как цивилизаций, так и конкретных личностей и социумов, регионов и обществ, состояний и процессов. Для этого существует специальный механизм формирования выбора, который может быть детерминирован наличием культурных и экономических, социальных и политических, исторических и других структур, которые обеспечивают достижение поставленного результата, но которые надо постоянно совершенствовать.

Список использованных источников

1. *Котляров, И.* Современная цивилизация: парадигма для XXI века (социологический дискурс) / И. Котляров // Иппокрена. – 2020. – № 2. – С. 136–154.
2. *Котляров, И.* Теоретические основы социального проектирования / И. Котляров. – Минск: Наука и техника, 1988. – 234 с.
3. Психология выбора / Д. А. Леонтьев [и др.]. – М.: Смысл, 2015. – 464 с.
4. *Кьеркегор, С.* Наслаждение и долг / С. Кьеркегор. – Киев: AirLand, 1994. – 504 с.
5. *Бергсон, А.* Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Московский клуб, 1992. – Т. 1. – С. 50–156.
6. *Эшби, У. Р.* Принципы самоорганизации / У. Р. Эшби // Принципы самоорганизации. – М.: Мир, 1966. – С. 314–343.
7. *Корниенко, В. И.* Многовариантность исторического процесса и выбор пути социального развития / В. И. Корниенко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 136 с.
8. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Наука, 1999. – 653 с.
9. *Котляров, И.* Выборы как императив лучшего будущего (юридические и социально-политические тренды) / И. Котляров, А. Гавриков // Сацьяльна-эканамічны і правыя даследаванні. – 2021. – № 3. – С. 98–108.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

К. А. Герасимович
Минская региональная таможня, Минск,

K. Gerasimovich
The Minsk Regional Customs, Minsk

УДК 327

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

DEVELOPMENT OF INTEGRATION CONCEPTS IN POLITICAL SCIENCE

Сложность и повышенная общественная значимость интеграции обуславливает необходимость ее изучения. В статье рассмотрены концепции развития интеграции, представленные в исследованиях государственных и политических деятелей как в зарубежной политической теории, так и в трудах ученых-политологов на постсоветском пространстве.

Представлено авторское понятие интеграции на современном этапе ее развития. Приведены примеры развития интеграции в рамках ЕАЭС и выделены функциональные и институциональные аспекты влияния такой интеграции на политические институты стран – участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: концепции интеграции; развитие; понятие; влияние; политические институты; ЕАЭС.

The complexity and increased social significance of integration necessitates its study. The article examines the concepts of integration development presented in the studies of state and political figures both in foreign political theory and in the works of political scientists in the post-Soviet space.

The author's concept of integration at the present stage of its development is presented. Examples of the development of integration within the EAEU are given and the functional and institutional aspects of the impact of such integration on the political institutions of the EAEU member states are highlighted.

Keywords: integration concepts; development; concept; influence; political institutions; EAEU.

Современные исследования интеграции имеют глубокие предпосылки и свою историческую традицию. Интеграционные процессы стали предметом изучения в Европе после окончания Второй мировой войны и нашли свое отражение в научных трудах государственных и политических деятелей, разрабатывающих основные положения теории федерализма: Ж. Монне, К. Аденауэра, А. де Гаспери, В. Хальштейна и др. Далее сформировалось направление функционализма (Д. Митрани, Р. Линдберг).

В течение длительного исторического периода эти две концепции были основными, поступательно сближаясь, эволюционировали в неофедерализм (А. Этциони) и неофункционализм (Э. Хаас). Позднее появились новые

интеграционные концепции: транзакционализм (К. Дойч), структурализм (Г. Мюрдаль, Ч. Киндлбергер), интерговерментализм (межправительственный подход, С. Хоффман), модель многоуровневого управления (Л. Хут).

В зарубежной литературе вопросы международной интеграции рассматриваются глубоко и многогранно. К числу наиболее значимых можно отнести научные работы Т. Балассы, З. Бжезинского, Р. Болдуина, И. Валлерстайна, Я. Виннера, М. Кастельса.

На сегодняшний день проведено достаточно большое количество исследований по рассматриваемой теме российскими и белорусскими учеными.

Различные аспекты интеграции нашли свое отражение в трудах ученых-политологов: В. А. Ачкасова, В. Г. Барановского, О. В. Бахловой, И. А. Бургановой, Н. А. Васильевой, С. В. Венедиктова, В. П. Воробьева, Б. В. Грачева, Ю. В. Косова, А. В. Степаненко, А. А. Торопыгина, В. Е. Фролова, П. А. Цыганкова.

Исследованию интеграционных процессов посвящены многие работы правоведов: О. А. Бакинской, С. В. Бахина, Н. Г. Доронина, А. Е. Егорова, С. А. Киреева, В. Л. Кулапова, И. И. Лукашука, Т. Н. Михалевой, Е. Г. Потапенко, О. Н. Садикова, И. Н. Сенякина, В. А. Толстика, А. П. Цыганкова, О. И. Чуприс.

Отдельные вопросы евразийской региональной интеграции исследованы в работах экономистов: С. А. Афонцева, О. Т. Богомолова, О. В. Буториной, А. Н. Быкова, М. В. Мясниковича, П. П. Артемьева, Т. С. Вертинской, Р. Д. Темирханова.

Несмотря на многоплановый характер воздействия интеграции на государство, политические процессы, она неизбежно проявляется в современном мироустройстве и влияет на государство и политические институты, поскольку страны не могут существовать обособленно друг от друга в условиях полной изоляции, а необходимость их сосуществования в едином пространстве и реализации внутренних и внешних функций приводит к возникновению, формированию и развитию международной интеграции на глобальном и региональном уровнях. В настоящее время ярким примером развития интеграции на региональном уровне выступает Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) [1, с. 43].

Целью данной статьи является рассмотрение концепций развития интеграции, представленных в исследованиях государственных и политических деятелей зарубежной политической теории и в трудах ученых-политологов на постсоветском пространстве, а также определение понятия интеграции на современном этапе ее развития на примере ЕАЭС и выделение аспектов ее влияния на политические институты стран – участниц Союза.

Понятие «интеграция» происходит от латинского «integratio» – обеспечение целостности, воссоединение [2, с. 210]. В научной доктрине среди исследователей интеграционной тематики так и не сложилось единого мнения в отношении того, что представляет собой интеграция, а также самой

дефиниции понятия «интеграция». Вместе с тем в одном взгляды ученых оказались практически едины, а именно – в признании того факта, что интеграция сама по себе рассматривается как положительное явление, «как процесс, с необходимостью обусловленный получением преимуществ всеми участвующими в нем сторонами» [3, с. 12].

По мнению А. Этциони, в содержание понятия «интеграция» включается комплекс необходимых элементов, а именно: 1) наличие эффективного контроля над использованием принудительных мер воздействия; 2) существование единого центра, отвечающего за принятие и исполнение решений; 3) наличие доминирующего центра политического единства [3, с. 128; 4].

К. Дойч рассматривал интеграцию как возможность обеспечить мирное сосуществование государств, что может быть достигнуто посредством принятия таких мер, как расширение торговли, свободное перемещение людей, активное проведение политических консультаций [5, с. 38].

Э. Хаас определил интеграцию как «процесс возникновения нового центра политического влияния, характеристикой которого является наличие лояльности в отношении его центральных институтов» [6].

Б. Балаша, раскрывая понятие «интеграция», определяет ее как состояние и процесс. Под состоянием понимается отсутствие различного рода форм дискриминации между национальными хозяйствами. Понимание же интеграции как процесса означает выделение нескольких стадий интеграции [3, с. 129]: 1) зона свободной торговли, которая предусматривает отмену тарифов и количественных ограничений; 2) таможенный союз (введение единого таможенного тарифа в торговле с третьими странами); 3) общий рынок (устранение торговых ограничений); 4) экономический союз (согласование национальных политик); 5) политический союз (унификация экономической политики, учреждение органов наднациональной политической власти) [3].

Интеграцию на современном этапе ее развития на примере ЕАЭС следует рассматривать одновременно как состояние связности рассредоточенных частей в целом (статика) и как процесс, ведущий к такому состоянию (динамика). Статика и динамика данного явления взаимосвязаны и взаимообусловлены и характеризуются эффектом «перелива». В качестве примера выявления такой закономерности в ЕАЭС приведем, в частности, предусмотренное Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) применение мер по унификации таможенно-тарифного и нетарифного регулирования в рамках проведения единой торговой политики. Применение указанных мер приводит к созданию общего рынка товаров. Вместе с тем общий рынок товаров не сможет функционировать без гармонизации правовых норм государств – членов ЕАЭС. В противном случае сформируется неравномерное распределение инвестиционных ресурсов, предпринимательской активности [7, с. 25]. Это значит, что на второй стадии интеграционного процесса (таможенный союз) необходимо осуществ-

влять нормотворческую работу по разработке правовых норм и принятию политических решений. В настоящее время Договором о ЕАЭС предусмотрено, что государства – члены ЕАЭС определяют направления, а также формы и порядок осуществления гармонизации правовых норм в отношении налогов, которые оказывают влияние на взаимную торговлю, чтобы не нарушить условия конкуренции и препятствовать свободному перемещению товаров, работ и услуг на национальном уровне и на уровне ЕАЭС [8]. Политика в данной сфере остается в компетенции национальных органов государственной власти, а законодательство государств – членов ЕАЭС по данным вопросам существенно разнится.

Таким образом, полагаем целесообразным определить понятие интеграции на современном этапе развития как социально и исторически обусловленный процесс развития государства, направленный на образование гармонизированного и (или) унифицированного нормотворческого комплекса принятия решений на уровне национальной политической системы государств – членов интеграционного объединения, а также на формирование межгосударственно-политических отношений в целях согласования интересов и получение преимуществ всеми участниками интеграционного образования.

Рассматривая концепции развития интеграции, представленные в исследованиях политической теории, следует отметить следующие положения.

С политологической точки зрения наибольший интерес вызывают проблемы создания и функционирования организации с позиций ее управляемости, легитимности, приобретения и развития власти, разделение роли и ответственности между главными политическими акторами в лице политических институтов и интеграционных органов в направлении приобретения новых качеств.

Главное значение для федералистов имеет учреждение наднациональной власти, в частности, посредством сближения политических институтов на основе договорного перераспределения полномочий между политическими институтами (интегрирующихся единиц) и коммунитарными (общими) органами [3].

Представители функционализма придают особое значение «технологической детерминированности»: интегрированное целое трактуется не столько как союз государств, сколько разумно организованное административное и экономическое товарищество; унификация экономических методов регулирования внешнеэкономической деятельности создает основание к заключению политического соглашения [9, с. 25–27].

По мнению неофункционалистов, экономика обуславливает процесс интеграции не непосредственно, а через действие соответствующих политических сил (правительств, международных организаций, партий). Неофункционалистский подход к организации власти в интеграционном объединении основывается на передаче власти центру через практику компромиссов [10, с. 112].

В теории коммуникаций основой интеграции признается сеть «коммуникаций», порождающих «социальную ассимиляцию», заключающуюся в формировании «чувства общности» – веры политических акторов в то, что «они должны прийти к согласию...». Показателем уровня государств признается объем обменов между государствами [9, с. 28].

В настоящее время политические коммуникации применяются в рамках ЕАЭС посредством использования информационных систем и информационных технологий таможенных органов Республики Беларусь, а также между органами государственной власти стран – участниц ЕАЭС в пределах информационного взаимодействия по основным направлениям интеграции в рамках проведения единой, согласованной (скоординированной) политики ЕАЭС.

Либеральный межправительственный подход (А. Милуорд, Э. Моравчик) под интеграционными процессами понимает игру на двух уровнях: 1) формирование национальных интересов, когда согласование интересов различных социальных и политических групп и взаимодействие государства и общества порождают определенные цели, т. е. «спрос на интеграцию»; 2) торг на межправительственном уровне («предложения интеграционных решений»). Выявляется обратное влияние результатов игры на втором уровне на внутривнутриполитическую ситуацию.

В основе модели многоуровневого управления лежит принцип «признания компетенций» (переданных интеграционному объединению, оставленных за собой государствами, пересекающихся). Интеграционная тематика исследований рассматривалась учеными-политологами на постсоветском пространстве. Б. Барановский отмечает, что интеграция включает в себя две составляющие. «Институциональная составляющая характеризуется интеграцией тех политических институтов, которые являются субъектами интеграции («политической жизни»). Функциональная составляющая касается деятельности, т. е. тех политических функций, которые реализуются субъектами политической жизни. Интеграция может развиваться как на уровне различных субъектов (институциональная), так и на уровне их деятельности (функциональная). При этом не обязательно, чтобы они между собой совпадали [12, с. 4].

На современном этапе развития интеграция в рамках ЕАЭС оказывает влияние на институциональные и функциональные аспекты деятельности политических институтов стран – участниц ЕАЭС. Указанное влияние наблюдается в тенденции сближения политических институтов стран – участниц ЕАЭС, учреждения интеграционных органов (Евразийская экономическая комиссия), уполномоченных на принятие решений, имеющих обязательный характер, а также отражается на функциональных полномочиях политических институтов, которые перераспределяются между национальным и интеграционным уровнями управления.

На основании рассмотренных концепций развития интеграции, представленных в исследованиях государственных и политических деяте-

лей зарубежной политической теории и в трудах ученых-политологов на постсоветском пространстве, сформулируем следующие ключевые положения:

1. В основу понятия интеграции заложены проблемы управляемости, легитимности, создания и функционирования интеграционной организации, приобретение, распределение властных полномочий, роли и ответственности между политическими институтами и интеграционными органами.

2. Согласно ключевым положениям концепций федерализма, либерального межправительственного подхода, гибридной модели многоуровневого управления в понятие интеграции заложен принцип распределения функциональных компетенций между национальными политическими институтами и интеграционными органами управления.

3. Представители функционализма и неофункционализма полагают, что экономика обуславливает процесс интеграции через действия политических институтов и создает основание к заключению политического соглашения.

Интеграция на современном этапе развития представляет социально и исторически обусловленный процесс развития государства, направленный на образование гармонизированного и (или) унифицированного нормотворческого комплекса принятия политических решений на уровне национальной политической системы государств – членов интеграционного объединения, а также на формирование политических отношений в целях согласования интересов и получение преимуществ всеми участниками интеграционного образования.

На примере ЕАЭС интеграцию следует рассматривать одновременно как состояние (статика) и как процесс, ведущий к такому состоянию (динамика). Интеграция в рамках ЕАЭС оказывает влияние на институциональные (сближение политических институтов стран – участниц ЕАЭС, учреждение интеграционных органов, таких как Евразийская экономическая комиссия) и функциональные аспекты (изменение функциональной деятельности органов государственной власти, пересмотр и перераспределение функций между национальным и интеграционным уровнями управления) политических институтов стран – участниц Союза.

Список использованных источников

1. Чуприс, О. И. Интеграционные преобразования в государственном управлении: от единичных изменений до глобальных реформ? / О. И. Чуприс // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г.: в 3 т. / Полоцк. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр; редкол.: И. В. Венгера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2017. – Т. 1. – С. 165–167.

2. Ильичев, Л. Ф. Интеграция / Л. Ф. Ильичев // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. – М., 1983. – С. 210.

3. Бурганова, И. Н. Политическая интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И. Н. Бурганова. – СПб., 2007. – 189 л.

4. Этциони, А. От империи к сообществу: новый поход к международным отношениям / А. Этциони; пер. с англ. под ред. [и с предисл., с. VII–XXXV] В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 342 с.

5. Deutsch, K. W. Political Community and the North Atlantic Area International / K. W. Deutsch. – NY, 2003. – 380 p.

6. Naas, E. W. International integration: The European and the Universal process / E. W. Naas // Limits and problems of European integration. – 1963. – P. 6–36.

7. Михалева, Т. Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции: вызовы и перспективы / Т. Н. Михалева. – Минск: Институт радиологии, 2016. – 194 с.

8. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане, 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014. – Дата доступа: 13.02.2022.

9. Бахлова, О. В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / О. В. Бахлова. – М., 2007. – 42 с.

10. Василик, М. А. Политология / М. А. Василик // Словарь-справочник. – М., 2001. – 328 с.

11. Максимова, М. М. Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект / М. М. Максимова. – М.: Мысль, 1971. – 357 с.

12. Барановский, В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе: Некоторые вопросы теории и практики / В. Г. Барановский. – М.: Наука, 1983. – 264 с.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

Д. В. Драгун

Белорусский государственный университет, Минск

D. Dragun

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.22

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

RADICALISM AND EXTREMISM IN THE MODERN POLITICAL PROCESS

Статья посвящена выявлению особенностей радикализма и экстремизма в современном политическом процессе. В рамках статьи сформулированы авторские дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм», рассмотрен вопрос о соотношении радикализма и экстремизма, установлено место левого и правого радикализма и экстремизма в современном политическом процессе.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; «новые правые»; «новые левые»; политическая протестная киберактивность.

The article is devoted to the identification of the features of radicalism and extremism in the modern political process. Within the framework of the article, the author's definitions of the terms "radicalism" and "extremism" are formulated, the question of the relationship between radicalism and extremism is considered, the place of left and right radicalism and extremism in the modern political process is established.

Keywords: radicalism; extremism; "new right"; "new left"; political protest cyber activity.

В условиях мировой политической и социально-экономической турбулентности исследование феноменов радикализма и экстремизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды» относятся к числу основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь [1]. Актуальность данного положения подтверждается отечественной судебной практикой: в 2021 г. судами рассмотрено около 1200 уголовных дел экстремистской направленности, по которым осуждено более 1600 человек [2].

Радикализм и экстремизм как общественно-правовые феномены находятся на стыке изучения различных дисциплин, таких как политология, социология, экономика, педагогика, социальная психология и т. д. В современных социальных науках существует множество подходов к изучению и трактовке различных аспектов радикализма и экстремизма, разрабатываются научные и правовые концепции определения экстремистских проявлений.

Отечественная и зарубежная наука уделяет пристальное внимание различным аспектам экстремизма и радикализма, экстремистских сообществ и противодействия им. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые: Т. Адорно, Р. Берг, П. Бурдьё, К. Васмунд, Ю. Вебер, Г. Вейман, С. Вилсон, В. Випперман, Т. Гарр, Э. Гидденс, М. Грановеттер, Д. Делла Порто, Д. Деннинг, Р. Коулман, У. Лакер, С. Липсет, Л. Марч, Р. Патнэм, С. Пэйн, М. Сейджман, Э. Фромм, К. Хильдебрандт и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских, украинских, российских ученых и аналитиков, как Р. Г. Абдулатов, О. И. Аршба, А. М. Байчоров, Э. Я. Баталов, Л. А. Бураева, С. О. Бышок, Г. А. Василевич, А. М. Верховский, В. В. Витюк, М. К. Горшков, В. С. Грибовский, О. А. Жирнов, А. С. Капто, Д. А. Мигун, Е. Н. Молодчая, Б. А. Ночвина, Г. В. Осипов, О. В. Охошин, И. Н. Панарин, П. М. Рукавицын, В. Н. Семенова, В. Н. Томалинцев, А. К. Уледов, С. М. Хенкин, С. И. Чудинов и др.

Несмотря на значительный объем публикаций по заявленной теме, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – выявить особенности радикализма и экстремизма в современном политическом процессе.

Исторические проявления радикализма как социально-политического явления, появившиеся вместе с борьбой за завоевание и удержание власти, наблюдались задолго до возникновения соответствующего термина. Впервые термин «радикализм» (от латинского «radix» – «корень», или позднелатинского «radicalis» – «коренной», «корневой») использован английским философом И. Бентамом в конце XVIII в. применительно к созданному им новому направлению философии – утилитаризму. В дальнейшем данный термин распространился на политические, религиозные и культурные практики и уже в XIX в. окончательно закрепился за социальными и политическими взглядами и идеологиями.

В научном дискурсе не сложилось единообразного понимания термина «радикализм». Сущность данного социально-политического феномена может быть рассмотрена с различных позиций, сходящихся во мнении, что радикализму присущи, во-первых, ориентация на коренное преобразование социально-политических отношений и институтов по сравнению с существующими образцами и, во-вторых, приверженность решительным способам преобразования действительности [3, с. 3].

При рассмотрении сущности радикализма особую значимость имеет вопрос о его соотношении с экстремизмом.

Первоначально экстремизм имел чисто политический оттенок и использовался в качестве основного инструмента решения политических споров и в качестве способа удержания власти. При этом отсутствовали идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда. Однако вскоре экстремизм приобретает национальный и религиозный характер, что можно проследить в деятельности сект сикариев и исмаилитов-низаритов.

Термин «экстремизм» как таковой появился во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда бескомпромиссных представителей обеих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обеих частей страны» [4, с. 24].

В русскоязычном научном дискурсе единого понимания значения термина «экстремизм» не существует, что говорит о многообразности и сложности данного феномена [3, с. 4–5].

В свете наличия многообразных определений терминов «радикализм» и «экстремизм» встает проблема их разграничения. Одним из наиболее распространенных вариантов разграничения является представление, что радикализм проявляется в сфере идей, в то время как экстремизм – в сфере деятельности [5, с. 236]. Подобный «деятельностный» подход к интерпретации экстремизма как совокупности определенных действий получил распространение в международных и национальных нормативных правовых актах. Идеи и взгляды, а также их распространение не подпадают под подобную интерпретацию экстремизма и, следовательно, интерпретируются как радикализм [6, с. 54].

Из этого, однако, не следует, что «радикализм» ограничивается радикальными идеями и представлениями. Термин «радикализм» используется

также для обозначения комплекса решительных действий (которые могут и не быть крайними), нацеленных на коренное (радикальное) изменение социума в целом, существующих социальных и политических институтов, а экстремизм – для обозначения крайних мер по изменению политической реальности. Так, радикалы – это приверженцы решительных действий, а экстремисты – сторонники применения крайних средств. Четким критерием разграничения радикальной и экстремистской деятельности в данной ситуации является «применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия» [7, с. 50–51].

С учетом вышеизложенного сформулируем определение терминов «радикализм» и «экстремизм»

Под *радикализмом* в рамках данного исследования понимается комплекс идей и социальных практик, направленных на коренное преобразование различных компонентов политической системы тем или иным способом.

Под *экстремизмом* в рамках данного исследования понимается комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы.

Акты насилия относятся к категории экстремистских, если они:

а) используются в качестве прямого способа достижения политических, идеологических и социальных целей;

б) являются инструментом публичного устрашения;

в) направлены на то, чтобы причинить вред не непосредственному противнику, а другим людям [8, с. 34].

Экстремизму на современном этапе присущи следующие отличительные признаки:

1. Агрессивное отношение и жестокость действий членов экстремистских организаций по отношению как к непосредственным противникам, так и к посторонним гражданам.

2. Политизация действий экстремистов – преступления экстремистской направленности совершаются с использованием политических, националистических, религиозных лозунгов и требований.

3. Создание и использование экстремистскими организациями и движениями незаконных вооруженных формирований, в том числе наемников.

4. Увеличение числа общеуголовных преступлений, сопутствующих преступлениям экстремистской направленности [9, с. 40–44].

Важной отличительной чертой современного политического протеста, выражающегося в том числе и в форме экстремизма, является его технологичность. На этом фоне появились новые формы проявления политических протестов, называемые виртуальными, для обозначения которых предлагаем использовать термин «политическая протестная киберактивность» [10, с. 36]. На сегодняшний день отсутствует четкая классификация виртуальных форм политического протеста. В данном контексте представляется необходимым предложить авторскую классификацию форм политической протестной киберактивности. В основу классификации следует положить

критерий соответствия виртуального протеста действующим нормативным правовым актам. Формы политической протестной киберактивности в таком случае подразделяются на конвенциональные и неконвенциональные [10, с. 38].

В современной науке сложилось значительное количество подходов к типологизации радикализма и экстремизма. Тем не менее ни один из них не нашел закрепления на нормативном уровне; а исследователи данной проблематики солидаризируются во мнении, что типологизация вышеуказанных явлений носит условный характер и находится в зависимости от поставленных научных задач. В рамках данного исследования наибольший интерес представляет типологизация радикализма и экстремизма по политической основе на «правый» и «левый».

Наиболее активными представителями современного правого радикализма являются «новые правые», в основу идеологии которых положена идея о построении общества в соответствии с моделью гомогенной этнической идентичности, предполагающей приоритет принципа права крови (*jus sanguinis*) перед принципом права почвы (*jus soli*) при предоставлении гражданства.

Другими идеологами «новых правых», относительно которых сложился консенсус у отдельных представителей идеологии, следует назвать:

1. Критику сложившейся демократической системы как коррупционной, излишне элитарной и игнорирующей потребности населения.
2. Приоритет национальных интересов над интересами международного сообщества и транснациональных корпораций.
3. Критику существующих наднациональных интеграционных образований как механизмов укрепления социально-экономических проблем отдельных членов.
4. Уменьшение роли государства в экономической жизни [11, с. 98–99].

С точки зрения «новых правых» партий, идеальное европейское государство должно всегда оставаться национальным, независимым от наднациональных институтов власти, поддерживающим культуру и рождаемость коренного населения, свободным от власти партократии и максимально нейтральным в международных делах.

При этом тезис об отказе от принципа многопартийности в пользу «народной воли», санкционирующей наделение избранного актора полномочиями по широкому кругу вопросов, является дискуссионным в «новой правой» среде и решается отдельными национальными партиями в зависимости от политико-культурного контекста соответствующей страны.

Отношение к сложившемуся конституционному строю следует рассматривать в качестве критерия для выделения в идеологии «новых правых» следующих течений:

1. Радикальные «новые правые», стремящиеся к коренному системному преобразованию модели взаимоотношения национального государства и наднациональных интеграционных образований, пересмотру миграцион-

ной политики государства при безоговорочной поддержке существующего конституционного строя.

2. Крайние «новые правые», для которых характерен скептицизм в отношении существующего конституционного строя, партийной и электоральной систем.

Наибольшую активность в крайне левой части современной партиомы проявляют «новые левые» политические партии, общей чертой которых является их социальная ориентация. «Новые левые» наиболее радикальны в своем отрицании эффективности и перспектив рыночной экономики в сфере удовлетворения социальных запросов населения. Построение социального государства, по их мнению, возможно вследствие преобразования существующей экономической системы или ее ликвидации [12, с. 10].

В сфере внутренней политики у различных течений «новых левых» сложился консенсус об ограничении масштабов приватизации; введении 35-часовой рабочей недели; расширении полномочий профессиональных союзов; внедрении дополнительных гарантий занятости; децентрализации системы государственного управления; внедрении элементов прямой демократии.

В сфере международной политики «новые левые» выступают за государственное регулирование международных финансовых операций; отказ от ядерного оружия; расформирование военно-политических блоков; укрепление международного сотрудничества в сфере коллективной безопасности.

Тем не менее имеют место и расхождения по ряду вопросов. В частности, коммунистическое крыло «новых левых» не акцентирует внимание на проблеме прав сексуальных меньшинств, декриминализации наркотиков и противодействия ядерным державам.

Руководствуясь сущностными характеристиками «новых левых» партий, можно выделить радикальных «новых левых», стремящихся к коренному системному преобразованию капиталистического общества, однако признающих основы конституционного строя, и крайних «новых левых», для которых характерен отказ от любых форм сотрудничества с политическими силами, находящимися в рамках правового поля.

Анализ программных положений и электоральных успехов современных праворадикальных и леворадикальных партий позволяет сделать вывод об активном участии представителей радикальных «новых правых» («Шведских демократов» и «Йоббик») и радикальных «новых левых» («Ди Линке» и «Шинн Фейн») в политическом процессе путем использования конвенциональных парламентарных форм борьбы. Участие крайних «новых левых» (Марксистско-ленинской партии Германии и ЭТА) в легальном политическом процессе носит вторичный характер, что предопределяет их низкую популярность. В то же время отмечаются значительные электоральные успехи крайних «новых правых» («Золотой зари» и «Партии свободы»), что связано как с популярностью «миграционной» темы их партийных

программ в условиях кризиса мультикультурной европейской политики и террористического алармизма, так и с активным участием в выборах на национальном и местном уровнях.

Деятельность крайних «новых правых» и крайних «новых левых» за счет наличия в их риторике признаков разжигания расовой, национальной, религиозной, иной социальной вражды или розни или использования неконвенциональных форм борьбы может быть квалифицирована как экстремизм.

В результате проведенного исследования раскрыты понятие, сущность и генезис радикализма и экстремизма. Данные термины закрепились за социальными и политическими взглядами и идеологиями в общепотребительном дискурсе в середине XIX – начале XX вв., однако в настоящее время научным сообществом не выработаны их универсальная дефиниция и критерии разграничения.

Под радикализмом нами предложено понимать комплекс идей и социальных практик, направленных на коренное преобразование различных компонентов политической системы тем или иным способом, а под экстремизмом – комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы [9, с. 451]. Критерием разграничения данных терминов является применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия или публичное оправдание его использования.

Характерными чертами радикализма выступают ориентация на коренное преобразование социально-политических отношений и институтов; приверженность решительным способам преобразования действительности; абсолютизация наиболее «простых» решений в качестве самых эффективных способов урегулирования многоаспектных социальных, политических, экономических, религиозных и иных проблем.

Экстремизму присущи следующие отличительные признаки: резкость действий членов экстремистских организаций по отношению к непосредственным противникам и к посторонним гражданам; политизация своих действий; создание и использование незаконных вооруженных формирований; увеличение числа общеуголовных преступлений, сопутствующих преступлениям экстремистской направленности.

В современной науке сложилось значительное количество подходов к типологизации радикализма и экстремизма. По политической основе радикализм и экстремизм можно подразделить на «правый» и «левый». Наиболее активными представителями современного правого радикализма и экстремизма являются «новые правые» политические партии, в основу идеологии которых положена идея о построении общества в соответствии с моделью гомогенной этнической идентичности. В крайне левой части современной партию преобладают «новые левые» политические партии и движения, общей чертой которых является социальная ориентация.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // Комитет гос. безопасности Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Дата доступа: 06.06.2022.
2. Генпрокуратура: по делам экстремистской направленности в 2021 году осуждено более 1,6 тыс. человек [Электронный ресурс] // БелТА. – 2022. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/genprokuratura-po-delam-ekstremistskoj-napravlenosti-v-2021-godu-osuzhdено-bolee-16-tys-chelovek-480909-2022/>. – Дата доступа: 06.06.2022.
3. Драгун, Д. В. К вопросу о дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм» / Д. В. Драгун // Социально-гуманитарные знания: материалы XVIII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 30 нояб. 2021 г. / редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2021 – С. 3–7.
4. Корнилов, Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Т. А. Корнилов // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23–25.
5. Бенько, Л. А. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации / Л. А. Бенько, В. А. Должиков // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 234–237.
6. Осипов, В. Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации / В. Г. Осипов // Социологический альманах. – 2018. – № 1. – С. 51–61.
7. Арчаков, М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / М. К. Арчаков; Благовещенский гос. пед. ун-т. – Благовещенск, 2016. – 320 л.
8. Кузьмин, А. В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05 / А. В. Кузьмин; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2014. – 426 л.
9. Воронина, Е. Ю. Типология политического радикализма / Е. Ю. Воронина // Ученые зап. Российского гос. социального ун-та. – 2009. – № 4. – С. 86–89.
10. Драгун, Д. В. Политическая протестная киберактивность: понятие, формы и механизмы противодействия / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2021. – Вып. 20, ч. 1: Политические науки. – С. 35–42.
11. Аршба, О. И. Особенности правого радикализма в европейских странах / О. И. Аршба, С. А. Татунц // Гос. служба. – 2013. – № 1. – С. 98–101.
12. Hildebrandt, C. Fragmentierung und Pluralismus von Linksparteien in Europa / C. Hildebrandt // Von Revolution bis Koalition: Linke Parteien in Europa / B. Daiber, C. Hildebrandt, A. Striethorst; her. von C. Hildebrandt. – Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010. – S. 9–38.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

В. А. Евстафьев

Полесский государственный университет, Пинск

V. Evstafyev

Polesky State University, Pinsk

УДК 32.019.57

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРУКТУР

ON POLITICAL MOBILIZATION IN THE SPACE OF DIGITAL INFORMATION AND COMMUNICATION STRUCTURES

Предметом статьи выступают особенности политической мобилизации граждан в условиях появления в структуре политических процессов цифровых информационно-коммуникационных структур. Уделено внимание появлению новых характеристик современных политических коммуникаций, возникших с интегрированием цифровых электронных коммуникаций в пространство политических отношений. Предпринята попытка классификации имеющихся актуальных представлений о видах сетевой политической мобилизации.

Ключевые слова: политическая мобилизация; социальные сети; цифровые информационно-коммуникационные структуры.

The subject of the article is the features of the political mobilization of citizens in the context of the emergence of digital information and communication structures in the structure of political processes. Attention is paid to the emergence of new characteristics of modern political communications that have arisen with the integration of digital electronic communications into the space of political relations. An attempt is made to classify the current ideas about the types of network political mobilization.

Keywords: political mobilization; social networks; digital information and communication structures.

Основной целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса об отдельных аспектах влияния на политическую мобилизацию граждан внедрения в политические процессы исторически нового явления, обозначаемого в современном общественном сознании как информационно-коммуникационные социальные сети (более распространенное название в настоящее время – «социальные сети»).

В целях совершенствования категориального аппарата, используемого для описания и осмысления влияния современных информационно-коммуникативных технологий на процессы активизации политического участия граждан, предлагается использовать понятие «цифровые информационно-коммуникационные структуры» (далее – ЦИКС). В наиболее общем смысле его содержание возможно определить, как относительно устойчивую совокупность специфических организационных, целевых, информационных,

материально-технических и программно-технологических элементов, системное применение которых в пространстве социальных коммуникаций обеспечивает эффективное решение задач в различных сферах общественной жизни. Выявленные и предполагаемые возможности использования ЦИКС в качестве ресурса влияния на современные политические системы переводят их в разряд наиболее значимых факторов обеспечения устойчивого функционирования и развития традиционных обществ.

Повышение уровня актуализации проблемы влияния цифровых информационно-коммуникационных технологий на политические процессы в аспекте участия в них граждан и общественных объединений произошло в связи с выявлением их значимости как основного фактора в схемах подготовки и реализации сценариев так называемых цветных революций в странах Ближнего Востока, в Киргизии, на Украине и в Армении. Данные технологии использовались при подготовке массовых антиправительственных выступлений в Беларуси в 2010 г., в Российской Федерации в 2011–2013 гг. и в Республике Украина в 2004 и в 2013–2014 гг. Также в период после 2013 г. были установлены факты активного использования ресурсов ЦИКС террористическими и экстремистскими организациями на Ближнем Востоке [1, 2]. Наиболее очевидной стала демонстрация дестабилизирующего влияния ЦИКС в формате телеграм-каналов в период избирательной кампании по выборам Президента страны в Республике Беларусь в 2020 г., присвоивших себе функции координирующего органа деструктивных уличных выступлений [3].

Проблема политической мобилизации граждан с использованием информационно-коммуникационных социальных сетей в содержательном аспекте находится в смысловом поле нескольких относительно самостоятельных социально-политических концепций, возникновение которых оказалось в значительной степени детерминировано распространением и включением в разнообразные социальные практики электронных цифровых технологий. Данные концепты начиная с 60-х гг. прошлого века формировались вокруг понятия «информационного общества» (Т. Стоуньер, У. Мартин, Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Уэбстер А. Ракитов, А. Лактионов, И. Н. Курносов, В. Л. Иноземцев), категории «сетевое общество», теории и методологии его исследования (М. Кастельс, З. Бауман, Э. Кин, Ю. А. Лисовский А. В. Олескин, И. А. Быков, Н. А. Антанович), в рамках теорий политических сетей (Х. Энрот, Г. Джордан, Т. Борзел, М. Бевир), а также в пространстве самостоятельного теоретического направления исследований собственно политической мобилизации (К. Дейч, Д. В. Гончаров). На современном этапе актуализированы исследования взаимосвязей между эффективностью политической мобилизации и встраиванием в структуру данных процессов информационно-компьютерных технологий и социальных медиа (А. Бард, Я. Зондерквист, С. В. Володенков).

При рассмотрении современных политологических интерпретаций категории «мобилизация» в настоящее время принято выделять ряд базовых

смысловых позиций. Так, российский исследователь В. Гончаров, опираясь на положения, высказанные К. Дейчем, выделяет следующие значимые особенности политико-мобилизационных процессов:

- мобилизация – это общий процесс изменений, которые происходят с основными группами населения стран, проживающих переход от традиционных моделей жизни к современной жизни;
- политическая мобилизация – активность, которая является следствием воздействия со стороны политических лидеров или организаций на индивидов и основана на подавлении или искажении свободных и рациональных политических предпочтений этих индивидов;
- сущность мобилизации – переход к новым формам социализации, к новым структурам социальных ролей;
- реальное функционирование политических систем показывает, что гражданин сплошь и рядом действует только в ответ на мобилизационный призыв элит и организаций, т. е. политическая мобилизация рассматривается как способ преодоления политической пассивности и апатии [4, с. 129–130].

По мнению исследователей А. Соколова и А. Соловьевой, мобилизация представляет собой коллективное действие, инициированное социально-политическим конфликтом [5, с. 55].

Американский социолог Ч. Тилли акцентирует внимание на коллективном характере мобилизационного действия как элементарной частицы всего социального, включая государственную институциональность. В качестве сущностной характеристики коллективного действия им рассматривается способность к мобилизации необходимых человеческих, эмоциональных и материальных ресурсов, а также поддержание достигнутого уровня мобилизации и коллективной организации. Тилли отмечает, что фактором, определяющим политическое поведение коллективных акторов, выступающих субъектами таких действий, является оценивание ими издержек, возникающих при мобилизации ресурсов, и сравнение их с потенциальными выгодами [6].

Необходимо отметить, что широко распространенная на современном этапе в ряде стран мира и на постсоветском пространстве тенденция изменений государственной политики в направлении сервисной трансформации механизмов коммуникаций с гражданами получила достаточно разностороннее политологическое теоретико-методологическое обоснование. Данное обоснование находит выражение в том числе и в концепциях сетевых структур *governance* («управления сетями»), *metagovernance*, «управление без правительства»), положения которых обозначают трансформацию образа «государства услуг» недалекого будущего. К наиболее значимым из упомянутых теоретических построений, предвосхищающим «сетевой» характер образа государства будущего, необходимо отнести:

- положение о симметричности в политических коммуникациях между государственными институтами и гражданскими структурами, которую

предлагается понимать как реализацию принципов взаимной ответственности за реализацию политических целей, следования общественному благу, сотрудничества государственных и негосударственных политических субъектов, взаимного доверия в процессе обмена знаниями, непрерывности процесса обучения и развития знания, а также открытости каждого выбора системы и гарантий получения ответной реакции от элементов системы гражданскими отправителями информации в ее адрес;

- отказ (отход) от общепринятого взгляда на политическую власть как на единообразное, суверенное и иерархическое образование, а также от отношений подчиненности и одностороннего контроля;
- трансформацию государственного управления в направлении от бюрократии к рынкам и сетям с одновременным внедрением способов государственного управления, сочетающих потенциал руководящих структур и инструменты косвенного взаимодействия;
- смещение роли государства от прямого управления посредством бюрократии к нескольким видам косвенного вмешательства и регулирования;
- сохранение эффективного контроля государства над другими организациями:
  - снижение доли услуг, предоставляемых непосредственно государством (посредством бюрократических организаций), сопровождающееся увеличением объема действий государства по регулированию сети организаций, которые предоставляют такие услуги;
  - регулирование государством деятельности организаций, воздействующих на функционирование гражданского общества, при условии невозможности применения им бюрократических инструментов управления в отношении к самостоятельным, автономным образованиям негосударственного сектора [7].

Необходимо обозначить ряд принципиальных характеристик современных политических коммуникаций с использованием цифровых электронных технологий. Во-первых, современная неинституализированная цифровая «сетевая» политическая активность может быть рассмотрена как совокупность действий, осуществляемых вне непосредственного контакта с ее предметом – политической сферой. В сущности, она представляет собой набор косвенных, т. е. «непрямых», деятельностных актов гражданско-политической направленности, что в значительной части случаев предопределяет «размывание» в структуре действия образа предмета воздействия в части его целей и предполагаемых результатов. Значимой характеристикой политических сетевых взаимодействий является также нестабильный и неverifiedируемый характер обратной связи между подобными действиями и их результатами в форме объективной информации об изменениях, детерминированных сетевыми субъектами и самими субъектами в режиме реального времени.

Во-вторых, переход процессов политического участия граждан в пространство ЦИКС-структур актуализирует методологическую проблему

выявления в содержании «цифровых» форм политического участия смыслов, которые могут переопределять его результативность и эффективность. В данном аспекте анализ актуальных исследовательских ориентаций, изложенных российским политологом Н. Радиной, позволяет усмотреть появление нового подхода к рассмотрению сетевой политической мобилизации. Его особенностью выступает сохранение позиций критериев целеориентированных оценочных установок, в соответствии с которыми результирующие показатели политического участия выполняют функцию его опорных смыслов. Вместе с тем активизация сетевого политического участия рассматривается как процесс, оценка которого предполагает оперирование категориями политической социализации, осуществляемой посредством коммуникаций, трансформирующихся в виртуальные формы ритуального и символического воспроизводства, а также введение в оборот новых терминов (например, понятия «слактивизм», отражающего «пассивную активность»), которые отражают нетрадиционные формы проявления политической субъектности в онлайн-формате [9, с. 116].

Процессы расширения сфер влияния и рост возможностей применения цифровых информационно-коммуникационных структур в политических процессах объективно предопределяют значимость формализации представлений об их потенциале воздействия, полагаем значимым обобщение имеющихся представлений о видах сетевой политической мобилизации. По нашему мнению, при описании разновидностей ЦИКС-мобилизации представляется целесообразным использование критериев, отражающих локализации ее первичных субъектов, целевые направленности мобилизационной ориентации (созидание либо разрушение устоев социального порядка), разнообразие сочетаний элементов состава и уровень сложности структуры мобилизационных технологий.

Использование критерия локализации субъектов политической мобилизации с применением ЦИКС позволяет различать их внешнее и внутреннее местоположение, что, с учетом накопленного опыта «цветных революций», может рассматриваться как фактор, определяющий цели мобилизационных процессов и содержание их ресурсного обеспечения [10].

При рассмотрении феномена направленной политической мобилизации, осуществляемой в реальных общественных процессах, следует отметить, что экспансия ее цифровых версий продуцируется посредством оказания внешнего влияния на политико-административные системы различных государств посредством целенаправленной деятельности разнообразных интернет-ресурсов. Наиболее значительным актором на международной арене в рассматриваемой сфере являются те ресурсы, которые дислоцируются на территории США. В рассматриваемом аспекте одним из наиболее показательных примеров внешнего мобилизационного воздействия является расширение со второй половины 2000-х гг. состава обучающихся в рамках американских образовательных программ для участников из стран, включенных в «список» принудительной демократизации. К перечню

иллюстраций зарубежного сетевого воздействия необходимо отнести также поддержку Госдепартаментом США различных грантовых программ сетевых ресурсов кибердиссидентов (Aswat, Arab Bloggers и др.), распространение специального программного обеспечения, создание нескольких правительственных твиттер-аккаунтов (I diplomasy, e diplomasy, tech@state) для трансляции информации в сети. Результатом данной политики стало формирование достаточно широкой прослойки «цифровых активистов», готовых к участию в реальных акциях протеста [8, с. 204].

Потенциально наиболее реально осуществимым форматом внутренней политической мобилизации представляются те ее стратегии, которые инициируются в пределах системы государственного управления, как обладающей наибольшим объемом суверенитета и связанной с ним политической автономности. К настоящему времени активизированы процессы трансформации источников конструктивного сетевого влияния на общественное сознание населения. Данный процесс осуществляется путем увеличения объемов государственного политико-институционального присутствия в интернет-пространстве, которое реализуется посредством расширения количества аккаунтов в существующих социальных сетях и разнообразия размещаемого на них информационного контента. При этом в нашей стране предусмотрены меры административной и уголовной ответственности за деструктивную политическую деятельность в интернет-пространстве. Необходимо отметить, что трансформация национальной информационной политики нацелена, прежде всего, на приобщение молодежи к белорусскому медийному полю, а также на придание государственным и прогосударственным СМИ статуса основного источника общественно-политической информации.

Применение критерия целевой направленности цифровых информационных политико-мобилизационных технологий позволяет различать как конструктивную (позитивную) мобилизацию, преследующую цели поддержки государственных и общественных институтов и формирования либо усиления их легитимности, так и ее негативную (антисоциальную, деструктивную) разновидность, воздействие которой способствует дестабилизации общественного и политического порядка в обществе. Конструктивная мобилизация в цифровом информационном пространстве проявляется в формах, связанных с обменом актуальной политической информацией и знаниями, в ходе которого граждане получают доступ к новым политическим ролям и новым формам политической активности. К деструктивным (негативным) формам относятся троллинг, грифинг – онлайн-вандализм, флейм – словесная война, не имеющая отношения к первоначальной причине спора. Ряд авторов вычленяют в качестве отдельной разновидности вынужденную политическую мобилизацию, которая характеризуется стихийным характером протекания и может быть вызвана кризисной ситуацией в обществе [5, с. 55].

И, наконец, использование показателя, отражающего разнообразие сочетаний элементов состава и уровень сложности структуры мобилизационных

процессов, позволяет выделять цифровые и гибридные разновидности политических мобилизаций. К исключительно цифровым формам мобилизационных технологий могут быть отнесены электронные обращения, обсуждения в тематических группах, онлайн-комментирование, репосты, а также символические оценки (так называемые лайки). Гибридные формы политической мобилизации предполагают сочетание онлайн- и офлайн-действий, которые интегрированы в структуре процесса и взаимно дополняют друг друга.

Изложенные положения вполне могут быть рассмотрены как попытка в наиболее общей форме обозначить способы первичной оценки формирующихся способов политических взаимодействий в сфере информационно-цифровых коммуникаций между государственными институтами и гражданами. В условиях происходящего расширения возможностей политических мобилизационных практик за счет пополнения ресурсами цифровых технологий возникает вопрос о расширении политико-мобилизационного потенциала государственных институтов и прогосударственных общественных объединений. В этой связи необходимо отметить сохраняющуюся потребность в расширении возможностей технологий политических коммуникаций в национальном сегменте интернет-пространства с населением страны в области гражданского и политического участия.

В заключение можно отметить:

1. Современные политико-мобилизационные технологии с использованием цифровых информационно-коммуникационных структур приобрели к настоящему времени в системе политических взаимодействий совокупность характеристик, которые обеспечивают их положение как относительно самостоятельного фактора политического процесса и определяют актуальность ЦИКС как предмета специальных исследований.

2. Результативность анализа функционирования современных цифровых информационно-коммуникационных структур в процессах политической мобилизации обусловлена применением широкого перечня критериев, отражающих используемые разновидности ЦИКС, а также их значимые специфические признаки.

3. Широкое использование цифровых информационно-коммуникационных структур в политико-мобилизационных стратегиях деструктивного экспансионистского характера определяет необходимость формирования полномасштабных внутригосударственных созидательных стратегий цифровых общественно-политических коммуникаций со своими гражданами.

Список использованных источников:

1. *Акаева, Х. А.* Использование террористическими и экстремистскими организациями социальных сетей / *Х. А. Акаева* // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 23–25.

2. *Тодоров, В.* Накликали беду. Как исламисты через соцсети обсуждали и координировали теракты в Париже 15 ноября 2015 [Электронный ресурс] / *В. Тодоров, В. Коря-*

гин // Лента.ру – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/11/15/ismedia>. – Дата доступа: 05.02.2019.

3. *Нагорняк, К. И.* Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. / К. И. Нагорняк, Н. Э. Демешко // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 8. – С. 695–704.

4. *Гончаров, Д. В.* Политическая мобилизация / Д. В. Гончаров // Полис. – 1995. – № 6. – С. 129–137.

5. *Соколов, А. В.* Мобилизация в общественно-политических кампаниях / А. В. Соколов, А. В. Соколова // Власть. – 2013. – № 11. – С. 55–58.

6. *Тилли, Ч.* От мобилизации к революции / Ч. Тилли. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 432 с.

7. *Абраменко, А. В.* Сетевая структура «governance» как способ симметричной политической коммуникации / А. В. Абраменко, Т. А. Подшибякина // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 4. – С. 75–87.

8. *Курочкин, А. В.* Социальные сети как инструмент политической мобилизации: манипуляция и пределы демократии / А. В. Курочкин // Политэкс. – 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 200–207.

9. *Радина, Н. К.* Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях / Н. К. Радина // Полис. – 2018. – № 2. – С. 115–129.

10. На пороге «оранжевой» революции / С. Г. Кара-Мурза [и др.]; под общ. ред. С. Г. Кара-Мурзы. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. – 306 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Т. В. Жмакина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

T. Zhmakina

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК [321.7:16]

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

POLITICAL ARGUMENTATION MODELING

*На формальном уровне политическая аргументация представлена в виде структурных схем или функциональных моделей. Эффективным средством выявления и структурирования цепочки рассуждений в политической аргументации является программа *Araucaria*, которая позволяет более глубоко взглянуть на аргументативную реальность политической коммуникации.*

Ключевые слова: аргументация; политическая аргументация; моделирование и манипулирование аргументации; программа Araucaria.

Formally political argumentation is represented by structural schemes or functional models. An effective instrument to extract and structure chains of reasoning in political argumentation is Araucaria. It is an argument mapping software tool that is instrumental in gaining deeper insights into argumentative communicative political reality.

Keywords: argumentation; political argumentation; argumentation modeling and mapping; Araucaria software.

Процесс коммуникации как сложное взаимодействие всех составляющих преследует цели, связанные с объяснением, убеждением и доказательством. Между тем главной целью этого процесса взаимодействия является установление согласия. Коммуникативная деятельность становится аргументативной, если цель коммуникации заключается в (не)одобрении определенной точки зрения. Аргументация как вербальная, социальная и разумная деятельность (не)одобрения точки зрения направлена на разрешение конфликта мнений. Процесс аргументирования представляет собой последовательность высказываний в определенном коммуникативном контексте, в ходе развертывания которой протагонист и антагонист попеременно осуществляют речевые шаги с определенной коммуникативно-прагматической интенцией убедить оппонента в истинности какого-либо суждения и заставить его принять это мнение.

При осуществлении анализа и реконструкции аргументативного дискурса, направленного на убеждение реципиента в (не)приемлемости предложенной пропозиции и вытекающего из нее логического вывода посредством представления последовательно изложенных фактов, во внимание принимается тип и природа посылок, сила логически вытекающего из посылок вывода, а также возможные критические высказывания и опровержения.

Эффективным способом определения, структурирования и представления компонентов аргументации является мапирование, или преобразование аргументов в схему.

Цель статьи заключается в изучении потенциала формализованных систем моделирования и мапирования политической аргументации, появление которых стало результатом интеграции научных достижений в области искусственного интеллекта и теории аргументации, и рассмотрении возможности их применения в сфере политики и государственного управления.

Современным этапом развития цивилизации является информационное общество, к характерным чертам которого относятся интенсификация роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества; увеличение числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте; нарастающая информатизация общества с использованием цифровых технологий; формирующееся глобальное информационное пространство, обеспечивающее эффективное коммуникационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах

и услугах; развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и экономических сетей.

Современную ступень информационного общества можно обозначить как информационно-коммуникативное общество, т. е. общество, в котором системообразующим свойством выступают увеличивающиеся объемы коммуникаций с опорой на аргументацию и использование диалога как способа выявления сильных и слабых позиций сторон. Данная характеристика является атрибутом человека разумного, который одновременно является человеком аргументирующим (Homo Arguer).

Современное белорусское общество как субъект политической аргументации не может не корректировать свое отношение к диалогу и аргументации, а также способствовать формированию системы аргументологических оснований политической коммуникации. В таких основаниях, как представляется, свое место должны найти и обновленная концепция страны (формирование убедительных моделей ее ориентации на миротворчество, государственность, социальную требовательность и др.), и механизмы разрешения диалектических противоречий по отношению к константам, или исходным пунктам аргументации, и др.

Примечательно, что ответные реакции государственных органов на растущую гражданскую активность являются свидетельством формирования аргументологических оснований коммуникации в диалоге «власть – общество», фундаментом которых является диалог и аргументация и которые в долгосрочной перспективе способны и призваны вытеснить из обихода уже все чаще дающие сбои в наши дни организационно-административные механизмы коммуникации по линии «власть – человек».

В условиях активной информатизации современного общества особую актуальность приобретает аргументативная культура в информационном пространстве, в котором сегодня таится одна из угроз национальной безопасности [1; 2]. Об этом говорится и в нормативных правовых актах страны, таких как Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [3], Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [4], Указ Президента Республики Беларусь № 60 от 1 февраля 2010 года «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [5] и др.

Информационное обеспечение государственной политики предполагает постоянное повышение аргументативной культуры граждан, с которой сопряжены такие компетенции, как (1) критические навыки работы с информацией, позволяющие глубже понимать роль этических требований в коммуникативной деятельности, поскольку соблюдение этических стандартов и общественных нравственных норм ориентирует на отказ от использования манипуляций с политической информацией в сторону соблюдения требований ее объективности, беспристрастности; (2) навык фактчекинга – проверка фактов, ответственный поиск релевантных источников информации,

необходимость сравнения между собой разных информационных источников, осуществление их идеологической и аргументологической экспертизы.

На формальном уровне аргументация представляет собой структурные схемы или функциональные модели, демонстрирующие особенности связей отдельных элементов аргументации между собой.

Мапирование, или преобразование аргументов в схему, представляет собой способ определения, структурирования и представления компонентов аргументации.

Эффективным средством выявления и структурирования цепочки рассуждений в аргументации является программа Aгаусариа [6].

Данная программа была разработана в 2001 г. представителями исследовательской группы по аргументации Школы вычислительной техники Университета Данди (Шотландия) Крисом Ридом и Гленном Роу и представляет собой программный инструмент для картирования аргументов. Aгаусариа используется для схематичного представления аргументации с помощью диаграмм посредством языка разметки аргументации (AML) на основе XML. Данное программное обеспечение является бесплатным и может быть свободно загружено из сети Интернет.

Реконструкция и анализ аргументов с помощью программного инструмента Aгаусариа осуществляется на основе системы построения диаграмм. Диаграмма Aгаусариа имеет форму древовидной структуры и позволяет пользователю перевести аргумент в стандартную диаграмму, диаграмму Тулмина (Toulmin) или диаграмму Уигмора (Wigmore).

Пользовательский интерфейс Aгаусариа состоит из главного окна, предназначенного для создания диаграмм, редактора схем и онлайн-интерфейса AгаусариаDB, который предоставляет доступ к аргументам нужной диаграммы.

После загрузки текстового файла в левом окне интерфейса Aгаусариа отображается текст. Формирование узлов диаграммы, которые обозначаются буквами, происходит посредством выделения левой кнопкой мыши участка текста аргумента и щелчком по правой панели. Узлы диаграммы, которые отображаются в нижней части панели, логически выстраиваются и последовательно упорядочиваются в связную структуру путем перетаскивания одного узла (посылки) к другому (выводу). Каждому узлу может быть задано свое значение.

Система построения диаграмм Aгаусариа оснащена уникальным набором функций, в основе которых лежит теория правдоподобных аргументов, схемы аргументации, логические выводы, представленные в виде графиков и позволяющие определять не только значимость и функцию каждой посылки, но и реконструировать невыраженные посылки, направленные на поддержание определенного вывода и необходимые для правильной оценки аргументации.

Понятие «правдоподобный аргумент» (plausible argument) было предложено Д. Уолтоном, канадским исследователем, представителем диалек-

тического подхода к аргументации, в рамках которого под аргументацией понимаются процедура разрешения разногласий посредством регулируемой дискуссии. В основе регулируемой дискуссии лежат «конвенционально корректные» правила, направленные на устранение разногласий. Эти правила должны удовлетворять конвенциям и нормам общественного договора и быть приемлемыми для большинства людей [7, с. 17].

Д. Уолтон определяет «правдоподобный аргумент» как «аргумент, в основе которого лежит предположение, неуверенное или неполное знание, которое можно опровергнуть» [8, с. 72]. Очевидно, что такого рода аргументы составляют большую часть практической аргументации, прежде всего политической.

Одним из самых полезных инструментов, который предоставляет Aгауцагiа для идентификации, анализа и оценки аргументов, являются схемы аргументации. Программа оснащена набором схем, который включает двадцать пять аргументативных схем, предложенных Д. Уолтоном [9]. Каждая аргументативная схема оснащена 3–5 критическими вопросами, позволяющими проверить достоверность рассуждения, построенного на основе той или иной схемы, подвергнуть критике все рассуждения оппонента или его отдельные части, посылки. Рассуждение, которое агенту не удалось защитить от критики оппонента, считается отвергнутым.

Использование схем аргументации как средств определения и моделирования аргументации способствует формированию, в частности, двух навыков. Во-первых, формируется навык оценки посылок, используемых для поддержки вывода. Во-вторых, развивается умение определять соответствующую форму аргумента, что, следовательно, тренирует и совершенствует навыки аргументации.

Экспертиза, а также определение и оценка аргумента с позиции его силы или слабости, осуществляется посредством схематического сравнения аргумента с критическими вопросами, которые представлены в схеме аргумента.

При анализе и реконструкции аргументации существенная роль отводится невыраженным посылкам, воспроизводство которых указывает на слабые и сильные места аргумента. Схемы аргументации являются своего рода руководством по восстановлению недостающих посылок. Определив отношения, которые связывают посылки с выводом, становится очевидным, какие недостающие элементы должны быть заполнены для завершения анализа. Невыраженные или имплицитные посылки добавляются в энтимему в виде вставленного текста, который представлен в диаграмме Aгауцагiа узлом серого цвета.

Структурирование диаграмм позволяет не только представить и уточнить тезис аргумента, но и его контраргумент(ы), необходимый(ые) для тщательного изучения вероятных логических выводов, подтверждающих тезис. Установление вывода способствует определению и анализу аргумента, а также оценке цепочки рассуждений в нем. Представление

контраргументов, опровергающих выводы или посылки, позволяет сравнить силу противоположных аргументов.

Моделирование аргументации способствует выявлению ошибок аргументации, а также слабых аргументов, которые могут быть ошибочно приняты за сильные или даже убедительные аргументы. При анализе аргументативных ошибок акцент делается на критической оценке аргументов.

На современном этапе научный интерес направлен не столько на описание аргументативного дискурса, сколько на определение способов и средств продуцирования и построения аргументативных моделей в нем. Моделирование политической аргументации посредством Aгаусарга имеет своей целью построение в качестве модели аргументации трех различных диаграмм: первая диаграмма (модель производства персуазивного сообщения) направлена на отображение процессов мыслительной деятельности по порождению сообщения, вторая – на воспроизводство транслируемого сообщения (message-in-channel), третья диаграмма (модель восприятия) – на изображение когнитивных процессов адресата.

Функциональные возможности программного инструмента Aгаусарга позволяют определять структуру аргумента, а также посредством редактора схем создавать схемы аргументации, группировать и сохранять их в базе данных схем. Диаграмма структурирует аргументацию через последовательность шагов, нарисованных в виде узлов и стрелок. Кроме того, программное обеспечение позволяет представить невыраженные послылки и определить их роль в поддержке тезиса, а также установить роль опровержений в структуре аргумента.

Таким образом, реконструкция, анализ и оценка политической аргументации посредством использования Aгаусарга позволяет получить более глубокий взгляд на аргументативную реальность политической коммуникации.

Особенностью современного информационного общества является появление новых технологий принятия решений. Примером можно считать использование формализованных систем обработки информации, в частности программы Aгаусарга. Особую актуальность метод принятия решений на основе формализованных систем моделирования и мапирования аргументации приобрел в тех сферах деятельности, в которых для принятия решения требуется обработка большого количества информации. Так, инструмент отображения аргументов посредством диаграммы Уигмора программы Aгаусарга в силу своей эффективности активно используется специалистами и учеными юридической сферы деятельности для анализа юридических случаев. Примером может служить успешное применение программы Aгаусарга в мировых судах провинции Канады Онтарио для обработки относительно простых дел.

Программное обеспечение Aгаусарга также является эффективным педагогическим инструментом, поскольку моделирование диаграмм аргументов способствует формированию навыков критического мышления и выра-

ботке стратегии организации и обобщения основных этапов рассуждения путем восстановления невыраженных посылок и определения характера логических выводов в расширенной цепочке аргументации.

Кроме того, Araucaria является эффективным средством осуществления исследований в области теории аргументации и неформальной логики.

Список использованных источников

1. *Акопов, Г. Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография / Г. Л. Акопов. – М.: КНОРУС, 2017. – 238 с.

2. *Чирун, С. Н.* Политические технологии в сетевой реальности постмодернизма / С. Н. Чирун, А. В. Николаев, В. А. Зайцева // *Власть*. – 2018. – № 3. – С. 7–12.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. от 24.01.2014 г., № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60: в ред. от 18.09.2019 г., № 350 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Araucaria as a Tool for Diagramming Arguments in Teaching and Studying Philosophy / G. Rowe [et al.] // *Teaching Philosophy*. – 2006. – Vol. 29, № 2. – P. 111–124.

7. *Жмакина, Т. В.* Концепция политической аргументации Амстердамской школы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Т. В. Жмакина. – Минск, 2021. – 176 л.

8. *Walton, D. N.* Fundamentals of Critical Argumentation / D. N. Walton. – NY: Cambridge University Press, 2006. – 643 p.

9. *Walton, D. N.* Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning / D. N. Walton. – Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1996. – 232 p.

(Дата подачи: 01.02.2022 г.)

В. О. Калишук

Белорусский государственный университет, Минск

V. Kalishuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.019.5:321.02:323.2

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS
OF ASSESSING THE EFFICIENCY OF STATE BODIES
IN SOCIAL MEDIA**

Работа посвящена анализу научной литературы, направленной на исследование социальных медиа в контексте государственного управления в целом и оценку эффективности их использования в частности. Результатом исследования стала систематизация широкого спектра зарубежной и белорусской научной литературы, а также выявление наиболее актуальных исследовательских направлений.

Ключевые слова: политическая коммуникация; социальные медиа; оценка эффективности.

The work is devoted to the analysis of scientific literature aimed at the study of social media in the context of public administration in general and the evaluation of the effectiveness of their use in particular. The result of the study was the systematization of a wide range of foreign and Belarusian scientific literature, as well as the identification of the most relevant research areas.

Keywords: political communication; social media; assessment of the effectiveness of public policy.

На сегодняшний день социальные медиа глубоко внедрили в коммуникационные процессы как отдельного человека, так и общества в целом. На данных площадках протекает заметная часть межличностных и межгрупповых интеракций, электоральных кампаний, из-за колоссальных возможностей обеспечения обратной связи социальные медиа достаточно активно используются в государственном управлении, реализации государственной политики. Вместе с тем наблюдается общемировая тенденция неполного использования государственными органами всего потенциала социальных медиа, что, как правило, проявляется в следующем: нескоординированное использование профилей в рамках одной организации, низкий уровень модерации, отсутствие взаимодействия с гражданами и системного сбора реакции, ведение профилей неквалифицированными в данной области специалистами и т. д. Этот факт актуализирует проблему оценки эффективности деятельности государственных органов в политической коммуникации в целом и социальных медиа в частности. Оценка эффективности

деятельности государственных органов в социальных медиа допустимо рассматривать как вид оценки эффективности государственного управления в политической коммуникации, которая, в свою очередь, является видом оценки эффективности государственного управления.

За относительно короткий (в историческом контексте) период активного использования социальных медиа было проведено значительное число исследований, посвященных их изучению. Однако специальных работ, посвященных исключительно изучению деятельности субъектов госуправления на данных площадках, а также оценке ее эффективности, опубликовано не так много. Вместе с тем в «непрофильных» исследованиях указанная тематика затрагивается достаточно часто.

В связи со всем вышесказанным возникает необходимость систематизации научной литературы, касающейся оценки эффективности деятельности государственных органов в социальных медиа и анализа ее основных результатов, выявления наименее исследованных областей. Ниже будут проанализированы и структурированы наиболее значимые работы по описываемой тематике.

Вероятно, наиболее концептуальным из всей изученной литературы является исследование, проведенное украинскими философами В. Проповичем и И. Ивановой совместно со специалистами из области государственного управления Ф. Рагимовой и Б. Зорианой, а также психологом В. Кониенко. Специалисты пришли к выводу, что на сегодняшний день происходит переход от субъект-объектной модели государственного управления к интересубъектной. При этом указанные глобальные парадигмы не являются взаимоисключающими и существуют параллельно [1, с. 319–320]. Ученые предложили ряд основных положений социально-коммуникативной парадигмы, из которых в качестве ключевых следует указать:

а) трансформация государства из монопольного субъекта государственного управления в один из его субъектов;

б) структурирование госуправления по принципу «треугольника власти»: госорганы, граждане, иные субъекты;

в) социальные медиа являются инструментом организации связей между управляющим и управляемым компонентами госуправления [1, с. 321].

Отдельно отметим, что на сегодняшний день характер взаимодействия между государством и населением изменяется и приобретает партнерский характер. Использование социальных медиа усиливает данный эффект в связи с расширением возможностей для обратной связи. Вместе с тем государство все также остается доминирующим субъектом из-за закрепления за собой роли своеобразного «модератора» описываемых процессов.

Азербайджанские специалисты в области информационных технологий Р. Алгулиев, Р. Алигулиев, Ф. Иосифов считают, что внедрение социальных медиа в процессы государственного управления ведет к увеличению количества преступлений в данной сфере. Это обусловлено в первую очередь общемировой тенденцией расширения спектра собираемых социальными

медиа данных о пользователях. Исследователи выделяют четыре категории угроз безопасности: несанкционированное получение и использование «мультимедийного» контента, несанкционированное получение и использование персональных данных, социальные угрозы, а также угрозы, направленные на несовершеннолетних [2].

На наш взгляд, указанные угрозы существенны, однако не должны привести к отказу от технического и социального прогресса – приоритетом должно стать нивелирование возникающих рисков.

Белорусский юрист А. А. Парфенчик считает, что ключевым способом внедрения социальных сетей в государственное управление является использование их для обеспечения электронного участия в рамках реализации концепта E-government. Ученый утверждает, что зарубежным странам удалось сгладить основную массу проблем, возникающих при имплементации социальных медиа в госуправление, путем принятия «этических кодексов» и единообразного законодательства [3].

По нашему мнению, правовое регулирование данной области необходимо. Однако следует понимать, что степень успеха использования социальных медиа в государственном управлении зависит от мотивации его субъектов участвовать в коммуникационных процессах на данных платформах, так как ключевое преимущество социальных медиа – это возможность практически мгновенной обратной связи.

Испанские ученые Э. Бонсон, Л. Торрес, С. Ройо и Ф. Флорес приходят к выводу, что уровень внедрения социальных медиа в «электронное правительство» в европейских странах находится на крайне низком уровне. При этом действия госорганов активно обсуждаются и вне их аккаунтов. Необходимо понимать, что их полномасштабное внедрение не изменит концептуальную сущность «электронного правительства» [4, с. 14]. Согласимся с данным тезисом – внедрение соцмедиа в механизмы электронного правительства безусловно приведет к повышению качества предоставляемых услуг, однако не изменит его базовые принципы.

Индийские исследователи в области государственного управления под руководством А. Нурманди (Д. Алмарез, С. Роенгтам, Салахун, Х. Д. Джовита, Д. С. Касума Деви) крайне детально изучили степень использования социальных медиа городскими администрациями Бандунга (Индонезия), Илигана (Филиппины) и Пхукет (Таиланд). Ученые отметили, что в этих городах использование социальных медиа находится на достаточно высоком уровне. Ключевым выводом исследования стало вычленение четырех этапов эволюции использования социальных медиа: продвижение, трансформация, вовлечение и воздействие. Основным фактором, сдерживающим развитие социальных медиа, является отсутствие жесткой нормативно-правовой базы. Присутствует также и кадровая проблема, когда в качестве администраторов аккаунтов назначаются непрофильные специалисты. Из-за чего сильно разнится качество генерируемого контента и, следовательно, вовлеченность граждан [5].

Индийские экономисты А. Ратхор, А. Шривастава совместно с японским политологом Д. Маурьей допускают возможность использования социальных медиа при формировании государственной политики, однако мнение населения необходимо использовать с высокой степенью осторожности, так как возможны серьезные необоснованные искажения в пользу интересов отдельных его категорий граждан [6].

Специалисты в области административного менеджмента В. Чо и В. Мелиса отмечают колоссальные потенциальные возможности социальных медиа. Вместе с тем реальные преимущества социальных медиа не ясны, а их необдуманное внедрение может привести к негативным последствиям. По мнению специалистов, наиболее перспективной моделью применения соцмедиа в государственном управлении является развитие «государственно-частного партнерства» путем стимулирования генерации контента пользователями через налаживание каналов устойчивой обратной связи [7].

На наш взгляд, использование активности граждан для генерации контента и принцип партнерства государственных органов и пользователей – основа успешного использования социальных медиа в госуправлении. Однако необходимо понимать, что в данном случае пользовательский контент является лишь дополнительным способом обеспечения наполнения материалами отдельных профилей. Это обусловлено нестабильностью пользовательской активности.

Российские политологи Л. М. Беленкова, С. Ю. Белоконев предложили рекомендации по совершенствованию деятельности органов государственной власти в социальных сетях [8]:

- а) максимальное расширение спектра используемых платформ;
- б) обеспечение наличия перекрестных ссылок;
- в) перевод «групп государственных органов», созданных в социальных сетях, в разряд «публичных страниц»;
- г) создание конкретных правил пользования страницами;
- д) обеспечение генерации оригинального контента;
- е) разграничение контента в зависимости от вида социальных сетей (состава их целевой аудитории);
- ж) системная публикация новостей;
- з) увеличение количества фото- и видеоматериалов;
- и) усиление механизма «обратной связи»: обеспечение обсуждения актуальных тем, возможности направления сообщений государственному органу;
- к) изменение дизайна страниц на более яркий привлекательный и др.

Российские юристы А. Л. Ситковский, Ю. В. Лагов, Е. В. Червонных, И. Ю. Баянов, С. А. Звягинцев предполагают, что использование социальных медиа в современных реалиях (в особенности для правоохранительных органов) является обязательным [9].

Малазийские экономисты Д. Доминик и А. Гисип выдвигают следующую гипотезу: закрепление социальных медиа в качестве коммуникационных площадок для граждан и госорганов зависит от психологического

эффекта «привыкания», возникающего в процессе их активного использования и усиливающегося с течением времени. Также ученые отметили ряд преимуществ социальных медиа [10, с. 1456–1457]: обеспечение прозрачности (при этом чрезмерная открытость может вызвать и негативный эффект), повышение степеней участия, обеспечение возможности сотрудничества.

Европейские политологи Б. Виртц, А. Такер, Ч. Бриггс и А. М. Шеманн в своем комплексном исследовании «Причины и следствия “привлекательности” использования социальных медиа в государственном управлении» отмечают, что несмотря на общепризнанный колоссальный потенциал использования социальных медиа в государственном управлении, основная масса ученых сконцентрирована на изучении коммерческого направления их применения. То есть складывается ситуация, когда теория значительно отстает от практики: госорганы активно участвуют в коммуникационных процессах на базе интернет-площадок, однако работ об их эффективности крайне мало. В связи с этим авторы сконцентрировались на изучении профилей государственных органов (преимущественно местного назначения). Основным выводом исследования стал тезис о том, что ключевой причиной вовлеченности граждан в коммуникацию на базе социальных медиа является заинтересованность в общении, взаимодействии с другими индивидами, а также отметили критическую важность наличия эффекта «сарафанного радио» [3, с. 52–55].

Исследования, касающиеся осмысления роли социальных медиа в государственном управлении, допустимо классифицировать по географическому критерию и выделить следующие «школы»:

а) постсоветская школа, представителями которой являются следующие российские ученые: А. А. Парфенчик, Л. М. Беленков, С. Ю. Белоконев, Е. В. Левина, А. Л. Ситковский, Ю. В. Латов, Е. В. Червонных, И. Ю. Баянов, С. А. Звягинцев. Заметный вклад внесли представители Беларуси: А. Калачев, А. Сушко, а также украинские исследователи В. Пропович и И. Иванова, Ф. Рагимов, Б. Зориана, В. Кониенко;

б) западноевропейская школа, представленная в основном учеными из Великобритании: Б. Виртц, А. Такер, М. Тажвиди, Б. Лал, Ю. К. Двиведи. Существенный вклад внесли ученые из Испании – Э. Бонсон, Л. Торрес, С. Ройо и Ф. Флорес. Также в эту школу допустимо отнести некоторых специалистов из США, а именно Ч. Бриггса и А. М. Шеманна.

Азиатская школа представлена в первую очередь специалистами из Индии: А. Нурманди, Д. Алмарезом, С. Роенгтамом, Салахудином, Х. Д. Джовитой, Д. С. Касумой Деви, А. Ратхором, А. Шриваставой, В. Чо и В. Мелисой. Тематику активно изучают малазийские ученые Д. Доминик, А. Гисип, а также азербайджанские исследователи А. Расим, А. Рамиз, И. Фарад.

Ученые из различных стран находятся приблизительно на одинаковом уровне и нацелены на изучение практически идентичной проблематики.

Из указанных работ по тематическо-содержательному критерию можно выделить два основных направления исследований:

а) теоретико-методологическое, представленное двумя группами тем – моделированием внедрения социальных медиа в государственное управление (В. Пропович, И. Иванов, Ф. Рагимов, Б. Зориана, В. Кониенко) и изучением социальных медиа в контексте концепции «E-government» (М. Тажвиди, Б. Лал, Ю. К. Дживеди, Н. Рана, А. Расим, А. Рамиз, И. Фарад, Э. Бонсон, Л. Торрес, С. Ройо и Ф. Флорес);

б) прикладное, включающее следующую тематику: изучение потенциала использования социальных медиа в государственном управлении (А. Нурманди, Д. Алмарез, С. Роенгтам, Салахуди, Х. Д. Джовита, Д. С. Касума Деви, А. Ратхор, А. Шривастава, В. Чо, В. Мелиса, А. Л. Ситковский, Ю. В. Латов, Е. В. Червонных, И. Ю. Баянова, С. А. Звягинцев), а также выявление механизмов применения социальных медиа в государственном управлении (Д. Доминик, А. Гисип, Б. Виртц, А. Такер, Ч. Бригтс и А. М. Шеманн, Л. М. Беленков).

Проанализировав вышеописанные источники, можно сделать следующие выводы:

а) в научной литературе отсутствуют специальные исследования, посвященные изучению оценки эффективности деятельности государственных органов в политической коммуникации в целом и социальных медиа в частности;

б) в научной литературе не предложены критерии эффективности деятельности государственных органов в государственном управлении;

в) основным методом изучения государственного управления в социальных медиа является количественно-качественный анализ профилей государственных органов на различных популярных площадках;

г) в большинстве исследований ученые ограничиваются изучением использования социальных медиа в госуправлении на региональном уровне. Вероятно, это обусловлено ограниченностью ресурсов, так как аналогичные исследования на страновом уровне весьма трудоемки;

д) в научном сообществе отсутствует единый понятийно-категориальный аппарат, касающийся коммуникационных процессов на базе социальных медиа. Более того, ученые зачастую некорректно употребляют базовые дефиниции, например «новые медиа» и «новые СМИ», «социальные медиа» и «социальные сети».

Список использованных источников

1. International Journal of Data and Network Science [Electronic resource] / P. Popovich [et al.] // International Journal of Data and Network Science. – 2020. – № 4. – Mode of access: <http://growingscience.com/beta/ijds/4159-development-of-social-and-communicative-paradigm-of-public-administration-in-the-field-of-social-networks.html>. – Date of access: 26.01.2022.

2. *Alguliyev, R. Role of Social Networks in E-government: Risks and Security Threats* [Electronic resource] / R. Alguliyev, R. Aliguliyev, F. Yusifov // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2018. – № 4. – Mode of access: <https://www.ojcm.net/download/>

role-of-social-networks-in-e-government-risks-and-security-threats-3957.pdf. – Date of access: 26.01.2022.

3. Парфенчик, А. А. Использование социальных сетей в государственном управлении [Электронный ресурс] / А. А. Парфенчик // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://vgmu.hse.ru/data/2017/07/10/1170866575/Парфенчик%202-2017.pdf>. – Дата доступа: 26.01.2022.

4. Local E-Government 2.0: Social Media and Corporate Transparency in Municipalities [Electronic resource] / E. Bonson [et al.] // Government Information Quarterly. – 2011. – № 29(2). – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/234138019_Local_E-Government_20_Social_Media_and_Corporate_Transparency_in_Municipalities. – Date of access: 27.01.2022.

5. To What Extent is Social Media Used in City Government Policy Making? Case Studies in Three Asean Cities [Electronic resource] / A. Nurmandi [et al.] // Public and policy administration. Research journal. – 2018. – № 4. – Mode of access: <https://ojs.mruni.eu/ojs/public-policy-and-administration/article/view/4820>. – Date of access: 23.12.2021.

6. Rathore, A. K. Do Policymakers Use Social Media For Policy Design? A Twitter Analytics Approach [Electronic resource] / A. K. Rathore, D. Maurya, A. K. Srivastava // Research on User Involvement. – 2021. – № 25. – Mode of access: <https://journal.acs.org.au/index.php/ajis/article/view/2965>. – Date of access: 23.12.2021.

7. Cho, W. Citizen Coproduction and Social Media Communication: Delivering a Municipal Government's Urban Services through Digital Participation [Electronic resource] / W. Cho, W. D. Melisa // Administrative Sciences. – 2021. – № 11(2). – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/352418837_Citizen_Coproduction_and_Social_Media_Communication_Delivering_a_Municipal_Government%27s_Urban_Services_through_Digital_Participation. – Date of access: 23.12.2021.

8. Беленкова, Л. М. Социальные сети в информационной политике: формирование имиджа федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс] / Л. М. Беленкова, С. Ю. Белоконов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 1(15). – Режим доступа: <https://www.rcoit.ru/upload/iblock/2f6/Социальные%20сети%20в%20информационной%20политике%20формирование%20имиджа.pdf>. – Дата доступа: 23.12.2021.

9. Практика использования возможностей социальных медиа в работе по информированию граждан о деятельности органов государственной власти / А. Л. Ситковский [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2020. – 48 с.

10. Dominic, D. Effect of Social Media Usage in Government Agencies' Communication Effort [Electronic resource] / D. Dominic, I. A. Gisip // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2021. – № 3. – Mode of access: https://hrmars.com/papers_submitted/9277/effect-of-social-media-usage-in-government-agencies-communication-effort.pdf. – Date of access: 26.01.2022.

11. How and Why Social Media Affect Subjective Well-Being: Multi-Site Use and Social Comparison as Predictors of Change Across Time [Electronic resource] / D. Wirtz [et al.] // Public and policy administration. Research journal. – 2021. – № 22(4). – Mode of access: https://ideas.repec.org/a/spr/jhappi/v22y2021i4d10.1007_s10902-020-00291-z.html. – Date of access: 23.02.2021.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет, Минск

I. Kandrichina

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 316.46(324)

ПРОБЛЕМА ТОЧНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОГНОЗА

THE ISSUE OF THE ELECTORAL FORECAST ACCURACY

В статье рассматривается роль опросов общественного мнения в прогнозировании результатов выборов. Акцент сделан на проблему достижения точности электорального прогноза и анализ достоинств и недостатков трех основных технологий прогнозирования итогов выборов: электорального опроса, статистического моделирования и «рынков предсказаний».

Ключевые слова: электоральный прогноз; электоральный опрос; статистическая прогнозная модель; рыночный прогноз.

The article examines the role of public opinion polls in forecasting election results. The focus is on the problem of achieving the accuracy of the electoral forecast and the analysis of the advantages and disadvantages of the three main technologies for forecasting election results: electoral polling, statistical modeling and «prediction markets».

Keywords: electoral forecast; electoral polling; statistical forecast model; market forecast.

Роль опросов общественного мнения в ходе избирательных кампаний и их влияние на результаты выборов – предмет многочисленных исследований и публикаций, однако данные вопросы до сих пор остаются достаточно актуальными и дискуссионными. Электоральные опросы используются при прогнозировании итогов выборов, формировании стратегии избирательной кампании кандидатов и интерпретации поведения электората. Вместе с тем в настоящее время наблюдается тенденция снижения значимости опросов общественного мнения в электоральной борьбе и использование альтернативных технологий прогнозирования итогов выборов.

Первые электоральные прогнозы строились на основе суждений осведомленных наблюдателей, политических инсайдеров и лидеров [1]. Дж. Гэллап в 1936 г. впервые провел квалифицированный электоральный опрос, однако ненаучные соломенные опросы появились в 1824 г., когда неофициальные подсчеты возможных итогов выборов проводились в тавернах, милицейских офисах и на публичных собраниях [2].

В отличие от большинства тем опросов, электоральные опросы имеют критерий истинности – результаты выборов. Репутация исследовательских фирм в немалой степени зависит от точности данных оценок. Так, «Литерари Дайджеста» был одним из уважаемых журналов, успешно предсказывавшим результаты выборов с 1916 по 1932 г., но фиаско 1936 г. повлекло за собой потерю подписчиков и прекращение работы издания. Дж. Зогби

прославился благодаря точному прогнозу результатов президентских выборов 1996 г., а в 2010 г. он был назван «худшим социологом в мире» из-за ошибочных предсказаний [3].

Прогнозирование результатов выборов – это сложный процесс и рискованный бизнес, поэтому важно понять, почему одни опросы дают правильный результат, а другие – ложный. Сама задача оценки точности вызывает вопросы о том, как лучше ее измерить. Следует ли называть прогноз точным, если он правильно предсказывает победителя, долю голосов победителя или преимущества в процентных пунктах? В 1996 г. «CBS News» правильно предсказал победу Б. Клинтона на президентских выборах, но ошибся с долей полученных голосов. Дж. Гэллап ошибся всего на 2 процентных пункта в предсказании итогов выборов 2000 г., но он предрек неверного победителя всенародного голосования. В 2004 г. «Fox News» верно предугадал долю голосов Дж. Керри в 48 процентов, но неверно предположил его победу. Соответственно, выводы о точности могут варьироваться в зависимости от конкретного используемого критерия.

После провала электорального прогноза 1948 г. группа социологов во главе с Ф. Мостеллером выделила 8 критериев для оценки точности [4]. Сегодня используются «третья мера Мостеллера» – средняя абсолютная ошибка по всем основным кандидатам между прогнозом и фактическими результатами и «пятая мера Мостеллера» – абсолютное значение разницы между долей электората, разделяющей двух ведущих кандидатов в опросе, и разницей долей их электората в фактическом голосовании. Также используют прогностическую меру точности Э. А. Мартин, основанную на натуральном логарифме отношения шансов исхода в опросе и исхода на выборах. Однако продолжается поиск новых показателей точности.

На качество прогнозов могут влиять случайные и систематические ошибки выборки, организационные, методологические и технологические ошибки, а также ошибки покрытия, измерения, обработки и корректировки. Случайная ошибка выборки может привести к отклонению результатов от истинных (выборочная средняя выйдет за пределы заданного интервала), потому что в исследовании участвовала только выборочная совокупность респондентов, а не все представители генеральной общности. Подобные ошибки уменьшаются при увеличении размера выборки. Поэтому при публикации результатов выборочных опросов сообщаются доверительная вероятность (чаще всего 95 %) и доверительный интервал. Систематическая ошибка зависит от факторов, детерминирующих ход проведения исследования и смещение его результатов в определенную сторону. Например, занижение доли респондентов с высоким доходом в силу трудности доступа к ним и отказов от участия в исследовании. Такую ошибку можно минимизировать введением квот или перевзвешиванием данных, но ее размер сложно оценить.

При планировании и организации опросов следует учесть множество аспектов: выбор методов сбора и обработки информации, построение выбо-

рочной модели, соответствие логической программы обработки информации выдвинутым гипотезам, подготовка анкетеров/интервьюеров и операторов ввода первичной социологической информации, соблюдение правил формальной логики при операционализации основных понятий и формулировке вопросов, выбор сроков полевых исследований, времени проведения опроса и т. д. И каждое из этих методологических решений потенциально может повлиять на результаты. Эмпирически доказано, что количество дней, в течение которых проводится электоральный опрос, и их тип (выходные или будние дни) связаны с прогностической точностью и объективностью получаемых ответов [5]; телефонные опросы, исключая звонки на сотовые телефоны домохозяйств, искажают результат за счет уменьшения доли молодежи, а порядок вопросов влияет на ответы респондентов и, как следствие, приводит к различным оценкам поддержки тех или иных кандидатов. Существует широкий спектр манипулятивных технологий и методологических решений, непосредственно влияющих на качество получаемых данных, но для электоральных опросов, направленных на прогнозирование итогов выборов, особую роль играет определение вероятных и неопределенных избирателей.

Предвыборные прогнозы могут быть неточными и в силу того, что они основаны на собранных и обобщенных мнениях респондентов, которые могут подтвердить свой выбор, поменять суждение или не явиться на избирательные участки в день выборов. Кроме того, точный прогноз выборов основывается на предпосылке о том, что респонденты дают честные ответы на вопросы о явке и намерении проголосовать. Однако здесь появляется эффект социальной желательности. Опрашиваемые могут давать ответы, которые, по их мнению, являются предпочтительными для окружающих, тем самым подтверждая намерения явки как желаемого и ожидаемого от них поведенческого акта. Правдивость электорального прогноза также зависит от склонности людей менять свое мнение о кандидатах, о явке на выборы и намерении голосовать в период с момента опроса до дня выборов. Данные панельных исследований показали, что более 40 % респондентов меняют свое намерение голосовать хотя бы один раз в течение избирательной кампании [6]. Однако по-прежнему ведутся споры об источнике этой динамики на индивидуальном уровне. Чтобы свести к минимуму подобные ошибки и нивелировать их источники, сегодня электоральные опросы все чаще проводятся в ночь перед выборами, и именно этот окончательный опрос используется в оценках точности прогнозов.

Ряд исследований доказывают, что конкретные события предвыборной кампании детерминируют изменения мнений и оценок респондентов. А. Гельман и Г. Кинг утверждают, что увеличение количества опросов позволяет достичь более истинных показателей. Анализируя динамику электоральных опросов, К. Влезейн и Р. С. Эрикссон [7] объясняли до 50 % вариативности данных опроса просто ошибкой выборки. Они также обнаружили, что неординарные и непредсказуемые события избирательной

кампании порождают реальные подвижки в общественном мнении, однако данный эффект в начале электоральной борьбы быстро рассеивался, а в конце – приводил к устойчивым изменениям мнений.

Кандидаты могут пользоваться поддержкой различных групп избирателей, например в 2008 г. за Б. Обаму проголосовала необычно большая доля меньшинств и молодежи. Следовательно, одним из наиболее важных методологических решений является выбор вероятных избирателей, ведь прогнозы могут сильно варьироваться в зависимости от метода определения их численности. Каждая исследовательская фирма имеет собственные методы и модели определения вероятных избирателей, как правило, базирующихся на показателях регистрации избирателей, истории голосований и современных исследованиях политического участия и электорального поведения.

Задача электорального опроса состоит в том, чтобы предсказать, как избиратели будут отдавать свои голоса, поэтому наиболее стандартный вопрос звучит так: «Если бы выборы проводились сегодня, за кого бы вы проголосовали?». Здесь кроется еще одна методологическая трудность – учет мнений неопределившихся респондентов. Но сокращение доли неопределившихся избирателей с помощью различных механизмов распределения не обязательно повышает точность оценок [8]. Таким образом, хотя утверждается, что неопределившиеся респонденты вносят свой вклад в ошибку прогноза, до сих пор нет единого мнения о том, как этого избежать.

Признавая, что результаты индивидуальных опросов подвержены случайной ошибке выборки и прочим искажениям, стало популярным агрегировать данные различных опросов. Во многом облегчила данный процесс широкая доступность онлайн-агрегаторов опросов, например Pollster.com, FiveThirtyEight.com и RealClearPolitics.com. Агрегирование опросов помогает снизить волатильность прогнозов. Так, например, СМИ склонны уделять большое внимание каждому изменению, даже незначительному, электоральных настроений. В то же время большинство опросов, проводимых по заказу СМИ, охватывают небольшие выборочные совокупности и, как следствие, не могут выявить относительно небольшие ежедневные или еженедельные изменения в настроениях избирателей. Объединение результатов опросов в подобных случаях повышает точность данных – ведь больший размер выборки имеет меньшую погрешность. Существует множество методов агрегирования опросов, каждый из которых имеет свои плюсы и минусы. Некоторые агрегации просто берут среднее значение всех доступных результатов опросов. Другие – базируются на различных аналитических моделях, учитывающих специфические особенности организации, проведения и обобщения данных каждого из подлежащих агрегированию опросов. Например, Fivethirtyeight.com оценивает каждый опрос с помощью трех критериев: списка опрашиваемых, размера выборки и сроков проведения опроса. Третий вид агрегаций использует алгоритмы, включающие различные источники информации.

Несмотря на растущую популярность агрегирования результатов опросов, вопросы о наиболее эффективных методах объединения данных, учитывающих особенности организации и проведения эмпирических исследований, а также размеры и ошибки выборки, остаются дискуссионными.

В целом электоральные опросы, их методология, методы и технологии проведения хорошо зарекомендовали себя, однако нельзя отрицать и наличие неудач. Уменьшение влияния электоральных опросов и снижение уровня доверия к их результатам при увеличении их числа кажется парадоксальным. С другой стороны, это вполне объяснимо: ведь увеличение числа опросов приводит к большой вариативности данных и используемых методов и технологий социологического исследования. Отсутствие методологической прозрачности способствует возникновению скептицизма в отношении результатов исследований и отрасли в целом, побуждает к поиску альтернативных методов и технологий. Поведение электората пытаются трактовать на основе экспериментальных разработок и альтернативных методов изучения установок и мотивов поведенческих актов. Выбор стратегии избирательных кампаний основывается на имеющихся информационных ресурсах и базах данных избирателей. При прогнозировании итогов выборов все чаще используются статистическое моделирование и рыночные прогнозы.

С 1970-х гг. ученые разрабатывали макроэкономические статистические модели, используя агрегированные данные для прогнозирования результатов выборов, а с 1990-х гг. – различные конкурирующие модели. Большинство статистических моделей включают показатели деятельности правительства и экономики, хотя ведутся споры о том, какой конкретно экономический показатель следует использовать: рост ВВП, рост занятости, уровень инфляции или уровень жизни населения, субъективные оценки своего благосостояния. Например, согласно модели Р. Фейра рост реального дохода граждан в расчете на душу населения на 1 % позволяет получить дополнительные 1,6 % голосов избирателей, а уровень безработицы выше 6,7 % отрицательно сказывается на рейтинге кандидата. Также дискуссионным остается вопрос о включении в статистическую модель таких переменных, как валовое накопление, взгляды на военный бюджет, милитаризацию, ядерную энергетику. Однако все модели основаны на базовой теории общественного выбора, классических теориях электорального поведения и теории голосования, согласно которым медианный избиратель склонен переизбирать действующих должностных лиц в стабильных социально-экономических условиях, а в периоды экономического спада, социального кризиса или социальной трансформации чаще имеет место электоральный успех «новых» лиц и стратегическое голосование.

Существует мнение, что электоральные прогнозы, построенные на основе статистических моделей, превосходят в точности другие виды прогнозов итогов выборов. М. Льюис-Бек утверждает, что в долгосрочной перспективе статистическое моделирование покажет себя как более эффективный и точный метод прогнозирования по сравнению с другими

методами, базирующимися, например, на данных опросов общественного мнения и на фьючерсах кандидатов, не имеющими фундаментальной теоретической основы, а просто предоставляющими точечные оценки по зависимой переменной [9].

Сегодня используется множество статистических моделей, но постулировать о 100-процентной точности подобного прогноза нельзя. Например, модель Р. Фейра предоставляла верные прогнозы итогов нескольких выборов, а в 1992 г. дала худший результат. А в 2002 г. Р. Фейр представил новую математическую модель, позволяющую оценить шансы кандидата.

Одним из недостатков статистических прогнозных моделей является предсказание итогов народного голосования, а не результата избирательной кампании. Учитывая двухпартийную систему США, всенародное голосование обычно попадает в довольно узкий диапазон значений, ведь в течение довольно продолжительного времени доля голосов победителя незначительно отклоняется от 50-процентного значения (Дж. Байден – 51,3 %, Д. Трамп – 46,1 %, Б. Обама – 51,1 и 52,9 %, Дж. Буш – 50,7 и 47,9 %).

Еще один недостаток статистического моделирования заключается в широком диапазоне альтернатив, включая победу противоположного кандидата, и в необходимости большого массива агрегированных данных, который редко удается собрать. Более того, согласно Дж. П. Грину [10], тенденция выбора модели прогнозирования на основе прошлых выборов приводит к недооценке определенных факторов, влияющих на электоральный выбор. Л. Ваврек утверждает, что неточность прогнозов, базирующихся на экономических моделях, кроется в отсутствии учета специфики содержания избирательной кампании, программ и выступлений кандидатов, их взглядов на социально-экономическое развитие, геополитическую ситуацию и прочие общественно значимые вопросы и проблемы [11].

Другой альтернативой прогнозированию выборов являются «рынки предсказаний», такие как электронный рынок Айовы. Здесь люди покупают и продают фьючерсы кандидатов, основываясь на том, кто, по их мнению, победит на выборах. Например, в 2008 г. фьючерсы Б. Обамы продавались за 0,60 доллара, что указывало на то, что Б. Обама получит 60 % голосов на выборах. В 2020 г. фьючерсы Д. Трампа на бирже FTX продавались за 0,618 доллара, соответственно, 61,8 % пользователей FTX ожидали его переизбрания.

Преимущества рыночных прогнозов достаточно широко обсуждаются. Дж. Берг [12] утверждал, что предсказания, основанные на котировках фьючерсов кандидатов, точнее, чем базирующиеся на результатах электоральных социологических исследований. Р. С. Эриксон и К. Влезьен [7] доказали, что данное преимущество исчезает при агрегировании данных опросов. Д. Ротшильд [13] обнаружил, что при условии учета предубеждения, предубеждений и стереотипов массового сознания по точности они превосходят прогнозы, сделанные на основе агрегированных опросных данных, но по мере приближения дня выборов точность обоих увеличивается в разной мере.

Хотя на основе «рынков предсказаний» и статистических моделей порой можно получить более точные прогнозы итогов выборов, необходимо отметить, что электоральные опросы и рейтинги, составленные на их основе, играют косвенную роль при их формировании. Ведь многие статистические модели включают в себя уровень доверия кандидату и/или их партиям, их рейтинги и оценки их политических программ. А инвесторы электронных рынков и бирж принимают во внимание результаты электоральных опросов, делая ставки и приобретая фьючерсы кандидатов. Кроме того, даже идеально точный электоральный прогноз мало способствует пониманию поведения избирателей, специфики выбора кандидата или динамики мнений электората. В то время как представляется важным не только верно предсказать результаты выборов, но и объяснить, почему тот или иной кандидат одержал победу. А с этой задачей статистические прогнозные модели и рыночные прогнозы не справляются, в отличие от электоральных опросов.

Список использованных источников

1. *Kernell, S.* Life before Polls: Ohio Politicians Predict the Presidential Vote / S. Kernell // *Political Science and Politics*. – 2000. – Vol. 33. – P. 569–574.
2. *Smith, T. W.* The First Straw? A Study of the Origins of Election Polls / T. W. Smith // *Public Opinion Quarterly*. – 1990. – Vol. 54(1). – P. 21–36.
3. *Silver, N.* The Worst Pollster in the World Strikes Again / N. Silver // *Public Opinion Quarterly*. – 2009. – Vol. 73(5). – P. 845–865.
4. *Mosteller, F.* The Pre-Election Polls of 1948: Report to the Committee on Analysis of Pre-Election Polls and Forecasts / F. Mosteller, H. Hyman, P. McCarthy. – NY: Social Science Research Council, 1949.
5. *Lau, R.* An Analysis of the Accuracy of “Trial Heat” Polls in the 1992 Presidential Election” / R. Lau // *Public Opinion Quarterly*. – 1994. – Vol. 58. – P. 2–20.
6. *Hillygus, D.* The Persuadable Voter / D. Hillygus, T. Shields. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.
7. *Erikson, R. S.* Are Political Markets Really Superior to Polls as Election Predictions? / R. S. Erikson, C. Wlezien // *Public Opinion Quarterly*. – 2008. – Vol. 72. – P. 190–215.
8. *Hoek, J.* Factors Affecting Poll Accuracy: An Analysis of Undecided Respondents / J. Hoek, P. Gendall // *Marketing Bulletin*. – 1997. – Vol. 8. – P. 1–14.
9. *Lewis-Beck, M.* Election Forecasting: Principles and Practice / M. Lewis-Beck // *British Journal of Political Science*. – 2005. – Vol. 7(2). – P. 145–184.
10. *Greene, J. P.* Forewarned Before Forecast: President Election Forecasting Models / J. P. Greene // *Political Science and Politics*. – 1993. – Vol. 26. – P. 17–21.
11. *Vavreck, L.* The Message Matters: The Economy and Presidential Campaigns / L. Vavreck. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.
12. *Berg, J.* Results from a Dozen Years of Election Futures Market Research. In *Handbook of Experimental Economic Results* / J. Berg. – Amsterdam: Elsevier, 2001. – P. 742–751.
13. *Rothschild, D.* Forecasting Elections: Voter Intentions versus Expectations / D. Rothschild, J. Wolfers // *Public Opinion Quarterly*. – 2010. – Vol. 73(5). – P. 895–916.

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

В. А. Козловский

Белорусский государственный университет, Минск

Ul. Kazlouski

Belarusian State University, Minsk

УДК 351

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF E-GOVERNMENT

В статье рассматриваются подходы к определению понятия электронного правительства. Описываются основные этапы его формирования. Приводится дифференциация понятий цифрового и электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство; электронная демократия; государственное управление; цифровизация; государственные органы; информационные технологии.

The article discusses approaches to the definition of the concept of e-government. The main stages of e-government formation are described. The differentiation of the concepts of digital and electronic government is given.

Keywords: e-government; e-democracy; public administration; digitalization; public authorities; information technologies.

Концепт электронного правительства начал достаточно активно разрабатываться зарубежными и отечественными политологами на рубеже XX–XXI вв., когда информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали все шире использоваться в политике и управлении, а сеть Интернет предоставила принципиально новые возможности для информатизации всех управленческих процессов.

Разработка концепции электронного правительства стала ответом на актуальные вызовы времени, связанные с необходимостью внедрения инновационных цифровых и смарт-технологий в систему политического управления с целью повышения его качества и эффективности. Этого предполагалось достигнуть с помощью цифровизации государственных услуг и более эффективного использования потоков информации в системе управления. Постепенно в исследованиях по изучению электронного правительства сформировались основные направления, среди которых: цифровые государственные услуги и информационная безопасность; управление информацией и гражданские инициативы и др. [1].

В политической науке первоначально акцент в исследованиях электронного правительства был сделан на цифровизации управления и предоставлении услуг в электронном виде. В этом отношении достаточно репрезентативно определение электронного правительства, данное американским

политологом Д. Уэстом, – «использование органами государственной власти сети Интернет и других цифровых средств для предоставления государственных услуг и информации, а также реализации демократии» [2].

Однако такой узкий подход к использованию информационных технологий в политическом управлении справедливо вызывал критику многих исследователей, которые предлагали сделать акцент на более значимых достижениях – повышении эффективности управления, внедрении инноваций, развитии конструктивных взаимосвязей между властью и гражданским обществом с помощью новых технологий. Стремительное развитие Четвертой промышленной революции, принесшей с собой более высокий уровень развития техники и технологий, сделало возможным использовать более высокий уровень цифровизации в системе политического управления, что привело к формированию новой модели правительства [3].

В Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития 2014 г. по разработке стратегий цифрового правительства феномен цифровой трансформации в государственном управлении рассматривается как переход от «электронного правительства» к «цифровому правительству», от использования технологий для поддержки процессов в органах власти к использованию технологий для формирования результатов государственного управления. Цифровое правительство при таком подходе основывается на экосистеме, в состав которой входят как органы государственного управления, так и негосударственные организации, бизнес, ассоциации граждан и граждане, предоставляющие производство и доступ к данным, услугам и контенту на основе взаимодействия с государством [4].

Многие авторы отождествляют понятия «электронное правительство» и «электронное государство». Р. Ф. Азизов отмечает, что «термин «E-government» в дословном переводе означает «электронное государство», соответственно, термин «электронное правительство» гораздо уже и в собственном смысле обозначает использование электронных технологий в деятельности органов исполнительной власти (правительства)» [5]. Аналогичную позицию высказывает М. А. Буринов: «распространенный в мировой практике термин «E-government» имеет множество значений [6].

В. И. Решетняк и Е. С. Смагина, обобщая и опираясь на опыт трудов своих соотечественников, предлагают толкование термина «электронное государство» как обозначение всего государства в целом, представленного тремя ветвями власти, использующими в своей деятельности современные информационно-коммуникационные технологии [7].

Сходной позиции придерживается Р. Ф. Азизов, считая, что «реализация электронного государства создает предпосылки для формирования принципиально новой модели демократии – цифровой (электронной) демократии (digital democracy), основанной на более полном подчинении деятельности государства обществу и возможности прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов путем онлайн-голосования» [8]. Данный вопрос наиболее ориентирован на один из составных элементов

электронного государства – электронную демократию и требует дополнительного изучения. Также встречается определение электронного государства как системы государственных органов власти, осуществляющих свои полномочия в интерактивном режиме [9].

Л. В. Приходько описывает электронное государство в наиболее широком смысле и представляет его как «способ организации государственной власти, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий» [10]. Все точки зрения так или иначе отражают отдельные аспекты, характерные для электронного управления государством и взаимодействия органов власти, населения и бизнес-сообщества.

Согласно определению И. Л. Бачило, электронное правительство представляет собой систему органов и организаций, нацеленных на создание условий, при которых обеспечивается формирование таких параметров Российского государства, при которых оно может рассматриваться как информационное общество [11].

М. А. Буринов толкует термин «электронное правительство» в широком смысле, указывая на то, что его следует воспринимать в контексте наиболее масштабных реформ государственного управления [12]. А. В. Коротковым предложена следующая характеристика электронного правительства: это государственное управление с использованием ИКТ для оказания государственных услуг, совершенствования взаимоотношений с гражданами и организациями, между органами государственной власти, а также внутренних процедур деятельности [13].

Выделяют также «радикальное» и «умеренное» направления в истолковании электронного правительства. Сторонники первого направления считают, что посредством создания электронного правительства внутриорганизационные отношения приобретают иной характер, а также происходит трансформация всего комплекса отношений органов государственного управления с гражданами. Сторонники второго направления полагают, что это понятие отражает модернизацию деятельности государственного управления путем применения информационных технологий, что в итоге позволяет повысить его эффективность в предоставлении услуг гражданам [14].

Исследование подходов к понимаемой концепции электронного правительства является важным элементом для составления общей картины в представлении о сущности процессов цифровизации системы государственного управления. Основной особенностью определения электронного правительства является его лингвистическая составляющая, поскольку сам термин происходит из английского языка, где слово «government» может употребляться как в значении «правительство» (исполнительная ветвь власти), так и в значении «государство» (как совокупность институтов государственной власти и системы взаимоотношений между органами государственной власти (ОГВ) и гражданами).

Становление электронного правительства произошло в большинстве стран мира – как развитых, так и развивающихся – в 2000-х гг. Основная

причина востребованности проекта «электронное правительство» заключалась в том, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти связывалось с повышением эффективности и результативности их работы, позволяло существенно сократить расходы на содержание структур исполнительной власти.

В 1997 г. администрация США впервые сформулировала идею онлайн-обслуживания граждан в своем Национальном докладе «Доступ к Америке: реинжиниринг с помощью информационных технологий». И действительно, созданный в 2000 г. американский портал «FirstGov» начал работать с целью предоставления всей правительственной информации в интернете.

Развитие государства на рубеже веков опубликовали свои стратегии электронного правительства [15]:

- Франция – программа реформ «Правительственный план действий для информационного общества», 1998 г.;

- Великобритания – первая стратегия опубликована в апреле 2000 г. В документе «Электронное правительство: стратегические рамки для государственных служб в информационную эпоху» говорится о необходимости создания общегосударственной информационной инфраструктуры, содержится призыв к подразделениям государственного сектора модернизироваться и внедрять инновации;

- Сингапур – «План действий по электронному правительству» с сильным акцентом на ускорение конкурентоспособности и создание экономики знаний, 2000 г.;

- Южно-Африканская Республика – стратегия «Электронное правительство – цифровое будущее: политика в области информационных технологий для государственных служб», 2001 г.;

- Индия – подготовлен «Национальный план действий по управлению», представленный премьер-министру в 2003 г.;

- Россия – в январе 2002 г. Постановлением Правительства Российской Федерации утверждена Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия 2002–2010 годы», важнейшими задачами которой были заявлены «переход на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти; обеспечение решения задач государственного управления с использованием элементов электронного правительства; развитие инфраструктуры электронного правительства».

Важно отметить, что государства видели огромные возможности в области электронного правительства и делали значительные инвестиции в развитие этого глобального проекта. Эти возможности, позволяющие получить дивиденды, используя потенциал проекта, определялись в разных странах по-разному. «В США это внедрение технологий через специально созданные правительственные агентства, в Великобритании это инновации в предоставлении услуг, в Индии – более прозрачное правительство,

в Сингапуре – более тесное сотрудничество между правительством и гражданами для усиления инноваций» [15].

Существует большое количество литературы, опубликованной исследователями и научными организациями, аналитическими центрами и консалтинговыми компаниями, которые достаточно полно описывают историю и этапы развития электронного правительства. Но среди всех следует особо отметить Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ООН), который с 2001 г. выпустил глубокое и детальное исследование по развитию электронного правительства в мире. К настоящему времени им опубликован самый полный набор сравнительных характеристик и оценок. В исследованиях ООН рассмотрены присутствие в интернете и уровень зрелости электронного правительства всех 193 стран – членов ООН (на данный момент) и даны оценки более 50 000 функций, реализованных их порталами [16].

Первая волна внедрения электронного правительства произошла в большинстве стран мира одновременно, независимо от того, были они развитыми или развивающимися. Основные надежды возлагались на технологии и гипотезу, что преобразование функционирования «бэк-офиса» автоматически приведет к улучшению обслуживания и снижению затрат. Государства вошли в виртуальный мир, просто разместив информацию о себе в интернете, предоставив справочную информацию, такую как часы работы государственной структуры или документы, необходимые для исполнения определенной функции и получения простой услуги. Со временем были добавлены интерактивные функции для взаимодействия с чиновниками посредством отправки электронных писем.

Таблица

Этапы развития электронного правительства

Этап	Характеристика этапа
1-й этап. Информирование	ОГВ просто присутствуют в сети. На электронных ресурсах предоставляется базовая информация об органах, их работе и функционале
2-й этап. Взаимодействие	На ресурсах ОГВ появляется возможность взаимодействия посредством отправки электронных писем, заполнения форм, загрузки электронных документов
3-й этап. Транзакции	Появляется возможность аутентификации пользователей. Часть услуг оказывается непосредственно в электронном формате с использованием сети Интернет. Возможно использование цифровой подписи
4-й этап. Трансформация	Оказание услуг и взаимодействие с ОГВ переносится в электронный формат. Происходит переосмысление процессов взаимодействия, развиваются процессы электронного голосования и электронной демократии

Согласно данным отделения государственного управления и управления развитием ООН и Американского общества государственного управления 1-й этап (информирование) возможно разделить на развивающееся

веб-присутствие и продвинутое веб-присутствие, которые отличаются уровнем взаимодействия с пользователями электронными ресурсами. В продвинутом веб-присутствии появляется уже постоянно обновляемая информация от ОГВ и электронные документы, соответствующие деятельности государственного учреждения [17].

Для цифрового правительства характерно активное привлечение к производству и оказанию услуг частного сектора. Именно они являются ключом к успешной цифровизации государственных услуг по трем причинам [18]:

1. Цифровизация требует сильного общего стратегического руководства и соответствующих инвестиций политического, административного, социального и финансового капиталов; для того чтобы получить реальную отдачу, эти факторы должны быть преобразованы в специфические для конкретных организаций стратегии, инициативы и планы.

2. Цифровизация имеет внешнее измерение – предоставление цифровых улучшенных услуг гражданам и предприятиям. Такое измерение услуг может быть проведено на агрегированном общегосударственном уровне. Однако очень сложно преобразовать эти данные в конкретные меры политики, решающие конкретные проблемы, с которыми сталкивается бизнес-структура в конкретной области.

3. Цифровизация является, по меньшей мере, в такой же степени вопросом внутренней реформы, как и трансформация услуг. Новые и инновационные услуги должны основываться на цифровых инфраструктурах и платформах корпоративного уровня, должны быть интегрированы во внутренние процессы организации.

Важно подчеркнуть, что в реалиях государственных учреждений цифровизация их модели предоставления услуг не является отдельной задачей – она тесно связана с их усилиями по внутренней цифровизации. И для достижения этой сложной целостной трансформации учреждения необходимо осознание, что, глубоко проникая в саму государственную структуру, цифровизация неизбежно влечет за собой перестройку всей технологической среды процессов.

Цифровое правительство как качественное изменение электронного правительства при встраивании в государственную политику цифровизации имеет ряд отличительных аспектов:

1. Все, что делает государство, должно иметь цифровую форму. Речь идет не просто об оцифровке контента, а о полном изменении идеологического подхода к формированию государственной политики.

2. Требуется изменение существующей законодательной базы. Законодательные акты должны позволять на практике реализовывать цифровой подход к формированию государственной политики, принятию решений и при выборе инструментов взаимодействия.

3. Государственная служба должна перейти на новый формат работы. Приоритетной задачей становится цифровой формат работы. Деятельность ОГВ максимально открыта, прозрачна и доступна к взаимодействию.

Цифровое правительство должно постоянно находиться в тесном контакте не только с государственными структурами, но и с гражданами, их объединениями, бизнес-сообществом.

4. Государственный служащий выполняет роль менеджера. Его основной обязанностью становится выявление и анализ проблем, поиск путей решения, работа со стейкхолдерами. Уже не требуется быть узким специалистом в своей области, а ценятся гибкие навыки и умение работать с людьми и широким спектром задач.

5. Органы государственной власти становятся более «невидимыми» и осуществляют свои функции посредством цифровых платформ, расширяя свое присутствие, становясь при этом менее давящими на гражданское общество. Выстроенная система электронного взаимодействия позволяет превратить весь спектр контактов в формат «запрос – услуга».

Можно отметить, что доминирующим на сегодняшний день определением является обозначение цифрового правительства как эволюционного этапа электронного правительства. По своей сути данные категории различаются исключительно степенью цифровизации отдельных элементов системы государственного управления. Чем глубже и интенсивнее уровень цифровизации, тем качественнее электронное правительство переходит к уровню цифрового.

Однако, исходя из характеристик электронного и цифрового правительств, заметим, что принципиальной разницы между обоими понятиями нет, они имеют взаимодополняющий характер. Мы можем обозначить, что центральным элементом, который можно назвать решающим в определении границы между электронным и цифровых правительством, по нашему мнению, является укрепление «идеологии цифрового развития». Закрепление данной идеологии в сознании означает обращение в решении всех вопросов в первую очередь к цифровым ресурсам и технологиям. Однако данный фактор не является решающим в определении теоретико-методологической разницы в понятиях электронного и цифрового правительства, что по сути позволяет нам не придерживаться жесткого разделения этих понятий.

Список использованных источников

1. *Delcambre, L.* Digital Government Research in Academia / L. Delcambre, G. Giuliano // Computer. – 2005. – Vol. 38, № 12. – P. 33–39.
2. *West, D. M.* Digital Government: Technology and Public Sector Performance / M. D. West. – New Jersey: Princeton University Press, 2005. – 234 p.
3. *Василенко, И. А.* Особенности формирования концепции «цифрового правительства» в политической науке и перспективы ее реализации в России / И. А. Василенко // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 82. – С. 218–244.
4. OECD. Recommendation of the Council on Digital Government Strategies / OECD. – Paris: OECD Publishing, 2014. – 12 p.

5. Азизов, Р. Ф. Проблема соотношения терминов «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве / Р. Ф. Азизов // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2014. – № 4(33). – С. 135–143.

6. Буринов, М. А. Построение электронного государства как фактор модернизации государственного управления в регионах / М. А. Буринов // Философия социальных коммуникаций. – 2013. – № 1(22). – С. 123–129.

7. Решетняк, В. И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) / В. И. Решетняк, Е. С. Смагина. – М.: Городец, 2007. – 304 с.

8. Азизов, Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства / Р. Ф. Азизов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 4(35). – С. 22–27.

9. Мусихина, И. А. «Электронное правительство» как способ взаимодействия органов власти с гражданами / И. А. Мусихина // Инновационные технологии в управлении: сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Марченко. – 2016. – Вып. 2. – С. 225–228.

10. Приходько, Л. В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» / Л. В. Приходько // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 82–86.

11. Бачило, И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное / И. Л. Бачило. – М.: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. – 277 с.

12. Буринов, М. А. Электронное правительство как фактор совершенствования регионального управления в условиях информационного общества / М. А. Буринов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 3. – С. 17–19.

13. Коротков, А. В. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества / А. В. Коротков, Б. В. Кристальный, И. Н. Курносков. – М.: ТРЕЙН, 2007. – 469 с.

14. Баранов, Н. А. Понятие электронного правительства [Электронный ресурс] / Н. А. Баранов. – Режим доступа: http://nicbar.ru/adm_sist_lekzia11.htm. – Дата доступа: 14.02.2022.

15. Falk, S. Digital Government Leveraging Innovation to Improve Public Sector Performance and Outcomes for Citizens [Электронный ресурс] / S. Falk, A. Römmele, M. Silverman. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-38795-6>. – Дата доступа: 14.02.2022.

16. 2020 United Nations E-Government Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey>. – Дата доступа: 14.02.2022.

17. United Nations and American Society for Public Administration. 2001. Global Survey of E-government // Международные организации и программы в области развития информационно-коммуникационных технологий: аналитический обзор / Фонд экономических исследований «Новая экономика». – СПб., 2002. – 40 с.

18. Frach, L. Measuring Digital Government: How To Assess and Compare Digitalisation in Public Sector Organisations [Электронный ресурс] / L. Frach, T. Fehrmann, P. Pfannes. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/309918175_Measuring_Digital_Government_How_to_Assess_and_Compare_Digitalisation_in_Public_Sector_Organisations. – Дата доступа: 14.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

Р. Н. Козыренко

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

R. Kozyrenko

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Mogilev

УДК 32

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В БОГОСЛОВСКИХ И АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (X–XIII ВВ.)

THE IDEA OF JUSTICE IN THE THEOLOGICAL AND HIGIOGRAPHIC WORKS OF DOMESTIC AUTHORS OF THE EARLY MIDDLE AGES (X–XIII CENTURIES)

В статье с использованием этического подхода к изучению в политической науке феномена справедливости анализируются доминирующие представления о справедливости, получившие отражение в богословских и агиографических произведениях отечественных авторов в период вхождения белорусских земель в состав Древнерусского государства – источниках общественно-политической мысли Киевской Руси.

Ключевые слова: идея; справедливость; Древнерусское государство; православие; агиография; богословие.

The article uses an ethical approach to the study of the phenomenon of justice in political science to analyze the dominant ideas about justice, which were reflected in the theological and hagiographic works of domestic authors during the period when the Belarusian lands became part of the Old Russian state – the sources of socio-political thought of Kievan Rus.

Keywords: idea; justice; Old Russian state; orthodoxy, hagiography; theology.

Современные тенденции развития идеи справедливости как одной из составляющих государственной идеологии Республики Беларусь диктуют объективную необходимость изучения генезиса и эволюции этой идеи в различные периоды истории общественно-политической мысли Беларуси, важнейшим из которых является раннее Средневековье (V–XIII вв.). При этом особенно актуально изучение представлений о справедливости в социально-политических воззрениях мыслителей Древнерусского государства, в состав которого входили располагавшиеся на территории современной Беларуси княжества раннефеодального типа, оказавшиеся в IX–XIII вв. в сфере влияния киевских князей [1, с. 85].

По утверждению бельгийского историка средневековой философии Мориса де Вульфа (1867–1947), для распознавания духа средневековой цивилизации следует при ее исследовании «рассматривать и определять отдельно каждый фактор, как таковой, а также с должным уважением к его индивидуальной значимости в любую взятую эпоху» [2, с. 10].

Важнейшим фактором, предопределившим развитие в Древнерусском государстве доминирующих представлений о справедливости, стало принятие в конце IX в. по инициативе княжеской власти христианства по греко-византийскому образцу.

В сложившейся внутривосточной и международной обстановке киевский князь Владимир I Святославич (978–1015) обратился к мировым религиям, в центре которых было представление о равенстве всех людей перед Богом и божественность всякой власти. Выбор князя в пользу христианства по греко-византийскому образцу исключал возможность политического конфликта Древнерусского государства с Византией – сильнейшим государством Восточной Европы, а также какую-либо зависимость от Константинополя как самого Владимира, так и иерархов будущей русской церкви и позволил князю занять киевский княжеский престол, на который он в силу низкого происхождения не мог претендовать. Принятие христианства позволило князю Владимиру решить несколько важнейших задач: укрепить княжескую власть, сохранить единство древнерусского государства и ввести его в круг стран тогдашнего «цивилизованного мира» [3, с. 75–76]. Известно, что в сфере влияния князя Владимира I Святославича, после занятия им Киева, находилось Полоцкое княжество.

По утверждению белорусского исследователя христианизации Руси Г. М. Филиста, к положительным последствиям введения христианства богословы относят интегрирующую способность русского православия и его заслуги в формировании единой «святой Руси» [4, с. 200]. В XII в. православное христианство превратилось в традиционную национальную религию, объединяющую общим миропониманием в единый христианский народ разноплеменное население Древнерусского государства. При этом православная церковь укреплялась и приобретала все большее влияние в политической и общественной жизни этого государства. По мнению известного украинского историка П. П. Толочко, «интересы государства и церкви в XII–XIII вв. на Руси <...> настолько тесно переплелись, что порой просто невозможно отличить, где кончается компетенция юрисдикции государственной и начинается – церковной, и наоборот» [5, с. 230].

Появление в XII в. Полоцкой и Туровской епископских кафедр знаменовало начало процесса христианизации белорусских земель, оказавшихся в сфере влияния Древнерусского государства. Одним из центров христианства на белорусских землях был упоминаемый в летописях до 1159 г. Изяславль (Заславль), в который князем Владимиром I Святославичем была отправлена в специально построенный монастырь полоцкая княжна Рогнеда, мать его сына Изяслава.

Вероисповедную основу православия составили признаваемые высшими авторитетами в делах веры и не противопоставляемые друг другу Священное Писание и Священное предание (вероопределения и правила первых Семи Вселенских Соборов и тех поместных соборов, авторитет

которых признан VI Вселенским собором, труды отцов и учителей церкви); древняя практика Церкви [6, с. 105; 7, с. 826].

Православное вероучение опирается на совокупность догматов – авторитетных, непререкаемых и безусловно неизменных, истин, являющихся результатом Божественного откровения. Основными из них являются догматы троичности Бога, боговоплощения и искупления. Православное вероучение содержит также догматы о происхождении, назначении и конце мира, о человеке и его греховной природе, о божией благодати [8, с. 180].

Видный православный мыслитель и историк Г. В. Флоровский (1893–1979) утверждает, что в эти века в рядах русских церковных деятелей богословов не было [9, с. 21]. В то же время он отмечает, что на содержание православного христианского идеала повлияло «принятие Кирилло-Мефодиевского наследия <...>. Непосредственное духовно-культурное соприкосновение с Византией и с греческой стихией было уже вторичным» [9, с. 17]. Известный российский историк и философ С. В. Перевезенцев указывает, что православные мыслители обращали внимание прежде всего на религиозно-мистические способы постижения Бога [6, с. 105–106].

Православие оказало серьезное влияние на общественно-политические воззрения древнерусских мыслителей и развитие отечественной общественно-политической мысли. Результатом освоения и осмысления церковной и политической элитой Киевской Руси главных христианских вопросов явилось появление многочисленных оригинальных произведений церковной литературы, в которых, рассуждая на богословские темы, древнерусские церковные мыслители предлагали в русле христианского вероучения и христианской этики решение важнейших общественно-политических проблем.

В этих произведениях определенным образом получили отражение доминирующие представления о справедливости, характерные для церковной и политической элиты Древнерусского государства. Православные догматы представлялись правилами внутренней политики и права [4, с. 166], а смысловые и целевые установки существования Древнерусского государства формулировались по аналогии с библейскими сюжетами и символами [6, с. 132].

В настоящем исследовании мы опираемся на представления тех древнерусских мыслителей эпохи Киевской Руси, которые наиболее близки северо-восточным славянам.

Что касается христианской этики, то ей присуще признание Иисуса Христа, совершившего моральный подвиг самопожертвования, Богом для христианского мира и нравственным идеалом, вечным образцом человечности и доброты. Евангелие говорит о любви, безграничном милосердии, о Царстве Божиим – фантомной государственности, содержит обещание скорого спасения от зла, последовательную критику эгоизма и стяжания, презрение к богатству [10, с. 100, 112].

Исследование в русле этического подхода доминирующих представлений о справедливости в богословских и агиографических произведениях

древнерусских мыслителей позволяет выявить сущность этих представлений о справедливости как нравственной категории, определяющей взаимоотношения в политической сфере.

В духе христианского вероучения и христианской этики изложены представления о справедливости одним из первых древнерусских мыслителей – Иларионом (кон. X – нач. XI в. – ок. 1054/1055) – идеологом древнерусского христианства, первым Киевским митрополитом славянского происхождения (с 1051, до того митрополит назначался не из славян) в созданном между 1037 и 1050 гг. трактате «О Законе Моисеем данном и о Благодати и Истине в Иисусе Христе явившихся и о том, как Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский. Похвала государю нашему Владимиру, им же мы крещены были; Молитва Богу от всей земли нашей Господи, благослови Отче» [11, с. 16], впоследствии озаглавленный переписчиками как «Слово о Законе и Благодати».

Иларион, в русле возникшей с принятием православного христианства идеи собственного пути развития Древнерусского государства, последовательно излагает свое видение относительно того, каким должно быть будущее этого государства, связанное с особой предначертанной Руси исторической миссией и укреплением института великокняжеской власти.

Главной темой «Слова», представляющего программу независимости Древнерусского государства от Византии, является прославление Русской земли. Иларион описывает как должное распространение христианства на Руси: «И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять» [12]. Принятие Русью христианства – залог ее равноправия с другими христианскими народами. Представляя крещение Руси как одно из звеньев общего процесса христианизации народов, Иларион утверждает, что все народы проходят путь от рабства к свободной жизни, которую дает им христианство. Таким образом обосновывается религиозная независимость и самобытность русского народа, отрицается необходимость политической опеки Византии над Русью.

В зачине «Слова» Иларион рассуждает о соотношении Ветхого и Нового заветов. Ветхий завет, основу которого составляет данный Моисеем «закон», именуется «Законом», противопоставляемый ему Новый завет, священные книги христианства – «Благодатью». «Закон» состоял из жестких предписаний и взывал к биологической природе человека, тогда как «Благодать» – к его духовной сути [13, с. 106].

По мысли Илариона, ветхозаветный закон, связанный с иудейской традицией и с темой рабства, охватывает узкий круг людей и ограничен исторической деятельностью одного народа («племя Авраамово») для «предупреждения к Истине и Благодати»: «Прежде Закон, потом Благодать; прежде тень, потом Истина» [12]. По мысли Илариона, благодаря установленному Ветхим Заветом Закону как проводнику чужой воли люди способны избежать взаимного истребления. Принесенная после Закона Христова

Благодать, с постижением которой связано нравственное поведение человека в обществе, не нуждающееся в принудительной силе Закона, «больше первого стала», «всю землю объяла, и, как вода морская, покрыла ее» [12]. Благодать, воплощающая идеал христианства, безгранична, имеет вселенское универсальное значение. Иисус, в котором Истина и Благодать присутствуют изначально и который не может лишиться Благодати, указывается в качестве носителя воплощенной в Новом завете Истины, распространителя ее на всех людей независимо от их национальности. Только познание Истины представляет человеку свободу в выборе своего поведения.

Достижение Благодати доступно каждому. Однако условием ее обретения человеком Иларион называет принятие православия, поскольку, по его мысли, благодать дается человеку при крещении.

Люди всегда будут поступать справедливо («не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит» [12]) только в случае сознательно и свободного следования в своем поведении заповедям Христа.

Киевский князь Владимир, образ которого рассматривается в тесной взаимосвязи с образом Бога, предстает как справедливый и мудрый христианский правитель, всегда следовавший путем правды [читай: справедливости. – *Р. К.*] и истины («справдою был облечен, <...> истинною обут» [12]), выступавший защитником несправедливо обижаемых и угнетаемых в соответствии с установленным им на основе христианского учения справедливым законом.

По мнению Илариона, крещение языческой Руси, без которой она не в состоянии познать истинного Бога и получить Благодать, – исключительно результат воли и дальновидности самого князя Владимира. Деятельностью справедливого князя, его справедливыми законами, а не влиянием Византии, обеспечивается пребывание Древнерусского государства и всех его подданных в Благодати.

Прославляя князя Владимира как справедливого идеального христианского правителя, Иларион наделяет справедливостью как одной из важнейших нравственных характеристик и саму княжескую власть, выдвигая таким образом требование справедливости к сильной государственной власти в целом. Желая и в дальнейшем такого правления в Древнерусском государстве, Иларион описывает как достойного продолжателя дел Владимира его сына Ярослава, «которого Господь создал преемником твоему владычеству: не нарушающим твоих уставов, но утверждающим» [12].

Таким образом, в «Слове о Законе и Благодати» представления о справедливости неразрывно связаны с необходимостью принятия христианского вероучения, с идеей равенства всех христианских народов, а также с идеей сильной суверенной государственной власти, обеспечиваемой на всей территории Древнерусского государства высоким уровнем установленных на основе христианского вероучения законов. Обязательным условием достижения справедливости объявляется неукоснительное следование христиан в своем поведении и поступках новозаветным установлениям,

обеспечение интересов всех подданных Древнерусского государства как высшей цели управления этим государством, а также обеспечение мира как условия целостности Киевской Руси.

Очевидно, что представления Илариона о справедливости как благе для древнерусского общества и государства, ценности изменений и преобразований на благо древнерусского общества и государства связаны с познанием провозглашаемой Новым Заветом Истины, представляющей человеку свободу выбора своего поведения, и совершенствованием этих отношений в целях развития Древнерусского государства. Справедливость при этом неотделима от равенства всех православных христиан и от равноправия всех членов христианского мира, среди которых Русь занимает равное с другими странами место: «Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли» [12].

На белорусских землях развитие православного богословия берет начало в X в. На просветительском этапе этого развития, начавшемся в XII в., доминировали практическое и просветительское богословие. При этом деятельность и сочинения таких церковных деятелей на белорусских землях, как Евфросиния Полоцкая (к рассмотрению ее представлений о справедливости мы вернемся позже), Кирилл Туровский, Климент Смолятич, оказали значительное влияние на формирование общественно-политической мысли, в том числе на развитие представлений о справедливости, моральное и политическое сознание древнерусского общества.

Сочинения уроженца г. Турова (находившегося тогда в сфере влияния Киевского княжества), восточно-славянского церковно-политического деятеля, крупнейшего мыслителя Киевской Руси XII в. – епископа Кирилла Туровского (ок. 1130 – не ранее 1182) как обладателя церковной власти носят элитарный характер и обусловлены ходом политических и церковных событий середины и второй половины XII в. в Туровском княжестве и Древнерусском государстве и сложной социально-политической ситуацией, требующей привлечения церковных иерархов к разрешению политических конфликтов [14, с. 114].

В его сочинениях, созданных под влиянием Библии и византийской культуры, не прослеживаются какие-либо собственные мнения о справедливом общественном устройстве, поскольку представления Кирилла Туровского о справедливости, как правило, совпадают с содержанием общепринятых догматических церковных положений, истолкованных «не по своему замыслу, но по святым книгам» [15].

Определенные представления Кирилла Туровского о справедливости изложены в «Кирилла-монаха притче о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении» [15]. В этом сочинении наиболее ярко выражены представления мыслителя о воздающей по делам в мирской и духовной жизни Божественной справедливости.

Главными персонажами этой насыщенной политическими смыслами притчи и прямым объектом аллегорических обличений являются выступившие в союзе предстатели светской и духовной власти – Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174) – великий князь Владимирский (1157–1174), выведенный в образе хромца, и сторонник его политических планов ростовский епископ (предположительно с 1164) Феодор, выведенный в образе слепца.

Андрей Боголюбский стремился любыми средствами возвысить новый политический центр Киевской Руси – Владимир, и вынашивал план создания владимирской митрополии, независимой от возглавлявшего русскую церковь митрополита Киевского. При этом он активно поддерживал Феодора в стремлении получить сан Киевского митрополита, несмотря на то, что Феодор не имел прав на епископскую кафедру, поскольку не был монахом, а присвоив сан епископа, оставался женатым.

Однако константинопольский патриарх не поддержал Феодора, а Киевский митрополит отказался признать его несправедливые притязания на епископскую кафедру. Предпринятая Андреем Боголюбским и епископом Феодором попытка церковного и политического раскола древнерусского общества принесла на Русь смуту, тогда как обе власти – церковная и светская – призваны были сохранять единство Руси. В наказание Феодор был обвинен в ереси, отлучен от церкви, соборно осужден и казнен. Андрея Боголюбского – разрушителя Русской земли – также настигла кара: он был убит заговорщиками в 1174 г.

В «Притче» Кирилл Туровский, выступавший за единство Русской земли, активно обличает приведшее к смуте несправедливое вмешательство светской власти в лице князя Андрея Боголюбского в дела, которые были в исключительной юрисдикции церковного духовенства. По мысли Кирилла Туровского, незаконное получение сана исключает действие Святого Духа при посвящении, а автокефальный владыка, преступивший церковные заповеди, должен восприниматься не иначе как самозванец [16, с. 45–46] и подлежит изгнанию из церкви.

В качестве сюжетной основы Кирилл Туровский, подводя ситуацию под библейские аналогии, использует евангельское иносказательное повествование о винограднике (Мф. 21: 33–39) [17]. Согласно сюжету притчи, слепой и хромой охранники, объединившись вместе, совершили преступление – обокрали виноградник, который им поручил стеречь хозяин. Оба были избличены в совершенном преступлении, пойманы и сурово наказаны хозяином, который «приказал перед всеми рабами нещадно наказывать в крошечной темнице мученья» [15]. Таким образом, через всю притчу проходит предупреждение мыслителя о справедливом, хоть и жестоком наказании Богом всех, кто не соблюдает установленные им законы и моральные заповеди.

В духе христианской этики мыслитель утверждает, что нельзя безнаказанно творить несправедливость даже из самых благих побуждений, поли-

тические цели не должны достигаться обманом и преступлением: «Господь ведь постигнет обманные помыслы, как лживые, и извергнет неправедных от власти, отгонит нечестивых от жертвенника» [15].

При этом в рамках христианского догмата о всеобщем воскресении, Страшном суде и воздаянии Кирилл Туровский создает картину воздающей Божественной справедливости: «Все сущие в гробах услышат голос Сына Божия, и оживут <...> каждый получит воздаяние по делам своим: праведники – вечную жизнь, а грешники – бесконечную смертную муку» [15].

В «Слове о бельцах и монашестве», озвучивая принцип взаимоотношения светской и духовной властей, мыслитель в русле христианской этики считает справедливым, что «светские вельможи склоняют перед иноками свои головы», поскольку «внутренние добродетели жизни святых монахов сияют чудесами больше мирской власти» [18], т. е. духовный авторитет монашества выше авторитета мирской власти. Представления о справедливости мыслитель связывает с равенством в монашеской среде, вытекающем из принципа равенства всех христиан: «всем все общее, ибо все под игуменом, как члены тела под одной головой, связаны духовными жилами». Особенно Кирилл Туровский требует соблюдения практики монашеской аскезы как наиболее справедливого образа жизни, ведущего к спасению: «ревнуйте к подвигам святых отцов и состязайтесь друг с другом в посте, бдении, и молитвах, и в богослужебных трудах» [18].

В «Сказании о черноризском чине» мыслитель осуждает как несправедливое стремление служителей культа к материальным благам и мирским почестям и славе в ущерб своему высокому духовному авторитету и предназначению: «И не подражай мужам, живущим в монастыре без страха Божия, думающим только о чреве и одежде, велеречиво гордящимся, безчинно заводящим со всеми ссоры и укорины, восхищающим земную честь и власть» [19].

Таким образом, доминирующие представления Кирилла Туровского о справедливости связаны с неукоснительным следованием заветам Священного Писания и христианским нравственным принципам в практике собственных поступков, равенством христиан, их высокодуховной аскетической жизнью, посвященной божественному служению. Кирилл Туровский выдвигает требование справедливости в целях обеспечения благополучия и стабильности древнерусского общества и государства. В понимании Кирилла Туровского справедливость – важный принцип принятия политических решений.

Известного церковного и литературного деятеля середины XII в., второго Киевского митрополита (1147–1155) восточнославянского происхождения Климента Смолятича (кон. XI – нач. XII в. – не ранее 1164) также обычно относят к отечественным мыслителям древнерусского периода (судя по его прозвищу, Климент был жителем Смоленской земли). В Ипатьевской летописи 1147 г. о нем сообщается как о «книжнике и философе», подобно которому «не бывало в Русской земле» [20].

О представлениях Климента Смолятича о справедливости можно судить по дошедшему до нас единственному бесспорно принадлежащему ему сочинению – полемическому богословскому трактату под названием «Послание, написано Климентом митрополитом русским, Фоме Превзитеру, истолковано Афанасием мнихом» [21].

Послание имело важное политическое значение, будучи обусловленным внутрицерковным конфликтом, возникшим после возведения Климента в сан митрополита без благословения Константинопольского патриарха. Не упоминая этот конфликт в Послании, Климент отвергает все обвинения Фомы, возражая ему: «**весьма несправедливо говоришь**» [выделено нами. – *Р. К.*] [21] и утверждая, что не стремился стать киевским митрополитом: «...Много я молился, чтоб быть избавлену от власти» [21]. Он полагает справедливым нестяжательство как христианский жизненный идеал и ставит его себе в заслугу как важную нравственную характеристику, отрицая при этом возможные обвинения в тщеславии и властолюбию: «... кто ищет славы, – тот <...> присовокупляет дом к дому, к селу села, холопов и крестьян, и борти и пожни, поля и пустоши. От всего этого окаяный Климент вовек свободен; вместо домов, сел, и бортей, и пожень, крестьян и холопов владеет он четырьмя локтями земли под могилу; и этой могиле многие очевидцы» [21].

В Послании Климент использует в древнерусской традиции в значении «справедливость» слова «истина» и «правда», противопоставляя правду греху как несправедливости в библейском понимании: «За грехом и осуждением следует смерть, за правдой и оправданием – жизнь» [21].

В русле христианской этики, провозглашавшей Бога как абсолютную справедливость, описывая справедливый миропорядок, в котором «все устраивается, поддерживается и преуспевает силой Божьей», Климент говорит о Боге как о справедливом, упоминая о Божьей каре как о воздающей справедливости: «нет неправды у Бога, и скажу, что не будет. Провидит сердца и утробы, ибо он Бог праведный» [21]. Климент описывает сущность Божественной справедливости: «ничто не преобидено Господом, все видит бессонное его око, за всем смотрит, надо всем стоит, подавая всякому спасение. <...> Устраивает премудро своим промыслом наше спасение и повелевает всякому так, как желает» [21]. Мыслитель считает должным для каждого христианина стремиться к моральному совершенствованию: «просить у Бога себе добра и пользы, чтобы некогда получить и сподобиться спасения» [21].

Опираясь на византийскую школу, Климент Смолятич, не отвергая античного наследия, отстаивает метод расширенного толкования Священного Писания и право на собственное восприятие и истолкование скрытого смысла библейских текстов, на необходимость привнесения в них дополнительного смысла в целях конкретной социально-политической ситуации: «Обо всех этих божественных Господа нашего Иисуса Христа знаменях и чудотворениях, упоминаемых в святом Евангелии, умышленно я помя-

нул, что так же нашли подобающим применить и святые и блаженные отцы наши к Господьским словам и истолковать и то, и это весьма полезно, и хорошо, и похвально» [21].

Изложенные в Послании с позиций православного христианина и главы Русской православной церкви представления Климента Смолятича о справедливости как ценности христианской этики в своей совокупности связаны в первую очередь с необходимостью укрепления Русской православной церкви, политической необходимостью толкования христианских религиозных текстов, а также с утверждением независимости Древнерусского государства.

Христианское миропонимание доминирует в произведениях агиографической литературы рассматриваемого периода. Для агиографии традиционны описания с морально-назидательным смыслом подлинных исторических фактов, событий и людей, их подвигов, а также чудес и видений. По мнению исследователя белорусской агиографии А. А. Мельникова, основой для понимания сущности философии житийной литературы является слово «идеал», «идеализация» святого имеет в основе своей, во-первых, попытку отражения мира таким, каким он сотворен Создателем, а не каким он видится грешному человеку-автору, а во-вторых, исполнение записи апостола Павла подражать Богу [22, с. 14–15].

Одним из таких произведений является написанное неизвестным автором в Полоцке на рубеже XII–XIII вв. агиографическое произведение «Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии, Игуменнии монастыря Святого Спаса и Пречистой Его Матери, что во граде Полоцке» [23]. Это произведение является единственным письменным источником сведений об общественно-политических взглядах, в том числе о представлениях о справедливости Евфросинии Полоцкой (ок. 1110 (не позднее 1104) – 1167) – игуменьи монастыря святого Спаса в Полоцке, сыгравшей важную роль в укреплении на белорусских землях христианской идеологии.

Поселившись в келье Полоцкого Софийского собора, Евфросиния переписывала церковные книги и переводила религиозную и морально-философскую литературу. Она построила на свои средства две церкви в Полоцке, основала под Полоцком в местечке Сельцо при Спасской церкви два монастыря, приобрела церковные иконы и святые, которые стали на многие века символами православия на славянских землях. Будучи политически дальновидной, Евфросиния выступала сторонницей христианской идеи мира – призывала к прекращению княжеских междоусобиц, к объединению против внешних врагов: «Не хотела она видеть враждующими ни князя с князем, ни боярина с боярином, ни из простых людей кого со своим другом, но всех хотела видеть единокорными» [23].

Описывая в этом произведении жизненный путь Евфросинии Полоцкой, автор утверждает, что поступать по справедливости – значит неукоснительно следовать в государственных интересах божественным установлениям,

прославляя Бога своими делами. Автор «Жития» сообщает, что Евфросиния поддерживала введение в Киевской Руси мер социальной защиты бедных, больных, стариков, активно занималась благотворительностью, потратила свое приданое на строительство приютов, госпиталя при монастыре, на практике реализовывала свою идею женского образования, претворяя таким образом в практической деятельности свои представления о справедливости как о нормативной основе координации деятельности и поступков членов древнерусского общества, обеспечения нормального функционирования древнерусского государства, распределения социальных благ.

Представления Евфросинии Полоцкой о справедливости, находившиеся в русле христианского мировоззрения, были связаны с мыслью о достижении духовного совершенства людей, процветании Полоцкого княжества, его независимости, укреплении княжеской власти. Своей деятельностью она поддерживала политическую и социально-культурную функции Киевской Руси.

Не случайно в «Житии» автор приводит слова проповеди Евфросинии к монахиам Свято-Евфросиньевского монастыря: «Смелитесь в жерновах смирения, молитв и поста, да принесетесь хлебом чистым на трапезу Христову» [23].

Таким образом, имеются основания утверждать, что в богословских и агиографических произведениях отечественных авторов в период вхождения белорусских земель в состав Древнерусского государства (X–XIII вв.) доминирующие представления о справедливости изложены на вероисповедной основе православия, в строгом соответствии с православными догматами и положениями христианской этики.

Справедливым в обществе является все, что служит (способствует) утверждению независимости и целостности Древнерусского государства, усилению власти великого князя, укреплению православия и Русской православной церкви, обеспечению равенства православных христиан, единства древнерусского общества, предотвращению его церковного и политического раскола.

Содержание в указанных произведениях доминирующих представлений о справедливости как о нормативной основе принятия политических решений в Древнерусском государстве, нравственной характеристике идеального правителя этого государства, ценности для древнерусского общества, объясняется реальным влиянием Русской православной церкви на политическую и общественную жизнь Древнерусского государства, а также княжескими инициативами в назначении на митрополичий стол и епископские кафедры местных церковных деятелей, отвечавших предъявляемым к ним со стороны княжеской власти требованиям поддерживать ее политику независимости и укрепления Древнерусского государства. Представления о справедливости как о нравственной категории связаны также с требованием для каждого православного христианина неукоснительно следовать

заветам Священного Писания и христианским нравственным принципам в практике собственных поступков.

Список использованных источников

1. *Дмитрачков, П. Ф.* К вопросу о зарождении и развитии государственности на белорусских землях / П. Ф. Дмитрачков // *Беларуская думка*. – 2019. – № 10. – С. 82–89.
2. *Вульф, М. де.* Средневековая философия и цивилизация / М. де Вульф. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 253 с.
3. *Древнерусское государство IX–XVII вв.: учеб. пособие / под ред. проф. В. В. Гуляевой.* – М.: Академический проект, 2006. – 575 с.
4. *Филист, Г. М.* Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия / Г. М. Филист. – Минск: Беларусь, 1988. – 254 с.
5. *Толочко, П. П.* Киев и Киевская Русь в период феодальной раздробленности / П. П. Толочко // *Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.*; под ред. акад. Б. Б. Рыбакова. – М.: Наука, 1974. – С. 223–233.
6. *Перевезенцев, С. В.* Смысл русской истории / С. В. Перевезенцев. – М.: Вече. – 496 с.
7. *Адамович, Б. А.* Христианство и христиане / Б. А. Адамович, А. В. Вестяк, Н. С. Ганжела. – М.: ИД «Авиамир», 2007. – 840 с.
8. *Основы религиозоведения: учебник / Ю. Ф. Борунков [и др.]; под общ. ред. И. Н. Яблокова.* – М.: Высшая школа, 2000. – 480 с.
9. *Флоровский, Г. В.* Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
10. *Дубко, Е. Л.* История европейской этики: учеб. пособие / Е. Л. Дубко. – М.: Гардарики, 2007. – 255 с.
11. *Исаев, И. А.* История политических и правовых учений России / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2003. – 415 с.
12. Святитель Иларион Киевский. Слово о законе и благодати [Электронный ресурс] // *Азбука веры*. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/?=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE#s3. – Дата доступа: 23.01.2022.
13. *Кузьмин, А. Г.* «Мудрость бо велика есть...» / А. Г. Кузьмин // *Златоуструй. Древняя Русь. X–XIII вв.* / сост. А. Г. Кузьмин [и др.]. – М.: Мол. гвардия, 1990. – С. 8–33.
14. *Иеромонах Петр (Гайденко).* Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания / Иеромонах Петр (Гайденко) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. – 2014. – Вып. 1(7). – С. 93–114.
15. Кирилл Туровский. Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении [Электронный ресурс] // *Азбука веры*. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/pritcha-o-chelovecheskoj-dushe-i-tele/. – Дата доступа: 25.01.2022.
16. *Мильков, В. В.* Климент Смолятич / В. В. Мильков // *Русская философия: энцикл.* / сост. П. П. Апрышко; под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – 736 с.

17. Библия [Электронный ресурс] // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/>. – Дата доступа: 16.02.2022.

18. Кирилл Туровский. Слово о белцах и монашестве [Электронный ресурс] // Азбука веры. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/slovo-o-beltsah-i-monashestve/. – Дата доступа: 25.01.2022.

19. Кирилл Туровский. Сказание о черноризском чине от Ветхого и Нового Завета, из коих первый представляет прообраз иночества, а второй являет оно самое делом [Электронный ресурс] // Азбука веры. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/skazanie-o-chernorizskom-chine/. – Дата доступа: 29.01.2022.

20. Климент Смолятич [Электронный ресурс] // Хронос. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kliment.php. – Дата доступа: 15.02.2022.

21. Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием [Электронный ресурс] // Институт русской литературы «Пушкинский дом» Российской Академии наук. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4935>. – Дата доступа: 22.02.2022.

22. Мельников, А. А. Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси / А. А. Мельников. – Минск: Бел. Правосл. Церковь Моск. Патриархата, 1992. – 241 с.

23. Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии, Игуменнии монастыря Святого Спаса и Пречистой Его Матери, что во граде Полотске [Электронный ресурс] // Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/st_euphrosyne_of_polotsk/life/short_life_3.php. – Дата доступа: 15.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

О. Н. Корело

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Korelo

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37.014.5:327

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION AS AN INSTITUTIONAL MECHANISM OF INTEGRATION PROCESSES

В статье в качестве ключевого направления развития интеграционных объединений и союзов рассматривается сотрудничество в сфере образования. Обосновывается целесообразность внедрения современных форм и элементов интернационализации высшего образования, основанных на Болонской системе, в рынок образовательных услуг национальных систем образования с учетом запросов инновационной экономики.

Исследуются основные тенденции в процессе интернационализации образования, раскрывается ключевая роль образования во внешней политике государств с целью достижения высокого уровня экономического, социального, культурного развития.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; рынок образовательных услуг; иностранные студенты; Болонская система; интеграционное объединение; постсоветское пространство; внешняя политика; Евразийский экономический союз; Союзное государство.

The article considers cooperation in the field of education as a key direction for the development of integration associations and unions. The expediency of introducing modern forms and elements of internationalization of higher education based on the Bologna system into the market of educational services of national education systems, taking into account the demands of the innovative economy, is substantiated.

The main trends in the process of internationalization of education are investigated, the key role of education in the foreign policy of states in order to achieve a high level of economic, social, and cultural development is revealed.

Keywords: internationalization of higher education; educational services market; foreign students; Bologna system; integration association; post-Soviet space; foreign policy; Eurasian Economic Union; Union State.

Образование в информационном обществе выступает источником знаний и средством коммуникации граждан в процессе интеграции государств, формируя феномен информационной культуры, которая целенаправленно воздействует на политику и экономику, идеологию и искусство. Международные интеграционные процессы способствуют возникновению новых межнациональных институтов, позволяющих индивиду не только успешно адаптироваться, но и социализироваться, развиваться, повышать уровень экономического развития своей страны и страны пребывания.

С политологической точки зрения мы можем рассматривать образование как элемент образа жизни, повседневной деятельности, межнационального общения, культурного взаимодействия, идеологического влияния и в то же время как информационный код своей страны с ее культурными традициями, политическими взглядами, идеологическим наследием. В процессе интернационализации знаний образование берет на себя ряд функций влияния на общество и человека – и это не только профессиональный компонент, но и политический, идеологический, мировоззренческий.

Современные политические и экономические процессы в Европе и в мире стимулируют изменения образовательного процесса университетов и системы образования в целом. Экономика глобального знания значительно трансформирует стратегии развития университетов, содержание их образовательных программ, диктует новую политику в отношении потенциальных студентов из других стран. В свою очередь актуальные знания и компетенции, а так же потребность в них делают образование во всем мире сферой инвестиций и инструментом реализации геополитических и внешнеэкономических интересов государств.

Эти интересы вынужденно трансформируются под влиянием рынка образовательных услуг в мировую образовательную сеть. Данный процесс получил название интернационализации образования. Насколько широко это понятие и что включено в его содержание?

Интерес к понятию и его содержанию первыми проявили западные исследователи, среди которых Д. Найт, М. Харари, М. Сьедерквист, М. Венде, С. Робсон, Ф. Дж. Альтбах, Б. Лиск и др. Среди российских и белорусских авторов необходимо назвать В. А. Чупину, А. Ю. Плешакову, Н. А. Дудареву, О. В. Куликову, Т. В. Целютину, М. В. Ларионову, Е. М. Горбунову, С. М. Юн, В. А. Бейзерова, А. В. Рыгов, С. В. Зенченко, И. И. Ковалевскую, Л. Г. Титаренко, Т. В. Щелкову и др.

Представитель Университета прикладных наук КУАМК Минна Сьедерквист определила понятие интернационализации образования как «процесс превращения национального вуза в интернациональный вуз, ведущий к включению международного аспекта во все компоненты комплексного управления с целью повышения качества преподавания, исследования и достижения требуемых компетенций [1, с. 26]».

Наиболее общим понятием, относящимся к международному сотрудничеству и экспорту образовательных услуг, считается международное академическое сотрудничество вузов и экспорт образовательных услуг как ключевые аспекты интернационализации образования. В этой системе присутствуют разнообразные формы взаимодействия: обмены студентами, преподавателями, опытом, идеями, образовательные и научные партнерства и т. д.

Почетный генеральный секретарь международной ассоциации ректоров университетов Морис Харари еще в 70-е годы XX в. выделил три основных элемента интернационализации [1]:

- 1) наличие международного компонента в учебных планах и программах;
- 2) наличие программ технического сотрудничества и взаимопонимания;
- 3) международная мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава.

Аспект интернационализации образования во многом меняет привычную для национальных экономик деятельность университетов. За счет расширения рынка труда углубляется база знаний высших учебных заведений, участников образовательного процесса, оптимизируются возможности научного поиска, меняется потенциал страны в целом. Представитель Центра исследований политики в области высшего образования Университета Твенте в Амстердаме Марийк ван дер Венде определяет интернационализацию высшего образования в качестве «...любого систематического усилия, направленного на то, чтобы сделать высшее образование адекватным требованиям и вызовам, связанным с глобализацией общества, экономики и рынка труда» [3, с. 8].

Профессор университета Торонто в Канаде Джейн Найт определяет интернационализацию как «процесс внедрения международного измере-

ния таких функций деятельности университета, как преподавание, исследование и оказание услуг для повышения их качества». Кроме того, автор выделяет в интернационализации образования: 1) феномен академической мобильности; 2) международную торговлю образовательными услугами; 3) процесс устойчивого взаимодействия и взаимовлияния национальных систем высшего образования на базе общих целей и принципов, отвечающий потребностям мирового сообщества и отражающий прогрессивные современные тенденции [4, с. 4–5].

В период наиболее активных исследований интернационализации образования (конец 1980-х гг.) этот процесс рассматривался преимущественно как институциональный: изучались виды деятельности, образовательные программы и услуги, связанные с международными обменами в сфере образования, науки и технологий. По мнению российской исследовательницы Н. А. Дударевой, международное сотрудничество – это «не только необходимое условие поддержки высокого уровня образования, но и стратегически важная задача, которая нуждается в основательном теоретическом и практическом осмыслении, опирающемся на лучший опыт мирового образования, традиции высшей школы и достижения образования в отдельных странах» [5, с. 1–5].

Важно понимание, что интернационализация образования неразрывно связана с интеграцией в профессиональные компетенции культурных традиций государств, на территории которых они получены. Наибольший опыт в этом процессе имеет Европейский союз, в основе образовательной системы которого лежит Болонская система как форма тесного взаимодействия учреждений высшего образования в обеспечении академической мобильности преподавателей и студентов в Европе. В ее преимущественные направления развития заложены основные принципы интернационализации высшего образования, среди которых [6]:

- 1) экспорт образовательных услуг;
- 2) повышение качества и конкурентоспособности образования;
- 3) развитие сетевого сотрудничества вузов на различных уровнях (институциональном, региональном, национальном и международном);
- 4) академическая мобильность;
- 5) перспективы в области создания международных совместных образовательных программ с выдачей двух и более дипломов.

Европейский союз сегодня имеет широкую сеть международных контактов, связей, образовательные традиции; Евразийский экономический союз только создает свою интернациональную сеть в рамках существующей в Европе Болонской системы.

Образовательная интеграция Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – относительно новое явление. Приняв Болонский процесс, постсоветские страны столкнулись с необходимостью поиска собственной идентичности через системную трансформацию образования. После распада Советского Союза в 1991 г. произошли значительные изменения в политике

постсоветских государств, что способствовало поиску новых путей развития. Опираясь на опыт советской образовательной системы, 11 декабря 2009 г. страны Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования, согласно которому стороны «осуществляют согласованные меры по последовательному расширению сотрудничества в области образования, направленного на создание общего образовательного пространства ЕврАзЭС». Этим документом утверждались намерения для тесного взаимодействия образовательных и научных организаций, сотрудничества в сфере академической мобильности, участия в конгрессах, семинарах, конференциях, олимпиадах и других мероприятиях, проводимых на территории стран ЕврАзЭС; поощрение изучения языков, истории, культуры и литературы других стран ЕврАзЭС, создание Совета по образованию при Интеграционном комитете ЕврАзЭС.

1 января 2015 г. после упразднения ЕврАзЭС определенные функции по развитию образовательного направления взял на себя Евразийский экономический союз, при этом не включив образование в сферу своего нормативного регулирования, поэтому сотрудничество в сфере образования для постсоветских государств в рамках данного союза – вопрос скорее политический, разрешаемый в рамках плановых профильных переговоров.

Образование в рамках ЕАЭС не было включено и в перечень секторов услуг, по которым формируется общий рынок. Так, статьей 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. предусмотрены создание общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение общей политики в различных отраслях экономики [7]. В частности, создание общего рынка труда предполагает решение вопросов сближения (сопоставимости) образовательных и профессиональных стандартов, взаимного признания дипломов об образовании, ученых степенях и званиях.

В рамках ЕАЭС удалось прийти к договоренности о взаимном признании документов об образовании без прохождения процедуры признания дипломов в определенных отраслях экономики, за исключением педагогической, медицинской, фармацевтической, юридической сфер. Кроме того, подписаны соглашения о праве на получение образования детьми трудящихся в стране трудоустройства родителей (ст. 97 и 98 Договора о ЕАЭС). При этом документы об ученых степенях и званиях, по условиям Договора о ЕАЭС, требуют прохождения процедуры признания в соответствии с законодательством государства трудоустройства. На практике это означает, что норма о взаимном признании документов об ученых степенях и званиях действует только между Россией и Беларусью [8].

В этом направлении определенные изменения ожидаются в текущем 2022 г. Так, 9 февраля 2022 г. на брифинге в Москве официальный представитель ЕЭК Ия Малкина объявила о готовности Соглашения о взаимном признании ученых степеней в Евразийском экономическом союзе для проведения внутригосударственных процедур, что позволит упростить процедуру признания ученых степеней в государствах ЕАЭС и трудоустройства

граждан, исключив процедуру нострификации (признания) и упростив передвижение работников высшей научной квалификации в рамках ЕАЭС. Данный документ – реализация положения Болонской системы о мобильности преподавателей и продвижения процесса интернационализации образования.

С учетом того, что все страны ЕАЭС присоединились к Болонскому процессу или выполняют его требования (Кыргызстан не является членом Болонского процесса, но в 2012 г. в стране была введена двухуровневая система подготовки бакалавров и магистров), можно констатировать единые подходы к организации образовательного пространства и возможности межгосударственной интеграции в данной сфере. Россия, Казахстан и Беларусь осуществляют двухуровневую систему подготовки специалистов и придерживаются болонских традиций в своей образовательной политике. Несмотря на то что положения Соглашения ЕврАзЭС 2009 г. не были инкорпорированы в Договор о ЕАЭС, межнациональное взаимодействие на уровне действующих межнациональных органов продолжается.

На постсоветском пространстве наиболее эффективна интеграция образования в рамках Союзного государства. Договором о Союзном государстве предусмотрено [9]:

- развитие науки, образования, культуры, создание равных условий сохранения и развития этнической, культурной и языковой самобытности народов;
- обеспечение равных прав граждан в трудоустройстве и оплате труда, в получении образования, медицинской помощи, предоставлении других социальных гарантий.

В рамках межправительственных соглашений для белорусских и российских граждан действуют равные условия при поступлении в учреждения образования государств-партнеров, как для граждан своей страны.

Межправительственные соглашения Союзного государства в сфере образования и науки демонстрируют положительную динамику. Между учреждениями образования и научными организациями двух стран действуют более 550 договоров о сотрудничестве. Регулярные совместные коллегии профильных министерств России и Беларуси формируют единые подходы в образовательной политике двух государств и их интеграционного объединения: научно-образовательные конференции, конкурсы, олимпиады, иные образовательные проекты интернационализируют образовательный процесс.

Сегодня на постсоветском пространстве Союзное государство – наиболее глубокая форма интеграции в сфере образования и культуры. Процессы интернационализации высшего образования закреплены законодательно и поддерживают ценности Болонской системы.

Для постсоветских государств возможность получения высшего образования на русском или английском языке остается привлекательной, особенно для государств, не включенных в Болонский процесс. В то же время интеграция со всем миром заставляет все большее количество программ

переводить на английский язык преподавания, что способствует изменению динамики привлекательности наших вузов.

В последние десятилетия подготовка специалистов для зарубежных стран занимает приоритетное место в государственной политике США, Германии, Великобритании, Австралии, Франции и др. стран. С каждым годом в мире усиливается конкуренция на рынке образовательных услуг. Главным реципиентом иностранных студентов остается Европа, принимающая более 50 % всех иностранных студентов в мире. Как правило, в Европу едут граждане европейских и африканских государств, а также стран Азии, Северной и Южной Америки. В целом к 2025 г. во всем мире прогнозируется миграция 5,0 млн студентов, что на 600 % больше статистики 1975 г., когда в мире насчитывалось около 0,8 млн иностранных студентов (впрочем, прогноз может не оправдаться из-за ковидных ограничений, но перспектива достаточно реалистична).

В мире выделяются восемь ведущих стран-реципиентов, которые принимают около 80 % студентов, обучающихся за рубежом:

- США, на долю которых приходится 24 %,
- Великобритания – 11 %,
- Китай – 10 %,
- Австралия, Канада и Франция по 7 %,
- Россия и Германия по 6 %.

Все остальные государства принимают у себя чуть более 20 % всех иностранных студентов.

В целом, по данным ВТО, мировой рынок образовательных услуг оценивается в 27 млрд долл. В нем участвует около 140 государств. Для многих государств обучение иностранных граждан является крупнейшей статьёй национального дохода.

Все страны в большей или меньшей степени стремятся экспортировать свои культурные и национальные ценности через экспорт образовательных услуг. Лидерами в топе 500 лучших университетов в мире признаны:

- Великобритания, в которой функционирует 58 признанных лучшими университетов;
- Германия со своими 44 лучшими университетами;
- Италия – в топе 33 университета.

Все больше государств включается в процесс гонки за иностранным студентом, поэтому интернационализация образования становится одной из важных составляющих образовательной политики стран, диктуя необходимость реформирования национальных систем через расширение доступности образовательных услуг, универсализацию знания, введение международных стандартов качества, повышение инновационности высшего образования, расширение международного сотрудничества, обеспечение студенческой и академической мобильности.

Страны с развитой экономикой захватили рынок образовательных услуг и имеют заметное преимущество. Развивающиеся страны с низким уровнем

или переходным периодом экономического развития в большей степени обеспокоены вопросами своей политической стабильности, информационной безопасности, развития технологических процессов и т. д., что мешает им удерживать конкуренцию в образовательной сфере, увеличивая разрыв в уровнях образования.

В свою очередь процесс глобализации, «стирание» национальных границ за счет интеграции в различных сферах экономики позволяют включать механизмы развития профессиональных образовательных систем с учетом опыта других государств. Включенность в интернационализацию образования предполагает принятие следующих форм международного сотрудничества [10]:

1) мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;

2) мобильность образовательных программ и институциональная мобильность; формирование новых международных стандартов образовательных программ;

3) интеграция в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов;

4) институциональное партнерство: создание стратегических образовательных альянсов.

Интернационализация образования обеспечивает тот профессиональный опыт, без которого невозможно успешное развитие инновационной экономики. В Республике Беларусь перспективы данного процесса прослеживаются в основных программных документах, в том числе Концепции развития системы образования до 2030 года, согласно которой «В развитии высшего образования массовизация и глобализация остаются ведущими тенденциями, что обусловлено кардинальными изменениями в технике и технологиях производства, сменой технологических укладов, широкой информатизацией всех процессов, развитием экономики, основанной на знаниях. Непосредственно процесс перехода к экономике знаний сформировал потребность в специалистах с более высоким уровнем образования и стал основой для роста экспорта образовательных услуг, привлечения талантливых иммигрантов в наукоемкие секторы экономики. Современные информационно-коммуникационные технологии создали возможность для широкого доступа к глобальным образовательным ресурсам и явились основой количественного и качественного роста трансграничного образования и формирования мирового рынка образовательных услуг» [11].

Также согласно статье 2 Кодекса об образовании государственная политика в сфере образования предусматривает интеграцию в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования; глава 12 определяет принципы международного сотрудничества в сфере образования, направленные на развитие академической мобильности и участие в международных образовательных мероприятиях

(ст. 118) и реализацию внешнеторговой деятельности в сфере образования (ст. 121) [12].

Устранение культурных барьеров; утверждение законодательной базы в отношении предоставления трансграничного образования и оценки его качества; разработка и внедрение в образовательную практику критериев сравнимости систем и программ высшего образования – задачи, реализация которых расширяет возможности привлечения иностранных студентов в нашу страну. Интернационализация образования, становясь объектом и предметом внешней политики, раскрывает государствам, в том числе Беларуси, возможности не только образовательной, но и экономической, социальной, культурной интеграции. А при условии кооперации государств, в том числе постсоветского пространства, обеспечивается успешность экономического развития интеграционного объединения, его социальное единство и политическая безопасность.

Список использованных источников

1. *Soderqvist, M.* Internationalisation and its Management at Higher Education Institutions. Applying Conceptual, Content and Discourse Analysis / M. Soderqvist. – Helsinki: HSE Print, 2007. – 271 p.

2. *Harari, M.* Internationalization of Higher Education: Effecting Institutional Change in the Curriculum and Campus / M. Harari // Long Beach. – California: Center for International Education, California State University, 1989. – 138 p.

3. *De Wit, H.* On the Definition of International Education / H. De Wit // European Association for International Education Newsletter. – 1993. – № 11. – P. 7–10.

4. *Knight, J.* Five Truths about Internationalisation / J. Knight // International Higher Education. – 2012. – № 69. – P. 4–5.

5. *Дударева, Н. А.* Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг / Н. А. Дударева // Вестник ИГЭУ. – 2010. – Вып. 1. – С. 1–5.

6. *Гейман, О. Б.* Особенности интернационализации высшего образования [Электронный ресурс] / О. Б. Гейман, А. А. Сиганков. – Режим доступа: www.e-rej.ru/Articles/2018/Gaiman_Sigankov.pdf. – Дата доступа: 20.02.2022.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: pravo.by/document. – Дата доступа: 12.02.2022.

8. *Юн, С. М.* Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / С. М. Юн // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 50. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie. – Дата доступа: 12.02.2022.

9. Договор о Союзном государстве [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: pravo.by/document. – Дата доступа: 09.02.2022.

10. *Ларионова, М. В.* Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР / М. В. Ларионова, Е. М. Горбунова // Приложение «Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР». – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.

11. Концепции развития системы образования до 2030 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: pravo.by/document. – Дата доступа: 10.02.2022.

12. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г., № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: pravo.by/document. – Дата доступа: 10.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Т. В. Лемешова

Республиканский институт высшей школы, Минск

T. Lemiashova

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 323.2

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

NEW FORMS OF POLITICAL PARTICIPATION IN A DIGITAL SOCIETY

В статье рассматриваются новые формы политического участия, возникновение которых связано с широким распространением современных информационно-коммуникационных технологий. Раскрывается специфика флешмоба как гибридной формы политического участия, включающей как деятельность в цифровом пространстве, так и в физической реальности. Анализируются особенности слактивизма как принципиально новой цифровой формы политического участия.

Ключевые слова: политическое участие; информационно-коммуникационные технологии; цифровое общество; цифровое гражданство; онлайн-деятельность; офлайн-деятельность; умная толпа; флешмоб; слактивизм.

The article discusses new forms of political participation, the emergence of which is associated with the widespread use of modern information and communication technologies. The specifics of the flash mob as a hybrid form of political participation, including both activities in the digital space and in physical reality, are revealed. The features of slactivism as a fundamentally new digital form of political participation are analyzed.

Keywords: political participation; information and communication technologies; digital society; digital citizenship; online activities; offline activities; smart crowd; flash mob; slactivism.

В политической науке на современном этапе нет устоявшегося определения понятия цифровое общество. В понимании сущности данного типа общества мы солидарны с немецким философом У. Бекком, который указывает, что цифровое конструирование мира возникает как результат распространения цифровых коммуникаций, гибридизации онлайн- и офлайн-пространств, использования технологий больших данных [1]. Процессами,

определяющими специфические характеристики цифрового общества, являются сетевизация, платформизация, алгоритмизация и датификация. Сетевизация – это новая парадигма построения социальной структуры и коммуникации. Испанский социолог М. Кастельс отмечает: «Наше общество, сетевое общество, сконструировано вокруг персональных и организационных сетей, которые поддерживаются цифровыми сетями и осуществляют коммуникацию посредством Интернета и компьютерных сетей» [2, с. 17]. Платформизация – это внедрение цифровых платформ во все сферы жизнедеятельности человека. «В своих коннотациях платформа предлагает возможность действовать, общаться или говорить мощными и эффективными способами: садиться на поезд, добывать нефть, провозглашать свои убеждения» [3]. Цифровая платформа выступает аналогом офиса. Это цифровой офис, обладающий необходимой инфраструктурой для создания, персонализации, хранения и передачи информации, необходимой для личного и делового взаимодействия. Основой инфраструктуры платформы являются циркулирующие данные, которые используются, автоматически собираются, алгоритмически обрабатываются. Алгоритмы – это один из важнейших компонентов платформы, который определяет, как и кем будет использована информация. Например, алгоритмы любой социальной сети отбирают индивидуальный контент, который будет отражен в новостной ленте пользователя, на основе его истории поиска и алгоритмической логики, которая скрыта, непрозрачна, нелинейна. В этой связи, алгоритмизация как характеристика цифрового общества – это не что иное, как создание искусственной социальной среды на основе алгоритмического управления. Возникновение датификации в цифровом обществе связано с колоссальным ростом объема информации и новых способов ее обработки. «Датификация – это процесс представления явлений в количественном формате для дальнейшего сведения в таблицу и анализа» [4, с. 84]. Большие данные способны порождать новые идеи, имеющие неоспоримую ценность в цифровом обществе.

Потенциал цифрового общества создает новые возможности для политического участия. На современном этапе можно говорить о двух тенденциях, наметившихся в политическом участии граждан. Первая тенденция отмечает снижение активности в рамках традиционных форм. Вторая, напротив, фиксирует повышение активности за счет появления новых форм политического участия и выражает общемировой тренд переноса политической активности, особенно молодежи, в онлайн-пространство. Новые формы активности могут быть как сугубо цифровыми, т. е. осуществляться строго в реальности интернета, так и гибридными, т. е. реализовываться в двух реальностях: цифровой и физической. Связано это, во-первых, с особенностями самого интернет-пространства, которое является привлекательным для выражения поддержки в силу простоты, малых рисков и получения быстрого эмоционального удовлетворения. Во-вторых, с участием в политике поколения Z, для которого цифровая среда, виртуальная реальность интернета является естественным продолжением физической реальности.

Осмысление цифровой специфики поколения Z привело американского политолога К. Моссбергер к концептуализации понятия «цифровое гражданство». Цифровое гражданство – это система ценностей, норм, стратегий, обеспечивающих ответственное, безопасное и эффективное поведение в условиях интернет-коммуникации. Соответственно к цифровым гражданам относятся те, кто ежедневно используют цифровые технологии для получения политической информации и выполнения гражданских обязанностей [5]. Для поколения Z именно возможности интернет-коммуникации задают новые принципы идентичности, солидаризации, действия, в том числе и политического участия.

Политическая интернет-активность во многом воспроизводит офлайн-деятельность, однако предоставляет значительно больше возможностей для реализации репертуаров политического участия. Современные информационно-коммуникационные технологии не только дают новые технические решения, но и позволяют людям лучше и быстрее самоорганизовываться.

В работе «Умная толпа: новая социальная революция» (2002 г.) Г. Рейнгольд рассматривает феномен умной толпы как пример новой социальной самоорганизации на основе современных коммуникационных технологий: «Умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления. Переносные устройства соединяют их владельцев как с другими информационными устройствами поблизости, так и с телефонами других людей» [6, с. 8].

Одной из форм умной толпы является флешмоб. «Флэшмоб – это группа незнакомых людей, организованных посредством средств электронной коммуникации, которые собираются в публичном месте и действуют в установленное время в соответствии с определенным сценарием, после чего быстро расходятся... Цель подобных акций – создать “нестандартные ситуации” и привлечь внимание окружающих» [7, с. 349]. Как заявляют идеологи флешмоб-движения, классический флешмоб находится вне религии, политики и экономики. Его основная задача – преодоление стереотипности, унылости и безликости большого города. Это возможность пережить яркие эмоции самому и вызвать интерес у окружающих. Однако развиваясь, флешмоб в определенный момент времени включает в себя политическую тематику и политический посыл. Российский политолог С. Н. Федорченко рассматривает политический флэшмоб не только как интеллектуальное развлечение, но и как новую форму политического участия, которая способна просто и оперативно выразить общественное мнение или привлечь внимание к общественным и политическим проблемам [8]. Важное значение для флешмоба имеют социальные сети, поскольку именно в них происходит координация мероприятия и согласование сценария.

Для современной молодежи политический флешмоб является альтернативной моделью политического участия. Флешмоб несет в себе

и черты акционизма («жанр артистического жеста, нацеленного на публичные, общественные пространства и предполагающего ролевые, «персонажные» отношения художника и зрителей, вольно или невольно вовлекаемых в художественное действие» [7, с. 374]), и хеппининга (стиль современного искусства, для которого характерно отсутствие границ между зрителем и автором). Но даже в политомбе больше от искусства, чем от политики.

Особенное значение для новых форм политического участия имеют социальные сети, такие как Facebook, YouTube и Twitter. Социальная сеть – это новая форма коммуникации. Как отмечает Г. Маклюэн, средство коммуникации само есть сообщение, которое изменяет масштаб, скорость или форму человеческих дел. Также то, какие именно средства коммуникации мы используем, конструирует особенности того, зачем мы их используем. Само средство коммуникации задает смысл понимания сообщения [9]. Широкое использование социальных сетей привело к появлению такой формы политического участия, как слактивизм. Оксфордский словарь английского языка определяет слактивизм как практику поддержки политического или социального дела с помощью таких средств, как социальные сети или онлайн-петиции, требующую очень небольших усилий или обязательств [10]. К слактивизму может быть отнесена такая интернет-активность, как «лайк», «репост», вступление в тематические группы в социальных сетях, смена аватара и статуса в контексте определенной политической акции и др. По сути, это «ленивый» способ оказания поддержки той или иной политической идеи или персоны. Главным результатом такого рода политической активности является чувство удовлетворения, которое возникает на основе ощущения причастности к общему делу.

На сегодня в политической науке сложилось два подхода в интерпретации данного феномена. Представители первого отмечают его несерьезность и негативность влияния на реальное политическое участие, так как действия в социальных сетях далеки от практической активности: «Слактивизм – это термин для описания приятной онлайн-активности, которая не имеет никакого политического или социального влияния» [11]. Легкость вступления в группу, «лайк», «репост» и т. п. как формы политического участия подменяют собой реальное участие, которое может быть сопряжено с рисками. «Слактивизм – идеальный вид активизма для ленивого поколения: зачем заморачиваться с сидячими забастовками и риском ареста, ... каждый щелчок вашей мыши почти гарантированно привлечет немедленное внимание средств массовой информации, если он направлен на благородные цели» [11]. Такой тип активности вызывает ложное чувство выполненного долга, что, по сути, подрывает процесс политической коммуникации.

Второй подход более позитивно рассматривает слактивизм. Д. Ротман с коллегами акцентирует внимание на том, что это нерискованная и недорогая деятельность через социальные сети, целью которой является повышение осведомленности, осуществление социальных изменений, удовлетворение человека, участвующего в этой деятельности [12]. В рамках данного

подхода некоторые исследователи указывают на наличие положительной корреляции между политической онлайн- и офлайн-деятельностью. Так, чешские ученые В. Штетка и Я. Мазак в рамках исследования парламентских выборов в Чехии 2013 г. выявили наличие значимой положительной связи между уровнем вовлеченности респондентов в предвыборную кампанию на Facebook и их политическими интересами, поиском политической информации, а также традиционными (преимущественно офлайн) действиями по участию, включая голосование [13].

Сам по себе феномен слактивизма, будучи во многом результатом «лени», не предполагает каких-либо серьезных политических изменений, однако он может выступить убедительным аргументом в руках политических активистов. Эта возможность связана со спецификой социальных сетей: чем больше комментариев, лайков, подписок получает пост или пользователь, тем больше вероятность того, что алгоритмы сделают их видимыми для других пользователей. А видимость контента делает его значимым [14]. В этой связи российские политологи С. В. Володенков и С. Н. Федорченко указывают на инструментальный потенциал слактивизма: «...в подобном формате обеспечивается поддержка и распространение необходимых информационных тем, осуществляется содействие структурированию повестки дня, повышение уровня доверия граждан к осуществляемой активистами деятельности за счет массовости цифровых сообществ» [15].

Хотя слактивизм сегодня и рассматривается как явление несерьезное, не предполагающее серьезных социальных изменений, оно нуждается в глубоком и всестороннем изучении политической наукой, поскольку это способ, которым современное поколение выражает свою обеспокоенность несправедливостью мира, в котором оно живет онлайн.

Проведенное исследование политмоба и слактивизма выявило их принципиальные отличия от традиционного политического участия. Однако, несмотря на то, что новые формы разворачиваются в интернет-пространстве и с помощью информационно-коммуникационных технологий, к ним в полной мере могут быть применены определения политического участия, присутствующие в политической науке. Так, немецкий политолог М. Каазе отмечает: «...под политическим участием понимается всякая деятельность, добровольно осуществляемая гражданами с целью оказать влияние на принятие решений на различных уровнях политической системы; участие в политике понимается, прежде всего, как осознанная целенаправленная деятельность» [16, с. 251]. И политмоб, и слактивизм представляют собой деятельность, обладают свойством добровольности и стремятся оказать влияние на власть.

Американские политологи С. Верба и Н. Ни подчеркивают, что «политическое участие – это прежде всего инструментальная активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия» [17, с. 73]. Данное определение также отражает сущность цифровых форм политического

участия, поскольку освоение ресурсов интернета представляет собой инструментальную активность.

В качестве заключения автор считает необходимым отметить, что современная политика должна научиться сочетать доцифровые и цифровые технологии, сегодня любая форма политического действия должна включать интернет-измерение, позволяющее осуществлять онлайн-активность.

Список использованных источников

1. *Beck, U.* The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World / U. Beck. – Cambridge, 2016. – 200 p.

2. *Кастельс, М.* Власть коммуникации / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.

3. *Gillespie, T.* The Platform Metaphor, Revisited [Electronic resource] / T. Gillespie // Culture Digital. – Mode of access: <https://culturedigitally.org/2017/08/platform-metaphor/>. – Date of access: 11.02.2022.

4. *Майер-Шенбергер, В.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукер; пер. с англ. И. Гайдук. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.

5. *Mossberger, K.* Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation / K. Mossberger, C. J. Tolbert, R. S. McNeal. – Cambridge, 2007. – 240 p.

6. *Рейнгольд, Г.* Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М., 2006. – 416 с.

7. *Панов, А. А.* Флэшмоб в Москве и в России / А. А. Панов // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов, отв. ред.: М. Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 544 с.

8. *Федорченко, С. Н.* Политический флэшмоб – предвестник нового общества? / С. Н. Федорченко // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4, Вып. 6. – С. 24–30.

9. *Маклюэн, Г.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г. Маклюэн. – М., 2003. – 464 с.

10. Slacktivism [Electronic resource] // Oxford Dictionaries. – Mode of access: <https://www.lexico.com/definition/slacktivism>. – Date of access: 10.02.2022.

11. *Morozov, E.* From Slacktivism to Activism [Electronic resource] / E. Morozov // Foreign Policy. – 2009. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism>. – Date of access: 10.02.2022.

12. From Slacktivism to Activism: Participatory Culture in the Age of Social Media / D. Rotman [et al.] // Proceedings of the International Conference on Human Factors in Computing Systems: Extended Abstracts Volume, Vancouver, May 7–12, 2011. – Vancouver, 2011. – P. 819–822.

13. *Štětka, V.* Whither slacktivism? Political Engagement and Social Media Use in the 2013 Czech Parliamentary Elections [Electronic resource] / V. Štětka, J. Mazak // Cyberpsychology. – 2014. – Vol. 8, № 3. – Mode of access: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4316/3366>. – Date of access: 10.02.2022.

14. *Baym, N.* Data not Seen: The Uses and Shortcomings of Social Media Metrics [Electronic resource] / N. Baym // First Monday. – 2013. – Vol. 18, № 10. – Mode of access: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/4873/3752>. – Date of access: 07.02.2022.

15. *Володенков, С. В.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения [Электронный ресурс] / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – Режим доступа: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2>. – Дата доступа: 07.02.2022.

16. *Kaase, M.* Partizipation / M. Kaase // Staat und Politik / ed. D. Nohlen. – Bonn, 1991. – P. 251–252.

17. *Verba, S.* Participation in America: Political Democracy and Social Equality / S. Verba, N. Nue. – NY, 1987. – 452 p.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

В. А. Мельник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

М. И. Радкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Melnik

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk

M. Radkevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ИДЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

THEORETICAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF IDEOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

В статье рассмотрены теоретические подходы к интерпретации феномена идеологии во второй половине XX – начале XXI вв. Установлено, что со второй половины XX в. начинается новый этап экспликации феномена идеологии, признанного в качестве важнейшего понятия обществоведческих наук, главным образом политологии. Также приводится авторское определение феномена идеологии.

Ключевые слова: идеология; теория идеологии; ценности; современность; общества современности.

The article considers theoretical approaches to the interpretation of the phenomenon of ideology in the second half of the 20th – early 21st centuries. It is established that from

the second half of the XX century: a new stage of explication of the phenomenon of ideology begins, recognized as the most important concept of social sciences, mainly political science. The author's definition of the phenomenon of ideology is also given.

Keywords: ideology; theory of ideology; values; modernity; societies of modernity.

К началу второй половины XX в. феномен идеологии являлся предметом научного анализа не менее 150 лет. К этому времени исследователями был выдвинут комплекс положений, составивших основу теоретической интерпретации идеологии. В их числе представления о сущности идеологии как духовно-культурного феномена, его соотношения с наукой и религией, его роли в обеспечении функционирования обществ современности. К этому времени сложились и в большей или меньшей мере прошли практическую апробацию базовые положения основных идеологических доктрин – либерализма, консерватизма, социализма и национализма. Классиками теории идеологии по праву считаются К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Манхейм, Э. Бернштейн, А. Грамши. Выдвинутые ими теоретические положения относительно феномена идеологии сохраняют свою значимость по настоящее время. Изучение соответствующих работ этих авторов является обязательным для начинающих исследователей.

Со второй половины XX в. начинается новый этап экспликации феномена идеологии. Рост интереса к данной проблематике был обусловлен социально-политическими сдвигами, произошедшими в мире с момента введения термина «идеология». Главные из них – развернувшаяся после Второй мировой войны идеологическая борьба в международном масштабе, вступление ряда стран в стадию развитого индустриального общества, распад биполярной международной системы, превращение транснациональных корпораций в акторов международной политики. Эти и другие изменения во многом по-новому поставили перед исследователями вопросы сущности идеологии и ее роли в функционировании общества.

В советском обществоведении после полного опубликования на русском языке работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (1956 г.) и нового, наиболее полного опубликования первой главы работы «Немецкая идеология» (1966 г.) возобновился интерес к пониманию классиками марксизма феномена идеологии. При этом одна часть исследователей (В. А. Ядов, Н. Б. Биккенин, Ж. Т. Тощенко и др.) продолжала отстаивать введенное В. И. Лениным понятие «научная идеология» [1, с. 138] как якобы творческое развитие марксизма. В книге Н. Б. Биккенина «Социалистическая идеология», например, можно встретить следующее утверждение: «Только с возникновением марксизма идеология стала научной» [2, с. 40]. Другая часть исследователей (Н. И. Лапин, Э. Ю. Соловьев, И. Т. Фролов и др.) подчеркивали значение в марксовской теории общественного развития категории «отчуждение человека», его понимание условий и перспектив преодоления такого положения индивида в посттрадиционном обществе.

В западном обществоведении второй половины XX в. одни авторы – например, Р. Арон, П. Фейерабенд, К. Поппер, Х. Арендт, Г. Маркузе,

Ю. Хабермас, Д. Белл, С. Липсет, Э. Шилз и др. – продолжили заложенную К. Марксом традицию гносеологического подхода к пониманию идеологии или, иными словами, ее оценке как ложных представлений, сознательно или неосознанно искажающих существующую действительность и потому либо бесполезных общественной практике, либо являющихся помехой целям развития общества. Другие исследователи – среди которых Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Лассуэлл, С. Хантингтон и др. – акцентировали внимание на онтологической составляющей содержания идеологии. Это означает интерпретацию ими идеологии как фактора общественных процессов и как формы выражения представлений различных групп людей о должном устройстве социального бытия.

Обращает на себя внимание весьма любопытный подход к рассмотрению соотношения между идеологией и наукой, изложенный видным американским философом и методологом науки П. Фейерабендом. Самыми плодотворными в развитии науки он считал периоды борьбы альтернатив. В связи с этим он предлагал отказаться от понятий истинности и объективности знаний. Эти установки привели его к призыву освободить «общество от удушающей власти идеологически окаменевшей науки, как наши предки освободили нас от удушающей власти Единственной Истинной Религии» [3, с. 464–465]. Он полагал, что ученый вправе добиваться признания своих теорий различными способами, включая идеологическое воздействие и методы психологического внушения. Поскольку конкурирующие теории нередко противоположны, наука должна освободиться от насаждаемых государством всеобщих идеологических догм и последовательно плюрализироваться.

Очевидно, что П. Фейерабенд оставил открытым вопрос о соотношении идеологии и науки. Не случайно поэтому он пришел к отказу от понятий истины и объективности, к утверждению об относительности критериев рациональности в познании и практической деятельности, к предложению уравнивать в правах, т. е. в общественном статусе, науку и идеологию.

Оценка идеологии как ложного, превратного сознания и как орудия духовного подчинения личности в индустриальном обществе присуща таким видным представителям так называемой Франкфуртской школы, как М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др. Для их аналитических подходов характерны попытки осмыслить социально-политические реалии XX в. с позиции непримиримого оппонирования существующей действительности. Ими исследованы различные аспекты отчуждения человека современными общественными системами, основанными на принципе «производительности», которые неизбежно приводят к извращению естественных влечений и потребностей людей.

Примером такого подхода к оценке индустриального общества является работа Г. Маркузе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964 г.). Согласно автору книги, высоко развитые общества современности – будь то основанные на принципах

индивидуализма или на принципах коллективизма – не имеют оппозиции и поэтому они поражены «параличем критики». В обществе, потребительски ориентированном, одномерным становится и человеческое мышление, и поведение. «Тот факт, – делает вывод Г. Маркузе, – что подавляющее большинство населения приемлет и вместе с тем принуждается к приятию этого общества, не делает последнее менее иррациональным и менее достойным порицания» [4, с. 16].

Появление в 1950–1960-е гг. теорий постиндустриального общества и, казалось бы, снятие в условиях «государства всеобщего благоденствия» былой остроты общественных противоречий вызвали к жизни теорию деидеологизации. Утверждения о «конце идеологии» как атрибута общественной жизни и о возможности развития чистой от идеологических наслоений науки в той или иной форме высказали практически все творцы теории постиндустриального общества – Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Ё. Масуда, В. В. Иноземцев, Э. Тоффлер и др. В работах каждого из них можно обнаружить утверждения о возможности замены политических решений проблем, возникающих в процессе функционирования современных обществ, рациональными решениями технических специалистов.

Следствием исчезновения идеологии, как предполагалось, станет полное вытеснение ее из общественной жизни научным знанием. Этот тезис обосновывали такие исследователи, как Р. Арон, С. Липсет, Д. Белл, К. Поппер и др. В наиболее полном виде теория деидеологизации была изложена Д. Беллом в книге «Конец идеологии» (1960 г.) [5].

Однако последующие события конца 1960-х гг. в жизни западных стран – бурные выступления студенческой молодежи и интеллигенции, появление новых социальных движений («зеленые», феминисты, борцы за права сексуальных меньшинств, за сохранение мира, за признание национальной идентичности и т. п.) – вынудили Д. Белла пересмотреть свои утверждения.

Вскоре он заново анализирует положение «о конце идеологии», значительно корректирует содержание своей книги. Предисловие к ее обновленному варианту Д. Белл заканчивает следующими словами: «В завершение я скажу: “конец идеологии” как гигантская смена убеждений и ориентиров, на мой взгляд, исчерпал себя. И теперь вновь начинается история» [6, с. 25]. Вместе с ней, можно сказать, началась и «эпоха реидеологизации».

Основательная теоретическая интерпретация феномена идеологии с позиций ее значения для социальной практики, или онтологического подхода, представлена выдающимся американским социологом Т. Парсонсом в его работе «Система убеждений и социальная система: проблема “роли идей”». Идеология, в его понимании, «это система убеждений, относительно которой члены коллектива, то есть общества или же субколлектива внутри общества... согласны в том, что она ориентирована на ценностную интеграцию коллектива» [7, с. 477]. Что касается содержания идеологий, то оно «находит свое проявление в убеждениях, направленных на проблемы личности, коллектива и культурных объектов» [7, с. 483]. Как видно, на-

ряду с признанием того, что идеология есть феномен группового сознания, Т. Парсонс усматривает в ее элементах ценностное содержание и интеграционную роль в жизнедеятельности ее носителей. «Интеграция социальной системы, – считает Т. Парсонс, – по определению первичная функция общепризнанной идеологии» [7, с. 486].

Данный подход к пониманию предназначения идеологии конкретизировал Г. Лассуэл, рассматривавший ее как разновидность коммуникации, направленной на поддержание целостности современного общества как такового [8]. Поскольку вопросы интеграции «отдельной личности и коллектива» исследуются социальными науками, то приоритетную значимость приобретает «проблема связи социальных наук с идеологией, которая, как ясно каждому, исключительно важна» [7, с. 483]. Очевидно, что в этом утверждении Т. Парсонса заключена мысль об идеологичности социальных наук, истоки которой восходят к К. Марксу, к тому, что он называл «идеологическими формами», или «видами идеологии».

Видный американский политолог Д. Истон, развивая подход К. Манхейма к интерпретации феномена идеологии, рассматривал его как важнейший составной элемент политической системы, а конкретные идеи и представления, как и Т. Парсонс, возводил в статус общественных ценностей. Согласно ему, «политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых **ценности** [выделено нами. – *B. M., M. P.*] авторитарным способом приносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем... Все политические системы как таковые, поскольку они обладают определенной живучестью, обязательно выполняют две следующие функции. Во-первых, они должны быть способны предлагать обществу ценности и, во-вторых, вынуждать большинство его членов признавать их в качестве обязательных, по крайней мере, почти всегда» [9, с. 634–635]. И именно эти свойства политических систем, подчеркивает Д. Истон, выделяют их среди других типов социальных систем. Отсюда естественно, что тезис о «конце идеологии» он считал мифом.

Важные выводы о значении идеологии в становлении и консолидации обществ современности сделал широко известный социолог С. Хантингтон. В своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004 г.) он обосновал положение, согласно которому именно идеологии принадлежит решающее значение в обретении населением США национальной идентичности. На протяжении американской истории, отмечает С. Хантингтон, жители страны определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология», «культура». Если первые два термина в настоящее время практически вышли из оборота, то значение феномена идеологии, считает он, «не только сохраняется, но и возрастает». Именно «отождествление Америки с идеологией «американской веры», – продолжает С. Хантингтон, – помогло американцам претендовать на обладание «гражданской и национальной идентичностью»,

противопоставлявшейся этническим и этнокультурным идентичностям других стран... «Американское кредо» породило «американизм» – политическую идеологию: комплекс догм, сравнимый с социализмом и коммунизмом (заметьте, нам и в голову не приходит рассуждать о французизме, британцизме или германизме). Вдобавок американизм... обрел свойство религии и превратил Америку, по меткому выражению Г. К. Честертона, в «страну с церковной душой» [10, с. 16, 87].

Таким образом, вторая половина XX в. явилась периодом активного развития теории идеологии, основы которой были разработаны К. Марксом и К. Манхеймом. Можно констатировать, что в среде ученого сообщества и в массовом сознании утвердилось понимание идеологии как связанного с наукой и питающегося ее понятиями, но не тождественного ей духовно-культурного феномена, являющегося одним из важнейших конституирующих факторов посттрадиционных обществ. Термин «идеология» к настоящему времени признан в качестве важнейшего понятия обществоведческих наук, главным образом политологии, а феномен идеологии является предметом систематических научных исследований.

В научной литературе скрупулезными авторами идеология определяется как относительно систематизированная совокупность идей. Это означает, что она не есть теория, положения которой раскрывают причинно-следственные связи и отношения одного и того же объекта исследования. Иначе говоря, слова и словосочетания, которыми обозначаются составляющие определенную идеологию идеи, принципы и представления, не есть научные понятия в строгом смысле этого слова; они есть собственные слова и словосочетания, которыми группы людей выражают свое восприятие и оценку явлений социальной действительности. Идеология есть конструкция (или концепт, или доктрина), составленная по результатам размышления ее носителей о различных явлениях существующей социально-политической действительности, о ее возможном будущем устройстве и о путях и средствах ее утверждения.

Общепринятого подхода к систематизации содержания различных идеологий не существует, хотя некоторые аналитики все же находят, что каждая идеологическая доктрина имеет свою собственную морфологию или внутреннюю структуру. Английский политолог Дж. Шварцмантель, ссылаясь на авторство своего соотечественника, исследователя феномена идеологии М. Фридена, такого рода слова – претерпевшие операцию придания им специфического смысла с исключением возможности альтернативных интерпретаций – называет «отвоеванными» концептами. Идеологию вслед за М. Фриденом он определяет как совокупность политических концептов, или как «мульти-концептуальный конструкт», или как свободный набор (кластер) концептов своеобразного содержания со множеством внутренних комбинаций. С его точки зрения, концепты, которые образуют идеологию, «утверждают» значения определенных слов и отвергают все иные возможные их интерпретации. Любая идеология «имеет определенную форму, со-

стоящую, в первую очередь, из базовых концептов, дополненных примыкающим к ним, которые, в свою очередь, связаны с менее значимыми или периферийными. Идеология устанавливает более или менее логически последовательные связи между этими базовыми, к ним примыкающими и периферийными концептами» [11, с. 50].

В определение идеологии обычно включаются ценности как важнейший видовой признак рассматриваемого феномена, наряду с идеями и представлениями (принципами, положениями и т. п.), обусловленный тем, что ценности также являются результатом мышления социального субъекта, а именно оценивания им общественных явлений, в том числе продуктов интеллектуальной деятельности людей, на предмет их соответствия или несоответствия его (субъекта) потребностям и интересам. Социальные явления представляют собой результат объективации определенных идей и представлений; те из них, которые отвечают предъявляемым к ним субъектом требованиям, признаются им в качестве ценностей. Как отмечает российский исследователь А. Г. Здравомыслов, «для субъекта (человека) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям» [12, с. 74]. Включение понятия ценностей в определение идеологии полностью вытекает из онтологического подхода к интерпретации данного социально-культурного феномена.

Исследователи феномена идеологии единодушно констатируют, что содержание конкретных идеологий – характеристика существующей социально-политической действительности, выдвигаемые цели и задачи по ее сохранению или изменению, пути и средства их реализации – определяется местом и ролью их носителей в системе общественных отношений и вытекающими из этого положением их интересами. В интересах постоянно присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной группы людей с другой, одной социальной общности с другой. Свои индивидуальные и групповые интересы люди осознают и артикулируют в результате такого сравнения. Интересы направлены не столько на предмет их непосредственного удовлетворения, сколько на те социальные институты, учреждения, нормы взаимоотношений в обществе, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ [12, с. 74]. Любая идеология в конечном счете ориентируется на интересы определенного социального субъекта – группы, слоя, класса, общности – и через призму его интересов истолковывает существующую действительность, формирует определенные установки субъекта по отношению к ней и ориентирует его на осуществление тех или иных политических действий.

В современной литературе, особенно в учебной, роль идеологии как инструмента организации политических действий более детально раскрывается путем перечисления ее функций. Под таковыми понимаются те более узкие инструментального характера элементы политического процесса,

реализация которых социальными субъектами осуществляется с помощью феномена идеологии. Различными авторами их указывается от двух-трех до десяти и более. Мы, например, к числу непосредственных функций идеологии относим: познавательно-ориентационную – обеспечение предполагаемых носителей определенными представлениями о существующей действительности, действующих социально-политических силах, своем положении среди них, своих интересах и политических целях; легитимирующую (прагматическую, оправдывающую) – обоснование определенного общественного устройства или необходимости каких-либо изменений в существующей системе социальных отношений; мобилизационную – побуждение людей-носителей определенной системы идей к действию, к воплощению своих убеждений, целей и задач [13].

Другие функции идеологии, которые обычно скрупулезно перечисляются в учебных изданиях, носят, так сказать, сопутствующий характер. В частности, следствием мобилизационной функции является то, что идеология выполняет одновременно и интеграционную, и разграничительную функции: она сплачивает своих носителей и отделяет от них приверженцев других идейно-политических воззрений. Повышая уровень самосознания индивидов, расширяя их информированность и вовлекая в общественно-политические действия, идеология тем самым выполняет и социализирующую функцию. Не следует, однако, забывать и о восходящем к К. Марксу истолковании идеологии как институте политического господства или о развиваемом в работах Л. Альтюссера, А. Грамши, П. Бурдьё, Г. Маркузе и других исследователей положении об идеологии как средстве осуществления контроля над человеком в индустриальном обществе.

Наконец, необходимо отметить, что идеология становится инструментом коллективного действия в общественно-политической жизни не в силу ее появления как духовного феномена. Какими бы замечательными не были составляющие определенную идеологическую доктрину идеи, принципы и представления, они могут так и остаться достоянием сознания их создателей.

В советское время часто повторялись – в расхожем варианте – слова К. Маркса о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Самим К. Марксом эта мысль выражена следующим образом: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [14, с. 422]. Идеология может выполнять свою мобилизационную функцию лишь при условии наличия институционального механизма ее функционирования или, иными словами, идеологического аппарата, призванного заниматься воспроизводством и распространением среди членов сообщества данной системы идей и представлений. Такой аппарат составляют институты государства, политические партии, общественные объединения, учреждения науки, образования и культуры, пропагандистские

центры, издательства, средства массовой информации, интернет-ресурсы и т. д. Посредством такого рода общественных институтов обеспечивается функционирование идеологии на всех уровнях – теоретико-концептуальном, программно-политическом и обыденно-актуализированном. Свойство материальной силы идеи обретают, таким образом, в осознанных действиях их носителей, направленных на воспроизводство или изменение существующих общественных отношений.

В заключение напомним, что термином «идеология» изначально была обозначена наука о происхождении идей (А. Дестют де Траси), затем термину был придан ироничный смысл – как обозначение недоступной пониманию «здравым умом» некой сложной, или туманной, теории (Наполеон Бонапарт) и как обозначение ложных, не соответствующих истине представлений о существующей социально-политической действительности (К. Маркс) и, наконец, как тип и продукт мышления групп людей, обусловленный их положением в существующей социальной действительности и являющийся инструментом организации их коллективного общественно-политического действия (К. Манхейм).

Со второй половины XX в. термин «идеология» представителями общества ученых-обществоведов стал использоваться в качестве категории главным образом политической науки. Анализ феномена дает основание определить термин «идеология» как категорию политической науки для обозначения возникшего в процессе становления обществ современности духовно-культурного феномена: относительно систематизированной совокупности специфических – отличающихся по своему содержанию от научных понятий – философских, социально-экономических, политических и иных идей, ценностей и представлений, принципов и целей, в которых определенные группы людей с позиций собственных интересов осознают и выражают свое понимание существующей социально-политической действительности и представления о его должном устройстве, а также путей и средств его утверждения.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1968. – Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. – С. 7–384.
2. Биккенин, Н. Б. Социалистическая идеология / Н. Б. Биккенин. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 414 с.
3. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
5. Bell, D. Afterword, 1988: The End of Ideology Revisited / D. Bell (Ed.) // The End of Ideology. – Revised edition. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – P. 409–447.
6. Белл, Д. Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии» / Д. Белл // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 13–25.

7. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

8. Лассуэлл, Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–279.

9. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. II. – С. 630–642.

10. Хантингтон, С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2018. – 543 с.

11. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 312 с.

12. Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.

13. Мельник, В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник; науч. ред. П. Г. Никитенко. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2007. – 280 с.

14. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

P. V. Melnik

Редакция районной газеты «Кобрынскі веснік» и программы радиовещания «Кобрынская районная радиё», Кобрин

R. Melnik

Editorial Office of the Regional Newspaper “Kobrynski Vesnik” and Radio Broadcasting Program “Kobrynskae rayonnae radio”, Kobrin

**УДК 323
ВАК 23.00.02**

РОЛЬ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ROLE AND TASKS OF REGIONAL MASS MEDIA IN THE SPHERE OF STATE INFORMATION POLICY

В статье рассматривается развитие медиасистемы Республики Беларусь в контексте современных реалий. Дается ее полная морфологическая характеристика. Детализируется процесс распространения печатных средств массовой информации, уточняется аудитория потребителей информации государственных и негосударственных СМИ. Наглядно иллюстрируется контент-анализ региональных массмедиа, обозначаются проблемные моменты, которые существуют сегодня в информационной сфере (кризисные явления в печатных СМИ и т. д.). Кроме того, даются практические рекомендации по активному включению традиционных средств массовой информации в сетевое

пространство, по расширению каналов воздействия и максимального увеличения заинтересованной аудитории.

Ключевые слова: сетевые СМИ; вовлеченность в информационные процессы; государственная информационная политика; информационные технологии.

The article discusses the development of the media system of the Republic of Belarus in the context of modern realities. Its complete morphological characteristics are given. The process of distribution of print media is detailed, the audience of consumers of information from state and non-state media is specified. The content analysis of the regional mass media is clearly illustrated, the problematic moments that exist today in the information sphere (crisis phenomena in the print media, etc.) are indicated. In addition, practical recommendations are given for the active inclusion of traditional media in the network space, for expanding channels of influence and maximizing the interested audience.

Keywords: online media; involvement in information processes; state information policy; information technologies.

В информационном поле Беларуси практически завершен процесс сегментации аудитории по самым разным направлениям – территориальному нахождению СМИ, каналу передачи информации и его контентному наполнению – и в связи со стремительным развитием современных коммуникационных технологий наступает новый этап в развитии белорусского общества, при котором информация не вписывается в простой линейный канал от источника к получателю, а формируется целый ряд источников каналов передачи информации как внешних, так и внутренних, объединенных в единую медиасреду. Причем контуры этой среды не вписываются и в государственные границы. Соответственно и отдельный гражданин, и все общество находятся в кругу самых разных информационных потоков [16].

В последующие годы указанные процессы нашли дальнейшее развитие. Работая в современных условиях, СМИ активно используют передовые технологии для распространения контента по максимально возможным каналам информации, интеграции различных медиаплатформ – печатных, интернет- и мобильных версий, аудиовизуальных ресурсов.

В связи с развитием интернет-ресурсов и информационно-коммуникативных технологий многие ведущие авторитетные печатные издания имеют интернет-версии своих печатных аналогов и максимально включены в сетевое пространство. В связи с чем газету вовсе не обязательно покупать в киоске «Союзпечати» или оформлять подписку на издание, затрачивая личные финансовые средства, так как с ее содержанием можно ознакомиться и в сети Интернет.

Региональные СМИ, в частности газеты, в отличие от республиканских, продолжают «удерживать» своего читателя даже в условиях кризисного состояния рынка печатных СМИ и общей тенденции возрастающего спроса аудитории на информацию, воспроизводимую сетевыми ресурсами.

В последнее время проведена определенная работа, направленная на развитие государственных региональных СМИ в соответствии с современными

требованиями. Увеличены объем, цветность изданий, созданы сайты всех районных газет. В полноцветном исполнении еженедельно или два раза в неделю выходят 72 газеты (т. е. более половины региональных изданий). Половина газет печатается в 2 цвета. Черно-белых осталось только 6. Все «районки» выпускаются объемом от 12 полос в неделю. Большинство газет выходит объемом от 16 до 24 полос, объемом 32 полосы и более в неделю – более 20 изданий.

В то же время сегодня четко обозначилась тенденция снижения тиражей региональной прессы, острыми остаются вопросы качества ряда изданий, которое, к сожалению, во многом зависит от типографий, где они печатаются.

В целом за 2018 г. общий разовый тираж уменьшился по всем областям в среднем на 3,8 %, подписной тираж – на 2,9 %. Общие разовые тиражи по отношению к уровню начала 2018 г. снизили 99 изданий, а подписные тиражи – 95 изданий.

Читателю непосредственно интересна та среда, которая окружает его лично, либо та повседневность, в которой он живет («проблема региона», «здоровье», «внутренняя политика»).

Популярность социальных сетей во многом объясняется тем, что у пользователей сетевых ресурсов есть возможность «заявить о себе» в информационном поле. В региональных СМИ у потребителя массовой информации гораздо больше шансов стать героем публикации либо в такой роли будет выступать его ближайшее окружение (друзья, знакомые, коллеги по работе и т. д.).

Центральные средства массовой информации в данном случае ориентированы в большей степени на информацию глобального республиканского масштаба. Региональные СМИ в указанных контекстах чаще обращены к конкретному человеку, проживающему в локальном территориальном пространстве. Глобальные информационные события и мировые тренды не всегда находят поддержку у читателя.

Указанный фактор представляется основополагающим в вопросе сохранения интереса к региональным СМИ, в частности к печатным изданиям в условиях кризисного состояния печатных СМИ. Учитывая вышесказанное, представляется актуальным социологическое исследование регионального печатного сегмента информационного поля.

Региональные печатные издания, в отличие от республиканских, имеют конкретные территориальные пределы своего информационного воздействия. Поэтому, нужно учитывать тот факт, что в пределах конкретного территориального пространства степень влияния региональных газет будет значительно выше, чем показатели востребованности у аудитории в республиканском контексте.

Популярность и востребованность информационного контента региональных печатных изданий во многом обуславливается тем, что наиболее популярным тематическим направлением у аудитории является информация «по проблемам региона, в котором вы живете» – 51 %.

Как правило, читателя газеты интересует, прежде всего, та среда, в которой он осуществляет свою жизнедеятельность. Если телевидение предлагает потребителю визуальный эффект присутствия, то печатные СМИ, в частности региональные печатные издания, пишут исключительно о проблемах и специфике конкретного территориального пространства, в рамках которого необходимо отметить высокий уровень коммуникативных связей между потребителями массовой информации и непосредственно самой газетой. Аудитория печатных СМИ может не читать республиканские печатные издания, при этом регулярно обращается к региональным средствам массовой информации (газеты, телеканалы, радиостанции), которые публикуют материалы, актуальные исключительно для конкретного региона.

Также интерес к социальным проблемам и вопросам внутренней политики обусловлен во многом спросом читателя на информационное обеспечение той среды, которая его окружает. Для глобальных информационных поводов и описаний событий мирового масштаба существуют другие каналы воспроизводства и распространения информации. Газета имеет строго определенный содержательный формат и конкретные объемы информационных материалов, в то время как телевизионное и сетевое пространство представляет собой бесконечность погружения аудитории в неупорядоченные информационные потоки. Выбирая ту или иную газету, читатель соглашается с условно ограниченным форматом информационного контента, который ему представляют профессиональные журналисты.

В неупорядоченном потоке информации, распространяемой в сетевом пространстве, индивид фактически лишен возможности профессиональной фильтрации информационных материалов ввиду некомпетентности и физической невозможности справиться с потоками поступающей информации, он принимает решение на основе либо личностных ценностных ориентаций, либо визуальных инструментов социального одобрения сетевого контента («лайки», «классы», комментарии в социальных медиа). Безусловно, формирование «клипового сознания» как формы адаптации индивида к массовым информационным потокам играет значительную роль при формировании медиапотребления. Однако в случае с газетами индивиду не нужно утруждать себя изнурительным поиском необходимой информации, наиболее актуальные события уже отобраны редакциями изданий и предложены для ознакомления в максимально читабельном и простом для усвоения формате.

Региональные печатные СМИ должны перейти к постоянной практике социологического изучения тематических предпочтений своей целевой и потенциальной аудитории, поскольку именно высокий уровень связи между публикуемыми материалами и пожеланиями читателей будет способствовать сохранению позиций в печатном сегменте национального информационного поля.

В условиях цифровизации национального информационного поля все большее значение приобретает процесс формирования социально значимого контента в сетевом пространстве.

Активные пользователи сетевых ресурсов, как правило, ведут персональные блоги (публикуют посты в личном профиле). Если в редакции даже самого небольшого печатного издания в штате, помимо главного редактора, находятся также выпускающий редактор, отдел верстки, журналисты и прочие сотрудники, то условный блогер работает преимущественно один, определяя как содержание информационной политики, так и каналы коммуникации с потребителями информации. Опыт активного использования сетевых ресурсов может помочь редакциям региональных СМИ в определении наиболее оптимальных форматов своей работы.

В ходе проведения исследования, в интервью респондентов, которыми выступили представители регионального медиасообщества, отмечается высокая роль социальных медиа в перераспределении каналов медиапотребления (Респондент 1: «Я перестал читать газеты и ходить в библиотеку. Большую часть информации я получаю из сетей»).

Немаловажным аспектом представляются также коммуникативные возможности социальных медиа и эффективные инструменты обратной связи с аудиторией (Респондент 1: «Стало проще распространять различную информацию, писать им напрямую. Добавление фотографий позволяет быстро о чем-то сообщить всем подписчикам, это очень удобно. Появилась возможность искать группы по интересам, задавать вопросы, получать информацию»; Респондент 2: «Сети резко расширили возможности для профессиональной деятельности. Через сети приходит большая часть обращений и запросов, я нахожу нужных мне людей, получаю нужную информацию и новости. Конечно и как развлечения»; Респондент 3: «Соцсети значительно укрепили коммуникационный потенциал для повышения качества кампаний. Резко сократилось время ответной реакции на материалы и предложения, увеличился охват аудитории, причем в разных социальных группах. Соцсети стали неотъемлемой частью работы в информационно-аналитическом поле мира. Это требует регулярного присутствия с разными материалами (статьи, заметки, аудио- и видеоматериалы), но эффективность работы существенно увеличилась. Рассматриваю работу в соцсетях как обязательный элемент интеллектуального просвещения и влияния на национальную, общественную повестку дня»; Респондент 4: «В профессиональной деятельности фейсбук и соцсети – это в первую очередь рекламная площадка и хороший канал общения с аудиторией, с возможностью оперативно получить обратную связь»).

Также социальные медиа выступили источником творческого самовыражения потребителей массовой информации. Теперь рядовой пользователь сетевых ресурсов может быть не только потребителем и распространителем массовой информации, но и источником ее производства, что, в свою очередь, изменило конфигурацию медиaprостранства, в котором ранее

доминировали исключительно традиционные СМИ и профессиональные журналисты (Респондент 1: «Я – модератор группы в ВК «Подслушано Кобрин» – отличное средство коммуникации, которое вполне можно назвать СМИ. По степени влияния на аудиторию сообщения в группе могут вполне конкурировать, например, с районной газетой «Кобрынскі веснік» (во всяком случае, прочитает их не меньшее количество людей. Правда, «Кобрынскі веснік» стоит бюджету реальных денег, а моя группа не стоит мне ни копейки»).

Основными сетевыми площадками, которыми активно пользуются участники глубинных интервью, являются тематические сообщества в социальных сетях «Фейсбук», «Инстаграм», «Вконтакте», а также платформа автономных блогов «Живого журнала». Практически все участники глубинных интервью являются модераторами сетевых сообществ, что, в свою очередь, позволяет осуществлять управление значительными информационными потоками.

Как правило, наибольший отклик у аудитории набирают визуализированный контент (личные фотографии и иная визуальная информация о себе и происходящем) и публикации, посвященные актуальным (резонансным) событиям в информационном пространстве

Увеличивающиеся потоки информации неизбежно приведут к ситуации, когда потребитель информации будет выбирать наиболее зарекомендовавший в плане достоверности и доверия источник. Производителям информационного контента, в частности печатным СМИ, необходимо обратить внимание на каналы коммуникации и обратной связи с аудиторией.

В рамках работы проведен опрос редакторов региональных СМИ Брестской области – печатных изданий, редакций телерадиовещания, администраторов сетевых ресурсов. Экспертам предлагалось выдвинуть гипотезы относительно возможности сохранения конкурентоспособности на медийном рынке в контексте цифровизации медиaprостранства (Вопрос 1 «Как Вы считаете, способны печатные СМИ сохранить свою аудиторию и оставаться конкурентоспособными на медийном рынке в условиях возрастающей популярности Интернет-ресурсов?») и дальнейшего развития информационного поля в условиях его структурной трансформации (Вопрос 2 «Как Вы считаете, возможно ли в ближайшем будущем окончательное перераспределение информационного влияния на аудиторию от традиционной журналистики (редакции изданий, специальные корреспонденты, колумнистические статьи и т. д.) в пользу веб-журналистики (блогеры, прямые ютуб-трансляции, распространение информации через профили социальных сетей и т. д.)?»).

Все эксперты констатируют очевидное распределение информационного влияния и возрастающий спрос потребителей информации на контент сетевых ресурсов (Эксперт 1: «Печатные СМИ постепенно будут терять свою аудиторию, поскольку молодежь уже сейчас и в дальнейшем в основном будет черпать информацию из Интернета, сегмент читателей печатных

СМИ будет со временем все больше сужаться»; Эксперт 2: «Мы просто приближаемся к постепенной трансформации печатных СМИ в электронные»; Эксперт 3: «Ключевой характеристикой, которой должны обладать средства массовой информации, является оперативность в донесении информации. В этом направлении печатные СМИ уже потеряли свою аудиторию и не конкурентоспособны в отношении интернет-ресурсов. Интернет-пространство предоставляет информацию о проведенном мероприятии практически мгновенно, что и требуется потребителю контента»; Эксперт 4: «События, которые развиваются вокруг нас, происходят молниеносно, пока это напечатано в СМИ, электронные ресурсы уже предоставляют другие новости. Да и потребителю уже не представляется удобным с точки зрения медиапотребления формат печатных СМИ, ему достаточно оплатить доступ в Интернет и читать новости»).

Категоричных оценок в отношении перспектив развития печатных СМИ не последовало, как правило, эксперты фиксируют кризисное состояние сегодняшнего рынка печатных изданий.

Вместе с тем эксперты не склонны оценивать печатные СМИ как уходящий в историю информационный продукт. Отмечается ряд особенностей и преимуществ печатных изданий (в частности, региональных газет) по сравнению с сетевыми ресурсами. Ключевой особенностью печатных изданий является высокая степень аналитического содержания публикуемых материалов, наличие экспертных оценок и качественного разъяснения происходящих в стране и мире событий, что, в свою очередь, далеко не всегда способен предоставить Интернет.

Сама по себе газета как источник массово-политической информации не исчезнет в связи с развитием интернет-ресурсов, а будет продолжать функционировать (Эксперт 1: «Классическая газета и журнал все же останутся. Скоро процесс сам себя уравнивает. С приходом кино не умер театр. Соответственно, то же самое мы можем сказать и в отношении печатных СМИ»).

При ответе на вопрос относительно условной «победы» сетевых ресурсов над традиционными СМИ и окончательного перераспределения влияния на аудиторию в пользу Сети эксперты отмечают, что явного доминирования Интернета не приходится ожидать. Сетевой информационный контент, безусловно, выступает востребованным продуктом, особенно у молодежи, однако и традиционные СМИ способны сохранить свою нишу в национальном медиaprостранстве при соблюдении ряда условий (Эксперт 3: «В самом ближайшем будущем, полагаю, окончательного перераспределения информационного влияния на аудиторию в пользу сетевых ресурсов не произойдет. Этому препятствует консервативность мышления значительной части населения (консервативность в хорошем смысле данного слова), отсутствие технических возможностей, отсутствие заинтересованности в подобного рода источниках информации»).

Популярность Интернета во многом объясняется максимально комфортной формой медиапотребления (преимущественно молодежи), при

этом содержание информационного контента сетевых ресурсов в ряде случаев не выдерживает никакой критики, являясь почвой для развития различного рода манипуляций и формирования дестабилизации социально-политической обстановки. Традиционные СМИ сохраняют свою нишу при наличии качественной объяснительной аналитики, которая противопоставляется технологиям мгновенного распространения информации в сетевом пространстве.

Сохраняя аналитическую направленность и интеллектуальное наполнение формируемого информационного контента, традиционные СМИ выступают противовесом «фейковой» сетевой информации. У аудитории в указанных контекстах всегда будет выбор относительного того, что именно они хотят узнать в первую очередь – само по себе обнародование какого-либо значимого факта или получение профессионального комментария и объяснения происходящего.

Традиционным СМИ необходимо самим активно включаться в сетевое пространство, расширяя каналы своего воздействия и максимально увеличивая заинтересованную аудиторию.

Как показали результаты исследования, аудитория региональных печатных СМИ активно интересуется и считает в какой-то степени резонансными и социально значимыми события, которые происходят в масштабах Республики Беларусь. Не получив информации по наиболее актуальным для Беларуси вопросам, аудитория начинает обращаться к иным источникам информации, что, в свою очередь, выступает фактором снижения интереса к региональной прессе.

Исследование резонансных в восприятии населения событий показало также, что для отдельных региональных печатных изданий характерно использование информационно-новостного контента в форме кратких информационных сообщений о каком-либо событии (мероприятии). В данном случае использование такой жанровой формы подачи материалов не представляется эффективным ввиду активного развития интернет-технологий и сетевого пространства в целом.

Печатным изданиям абсолютно не имеет смысла конкурировать с Интернетом в вопросе трансляции информационно-новостного контента, так как в сетевом пространстве информация распространяется мгновенно. Региональные СМИ могут занять нишу объяснительной аналитики, предлагая своим читателям развернутые материалы о происходящих в регионе и стране в целом событиях. Они могут обращаться к услугам колумнистов, экспертов, иных специалистов по тем или иным тематическим направлениям.

Одним из основных факторов успеха блогеров и активных пользователей социальных медиа является высокий уровень коммуникации и обратной связи со своей аудиторией. Региональным печатным СМИ, в частности, рекомендуется организовать серию уличных интервью и опросов по актуальным проблемам региона проживания с последующей публикацией на страницах издания.

Ввиду того, что региональные печатные СМИ подчинены местным исполнительным и распорядительным органам, в ряде случаев местная пресса оставляет без внимания резонансные в восприятии населения события, соблюдая корпоративную этику и интересы, однако выбранная стратегия не способствует своевременному информированию населения о наиболее актуальных для региона и общества проблемах.

Список использованных источников

1. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети интернет [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // Комитет государственной безопасности. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

3. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.11.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019; О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г., № 128-3 // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

5. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3: в ред. от 04.01.2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/docume nt/?guid=3871&p0=N10800455>. – Дата доступа: 21.10.2018.

6. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июня 2008 г., № 427-3: в ред. от 20.12.2014 г. // М-во информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

7. *Акулик, А. К.* В тени «Золотой литеры» [Электронный ресурс] / А. К. Акулик // *Беларуская думка*. – Режим доступа: <https://beldumka.belta.by/>. – Дата доступа: 30.09.2018.

8. *Басова, А. И.* Современные информационные технологии как составляющая журналистского образования / А. И. Басова // *Журналистыка-2017: стан, праблемы, перспектывы: матэрыялы 19 Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 16–17 ліст. 2017.* – Вып. 19. – Мінск: БДУ, 2017. – 496 с.

9. *Беленкова, Л. М.* Web-сайты органов государственного управления как форма идеологической работы / Л. М. Беленкова // *Идеологическая работа в Республике Бела-*

русь: пособие / В. Е. Астаповский [и др.]; под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – С. 92–96.

(Дата подачи 23.02.2022 г.)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет, Минск

V. Astroha

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.2(38)

ГЕНЕЗИС ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ

THE GENESIS OF GEOPOLITICAL IDEAS IN ANCIENT GREECE

В статье рассматривается генезис геополитических идей в античной Греции. Проанализированы и охарактеризованы сочинения в этой области основных древнегреческих философов, географов и историков: Гекатея Милетского, Парменида, Геродота, Фукидида, Гиппократы, Ксенофонта, Аристотеля и Полибия. Сделан вывод, что геополитические взгляды древнегреческих мыслителей, основанные на географическом детерминизме, легли в основу теорий классиков геополитической мысли XIX в. и современности.

Ключевые слова: история; география; философия; географический детерминизм; природа; климат; война; стратегия; геополитика; научные исследования.

The article examines the genesis of geopolitical ideas in ancient Greece. The works of the main ancient Greek philosophers, geographers and historians in this field are analyzed and characterized: Hecateus of Miletus, Parmenides, Herodotus, Thucydides, Hippocrates, Xenophon, Aristotle and Polybius. It is concluded that the geopolitical views of ancient Greek thinkers, based on geographical determinism, formed the basis of the theories of the classics of geopolitical thought of the XIX century and modernity.

Keywords: history; geography; philosophy; geographical determinism; nature; climate; war; strategy; geopolitics; scientific research.

Несмотря на то что фактически геополитика как наука возникла в XIX в., можно сказать, что ее генезис начался задолго до этого времени. Вглядываясь в историю в поисках «отцов» геополитической мысли, мы можем увидеть ее начала в древнегреческом научном наследии. Актуальность изучения возникновения геополитических взглядов и концепций велика. Несмотря на многочисленные отечественные и зарубежные исследования творчества мыслителей Древней Эллады, геополитический аспект их учений раскрыт не достаточно.

Как известно, одним из ключевых элементов традиционной геополитики является географический детерминизм, т. е. мнение, что геофизическая

среда непосредственно влияет на нравы и обычаи людей, политический строй государства, его внутреннюю и внешнюю политику. Первые древнегреческие мыслители увидели эту связь и пытались соединить географические познания и другие науки, в первую очередь историю. Можно согласиться, что география оказывает достаточно большое влияние на ход исторических событий той или иной страны. Гористая Греция – один из хороших примеров. Созданная природой изолированность ее регионов сформировала предпосылки появления обособленных полисов. Не менее сильно было и влияние на греческую историю наличия выхода к морю.

Но этот тезис в первую очередь верен именно для прошлых времен. В настоящем, в эпоху глобализации, новых видов коммуникаций наша планета «уменьшилась». Поэтому истина древнегреческих геодетерминистов кроется в «середине». На взгляд известного антиковеда Р. Виппера, в целом согласного с важностью географического фактора: «Нужно иметь в виду роль отвлекающих причин и не считать воздействие физических условий чем-то исключительным, не устранимым» и «не поддаваться географическому фатализму» [1, с. 19–20]. Но во времена древней Эллады на заре геополитических идей мыслители твердо стояли на позициях примата географических условий.

Гекатей Милетский, древнегреческий географ и историк (546–480 гг. до н. э.), считается одним из ближайших предшественников Геродота. Гекатею даже приписывают славу «Отца географии» и родоначальника географического детерминизма. В историографии он упоминается как автор двух работ: географической «Объезд земли», или «Землеописание», и исторической «Генеалогия». К сожалению, его произведения известны нам лишь фрагментарно из 381 короткой цитаты в трудах других древних авторов.

В рамках рассматриваемой темы больше всего интересно сочинение «Объезд земли», построенное по географическому принципу и разделенное на две части «Европа» и «Азия». Описания стран и городов, находившихся в Европе, Ближнем Востоке и Северной Африке, были детальными и касались местного быта, достопримечательностей и др. Эта страноведческая работа содержала и карту тогдашнего представления мира, так называемой ойкумены (населенной части суши). На ней автор впервые разделил Европу и Азию границей.

Интерес Гекатея к географии и путешествиям шел от его происхождения из Милет, крупнейшего торгового города на средиземноморском побережье Малой Азии. Интересно, что в Древней Греции имя «милетец» означало человека, которому всегда везет.

Гекатей, как известно, был участником антиперсидского Милетского восстания 500–494 гг. до н. э. На одном из ключевых собраний во главе с милетским тираном Аристагором он единственный из присутствующих заявил, что восстание может потерпеть неудачу, так как военное преимущество на стороне персов. Британская исследовательница С. Уэст считает, что его мнение было обоснованным: «общее несогласие Гекатея было

основано на геополитических соображениях. Было бы трудно поверить, что заговорщики могли полагать, что они не знали об огромных масштабах Персидской империи ... и мудрый человек в этих обстоятельствах напомнил об этой мощи» [2, p. 155].

О геополитическом масштабе мышления Гекатея свидетельствует и то, что после того, как ему не удалось убедить Совет в бесперспективности войны, он предложил достичь хотя бы господства на море. По его словам, нет «другой возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бронхидах сокровища – посвятительные дары лидийского царя Креза. Тогда он абсолютно уверен, что Милет достигнет господства на море ...» [3, с. 248]. Безусловно, он как сторонник морской мощи прекрасно понимал, что ее можно использовать против сухопутной империи персов. Таким образом, даже фрагменты сочинения Гекатея демонстрируют его нам как одного из зачинателей геополитической мысли Древней Греции.

С позиций географического детерминизма анализировал ойкумену и **Парменид** (около 540 – около 480 гг. до н. э.), известный представитель Элейской философской школы. В своих рассуждениях он, одним из первых, выдвинул идею пяти температурных зон или поясов Земли: два холодных, два умеренных и один в центре – горячий, каждый из которых имеет свои политические особенности [4, с. 8]. В результате жители Юга, получая от природы питание и нуждаясь лишь в легкой крыше над головой, не имели стремления к расширению своего жизненного пространства. Жители Севера, наоборот, слишком много энергии тратили на поддержание жизни в своих суровых условиях и не имели возможности для дальнейшего увеличения своей территории. А вот умеренный климат создал идеальный природный баланс, способствовал процветанию государств и давал импульс для их расширения. Надо отметить, что многие античные философы придерживались схожего мнения о влиянии климата на политическую энергию, в том числе и потому, что сами древнегреческие полисы находились как раз в умеренной климатической зоне.

Эллинский мыслитель **Геродот Галикарнасский** (около 484 – около 425 гг. до н. э.), по выражению Цицерона, был «отцом истории». Вместе с тем его трактат «История», по мнению исследователей, четко свидетельствует о геополитическом подходе автора к описанию событий греко-персидских войн. Многосторонние знания и широкий взгляд на историю Геродот сформировал во время своих путешествий по Малой Азии, Месопотамии, Сирии, Финикии, Египту, Ливии, Фракии и Скифии.

«История» Геродота была посвящена причинам и ходу греко-персидских войн (500–449 до н. э.). В сочинении он с разных сторон осмысливал давнее соперничество и противостояние Востока и Запада, мира варваров и эллинов. Как высказался сам автор: «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безызвестности»

[3, с. 11–12]. В его работе были отражены и геополитические реалии того времени. Интересно, что в честь знаменитого географа и историка древности назван и выходящий сегодня во Франции научный геополитический журнал «Herodote», основанный французским геополитиком И. Лакостом.

Фукидид (460–396 г. до н. э.) считается первым из древнегреческих историков, кто критически и без налета мифологии прежних авторов проанализировал исторический процесс. Он родился в аристократической семье и получил прекрасное образование у философов Анаксагора, Протагора и др. Был стратегом. Некоторые исследователи называют Фукидиду «отцом геополитики». Историческое описание в его сочинениях, как пишет ценитель его творчества Э. Д. Фролов, получает «сугубо политический характер» и становится «эталоном исторического описания вообще» [5, с. 148].

С точки зрения его вклада в генезис геополитической мысли наиболее интересным является произведение «История Пелопоннесской войны», очевидцем которой он стал. Этот конфликт, несмотря на свой локальный характер, по сути являлся геополитическим и должен был решить давнее соперничество между Афинами и Спартой за гегемонию в Элладе и определить будущее ее развития как демократическое либо олигархическое. Автор пишет, что начал работу сразу по возникновению войны, «предвидя, что война эта будет важной и наиболее подходящей из бывших доселе ... война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества» [6, с. 5].

Фукидид демонстрирует историю как цепь обусловленных политических и военно-политических событий, а также военных столкновений. Он сразу отметил геополитический мотив войны между Афинами и Спартой: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» [6, с. 19].

В своем труде он одним из первых характеризует так называемый принцип силы в межгосударственных отношениях. Так, в описанной им дискуссии афинских послов и мелосцев первые заявили – «о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу» [6, с. 392]. В рамках развития упомянутого «принципа силы» он отмечал возросшее значение морского флота в войне с преимущественно сухопутными державами, иными словами, столкновения стратегий «суши» и «моря», экстраполируя это на характер могущества государства: у Афин – морской, а у Спарты – сухопутный. В этом также проявился его геополитический подход.

Надо отметить, что работа Фукидиду приобрела широкую известность только после Второй мировой войны, когда в Лондоне вышла книга К. Поппера «Открытое общество и его враги», в которой он назвал Фукидиду «возможно, величайшим историком из всех, живущих доселе» [7, с. 223]. С этого момента популярность «Истории» Фукидиду в научной

политической среде резко возросла, а ныне в военных академиях ряда зарубежных стран она является обязательной для изучения.

Глубокий труд Фукидида не теряет актуальности. Отдельные ученые преломляют мысли великого грека на современную геополитическую ситуацию. Так, известный американский политолог и эксперт в области национальной безопасности Грэхам Аллисон инициировал термин «ловушка Фукидида». По его мнению, идея Фукидида, что Пелопоннесская война стала неизбежной из-за страха великой державы Спарты перед завоеванием власти Афинами, может стать аналогией для выявления потенциально существующих угроз военного конфликта между нынешним государством-доминантом и новым, стремительно развивающимся в своей мощи.

Внес свой вклад в геополитическую мысль и «отец медицины», знаменитый врач и философ **Гиппократ** (460–377 гг. до н. э.). Кроме медицины он хорошо знал и философию, которую постигал у прославленного Демокрита. На широту его взглядов повлияли и постоянные путешествия, что позволило ему в трактате «О воздухах, водах и местностях» на примере Азии и Европы глубоко и ярко охарактеризовать зависимость физиологии людей, их нравов и даже государственно-политического строя от природы. Он писал: «по моему мнению, Азия весьма много отличается от Европы как природою всего того, что производится с земли, так и природою людей, ибо все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей более приветливо и спокойнее» [8, с. 292]. «Но, – продолжает он, – почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и смелости» [8, с. 295–296]. В конце рассуждений он отмечает: «Итак, вот важнейшие причины природных изменений, а кроме них тоже сама страна, в которой кто-нибудь воспитывается, и воды, ведь ты найдешь, что большею частью формы людей и нравы отражают природу страны ... где страна голая, безводная, неровная и когда она угнетается холодом и печется солнцем, там увидишь ты людей твердых, худых, с хорошо расчлененным телом, сильных и волосатых и таких, которые от природы энергичны и бодры для деятельности... Таковы природы и формы, наиболее противоположные; исходя из них, следует рассматривать все остальное, – и ты не ошибешься» [8, с. 304–305]. Таким образом, Гиппократ увидел абсолютную зависимость человека и институтов власти от природной среды.

Ксенофонт (около 430–354 гг. до н. э.) родом из афинской аристократической семьи, ученик Сократа. Он был и политиком, и служил в персидском и спартанском войске. Проявил себя и как писатель. Его произведения представляют безусловный интерес с точки зрения отражения геополитических взглядов того времени, к примеру, мнение автора о значении армии

и флота для могущества государства, зависимости этого от географических условий. Так, в своем известном произведении «Греческая история» Ксенофонт не только описывает сражения и политические события, но и стремится выявить взаимосвязь рассматриваемых событий с географией.

Он приводит речь флиутица Прокла в Афинах о разделении полномочий лакедемонян и афинян: «Афиняне! ... Ваш совет уже дал свое предварительное одобрение предложению, по которому вам должна принадлежать гегемония на море, а лакедемонянам на суше. Мне кажется, что это разграничение не есть человеческое установление, – оно предопределено природой и божественным промыслом. Этому в высшей степени соответствует прежде всего географическое положение вашей страны: большая часть городов, нуждающихся в море, расположена вокруг вашего города, и все они слабее вашего отечества. Кроме того, у вас есть гавани, без которых невозможно стать могущественным на море. Далее у вас большой флот ... Это крайне важно для разрешения вопроса о гегемонии, потому что все государства наиболее охотно собираются вокруг того, кто и без них достаточно силен ... Залог вашего спасения в море» [9, с. 226–227].

Весомый вклад в развитие теории геополитики античной эпохи сделал философ **Аристотель** (384–322 гг. до н. э.). Наибольший интерес в этой связи представляет его фундаментальное произведение «Политика», где он, как считается, впервые в истории политической мысли представил концепцию «самодостаточного государства», состоящую из двух основных элементов – самодостаточности территории и самодостаточности населения.

С точки зрения генезиса геополитической теории эта работа – яркий пример высоты теоретических рассуждений античного философа о государстве, связи между природной средой и государственным строем, численностью жителей и его качествами, размером территории и мощностью государства. Так, он был уверен, что «лучшее государственное устройство не может возникнуть без соответствующих внешних условий» [10, с. 596]. Это значило, что численность граждан очень важна для безопасности государства. Чем более будет граждан, по сравнению с негражданами и рабами, тем более великая будет держава, а не просто многонаселенная.

Рассуждая о могуществе и размерах государства, философ предупреждает об опасности «искусственного» увеличения его территории, ведь это влечет за собой присоединение чуждого данному государству населения и трудности управления с помощью неизменных законов. Но вместе с тем государство, чтобы сохранять независимость, должно быть достаточно большим и иметь благоприятное географическое положение, в первую очередь выход к морю. «Территория должна быть труднодостижима к вторжению, но иметь удобные выходы», – пишет Аристотель [10, с. 599]. Примером понимания важности геополитического статуса может служить его мнение относительно острова Крит: «остров Крит как бы предназначен

к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения, с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, а с другой – от Азии... » [10, с. 434]. Из этого вытекает и мысль Аристотеля относительно «морской силы» – «абсолютно очевидно, лучше довести ее развитие до определенного предела. Ведь государство должно не только быть подготовлено к самообороне, но и вселять страх и быть в состоянии помочь некоторым из соседей как на суше, так и на море» [10, с. 600].

Отметим, что философ высказывает и достаточно имперские мысли, в связи с влиянием географического местонахождения народа на его интеллектуальные и моральные качества и значение этого для определения его геополитического статуса. Так, он утверждал, что эллинский род, занимающий в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства и тех и других: он обладает и мужественным характером, и развитым интеллектом; поэтому он сохраняет свою волю, пользуется наилучшей государственной организацией и был бы способен господствовать над всеми [10, с. 601]. Заметим, что упомянутые взгляды философа в свое время успешно использовал на практике Александр Македонский, империя которого создавалась с учетом обоснованных Аристотелем геополитических факторов.

Некоторые древнегреческие мыслители, взгляды которых интересны для понимания генезиса геополитических идей в рассматриваемый период, жили в эпоху завоевания Эллады Римской державой. В первую очередь к ним относится историк и стратег **Полибий** (210–128 гг. до н. э.). Он родился в Мегаполе в семье известного политика и военачальника. После победы Рима над Ахейским союзом в качестве заложника попал в Рим, где участвовал в деятельности «Кружка Сципиона», любителей греческой культуры в Риме [11, с. 240].

Полибий прославился «Всеобщей историей» в 40 книгах, в которой описывал эволюцию могущества Римского государства и широко применял принцип географического детерминизма. Во главу своего труда, на взгляд исследователей, он ставил изучение глобальных проблем: «Как Рим в короткое время стал самым могучим государством ойкумены?», «В чем причины могущества государства и Римской республики в частности?». В своем труде он стремился находить закономерности между военной политикой государства и географическими условиями. Он считал, что «мы лучше поймем отдельные события, если заранее описаны будут страны и самые места событий» [12, с. 219]. Например, рассказывал об особенностях реки Ефрат: «вода прибывает в Ефрате не от зимних дождей, а от тающих снегов и убывает от того, что отводится на поля» и замечал, что «по этой причине передвижение войск по Ефрату совершалось в то время медленно» [13, с. 115].

Таким образом, вклад древнегреческих мыслителей в зарождение мировой геополитической мысли невозможно переоценить. Они, носители философской глубины знаний различных областей, стали зачинателями и «отцами-основателями» традиционного геополитического учения, основанного на географическом детерминизме. Именно философский масштаб знаний постепенно привел мыслителей Древней Эллады к осознанию всеобщей взаимосвязи на нашей планете, в том числе природных условий с различными проявлениями деятельности в «ойкумене», не только хозяйственной, но и военной и политической. Постепенно приобретаемые знания о влиянии среды обитания человека на его характер, поведение, взаимоотношения внутри государства и связи с внешним миром трансформировались в осознанное убеждение о примате географии в политической истории. Геополитические взгляды древнегреческих мыслителей оказались востребованы и позднее. Их творчески развили представители древнеримской политической мысли, а в последующем они легли в основу идей классиков геополитической мысли XIX в.

Список использованных источников

1. *Vinper, P. Ю.* Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранные сочинения в двух томах. / Р. Ю. Виппер.– Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – Т. 1. – 479 с.
2. *West, S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus / S. West // The Journal of Hellenic Studies. – 1991. – Vol. 111. – P. 155.
3. *Геродот.* История в девяти книгах / Геродот. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
4. *Василенко, И. А.* Сравнительная политология: учеб. пособие / И. А. Василенко. – М.: Юрайт; Высшее образование, 2009. – 376 с.
5. *Фролов, Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 522 с.
6. *Фукидид.* История / Фукидид. – СПб.: Азбука, 2021. – 800 с.
7. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1. – 448 с.
8. *Гиппократ.* Избранные книги / Гиппократ. – М.: Сварог, 1994. – 736 с.
9. *Ксенофонт.* Греческая история / Ксенофонт. – СПб.: Алейтейя, 2000. – 448 с.
10. *Аристотель.* Политика. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
11. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука. Словарь-справочник / под ред. В. Н. Ярхо. – М.: Высшая школа, 1995. – 383 с.
12. *Полибий.* Всеобщая история. Том I / Полибий. – СПб.: Наука, 1994. – 496 с.
13. *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах / Полибий. – СПб.: Наука, 2005. – 420 с.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

А. В. Панченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Panchenko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32 (1-6СНГ)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹

COMPARATIVE IDEOLOGY OF THE POST-SOVIET ABROAD

В статье анализируются идеологические тренды государственного строительства на территориях постсоветского зарубежья, выявляются национально-специфические особенности этого процесса. В статье формулируется вывод об усилении курса на этническую мобилизацию, что приводит к идеологическому расколу и необходимости новых эффективных интеграционных проектов, интегративной идеологии постсоветского зарубежья.

Ключевые слова: идеологический кризис; национально-специфические практики; этническая мобилизация; новые интеграционные проекты; интегративная идеология.

The article analyzes the ideological trends of state-building in the territories of the post-Soviet abroad, shows the national-specific features of this process. The article formulates a conclusion about the dominance of the «ethnic mobilization» model, which leads to ideological splits and the need for new effective integration projects, including the integrative ideology of the post-Soviet abroad.

Keywords: ideological crisis; national-specific practices; ethnic mobilization; new integrative projects; integrative ideology.

Распад СССР стал не только крупнейшей геополитической катастрофой конца XX в., но и породил глубокий идеологический вакуум на территориях постсоветского зарубежья. Десятилетия господства коммунистической идеологии сменяются кризисом марксизма на рубеже второй половины 1980-х – 1990-х гг., который хронологически совпал с началом политики «перестройки» и широкомасштабными процессами по преобразованию политической и социально-экономической системы в СССР. В значительной степени кризис марксизма стал главной причиной ослабления «иммунной системы» общества, способствовал распаду Советского государства, демонтажу институциональных и функциональных форм власти и управления и образованию ценностного вакуума. В этот период на территориях

---

¹ В данной статье под постсоветским зарубежьем будем понимать территориально-раздробленные обособления новых независимых государств, в течение длительного периода пребывавших в составе единого государства – СССР, и связанных глубокими историческими, социокультурными, экономическими связями и отношениями, что обуславливает общую идентичность и в наши дни.

постсоветского зарубежья начинается активный поиск новых идеологических скреп национальной государственности, не заверченный и в наши дни. Во втором десятилетии XXI в., очевидно, формирование таких скреп приводит не столько к серьезной трансформации «идеологического вакуума» 1990-х гг. и расширению идеологического многообразия на территориях некогда единого советского пространства, сколько укоренению тренда на усиление этнического национализма, что ведет к глубокому идеологическому кризису. Условно выделим четыре типа идеологических предпочтений на территориях постсоветского зарубежья по степени влияния идеологии этнического национализма: 1) «национально-государственное» (Россия, Беларусь), 2) «национально-ориентированное» (Казахстан, Киргизия, Армения, Азербайджан); 3) «национально-ориентированное с сильным компонентом исламского фактора» (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан); 4) «русоборско-националистическое» (Эстония, Латвия, Литва, Украина, в определенной степени Молдавия, Грузия).

Особенно тяжелые последствия идеологический кризис второй половины 1980-х – 1990-х гг. имел для **России**. Именно российский народ использовался в качестве главного форпоста для совершения Октябрьской революции 1917 г. и реализации большевиками коммунистической идеологии с целью ее дальнейшего развертывания во всемирном масштабе. Известно, что марксистская доктрина, выработанная в ходе становления и развития современного К. Марксу и Ф. Энгельсу капитализма на Западе, видела коммунистическую перспективу исключительно как мировое явление, и первоотлчком мировой коммунистической революции, по гипотезе марксизма, должны были стать промышленно развитые государства Запады: Англия, Франция, Германия. Анализируя общественные тенденции XIX в., К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали вывод о том, что коммунистическая перспектива возможна только как мировое сообщество передовых, наиболее развитых государств, а значит, и само возникновение и формирование такого нового общественного строя должно происходить в виде мирового процесса революционных скачков от капитализма к коммунизму, начатого в этих развитых западных государствах. Несмотря на то что со второй половины XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах начинают упоминать Россию в контексте совершения коммунистической революции, самой России они никогда не отводили место главного форпоста по причине слабости развития капитализма в стране, неразвитости пролетариата и наличия огромной крестьянской, т. е. не способной к совершению революции, массы. Незадолго до своего ухода из жизни этот совместный с К. Марксом окончательный вывод подтверждал и Ф. Энгельс, высказывая мысль о том, что революция в России хотя и желательна, но, по-видимому, маловероятна.

Тем не менее реализованный в России на основе учения К. Маркса и Ф. Энгельса большевистский эксперимент, был основан на западноевропейском контексте и идеологии и оказался не вполне пригодным для России. Поскольку марксистская доктрина являлась западноевропейской

идеологией, она не могла овладеть массами органично и насаждалась с помощью насилия [1, с. 34–35, 144].

Реализуя свою идеологию, большевики рассматривали Россию, российский народ в качестве некоего «вечного двигателя» – неисчерпаемого источника для социальных экспериментов. Более того, большевики полагали, что «мировая коммунистическая революция вообще отменит национальные государства», а следовательно, появятся основания для произвольного нарезания границ и раздачи щедрых территориальных «подарков». В конечном итоге, отмечает В. В. Путин в статье «Об историческом единстве русских и украинцев», «кромя историческую Россию, большевики привели страну к территориальному ограблению» [2]. Необходимо признать и другие факты. Исчерпав свои духовные силы, российский народ без каких-либо протестов воспринял отделение национальных республик как составных частей СССР. А сами россияне оказались равнодушными к судьбе миллионов своих соотечественников, которые внезапно оказались за пределами России, в новых независимых государствах, и подвергаются и в наши дни политической, социально-экономической, профессиональной, языковой, конфессиональной дискриминации и ущемлениям со стороны этнократических групп.

Вместе с тем факты подобного рода объясняются не только особенностями господствовавшей официальной коммунистической идеологии, ее кризисом, ослаблением национального чувства россиян и отсутствием приемлемой интегративной идеологии, но и многовековой привычкой ожидать разъяснений и команд сверху, от власти, которых также не последовало.

С начала 2000-х гг. процесс преодоления «идеологического вакуума» 1990-х гг. приводит к формированию в ряде государств постсоветского зарубежья новых учебных дисциплин с целью оформления идеологического базиса государственного строительства. Так, в **Беларуси** по инициативе президента А. Г. Лукашенко в вузах вводится курс «Основы идеологии белорусского государства», в котором обоснована необходимость Беларуси как государства, получившего полную независимость впервые за многие века, в сильной иммунной системе в виде идеологии. В марте 2003 г. на семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам идеологии и идеологической работы было дано такое определение: «Идеология – это система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых действиях, побуждающих людей стремиться к поставленным целям». Идеология является краеугольным камнем в государственном строительстве. Без четких идеологических ориентиров и стройной системы идейно-воспитательной работы государство развиваться не может. Государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более противостоять внутренним и внешним угрозам и вызовам. Следовательно, «если мы хотим видеть Беларусь

сильной, процветающей державой, то должны, прежде всего, думать об идеологическом фундаменте белорусского общества» [3, с. 7, 3–6]. С этой целью в Беларуси выстроена система «идеологической вертикали»: введены должности заместителя руководителя по идеологии в учреждениях и на предприятиях, функционирует система идейно-воспитательной работы. Однако в августе 2020 г. после проведения очередных шестых президентских выборов Беларусь охватил острый политический кризис, продемонстрировавший незавершенность идеологического проекта. Подписанный А. Г. Лукашенко Декрет № 2 от 09.05.2021 г. «О защите суверенитета и конституционного строя» предусматривает механизм реализации власти на случай гибели Главы государства. Согласно документу, в этом случае вся полнота власти переходит Совету Безопасности, на заседаниях которого председательствует Премьер-министр, а в стране незамедлительно вводится чрезвычайное или военное положение. Решения Совета Безопасности становятся обязательны для всех и подлежат безусловному выполнению. В последующем Совет Безопасности с участием губернаторов принимает решение о проведении выборов. В белорусском обществе запрос на перемены становится отражением конституционной реформы 2022 г., что потенциально может способствовать купированию политического кризиса.

В **Туркменистане** изучение «Рухнама», или духовной книги всех туркмен, содержащей сведения об истоках туркменской нации, государственности и духовном мире туркмен, становится обязательным². Духовность, утверждает «Рухнама», это изначальная формула жизни. С духовности начинаются все дороги. Там, где нарушается духовная гармония, жизни приходит конец. Если мир – это цельный организм, то духовность – это его жизнь. «Рухнама» подробно раскрывает особенности «туркменского пути» на базе трех незыблемых столпов туркменской государственности: национальная независимость, постоянный нейтралитет и собственно сама «Рухнама»³. На этих столпах формируется идеология государственного строительства, «ориентированная на достижение нового уровня зрелости, того, что мы называем золотым состоянием общества». Конечной целью является построение «Золотого века» как показателя уровня зрелости национальной государственности [4, с. 164, 244, 248].

Мощный идеологический заряд в Туркменистане получил начавшийся в 1993 г. процесс «латинизации» туркменского алфавита с целью разрыва с советским прошлым и избавления от русского языка и его носителей.

---

² По распоряжению бывшего президента Туркменистана С. А. Ниязова (Туркменбаши) из библиотек и учебных заведений страны были изъяты и уничтожены книги, «неправильно освещающие историю туркменского народа в период Октябрьской революции и во время советского государственного строительства».

³ Обязательное изучение «Рухнамы» в учебных заведениях Туркменистана в настоящее время заменено на изучение произведений нового туркменского лидера, что не отменяет преподавания всех дисциплин исключительно сквозь призму «Рухнамы».

На весь процесс «латинизации» отводилось три года. Параллельно с этим специальная комиссия занималась очисткой туркменского языка от русских заимствований и интернационализмов путем поиска их туркменских аналогов, что привело к коллизиям. Например, из туркменского языка исчезло русское слово «гражданин» и вместо него стало использоваться «подданный». К началу 2000-х гг. «полный переход» на латиницу завершился. С учетом закрепления в Конституции Туркменистана статуса государства, «добровольно объявившего о своем постоянном нейтралитете» и высокой степени закрытости туркменского общества, реализация идеологии государственного строительства носит весьма специфический характер.

В Узбекистане курс «Национальная духовность» является идеологическим оформлением «вековой мечты народов Туркестана о независимости». Мечте о сохранении в неприкосновенности своих традиций и обычаев «тысячи верных сынов Узбекистана принесли в жертву свои жизни, погибли в боях за независимость отечества в непрекращавшемся национально-освободительном движении против Российской империи», а затем и Советского Союза [5, с. 5, 26]. При этом необходимо помнить, что патриоты, вступившие в смертельную борьбу с Красной армией, были не «басмачами», а борцами за независимость. Нахождение Узбекистана в составе СССР сопровождалось последовательной репрессивной политикой Советской власти в Узбекистане, что принесло колоссальные лишения и страдания узбекскому народу. Об этой печальной участи повествуют учебники по современной истории Узбекистана и свидетельствует Музей «Памяти жертв репрессий», открытый на берегу канала Бозсу в Юнусабадском районе Ташкента». Молодежь Узбекистана усваивает, что достижение Узбекистаном независимости стало единственной основой, позволившей узбекскому народу вырваться из многовековой неволи, провести политические реформы и перейти к новому обществу, начать строительство правового демократического государства и формировать гражданское общество, углублять экономические реформы, духовно-нравственно возрождаться и возвращать национальные ценности [6, с. 3]. В 2020 г. в Узбекистане создана Республиканская рабочая группа по составлению списков репрессированных, исследованию их жизни и увековечиванию памяти. В 2021–2022 гг. Верховным судом Узбекистана реабилитированы несколько сотен человек – противников Советской власти, репрессированных в 1920–1930-е гг. Руководство Узбекистана последовательно относит реабилитированных противников Советской власти к борцам за национальную независимость.

Своеобразный путь перехода Узбекистана на рыночную экономику описывают с помощью понятия «узбекская модель» развития, которую раскрывают авторы учебника по истории Узбекистана периода независимости Н. Жураев и А. Замонов. В основе «узбекской модели» – «пять основных принципов, разработанных Исламом Каримовым: 1. Экономика

должна быть выше политики и освобождена от идеологии. 2. Государство – главный реформатор и инициатор экономических перемен. 3. Верховенство закона: перед законом все равны. 4. Проведение сильной социальной политики, приоритетность социальной защиты нуждающихся слоев населения. 5. поэтапный, последовательный переход на рыночную экономику» [7, с. 36].

С начала 1990-х идеологической новеллой становится процесс перевода узбекского алфавита, основанного на кириллической графике, на латиницу. 2 сентября 1993 г. президентом И. А. Каримовым подписывается закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике». Тем не менее окончательный переход впоследствии многократно откладывается. Новым сроком окончательного избавления от кириллического алфавита называется 1 января 2023 г. Латиница укореняется в качестве официального алфавита в Узбекистане, на ней обучают в школах, выполняют надписи на административных зданиях, предприятиях и в учреждениях. Однако на практике этот процесс привел скорее к хаосу, неразберихе и отчуждению. Произошло невероятное смешение алфавитов: иногда надписи на русском языке выполняются на латинице, например, «Salon krasoti», иногда латиница и кириллица присутствуют в одном слове, например, «Химчистка». Русская буква «Ц» передается латинским шрифтом либо «Ts», либо «S», поэтому вывеска «Колбасный цех» зачастую пишется «Kolbasa sexi».

Более того, огромное количество произведений узбекской литературы, созданной в советские времена, а также произведений русской и европейской классики, переведенных на узбекский язык, оказалось недоступно молодому поколению. Еще хуже обстоят дела в вузах республики: на латиницу переведена только малая часть учебно-методической литературы. Качественные учебники по математике, физике, биологии, химии, иностранным языкам, созданные на кириллическом алфавите, как на русском, так и на узбекском языках, остаются невостребованными. А количество преподавателей, не говоря уже о студентах, которые могли бы ими воспользоваться, неуклонно сокращается. Таким образом, языковая реформа, проводимая в Узбекистане, способствует не возвращению национальных ценностей и традиций, а разрыву поколений: старшее поколение продолжает пользоваться кириллицей, а молодое – с трудом латиницей, с резким сужением кругозора и общей грамотности. По мнению политических элит Узбекистана, данное противоречие будет разрешаться со временем. Но при этом утрачивается преемственность в общественном развитии: возрастание влияния идеологии религиозного фундаментализма, прежде всего, исламизма, увеличение числа сторонников экстремистских практик становится в этих условиях наиболее вероятной альтернативой.

В **Киргизии** идеологические перипетии во многом обусловлены высокой степенью политической «турбулентности», частыми революционными потрясениями, что приводит к нестабильности политической системы,

политических институтов и политических процессов⁴ [8]. В 1990-е гг. первым президентом А. Акаевым на основе «семи заповедей» историко-культурного эпоса киргизов «Манас» были заложены идеологические основы киргизской государственности: единство и сплоченность народа; межнациональное согласие; дружба и сотрудничество; национальная честь и патриотизм; кропотливый неустанный труд и знания – путь к процветанию и благосостоянию; гуманизм; великодушие и терпимость (уважение человека, предков и будущих потомков); гармония с природой; укрепление и защита киргизской государственности. Впоследствии «культ Манаса» стал трактоваться как позитивный конструктивный национализм, включающий в себя идеи национальных интересов, патриотизма и достоинства нации. Считается, что такой национализм не приводит к отчуждению, а напротив, способствует взаимодействию с окружающим миром. В интерпретации традиций, обычаев, культуры киргизов проводится главная идея о том, что киргизы – это «улуу эл», т. е. «великий народ».

Наряду с эпосом «Манас» в обосновании «улуу эл» широко используются идеологические проекты, такие как «2200-летие киргизской государственности», «3000-летие города Ош» и др., нацеленные на поиск «золотого века» киргизов в историческом прошлом, что свидетельствует скорее о недостаточности идеологии будущего. Параллельно с активными поисками адекватных политических, экономических и социальных составляющих идеологии государственного строительства в Киргизии доминирующим идеологическим трендом становится агрессивный национализм⁵.

В Таджикистане идеологический плюрализм в общественно-политической жизни закреплен в Конституции. Ни одна идеология, в том числе религиозная, не может устанавливаться в качестве государственной. Вместе с тем сильные позиции сохраняют коммунистическая и социал-демократическая идеологии с акцентом на идею «исламской справедливости», что находит свое отражение в деятельности ряда аналогичных политических партий. Реализация этих идей на практике привела не только к восстановлению традиционных исламских норм, но и росту исламского фундаментализма, борьба с которым является важной частью политики руководства Таджикистана. Государство усиливает контроль над религиозной жизнью, работой мечетей и деятельностью исламского духовенства, что нередко обостряет противоречия между светской властью и клерикалами. Идеологический

---

⁴ В Киргизии широко обсуждается инициатива соратника ныне действующего главы государства, министра экономики и финансов А. Жапарова о присвоении президенту пожизненного титула «Спаситель Кыргызстана, хан киргизского народа, правитель нации».

⁵ Острую общественную реакцию в России и других странах получили события в детском спортивном лагере на озере Иссык-Куль в июне 2021 г., когда русского мальчика ежедневно избивали киргизские сверстники. Мальчик оказался единственным немусульманином в группе, и каждый день киргизские сверстники избивали его за то, что он «не верит в аллаха, что он русский».

конфликт на религиозной почве существует и в среде исламской оппозиции между сторонниками продолжения линии борьбы за установление исламского правления и противниками дальнейшего существования исламской партии.

Попытки сформулировать таджикскую национальную идею начали предприниматься со второй половины 1990-х гг. на основе обращения к историческому прошлому таджиков. В 1999 г. проводилось празднование 1100-летия государства Саманидов как первого таджикского государства в истории, 2006 г. был объявлен «Годом арийской цивилизации», 2009 г. – «Годом памяти великого Имама Абу Ханифи». В этих условиях Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном, обладающим титулом «Основатель мира и национального единства – Лидер нации, символ суверенной государственности, мира и национального единства, гарант стабильного развития и общественной устойчивости Таджикистана», разработана идеология национального единства [9]. В основе идеологии – качественное изменение действительности и создание основы для перехода к новому этапу в развитии таджикской нации и государственности. Миссия национальной идеи воплощена в четырех стратегических целях: обеспечение энергетической независимости, выход из коммуникационного тупика, защита продовольственной безопасности и ускоренная индустриализация. Достижению поставленных стратегических целей способствуют такие реализованные масштабные проекты, как Национальная библиотека, Национальный музей, Национальная чайхана, продолжается строительство Национального театра. Крупнейшим национальным символом и важной частью таджикской национальной идеи стало возведение Рогунской ГЭС. Вклад в развитие идеологии национального единства вносят программные произведения, написанные Лидером нации: «Таджики в зеркале истории» (1997 г.), «Взгляд на историю и цивилизацию арийцев» (2006 г.), «Великий Имам и диалог цивилизаций» (2009 г.), «Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов» (2011 г.), «О времени и о себе» (2015 г.) и др. [10], в которых соединяются богатое историческое прошлое и этнический национализм.

В **Казахстане** стратегическим приоритетом является достижение национального единства на основе признания общей для всех граждан системы ценностей и принципов. В доктрине «Национальное единство Казахстана» (2010 г.) раскрывается сущность этих принципов: одна страна – одна судьба; разное происхождение – равные возможности; развитие национального духа в направлении традиций и патриотизма, обновления, состязательности и победы. В первую очередь это относится к расширению сферы употребления казахского языка, овладение которым объявляется долгом и обязанностью каждого гражданина. Осмыслением идеологических основ казахского народа стала программная статья Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» (2018 г.) и формирование на ее основе идеологической концепции «Великая степь». Суть концепции в осознании казахстанским народом своего вклада в историю и культуру окружающего мира, его влияние на миро-

вую цивилизацию в прошлом и, как следствие, обоснование роли казахского государства в настоящем и обозримом будущем. «Свою историю Казахстан ведет от Золотой Орды, 750-летие которой отметили в 2021 г. Но для России Золотая Орда ассоциируется с монголо-татарским нашествием и 300-летним игом. Ну, что же, каждый волен иметь свою точку зрения на исторические события», – отмечает посол Российской Федерации в Казахстане А. Бородавкин [11]. Вместе с тем идеологическая ситуация в Казахстане принципиально отличается от других государств Центральной Азии. «Идеологический разлом» в казахстанском обществе проходит между «казахоязычным миром» и «русскоязычным», к которому принадлежат не только русские, но и миллионы казахов и представителей других национальностей, свободно владеющих русским языком. «Казахоязычные» – более традиционные люди, их взгляд чаще обращен в прошлое, а не в будущее (для них важен род – «жуз», поскольку у каждого рода своя репутация с набором сильных и слабых сторон). «Русскоязычные» – более урбанизированные, европеизированные, с высоким уровнем образования и достатка и с ними зачастую связывают аккумуляцию передовых идей и технологий. В 2008 г. бывшим президентом Н. А. Назарбаевым инициирован процесс перехода к «латинизации» казахского алфавита. Однако масштабный переход постоянно откладывался и, несмотря на попытки Н. А. Назарбаева форсировать его в последние годы руководства Казахстаном, очевидно, этот процесс снова затягивается. Тем не менее то постоянство, с которым в г. Нур-Султане поднимают эту тему, не оставляет альтернативных вариантов – вытеснению кириллицы и переходу на латиницу быть.

Эту тенденцию активно продвигают «снизу» так называемые языковые патрули путем организации рейдов по торговым объектам и госучреждениям во всех крупных городах Казахстана с целью «обеспечения перевода этикеток, ценников и прочее на казахский язык», а также проверок, не общаются ли продавцы и госслужащие с посетителями на русском языке. При выявлении подобных фактов активисты записывают на камеру извинения «провинившихся» за оскорбление казахского народа⁶ [12]. Вместе с тем в Казахстане «у правоохранительных органов достаточно возможностей пресечь действия националистов и купировать эту деструктивную тенденцию в зачатке. Необходимы только воля и решительные действия в пресечении “пещерного национализма” в Казахстане» [13]. Одновременно 08.12.2021 г. парламент Казахстана одобрил поправки, а президент подписал закон «О вывесках», согласно которому размещение рекламы, прейскурантов, ценников, меню, вывесок и указателей должно проводиться

---

⁶ Согласно реакции властей России, руководителю так называемых языковых патрулей в Казахстане Куату Ахметову решением МВД РФ запрещен въезд в Россию сроком на 50 лет за оскорбление русских. В МВД РФ также предупредили, что иностранные граждане, призывающие к деструктивным действиям в отношении России, ее жителей и соотечественников, проживающих за рубежом, не будут допускаться на территорию России.

исключительно на казахском языке. Попытка государственного переворота в январе 2022 г. в Казахстане со всей очевидностью обострила проблему идеологии государственного строительства: «речь идет о том, что “казахстанское общество должно стать более равноправным и справедливым”, искоренить “олигополию и коррупцию”, придать эффективности экономике, перестроить и усилить силовые и правоохранительные структуры. Государству предстоит стать человекоцентричным, более внимательно относиться к нуждам и чаяниям простых людей» [11].

В **Азербайджане** становление и развитие идеологии национальной государственности в сочетании с идеями тюркизма и азербайджанизма неразрывно связано с Общенациональным лидером Гейдаром Алиевым. В основе идеологии азербайджанизма (азербайджанства) лежат следующие принципы: сильное государство, гражданское единство, толерантность, справедливость, патриотизм (признание Азербайджанского государства всеми гражданами своей опорой, источником гордости), налаживание контактов с гражданами другой этнорелигиозной принадлежности и др. По мнению азербайджанского ученого, доктора исторических наук, зав. отделом рукописей НАНА Фарида Алекперли, идеология «тюркизма наряду с азербайджанизмом является столпом азербайджанского мировоззрения и самосознания» [14, с. 8–10].

В **Армении**, отмечает исследователь Российско-Армянского (Славянского) университета А. П. Енгоян в монографии «Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении», у большинства политических партий четкие идеологические позиции отсутствуют. Большинство партийно-политических программ лишь суммируют проблемы, стоящие перед армянским обществом, не отдавая предпочтение никакой идеологии, что объективно обуславливает необходимость их «консолидации вокруг конкретных идеологических платформ» [15, с. 333–334]. В армянском обществе полностью не решился вопрос о слиянии ценностей национальной идеологии, каковыми являются понятия «нация» и «Родина». В сознании армянского народа, подчеркивает А. П. Енгоян, кристаллизовалась идея о незавершенности национально-освободительной борьбы, конечной целью которой является воссоединение всех частей исторической Родины армян [15, с. 318–319]. В этом контексте получили распространение идеи о возрождении армянского национализма, героизации идеологии нацизма и пособников нацистов. На фоне бессмертного подвига армянского народа в годы Великой Отечественной войны остается непонятным, почему в Ереване на центральной площади города в 2016 г. был открыт памятник Гарегину Нжде, армянскому нацистскому идеологу.

В Конституции **Молдавии** прямо указывается, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии», конституционно закрепляется принцип «политического плюрализма, несовместимого с диктатурой и тоталитаризмом» (ст. 5). Вместе с тем партийно-идеологическое пространство расколото на два конкурирующих

между собой идеологических течения: левое, представленное партией коммунистов, и правое – либеральной (проевропейской) и националистической партиями. Коммунистическая идеология в Молдавии носит национально-специфичный характер, состоящий в отказе от требования о восстановлении социалистической системы, признания рыночной экономики, политического плюрализма и курса на европейскую интеграцию. В то же время коммунисты отвергают агрессивный «прорумынский национализм», идеи о немедленном воссоединении с Румынией, на которых настаивают либералы. Острое идеологическое противоборство двух течений усиливается так называемой приднестровской проблемой, приведшей Молдавию к идеологическому и территориальному расколу в 1990-е гг. Статус самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики остается неурегулированным и по настоящее время. Продолжаются нападки на русский язык как язык межнационального общения с периодическими попытками его законодательного запрета. В январе 2021 г. Конституционный суд Молдавии признал неконституционным Закон «О функционировании языков», что приводит к утрате русским языком статуса языка межнационального общения в республике и его вытеснению [16].

Пожалуй, масштаб бедствия идеологический кризис на системной основе приобрел на **Украине** и в Прибалтике. Начиная с 1990-х гг. на Украине процесс государственного строительства сопровождался активным поиском национальной идеи на базе выявления специфических особенностей украинской культуры, языка и т. п. Любопытно и вместе с тем симптоматично, что по решению тогдашней политической элиты Министерство образования Украины разослало во все вузы страны рекомендацию ввести учебный курс «научный национализм». Лишь протесты научного и педагогического сообщества не дали этим планам осуществиться.

В наши дни идеологический кризис на Украине развернулся в направлении систематической дискриминации русскоязычного населения. В марте 2020 г. президент Украины В. Зеленский подписал закон «О полном общем среднем образовании», который с 1 сентября 2020 г. окончательно ликвидировал все русскоязычные школы. В соответствии с новейшим законом Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» с 16 января 2021 г. все публичные учреждения, а также сфера обслуживания в жестком порядке обязаны перейти на украинский язык. Штрафы за обслуживание покупателей и клиентов на русском языке начнут взимать с 2022 г. С этой целью на Украине создан институт «мовного омбудсмена», или, как его называют в социальных сетях, «шпрехен-фюрера».

Для слежения за соблюдением языковых норм принимаются следующие меры: формируются штаты «мовных инспекторов»; составляются списки общественных активистов и равнодушных граждан, которые будут фиксировать нарушения и присылать их в офис «мовного омбудсмена»; разрабатывается система перевода языка жестов глухонемых на «мову»; создается приложение для смартфонов, в котором можно будет пожаловаться

на употребление окружающими русского языка и др. [17]. А 17 июня 2021 г. в Верховной раде Украины зарегистрирован законопроект № 4327, который вводит уголовную ответственность (!) за общение на русском языке. Законодательная база для этого подготовлена: 15 июля 2021 г. Конституционный суд Украины обязал всех граждан владеть украинским языком. Решение Конституционного суда объявляется обязательным, окончательным и не подлежащим обжалованию [18]. Представители политической элиты озвучивают предложения об отказе от кириллицы вообще и переходе на латинскую графику с приданием английскому языку статуса, равного украинскому языку.

В мае 2021 г. президент Украины В. Зеленский вынес на рассмотрение Верховной рады законопроект «о коренных народах», согласно которому из списка «коренных» все, кроме украинцев, крымских татар, караимов и кипчаков, исключаются. «Недонародами» в законопроекте оказались русские, белорусы, евреи, поляки, армяне, молдаване, греки, венгры и представители других народностей, жившие столетиями и сейчас живущие на Украине. Представители этих национальностей не считаются привилегированными «коренными», а следовательно, могут подвергаться дискриминации и преследованиям. Согласно документу, «коренные» обладают привилегированными правами в экономике, финансах, культуре, образовании, использовании языка. Государство предоставит «коренным» гарантии и правовую защиту от «любых действий, направленных на лишение признаков этнической принадлежности, принудительную ассимиляцию или интеграцию в любой форме, а также защиту от расовой, этнической или религиозной ненависти, направленной против них» [19]. Планы по интернированию «некоренных», прежде всего россиян, и их отселению в специальные лагеря для интернированных лиц широко обсуждаются в институтах государственной власти Украины [20]. Парадоксально, отмечает в этой связи Д. А. Медведев в статье «Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством», что «когда речь идет о получении прибыли, ненависть к России и стремление в ЕС и НАТО уступают место корыстным мотивам, когда москаль с деньгами – хоть и враг, но его деньги важнее вражды». И что делать в этой ситуации? «А ничего. Дождаться появления на Украине вменяемого руководства, которое нацелено не на тотальную конфронтацию на грани войны, ... а на выстраивание равноправных и взаимовыгодных отношений с Россией. Россия умеет ждать ...» [21]. Этнический национализм на Украине «... в какой-то момент просто всем надоеет и возобладает разумный усредненный тренд на развитие отношений с Россией и просто на разумную политику...». «Появится генерация людей и политических сил, которые будут настроены не пророссийски, а проукраински, которые будут вести прагматичную политику, которые будут думать прежде всего о собственном народе ...» [22].

В наши дни факты фальсификации истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, пересмотра роли Красной

Армии в освобождении народов Европы от фашизма, отрицания нашей общей победы в Великой Отечественной войне, героизации нацизма и реабилитации нацистских преступников приобрели массовый характер. В контексте активного продвижения идеологии этнического национализма ставится цель пересмотра итогов Второй мировой войны, разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов⁷. В частности, в Риге создан центр стратегии пропаганды, аналогичный центр функционирует в Таллине. В этих центрах создается информационное оружие, которое внедряется и распространяется в России и Беларуси.

В Прибалтике выбор идеологической формы укрепления национальной государственности через жесткую этническую мобилизацию вступает в острое противоречие с нормами демократии, оборачивается грубейшим нарушением элементарных прав человека. Искаженной идеологией порождено уродливое явление «неграждан» и «лиц с неопределенным гражданством» в Латвии и Эстонии. Русскоязычные жители документированы паспортами «неграждан» и «лиц с неопределенным гражданством» с дискриминационными последствиями и поражением в правах. Процедура «натурализации» для русскоязычных жителей, в течение столетий живущих на этих территориях, является обязательной. Доказательством лояльности служит совершенное владение государственными языками, признание официальной идеологии, принесение клятвы верности. Международные организации настойчиво призывают прибалтийские власти ускорить процесс сокращения безгражданства. Но воз и ныне там. Искаженной идеологической повесткой в Прибалтике остается так называемая проблема советской оккупации и требование к России о выплате многомиллиардных компенсаций за ущерб, связанный с периодом «советской оккупации». Подобные претензии закономерно отвергают в России, называя их бессмысленными и бесперспективными с точки зрения международного права, а лиц, озвучивающих требования о выплате многомиллиардных компенсаций за советское прошлое, относят к «большим людям с уже неисправимой психикой» [23, с. 224–225].

Таким образом, идеология современного постсоветского зарубежья – это большая политическая, социокультурная и экономическая проблема. Обобщенных научных подходов к анализу и решению этой проблемы пока

---

⁷ В Беларуси 14 мая 2021 г. принят Закон № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма». Президентом РФ 01.07.2021 подписан Закон о внесении изменения в ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который дополняет его ст. 6 о запрете отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы.

не выработано по причине, с одной стороны, отказа от преемственности исторического развития, а с другой – востребованности выработанных в советский период социокультурных, экономических и политических практик. В общем контексте отказа от «советского прошлого», в том числе «интернационализма и дружбы между народами», курс на усиление этнической мобилизации приводит к острому противоречию с официально декларируемыми демократическими идеалами и ценностями.

В этой связи ожидание от России как геополитического и экономического лидера на территориях постсоветского зарубежья адекватных ответов объективно обусловлено и обеспечивается историческим прошлым, но одновременно им же обременено. Сохранению и воспроизводству лидерства России станут способствовать новые эффективные интеграционные проекты, которые позволят придать новый импульс развитию постсоветского зарубежья и его интеграционным намерениям осуществлять тот исторический выбор, который диктует современный глобальный мир.

Насущной научной и практической задачей является формирование интегративной идеологии постсоветского зарубежья на основе, прежде всего, духовно-нравственных ценностей, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство наших народов. Укрепление духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти нуждается в дополнительной защите и поддержке русского языка как общецивилизационного достояния всего постсоветского зарубежья. Русский язык остается высокофункциональным независимо от желаний этнократических групп. Попытки вычеркнуть общее прошлое, связанное с русским языком, означают крупнейший стратегический просчет и серьезный урон национальной культуре и государственности. Общее историческое и цивилизационное наследие, заключающееся в сохранении на постсоветском зарубежье русского языка, трудно переоценить.

Список использованных источников

1. *Панченко, А. В.* Политический процесс в современной России: историко-политологический анализ: монография / А. В. Панченко. – Минск: Колорград, 2020. – 165 с.
2. *Путин, В. В.* Об историческом единстве русских и украинцев [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: www.kremlin.ru. – Дата доступа: 12.07.2021.
3. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов / О. В. Пролесковский [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.
4. *Туркменбаши, С. Рухнама* / С. Туркменбаши. – Ашхабат: Изд-во: Туркменская гос. изд. служба, 2006. – 415 с.

5. *Ражабов, К.* История Узбекистана (1917–1991 годы): учебник / К. Ражабов, А. Замонов. – Первое изд. – Ташкент: Изд.-полигр. творч. дом им. Г. Гуляма, 2017. – 143 с.
6. *Жураев, Н.* История Узбекистана (Период независимости): учебник / Н. Жураев, А. Замонов. – Первое изд. – Ташкент: Изд.-полигр. творч. дом им. Г. Гуляма, 2018. – 143 с.
7. Там же.
8. *Панфилова, В.* Президента Киргизии Жапарова хотят объявить ханом / В. Панфилова // Независимая газета. – 2021. – 5 сент.
9. Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Таджикистан, 25 дек. 2015 г., № 1259. – Режим доступа: www.president.tj. – Дата доступа: 06.09.2021.
10. Таджикистан в поисках национальной идеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://maxala.org/sosedstvo/65707-tadzhikistan-v-poiskah-nacionalnoy-idei.html>. – Дата доступа: 31.01.2022.
11. *Паниев, Ю.* Националисты и русофобы у Токаева не приживутся. Посол России в Казахстане Алексей Бородавкин уверен, что январский кризис станет для республики катализатором реформ / Ю. Паниев // Независимая газета. – 2022. – 7 февр.
12. В Казахстане «языковые патрули» заставляют русских извиняться на камеру за отказ говорить на казахском // Общая газета. – 2021. – 11 авг.; В Госдуме прокомментировали нападения на русскоязычных в Киргизии и Казахстане // Российская газета. – 2021. – 11 авг.
13. Замглавы администрации президента Казахстана осудил языковые рейды // Коммерсант. – 2021. – 12 авг.
14. *Алекперли, Ф.* Национальная идеология Азербайджана [Электронный ресурс] / Ф. Алекперли. – Режим доступа: <https://hayratuz.wordpress.com/2016/06/13/национальная-идеология-азербайджана>. – Дата доступа: 31.01.2022.
15. *Енгоян, А. П.* Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении: монография / А. П. Енгоян; отв. ред. К. А. Мирумян. – Ереван: Изд-во РАУ, 2011. – 354 с.
16. *Юранец, А.* Борьба продолжится: что будет с русским языком в Молдавии [Электронный ресурс] / А. Юранец. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/22_a_13451666.shtml. – Дата доступа: 31.01.2022.
17. Штраф за «спасибо». Защитник «мовы» напомнил о себе // Российская газета. – 2020. – 3 дек.
18. Загроза українській мові рівносильно є загрозою національній безпеці України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ccu.gov.ua/novyna/zagroza-ukrayinskiy-movi-rivnosylnoye-zagrozoju-nacionalniy-bezpeci-ukrayiny-konstytuciynyyu>. – Дата доступа: 12.09.2021.
19. Зеленский вычеркнул русских из числа «коренных народов» Украины // Российская газета. – 2021. – 21 мая.
20. *Ивженко, Т.* В Украине могут ввести уголовную ответственность за связи с Россией. Для граждан, думающих не так, как власть, готовят тюремные камеры / Т. Ивженко // Независимая газета. – 2021. – 2 мар.
21. *Медведев, Д. А.* Почему бесполезны контакты с нынешним украинским руководством / Д. А. Медведев // Коммерсант. – 2021. – 11 окт.

22. *Медведев, Д. А.* Большое интервью российским СМИ [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220128/medvedev-1769884640.html>. – Дата доступа: 31.01.2022.

23. *Панченко, А. В.* Политология в контексте современного мирового политического процесса / А. В. Панченко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Сер. Филос.-гуманит. науки. Вып. 18. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 214–227.

(Дата подачи: 11.02.2022 г.)

О. Е. Побережная

Белорусский государственный университет, Минск

O. Poberezhnaya

Belarusian State University, Minsk

**УДК 321.01
323.22/.28**

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE CONCEPT OF WELFARE STATE IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Статья посвящена анализу научной литературы, направленной на исследование становления и развития концепта социального государства в контексте реализации социальной функции государства. Результатом исследования стала систематизация подходов к данному концепту в зарубежной и белорусской научной литературе, а также выявление наиболее актуальных вопросов концептуализации социального государства в политической науке.

Ключевые слова: социальная функция государства; социальное государство; социальные права; солидарность; субсидиарность; справедливость; социальная политика.

The article is devoted to the analysis of scientific literature aimed at studying the formation and development of the concept of the welfare state in the context of the implementation of the social function of the state. The result of the study was the systematization of broad approaches to this concept in foreign and Belarusian scientific literature, as well as the identification of the most pressing issues of the conceptualization of the welfare state in political science.

Keywords: social function of the state; welfare state; social rights; solidarity; subsidiarity; justice; social policy.

Концепт социального государства имеет достаточно длительную историю развития в рамках социальных и гуманитарных наук. В становлении данного концепта можно выделить два фундаментальных направления: 1) изучение политической и управленческой практики социального государства в разных странах, их теоретико-методологическое моделирование; 2) рационализация природы государства, трансформация его ценностной,

мировоззренческой и функциональной составляющей под воздействием изменений, происходящих в обществе.

В классическом осмыслении социального государства эти направления проявились наиболее ярко. Научная доктрина социального государства сложилась в учениях немецких исследователей Лоренца фон Штайна [1], катедер-социалистов А. Вагнера, В. Зомбарта, О. фон Цвидденека [2], концепции социальной солидарности французского юриста Леона Дюги [3], теории справедливости профессора Гарвардского университета Джона Ролза [4], учении о социальных правах П. И. Новгородцева [5] и концепции социального правового государства Г. Хеллера [6], концепциях государства благосостояния (welfare state) Г. Эспинг-Андерсена [7], Т. Х. Маршалла [8], Р. Титмуса [9], концепции благополучия А. Сены [10], современных неклассических концепциях социального качества государства и др. Политическая концепция патерналистского социального государства, его трансформация и либерализация отражены в работах российских и белорусских исследователей Т. Ю. Сидориной [2], Н. А. Волгина [11], С. В. Калашникова [12], Н. А. Антанович [13], С. В. Решетникова [14], О. Е. Побережной [15], Е. Ф. Гречневой [16] и др.

Цель статьи – систематизировать подходы к концепции социального государства в современной политической науке с точки зрения эволюции функций государства.

Социальное государство, по версии фон Штайна, должно было способствовать устранению препятствий между классами, попечению об общественной нужде, содействию труду людей, поддержанию равенства в правах граждан. Государство рассматривалось им в качестве гаранта социальной справедливости. Доктрина солидаризма Дюги базировалась на представлении о том, что люди в обществе связаны узами солидарности и сотрудничества, в рамках которых они выполняют свою долю тягот, свои обязанности по их обеспечению. Теория справедливости Ролза, имеющая своей первоосновой идею общественного договора и взгляды Дюги, отстаивает государство благоденствия, основанное на перераспределении доходов и выравнивании средствами, которые люди принимают на себя сознательно и добровольно, т. е. реализации принципа субсидиарности.

В своей концепции Г. Хеллер подчеркивал, что для социального правового государства признание, соблюдение и защита жизненно важных для каждого человека прав – социальных прав, а также их конституционное закрепление [6, с. 8–9] является определяющим качеством. Подчеркнем, что идее «социального государства» предшествовала идея и практика «правового государства», хотя термин появился позже. Российский правовед П. И. Новгородцев полагал, «что социальное государство является высшей стадией развития государства правового» [5, с. 92–93]. Признание и защита прав человека являются неизменным признаком и «социальности», и «правовости» государства. Определение социального государства как правового явилось принципиальным для решения извечного вопроса

несовместимости свободы и равенства. Одним из вариантов такого решения явилось определенное ограничение свободы в пользу равенства с целью смягчения социальных противоречий путем оказания помощи нуждающимся.

Стержневым принципом концепции «государства благосостояния» стало понимание тесной связи социальной политики государства с единой экономической политикой, нацеленной на обеспечение гражданам определенного уровня доходов при полной занятости. Основателем данных представлений стал английский премьер-министр У. Беверидж [17]. Его доклад «Полная занятость в свободном обществе» в английском парламенте в 1942 г. стал первым толчком к переходу от теоретизирования в области управления социальной сферой к принятию конкретных решений и предоставлению социальных услуг в рамках национальных государств.

Предложение социальных услуг стало одним из ведущих проявлений социальных функций государства. Появились принципиально новые функции: обеспечение занятости, социальный патронаж, программы реабилитации для отдельных социальных групп, государственные программы поддержки и создания необходимых жизненных условий для отдельных категорий людей и регионов и т. д. При этом государство брало на себя обязательство обеспечивать равные социальные возможности для всех социальных групп. Можно сказать, что в рамках государства всеобщего благосостояния государство перешло от пассивной политики к активной.

«Государство благоденствия» наилучшим образом обеспечивало сплоченность общества и реализацию основных социальных прав. Взяв на себя функцию обеспечения высокого уровня жизни всех членов общества, государство сделало эту функцию доминирующей. Принятие государством на себя определенной социальной ответственности стало возможным, по нашему мнению, благодаря реализации принципа возмещения ущерба. Суть этого принципа состоит в перераспределении социальных благ с целью выравнивания положения людей и компенсации неравномерного доступа к ним.

Теоретики и практики «государства благоденствия» считали, что социальные услуги, которые предоставляет государство, не будут компенсацией имущественного неравенства, а создадут условия для преодоления каждым отдельным человеком разрыва между его материальными возможностями и «стандартом жизни» [15, с. 305–306].

В неклассическом понимании социального государства важное значение имеют концепция благосостояния и концепция социального качества. Российские правоведы Игорь Выдрин и Ирина Выдрина отмечают, что «концепция социального качества – новый виток развития теоретических представлений и практических знаний о социальном государстве. В самом общем виде концепция качества есть обобщающий показатель уровня социальной политики государства, выражающий неразрывное единство прав и обязанностей государства, общества и человека, охватывающий все сфе-

ры жизни. Очевидно, что наука (доктрины) трактует социальное государство в качестве действенного средства смягчения социальных противоречий» [18, с. 21].

Она также подчеркивает, что социальная государственность раскрывается также в значении практики, представляющей собой конечную стадию воплощения идеи социального государства, конкретные способы ее материализации. Практика реализуется, по их мнению, во-первых, в национальной стратегии социальной политики государства, во-вторых, в различных моделях социальной государственности, в-третьих, в уже упоминавшихся основах конституционного строя, в-четвертых, в правовой регламентации разных аспектов социального обеспечения и социального обслуживания граждан, в-пятых, в регламентации статуса социальных работников, системы учреждений социального обслуживания, органов управления социальной защитой населения [18, с. 23]. Таким образом, концепт социального государства имеет развитую правовую и политическую природу.

В истории развития концепции социального государства в направлении изучения взаимодействия теории и практики можно выделить две основные разновидности. В англо-американском варианте разрабатывалась модель регулирующего государства. По мнению белорусского политолога Т. В. Карадже, такой вариант «социальной государственности акцентирует внимание на анализе условий предупреждения поляризованности общества, монополизации прав и свобод какой-либо социальной группой или структурой, на выработке механизмов властного рассредоточения, разграничения функций государства и гражданского общества» [19, с. 33].

В континентально-европейской традиции сложилась модель интервенционистского государства. Ее активно развивал немецкий философ А. Вагнер, сторонник государственного и христианского социализма. Он отрицал политические и социальные революции, считал, что государство должно выстраивать свою экономическую сферу с учетом интересов трудящихся и создавать условия для выравнивания возможностей участников социальной перцепции. Иными словами, он был сторонником не пассивного, а активного участия государства в решении проблем социальной сферы [20, с. 24].

Процесс становления и развития социальной политики привел к существенной трансформации социальной роли государства. Из института поддержания целостности территориального сообщества путем легитимного насилия оно становится институтом поддержания целостности сообщества путем осуществления политики, направленной на обеспечение достойной жизни всем категориям населения, т. е. социального государства. В его институтах и проводимой им политике получают свое воплощение идеи утверждения социального равенства и справедливости в отношениях между членами сообщества. Социальное государство становится формой объективации или опредмечивания социальной политики, способом достижения ее целей [15, с. 309].

По сути, социальное государство есть следствие трансформации сословного общества в классовое и развитие национального государства. Социолог Н. Н. Федотова считает, что «Если национальное государство обеспечивало общую идентичность – коллективное «мы» обществ-государств по отношению к другим государствам, то внутри каждого государства эта общая идентичность раскалывалась пополам разделением на богатые и бедные слои, которые при капитализме четко разделялись на предпринимателей и нанятых рабочих, на буржуазию и пролетариат. Национальные государства XX в. ответили на этот вызов. Социальное государство фактически было новым этапом формирования коллективного «мы» – корпоративного «мы» [21, с. 19]. Важно подчеркнуть, что таким образом произошел пересмотр социальной солидарности на основе «новой» идентичности, в которой отсутствовало разделение на антагонистические классы, но присутствовало осознание себя как важной персональной идентичности в составе целостной общности. Государство стало обращаться к человеку непосредственно не как к представителю группы, а как к представителю обществ, тем самым стимулируя созидательный подъем и активность масс. Английский социолог Т. Маршалл показал, что «Уравнивание происходит не столько между классами, сколько между индивидами, которые теперь рассматриваются так, как если бы они составляли один класс» (цит. по [21, с. 19]).

В контексте мировоззренческой и функциональной трансформации государства интерес также представляет концепция социального государства, сконструированного на основе «хорошего общества». Основы концепции «хорошего общества» были заложены еще в теории Г. Эспинг-Андерсена о трех моделях государства благосостояния [7]. Российский философ В. Г. Федотова отмечает «Эспинг-Андерсен уже в начале 2000-х гг., фактически, отождествляет социальное государство и “хорошее общество”. Социальное государство содержит признаки, которые можно характеризовать по совокупности их черт как “хорошее общество”, т. е. как приемлемое для жизни. Однако, на наш взгляд, социальное государство – это этап на пути движения к “хорошему обществу”, поскольку хорошее общество создает наиболее благоприятную среду жизни, и эта среда может совершенствоваться» [22, с. 7].

Социальное государство, сконструированное под «хорошее общество», обеспечивает не идеальное существование, а достижимое возможное благоприятное существование – социальный порядок коммунитарного типа. Итальянский социолог А. Этциони подчеркивал, что «в «хорошем обществе» люди не средства, а конечные цели. Люди связаны сетями привязанностей и обязательств и не являются просто наемными работниками, продавцами или гражданами. «Хорошее общество» – во-первых, общество, в котором есть четкий баланс между автономией и социальным порядком. Автономия – это индивидуальные права, демократическая форма правления и свободные рынки, а социальный порядок – формы силового контроля со стороны правительства. При этом он различает формы «жесткой и мягкой силы»

власти. «Хорошее общество», согласно Этциони, – это то общество, которое дает преимущество мягкой силе. Во-вторых, хорошее общество – это общество, в котором по-новому реализуется баланс между автономией и порядком (цит. по [22, с. 8]). Соответственно они выступают задающими рамками друг для друга.

Продолжением концепции социального государства, основанного на принципах «хорошего общества», становится формирование механизмами социального государства «достойной жизни». Н. А. Касавина считает, что «современные направления организации достойной жизни в обществе: защита окружающей среды, реформа образовательного процесса, рынка труда, здравоохранения и медицинского страхования, доступность культурных благ, цифровизация и информационная безопасность, профессиональная переподготовка и профессиональная мобильность экономически активного населения» [23, с. 22] могут в комплексе быть достигнуты через социальное государство как сеть, гибридный или пограничный объект, который выстраивается на стыке самых разных элементов социокультурной системы. Здесь впервые концепт социального государства рассматривается не в иерархических моделях управления, а моделях сетевых, которые предполагают тесное взаимодействие между государственными органами и институтами социального взаимодействия при определенной амбивалентности личности к социуму при сохранении невысокого социального напряжения.

В целом данный подход позволяет утверждать, что необходимость дальнейшего развития социального государства как важнейшего фактора саморазвития общества в целом и цивилизационного выбора в XXI в. обусловлена стремлением человека к достойной жизни и связанной с ними деятельности социального государства, которая представляет собой результат культурной трансформации, ценностных сдвигов, модернизации общества, способного продуцировать новые векторы деятельности человека и сферы жизнеустройства.

Таким образом, социальное государство представляет собой одну из основ конституционного строя (конституционный принцип) современной Беларуси, что связано с ее нормативным закреплением в Конституции. По этой же причине Республика Беларусь не имеет возможности отказаться от данного принципа, отвергнуть или отринуть его. Социальная государственность предполагает гарантирование социальных прав, а также обязанностей государства по их реализации. Она означает, что государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия. Едва ли не ключевой признак социального государства состоит в его обязанности заботиться о социальной справедливости и благосостоянии людей, их социальной защищенности и социальном обслуживании. По сути, данное положение является ядром практически всех концептов социального государства, существующих в разном профиле, в первую очередь в политической, научной литературе.

Список использованных источников

1. Штайн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 года: в 3 т. / Л. фон Штайн. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. – Т. 2. – 356 с.
2. Сидорина, Т. Ю. Два века социальной политики / Т. Ю. Сидорина; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 441 с.
3. Дюги, Л. Государство, объективное право и положительный закон: пер. с франц. / Л. Дюги. – М.: Тип. т-во И. Д. Сытина, 1901. – 340 с.
4. Роулз, Дж. Теория справедливости. / Дж. Роулз. – Новосибирск, Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.
5. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев // Из истории отечественной философской мысли. – М.: Пресса, 1991. – 639 с.
6. Королев, Б. Н. О дефинициях социального государства / Б. Н. Королев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2004. – № 6. – С. 5–13.
7. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton: University Press, 1979. – 260 p.
8. Marshall, T. H. Social policy in the twentieth century / T. H. Marshall. – Edition 5th ed. by A. M. Rees. Description. – London; Dover, N.H. – USA: Hutchinson, 1985. – 296 p.
9. Titmuss, R. M. Commitment to Welfare / R. M. Titmuss. – London: Pickering, 1994. – 301 p.
10. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.
11. Волгин, Н. А. Социальная защита / Н. А. Волгин // Социальная политика: энциклопедия; под ред. Н. А. Волгина, Т. С. Сулимовой. – М.: Альфа-Пресс, 2006. – С. 295–296.
12. Калашников, С. В. Функциональная теория социального государства / С. В. Калашников. – М.: Экономика, 2002. – 190 с.
13. Антанович, Н. А. Политическое управление: теоретические подходы и модели / Н. А. Антанович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Фило-софско-гуманитарные науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2010. – Вып. 9(14). – Ч. 1. – С. 3–9.
14. Решетников, С. В. Государственное управление в структуре политического процесса / С. В. Решетников // Государственная политика и управление в Республике Беларусь: пособие / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – Минск, 2010. – С. 4–26.
15. Побережная, О. Е. Теория и практика социального государства / О. Е. Побережная // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – Вып. 4. – С. 302–309.
16. Гречнева, Е. Ф. Социальная политика государства, ее исторические формы и направления / Е. Ф. Гречнева // Государственная политика и управление в Республике Беларусь: пособие / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – Минск: БГУ, 2010. – С. 64–78.
17. Beveridge, W. H. Power and Influence / W. H. Beveridge. – L.: Hodder and Stoughton, 1953. – 448 p.
18. Выдрин, И. В. Концепция социального государства: от идеи к практике / И. В. Выдрин, И. И. Выдрина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2015. – № 3. – С. 18–26.

19. Специфика формирования социального государства в России и Белоруссии / Т. В. Карадже [и др.]; Ин-т соц. исслед. Моск. гос. соц. ун-та, Ин-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Беларуси. – М.; Минск, 2002. – 128 с.

20. Гончаров, П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель / П. К. Гончаров // Соц.-гуманитар. знания. – 2000. – № 2. – С. 18–36.

21. Федотова, Н. Н. Социальное государство – результат эволюции национального государства / Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2019. – № 10. – С. 17–21.

22. Федотова, В. Г. Социальное государство и хорошее общество / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 5–10.

23. Касавина, Н. А. Феномен достойной жизни в контексте проблемы социального государства / Н. А. Касавина // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 22–27.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

О. А. Посталовская,
Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. Postalovskaya
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 327+502.1

**ДИСКУРС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
DISCOURSE «COLOR REVOLUTIONS»:
A POLITICAL DIMENSION**

Представленная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации сценария «цветных революций» (ЦР) на постсоветском пространстве. Анализируются авторские подходы к определению понятия «цветная революция», раскрываются технологии дестабилизации политических систем, рассматриваются конкретные примеры реализованных «цветных революций». В статье аргументированно на основании анализа «кейсов» ЦР доказывается тезис о необходимом рассмотрении «цветных революций» как комплекса технологий дестабилизации политических систем, которые нельзя называть ненасильственным трансформационным процессом.

Ключевые слова: революция; «цветная революция»; технология; сценарий; политика; постсоветское пространство; динамика; процесс; дестабилизация; политическая система.

The presented article is devoted to the consideration of the peculiarities of the implementation of the scenario of «color revolutions» (CR) in the post-Soviet space. The author analyzes the author's approaches to the definition of the concept of «color revolution», discloses technologies for destabilizing political systems, examines specific examples of implemented «color revolutions». The article argues on the basis of the analysis of «cases» of the CR, the thesis about the necessary consideration of «color revolutions» as a complex of technologies for destabilizing political systems, which cannot be called a non-violent transformation process.

Keywords: revolution; «color revolution»; technology; scenario; politics; post-Soviet space; dynamics; process; destabilization; political system.

Социодинамика произошедших в последнее десятилетие политических конфликтов на постсоветском пространстве актуализирует обращение исследователей к анализу феномена «цветных революций». Сама по себе «цветная революция» (ЦР) как политологический феномен и форма ускоренной циркуляции правящей элиты постоянно видоизменяется, приобретая новые сценарии и технологии стимулирования конфликтогенного потенциала. Учитывая содержательное многообразие сценариев ЦР и накапливаемый исследовательский опыт научного осмысления данных процессов в политической науке необходимо отметить, что указанный тип политической конфликтогенности претерпел содержательную трансформацию от концептуализации данного явления как процесса до конкретных технологий искусственного стимулирования социального напряжения в обществе с целью дестабилизации политической системы.

В указанных контекстах представляется актуальным обращение к анализу феномена «цветных революций» с целью выработки комплексного представления и подхода к интерпретации указанной технологии конфликтогенности с учетом происходящих на постсоветском пространстве событий. Актуальность рассматриваемой проблематики формирует исследовательскую цель – рассмотрение динамики развития технологий «цветных революций» в контексте теоретико-методологического инструментария политической науки. Предметом настоящей статьи выступает процесс трансформации ЦР от процесса ускоренной циркуляции правящей элиты до комплекса технологий дестабилизации политических систем. Неупорядоченное социально-политическое развитие ряда государств бывшего СССР, а также неразрешенные еще с союзных времен противоречия в бывших советских республиках выступили в качестве факторов дестабилизации и иных форм конфликтности в период 90-х годов (Осетия, Абхазия, Приднестровье, Чечня, политический кризис октября 1993 г. в Российской Федерации и др). Как правило, указанные выше конфликты либо приобретали форму внутривнутриполитических кризисных явлений, либо трансформировались в вооруженный конфликт.

Начиная с 2003 г. на постсоветском пространстве активно применяются и реализуются на практике технологии «цветных революций». «Революция Роз» в Грузии (2003), «Оранжевая революция» в Украине (2004), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005), «Сиреневая революция» в Молдове (2009), «Дынная революция» в Киргизии (2010), «Революция достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014), «Бархатная революция» в Армении (2018) – наиболее известные и реализованные на практике сценарии «цветной революции» в государствах бывшего СССР. Исследованию заявленной проблематики посвящены работы В. А. Барсамова [1], В. В. Лапкина [2], Б. В. Межуева [3], Д. Е. Фурмана [4] и др.

Особенностью постсоветских «цветных революций», по мнению В. Е. Авдеева, А. О. Наумова и А. Ю. Наумовой, выступил молниеносно-экспрессивный характер реализации сценария и логики революционного процесса, результатом которого выступил относительно быстрый период радикальной трансформации политических элит. «...“революционерам” не пришлось заниматься изнуряющей, растянутой на несколько поколений работой по подрыву режима. Все этапы “революционной” борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества: сетевые структуры, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ» [5, с. 11]. Вместе с тем в научной среде актуализирован вопрос о том, считать ли данный процесс (ЦР) революцией в принципе. Для классической революции, прежде всего, характерна стадийность и обязательный элемент смены общественно-экономических формаций. В случае с «цветными революциями» часто изменяется не сама система, а только политические лидеры под воздействием обстоятельств, сформированных сценарием ЦР. Вследствие чего сам по себе процесс развития конфликтности в рамках парадигмы ЦР стал принимать формы комплекса конкретных технологий по дестабилизации политических систем.

Технология «цветной революции» – это комплекс методик политической дестабилизации правящей элиты, направленный на ее ускоренную циркуляцию. Преобразование, равно как и сами предпосылки революционной ситуации, в ряде случаев может отсутствовать. Как отмечается в работе Г. Ю. Филимонова, «...“цветные революции” – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [6, с. 413]. А. Э. Гапич и Д. А. Лушников, описывая указанную форму социально-политической дестабилизации, считают, что «цветные революции» представляют собой «симбиотический тип переворота и элитной (в контексте теории правящих элит – П. А.) революции, но без изменений в базисных формах экономической организации и собственности» [7, с. 12]. «Отличительный признак цветных революций, – пишут А. А. Керимов и Т. В. Вербицкая, – заключается в том, что они представляют собой целый спектр управляемых политических процессов и технологий, иницируемых и внедряемых иностранными или транснациональными заказчиками и направленных на трансформацию политических режимов государств в выгодном заказчикам русле (вследствие геополитических и экономических интересов и достаточности ресурсов для реализации таких интересов)» [8, с. 12].

Также, на наш взгляд, необходимо отметить феномен внешнего управления со стороны геополитических субъектов, формируемый во многом

для создания искусственных предпосылок социальной напряженности, которая по мере развития сценарного содержания динамики «цветной революции» трансформируется в управляемый взрыв хаос.

Необходимым компонентом «цветных революций», по мнению Г. Г. Почепцова, выступает управляемость революционного процесса. «Инженерия протеста, – пишет автор, – опирается на инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые» [9, с. 9]. Как отмечает А. В. Манойло, «любая международная подсистема, оказавшаяся в кризисе, становится уязвима для внешнего воздействия» [10, с. 65]. Соответственно, по мнению исследователя, «... для того, чтобы управлять этой подсистемой, необходимо превратить ее в очаг нестабильности, когда прежние механизмы стабилизации перестают действовать и от распада подсистемы может спасти только импорт идей, концепций, идеологических установок, которые нередко полностью замещают прежние. Примером такого кризисного управления являются так называемые бархатные революции на пространстве СНГ...» [10, с. 65]. Высказанное суждение наиболее полно, на наш взгляд, отражает прямое назначение «цветных революций» – превращение стабильной ранее системы в неупорядоченное состояние. Первоначальной задачей разработчиков сценарного плана «цветной революции» выступает дестабилизация политической системы с последующим обеспечением управляемости активизируемого дестабилизационного процесса. В данном случае дестабилизация выступает формой замещения объективных предпосылок революции, поскольку без искусственного создания конфликтной ситуации революционная ситуация будет отсутствовать сама по себе.

Управление искусственно сформированным конфликтом либо кризисом выступает следующей задачей реализации на практике сценария «цветной революции». Само по себе управление конфликтом предполагает контроль за развитием конфликтной ситуации, в частности, полную монополизацию на предполагаемые формы конфликто разрешения. В данном случае предполагается импорт конкретных идей и акций, направленных на логическое завершение сценария «цветной революции», а именно ускоренная циркуляция правящей политической элиты. Соответственно, действующая власть априори постулируется идеологами «цветной революции» в качестве негативного явления («навешивание ярлыков»), естественным процессом разрешения которого будет выступать ее смена, визуально преподносимая под видом позитивного и социально необходимого явления.

Теоретико-методологической основой сценарного содержания «цветной революции» выступает концепция ненасильственного сопротивления действующей власти Д. Шарпа. «... Ненасильственная борьба, – пишет Д. Шарп, – приводит к такому изменению конфликтной ситуации и общества, что противник просто не может поступать так, как хотел бы. Именно такое изменение вызывают к действию остальные три механизма: приспособление, ненасильственное принуждение и разрушение» [11, с. 49]. В дан-

ном случае Д. Шарп, предлагая ненасильственные технологии дестабилизации политического режима, фактически девальвирует право государства на легитимное насилие как форму предупреждения массового неповиновения. Реализуя право на легитимное насилие, государство, по сути, остается в проигрышном для себя положении, поскольку само по себе применение насилия в отношении протестующих в условиях информационных войн и распространения «фейк-ньюз» априори дискредитирует правящую элиту, поскольку оппоненты власти представлены в общественном сознании в образе жертвы.

Ненасильственный протест, с одной стороны, выступает фактором последующей мобилизации протестного потенциала оппозиционно настроенного населения ввиду визуальной демонстрации властью своей слабости и неустойчивости. С другой стороны, в среде самих правоохранительных органов возникает недоверие к действующей власти, которая в нормативном порядке требует активного включения силовых структур в процесс подавления либо силовой минимизации ЦР. Кроме того, сам по себе факт последующей дискредитации ввиду применения силы способствует тому, что силовые структуры самоустраняются из борьбы с оппозицией, вследствие чего власть окончательно теряет возможность радикального силового предупреждения массового протеста. Фактическое самоустранение силовых структур из политического конфликта, результатом которого выступает дальнейший «паралич» правящей элиты в противостоянии с оппозицией, характерно практически для всех «цветных революций» первой волны (2003–2005 гг.) на постсоветском пространстве, в том числе и для украинской «Революции достоинства» (2013–2014 гг.).

В своем труде «От диктатуры к демократии» Д. Шарп представил концепцию 198 ненасильственных методов дестабилизации политических режимов, призванных обеспечить принудительную циркуляцию правящих элит. Данные технологии в полной мере были реализованы в период первой волны «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003–2005 гг. – «Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» в Украине, «Тюльпановая революция» в Киргизии) – «лозунги, карикатуры, символы» (метод № 7), «вывешивание флагов, использование предметов символических цветов» (метод № 18), «насмешки над официальными лицами» (метод № 32), «братание с солдатами» (метод № 33), «пение» (метод № 37), «митинги протеста» (метод № 48) и др.

Общей особенностью первого этапа реализации стратегии «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003–2006) выступало применение их технологий в период электоральных кампаний, что позволяло оппонентам правящей власти придать элементы внешней и визуальной легитимности своим действиям. Частично технологии реализации сценария «цветной революции» вписывались в общий контекст избирательных кампаний, при этом обязательным атрибутом стратегии дестабилизации политического режима выступали акции по непризнанию итогов

голосования. Как отмечает в данном случае С. А. Марков, «убежденность в том, что власти готовят массированную фальсификацию, создала предпосылки не только для массового протеста, но и сформировала идеологию будущей революции» [12, с. 68]. Заведомое обвинение оппонентов в фальсификации выборного процесса, с одной стороны, служило фактором внутренней мобилизации протестного потенциала. С другой стороны, данная акция активизировала внешнее дипломатическое давление со стороны западных государств на правящую элиту.

В научной среде также выделяются морально-психологические контексты реализации сценария «цветной революции». «Он основывался, – пишет А. О. Наумов, – на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, – справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее» [13, с. 57]. Ценностное противопоставление условно позитивных «мы» и априори негативных «они» уже на первоначальных этапах реализации «цветной революции» четко определяло круг потенциальных участников конфликта, в котором действующая власть посредством ресурса СМИ заранее объявлялась в качестве основного соперника.

Комбинация указанных выше факторов способствовала реализации сценария «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии (2003–2006 гг.). Технологии дестабилизации и радикальной трансформации правящих элит в данном случае были направлены на сложившиеся персоналистские режимы (Э. А. Шеварднадзе, А. А. Акаев) и недопущение мягкой циркуляции (передачи) властных полномочий в отношении кандидата от власти (В. Ф. Янукович). Для прошедших в данный временной период «цветных революций» на территории СНГ характерен в целом ненасильственный характер трансформационных политических процессов и высокий морально-психологический эффект ускоренного свертывания (ухода со сцены) правящего режима, который в форме «эффекта домино» распространялся в другом государстве постсоветского пространства [14, с. 280].

Тем не менее, несмотря на ряд примеров практической реализации сценария «цветной революции» на постсоветском пространстве, отдельные государства (Узбекистан, 2005; Армения, 2008) смогли выработать комплекс мер по предупреждению дестабилизирующего воздействия технологий ненасильственного свержения правящей элиты. Оппозиция в Армении оказалась неспособна аккумулировать протестный потенциал в реальную политическую силу, способную оппонировать правящей элите на основе изложенных Д. Шарпом рекомендаций. Неудачные попытки реализации сценария ненасильственного свержения действующей власти в Армении показали, что для обеспечения результативности акций оппозиции необходимо видоизменить тактику своих действий в сторону открытых радикальных столкновений.

Относительная радикализация практического применения теории ненасильственного протеста произошла в Молдове 6–8 апреля 2009 г. («Сиреневая революция»). Погромы и захват правительственных зданий оппозицией в Кишиневе вынудили действующую власть согласиться с требованиями демонстрантов и назначить пересчет голосов парламентского голосования. Вследствие чего правящая партия (партия коммунистов Республики Молдова) не смогла обеспечить конституционного большинства в парламенте. В целом «Сиреневая революция» не привела к радикальной трансформации правящей политической элиты, однако после событий 6–8 апреля в Молдове произошел коллапс власти ввиду невозможности парламентских фракций выработать компромисс относительно в равной степени устраивавшей всех кандидатуры Президента Молдовы. В результате «Сиреневой революции» в период 2009–2012 гг. пост Президента был фактически вакантным.

Массовые демонстрации и открытые столкновения с органами правопорядка были характерны для второй революции («Дынная революция») в Киргизии 6–16 апреля 2010 г. Для нее характерен окончательный переход к радикальным действиям и столкновениям, в том числе и с человеческими жертвами. Аккумуляция протестной активности по-прежнему проводится посредством СМИ, западные государства оказывают акцентированное внешнее дипломатическое давление на правящий режим, в числе революционного актива по-прежнему находятся радикальные молодежные группы. Тем не менее «цветные революции» классического ненасильственного формата окончательно исчерпали свой потенциал. Теперь наряду с визуальными признаками внешне ненасильственного протеста (например, массовое неповиновение) для последующей дестабилизации необходимы также радикальные действия, в частности, провоцирование правоохранительных органов и силовых структур на открытое насилие в отношении оппозиции. Кроме того, необходимо отметить, что сама по себе реализация сценария «цветной революции» оказалась эффективной не только во время электоральных кампаний [14, с. 288].

В период «Революции достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014 гг.) в качестве стратегии противостояния с режимом В.Ф. Януковича была выбрана комбинация насильственных и ненасильственных методов дестабилизации. Оппоненты В. Ф. Януковича избрали такие формы протеста, как массовое неповиновение, многочисленные митинги, блокировка работы государственных органов, занятие протестующими правительственных зданий и администраций и др. Так же, как и в Киргизии (2010), использовались технологии явного провоцирования силовых структур на насилие в отношении оппозиции. Но даже в таких условиях правящая власть, несмотря на кризисное состояние, продолжала сохранять статус-кво. В указанных контекстах оппозицией была использована технология наличия «сакральной жертвы» («Небесная сотня») – значительного количества жертв среди оппозиционеров, гибель которых была спровоцирована

самими организаторами массовых беспорядков. Данная технология была заимствована из сценария реализованных революций в Тунисе и Египте (2010–2011 гг.). Наличие «сакральной жертвы», стремительно развивающийся нарратив сопротивления и внешнее дипломатическое давление вынудили В. Ф. Януковича самоустраниться от власти в пользу сторонников «Евромайдана» [15, с. 288–289].

В заключение следует сказать, что «цветная революция» как политологическая категория представляет собой комплекс технологий реализации сценария дестабилизации политической системы. ЦР – не является, по сути, динамическим процессом, это, прежде всего, совокупность технологий, в частности информационно-коммуникативных. «Цветная революция» не является формой исторического процесса, в данном случае уместно говорить о конкретных приемах стимуляции социального напряжения и внешних методах управления конфликтами. Ненасильственные внешне технологические ускоренной циркуляции политических элит на постсоветском пространстве претерпели содержательное изменение в сторону радикальных методов разрешения политических конфликтов, окончательно утратив формы мирной трансформации.

Список использованных источников

1. Барсамов, В. А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты / В. А. Барсамов // Социс. – 2006. – № 8. – С. 57–66.
2. Лапкин, В. В. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России / В. В. Лапкин // Полис. – 2004. – № 7 – С. 74–88.
3. Межуев, Б. В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста / Б. В. Межуев // Полис. – 2006. – № 5. – С. 75–90.
4. Фурман, Д. Е. Киргизские циклы = Kirghiz cycles / Д. Е. Фурман, С. А. Шерматова. – М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2010. – 82 с.
5. Наумов, А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве / А. О. Наумов, В. Е. Авдеев, А. Ю. Наумова. – СПб.: Алетейя, 2014. – 164 с.
6. Филимонов, Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М.: РУДН, 2015. – 581 с.
7. Гапич, А. Э. Технологии цветных революций: монография / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. – 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. – 126 с.
8. Вербицкая, Т. В. Концепция цветной революции в политической науке / Т. В. Вербицкая, А. А. Керимов // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология». – 2019. – Т. 46. – № 1. – С. 154–162.
9. Почепцов, Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 532 с.
10. Манойло, А. В. Технологии несилевого разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.
11. Шарп, Д. От диктатуры к демократии. Антипутч / Д. Шарп, Б. Дженкинс; пер. с англ. Н. Макаровой; комм. Э. Лимонов, А. Цветков, И. Шамир, И. Яшин. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.

12. Марков, С. А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества XXI века / С. А. Марков // «Оранжевая революция». Украинская версия: сб. / сост. М. Б. Погребинский. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С. 65–90.

13. Наумов, А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А. О. Наумов. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.

14. Посталовская, О. А. «Цветная революция»: трансформация технологий дестабилизации политических режимов на постсоветском пространстве / О. А. Посталовская, А. В. Посталовский // Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. К 100-летию Великой русской революции. Коллективная монография / под ред. Е. Б. Дудниковой, В. Я. Романченко, Н. В. Шалаевой / ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова». – Саратов: ООО «ЦеСАин», 2018. – С. 276–290.

(Дата подачи: 02.02.2022 г.)

А. С. Рыжий

Белорусский государственный университет, Минск

A. Ryzhy

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.013

БАК 23.00.05

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

THE EMERGENCE AND TRANSFORMATION OF THE ADMINISTRATIVE TERRITORIAL STRUCTURE ON THE BELARUSIAN LANDS

Статья посвящена процессам административно-территориальной организации власти на белорусских землях от Древнерусского государства до распада Российской империи. Затрагиваются вопросы центр-периферийных отношений и территориальной идентичности. Выделяются три модели административно-территориального устройства на белорусских землях в исследуемом временном интервале: вассально-княжеская, наместническо-воеводская, губернская.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство; административно-территориальное деление; административно-территориальная единица; центр-периферия; территориальная идентичность.

The article is devoted to the processes of administrative and territorial organisation in the Belarusian lands from the period of Kievan Rus' to the collapse of the Russian Empire. The issues of center-peripheral relations and territorial identity are touched upon. The author identifies three models of administrative-territorial structure in the Belarusian lands in the studied time interval: vassal-princely, vicegerent-voivodship, gubernial.

Keywords: administrative territorial structure; administrative division; administrative territorial unit; center-periphery; territorial identity.

Административно-территориальное устройство (АТУ) – деление территории государства на определенные части (административно-территориальные единицы (АТЕ)), в соответствии с которыми выстраивается иерархическая система органов управления, а также соотношение полномочий центральных и территориальных органов власти.

Русским исследователем Р. Ф. Туровским введено понятие «регулярное административно-территориальное устройство». Под регулярным АТУ понимается территория государства, которая без остатка, в официальном порядке делится на административно-территориальные единицы, с четко определенными административными границами, и каждая АТЕ представляет собой целостное образование, в котором действуют органы управления, подчиняющиеся общенациональной государственной власти [1, с. 109].

В данной статье указанные выше термины используются в качестве исходных для раскрытия сущности феномена АТУ в динамическом развитии и экстраполируются на период от Древнерусского государства до распада Российской империи. Автором вводится понятие «модель административно-территориального устройства», которое обозначает устойчивое функционирование административно-территориального устройства государства как системы с характерными свойствами, сохраняющимися во времени. Модели АТУ различаются по пространственной логике, которая отражает позиционирование белорусских земель по отношению к центру.

Термины «административно-территориальное устройство» и «административно-территориальная организация» используются синонимично.

Существенный вклад в раскрытие феномена административно-территориального устройства государства в контексте белорусской историографии внесли белорусские авторы: В. И. Пичета, В. М. Игнатовский, И. А. Юхо, Т. И. Довнар, Е. И. Орловская, М. П. Костюк, В. Л. Носевич, П. О. Лойко. В исследовании трансформации АТУ представляют интерес работы российских авторов: С. А. Тархова, И. Н. Данилевского, И. Л. Андреева, А. Б. Каменского, Л. Ф. Писарьковой, А. Д. Степанского, А. Ю. Бахтуриной, Е. П. Малышевой. Центр-периферийные отношения и региональные аспекты административно-территориального устройства нашли отражение в работах Р. Ф. Туровского, Г. В. Ридевского, С. Роккана, Д. В. Белявцевой.

Цель статьи – выявить региональные аспекты становления и трансформации административно-территориального устройства на белорусских землях от Древнерусского государства до распада Российской империи.

Для достижения цели использованы центр-периферийный подход и концепция баланса отношений между центром и АТЕ. Центр-периферийный подход подразумевает исследование территории как неоднородной, поляризованной и полипроблемной [2, с. 223]. Концепция баланса отношений позволяет рассматривать политический процесс в контексте бинарных ком-

бинаций «централизация-децентрализация» и «сотрудничество-конкуренция», определяя, в какую сторону происходит смещение баланса – в пользу центра или АТЕ [3, с. 94].

Начало территориальной организации белорусских земель связано с разделением Древней Руси на земли-княжества, известные в летописях с середины IX в. Наибольшие из них – Полоцкое, Смоленское и Туровское [4, с. 46]. В каждой земле-княжестве существовал свой крупнейший центр – столица, который окружали менее значительные центры – пригороды, включавшие более мелкие волости (уезды, присуды), пятинны, сотни (полупятинны), поселения сельского типа, где жила основная часть населения. Пригороды, управлялись посадниками, назначавшимися из столицы [5, с. 10]. Вокруг столиц центростремительно складывалась вся система отношений и расселения. Российский исследователь И. Ю. Окунев относит столицы государств к «одному из видов центров, наиболее типичным институциональным закреплением функций политического центра в противовес периферии» [6, с. 9].

Внешним выражением связей и территориальной идентичности являются наименования земель-княжеств, которые всегда были производными от столичных городов, что служит свидетельством того значения, которое придавалось столице в политической, культурной и хозяйственной жизни всего государства [7, с. 18]. Как отмечает Д. В. Белявцева, в основе территориальной идентичности лежат традиции, которые «символизируют и выражают социальную близость, идентифицируют сообщество» [8, с. 30]. По мнению норвежского политолога С. Роккана, древний город «закреплял привязанности, определенные местом проживания, а не родственными связями» [9, с. 49]. На белорусских землях идентификация происходила в значительной степени по принадлежности к определенному центру.

Локальными политическими институтами в единицах Древней Руси были учредительно-законодательные – вече (народное собрание), исполнительные – князь и его дружина. В. И. Пичета писал, что на народных собраниях решались самые существенные вопросы внешней и внутренней политики, такие как смена княжеской власти, провозглашение войны и мира, свершение правосудия [4, с. 43]. Решения вече распространялись не только на город, но и на всю волость [5, с. 10].

С XII в. земли-княжества приобретали государственные атрибуты, превращаясь из административных единиц в самостоятельные образования. Земли-княжества дробились на удельные княжества или волости, среди которых: Витебская, Оршанская, Друцкая, Минская, Логойская, Изяславская, Мстиславская, Слуцкая, Новогрудская, Несвижская, Пинская, Мозырьская и другие. Впоследствии удельные княжества разделились на еще более мелкие уделы [4, с. 69]. И. А. Юхо отмечал, что распределение князьями своих владений производилось в основном между наследниками [7, с. 19]. Младшие князья отдавали часть налогов с населения своего княжества старшему князю. Таким образом продолжала сохраняться традиционная иерархия

зависимости между наследниками и отцом, между административно-территориальной единицей (княжеством, волостью, уделом) нижнего порядка и более высокого порядка. Система вассалитета, на наш взгляд, является доминирующей в данный период времени и легла в основу формирования управленческих уровней и территориальных размежеваний.

Административно-территориальное устройство с середины IX до конца XIV вв. можно охарактеризовать как «нерегулярное» и отнести к первой модели управленческих иерархий на белорусских землях, названной нами вассально-княжеской. Для данной модели характерна неустойчивость иерархического подчинения между административно-территориальными единицами и центром, количество иерархических уровней неоднородно. Формирование границ территориальной организации сообществ осуществлялось преимущественно путем завоеваний. Административно-территориальные единицы возникали не на этнической основе, а на принадлежности к столичному городу – месту концентрации политических, экономических, социальных и духовных связей белорусских племен. Ядром в Древней Руси выступал город Киев, периферией являлась северная часть Древнерусского государства. Пространственная логика белорусских земель в составе Древней Руси была следующей: север – юг. Именно на периферии возникли сильные антагонисты по отношению к Киеву в виде Полоцка, Смоленска и Новгорода. В северной части Древней Руси альтернативные центры формировались в условиях меньшей конкуренции и контролировали ресурсы периферийной зоны за счет выгодного расположения, находясь на торговых путях. Баланс отношений в вассально-княжеской модели АТУ характеризовался конкуренцией княжеств с децентрализацией власти, которая была свойственна до конца XIV в.

С начала XIV в. произошло объединение белорусских княжеств и земель в составе Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Статус вошедших в состав земель и княжеств определялся наличием широкой автономии. Как пишет Т. И. Довнар, по форме государственного устройства тогдашнее государство скорее являлось федерацией [10, с. 109]. Изменения в административно-территориальном устройстве происходили с конца XIV в. в период княжения Витовта. При Витовте ликвидированы княжеские титулы (за исключением Полоцкого и Витебского), взамен введен институт назначаемых руководителей – наместников, а впоследствии назначаемых воевод и старост в административно-территориальных единицах государства [10, с. 108]. Маятник переместился от конкуренции территориальных единиц к сотрудничеству в рамках централизованного государства. Таким образом, развитие получила вторая модель административно-территориального устройства – наместническо-воеводская.

Продолжением трансформаций в рамках наместническо-воеводской модели стала реформа административно-территориального устройства ВКЛ в 1565 г. В территориальную организацию были введены административно-территориальные единицы – поветы, которые структурно состояли из

волостей и входили в состав воеводств. Белорусские земли оказались поделены в границах 8 воеводств и 16 поветов [11]. Структурно устройство ВКЛ приблизилось к Польше. Территория ВКЛ, за исключением этно-конфессиональной Жемайтии, была приведена к единообразию. Это означало ликвидацию административно-территориальных единиц в составе ВКЛ, которые обладали элементами автономии. Таким образом был совершен переход от децентрализации к усилению центральной власти с построением трех управленческих уровней: воеводства – поветы – волости. Были образованы следующие воеводства на белорусских землях: Берестейское (Берестейский и Пинский поветы), Виленское (Браславский, Виленский, Лидский, Ошмянский и Вилькомирский поветы), Витебское (Витебский и Оршанский поветы), Минское (Минский, Речицкий, Мозырский поветы), Мстиславское (без поветов), Новогрудское (Волковысский, Новогрудский, Слонимский поветы), Полоцкое (без поветов), Троцкое (Трокский, Упитский, Гродненский и Ковенский поветы) [11]. Такой состав административно-территориальных единиц был закреплён ВКЛ в 1588 г., устройство являлось регулярным и существовало до раздела Речи Посполитой в 1772, 1792 и 1795 гг.

В ВКЛ ядром выступал город Вильня, периферией являлась юго-восточная часть государства. Пространственная логика ВКЛ была такова: юго-восток – северо-запад. Периферийные юго-восточные территории: Подлясье, Волинь, Подолье и Киевщина в результате Люблинской унии 1569 г. были отторгнуты Коронай Королевства Польского. В Речи Посполитой ядром являлась Великопольская провинция с центром в Варшаве, пространственная логика имела направление по линии восток – запад, белорусские земли занимали периферийное положение.

Особенностью административно-территориального устройства в ВКЛ являлось выделение городов из состава волостей в качестве самоуправляющихся единиц в системе административно-территориальной организации государства с появлением Магдебургского права [12, с. 250]. Грамоты на Магдебургское право предусматривали ограничение власти местных государственных органов и создание в городе собственных органов управления (городского магистрата) с элементами самоуправления [10, с. 123].

Третья модель организации белорусских территорий – губернская, получила оформление в составе Российской империи. Присоединение белорусских земель к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой обусловило значительные изменения административно-территориального устройства и местных органов управления, которые перестраивались в соответствии с российской системой. Пространственная логика нахождения белорусских земель по отношению к новому центру стала направленной на восток.

Как и в наместническо-воеводской, в губернской модели было три управленческих уровня: губернии – уезды – волости. Особенность в процессах трансформации территорий связана с институтом генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство включало в себя одну или несколько губерний.

Генерал-губернатор или военный губернатор назначался для управления территориями, которые были заняты по праву войны и, как правило, располагались на периферии, а также для большей интеграции региона в империю [13].

Генерал-губернатор считался представителем императора, возглавлял местную администрацию подчиненных ему территорий, командовал войсками, исполнял контрольные функции. Фактически генерал-губернатор был наделен неограниченными полномочиями. Исполнительная власть в губернии принадлежала гражданскому губернатору, однако тот подчинялся генерал-губернатору [14, с. 51]. Городское управление в Беларуси конца XVIII – начала XIX вв. также претерпело существенные изменения. Магистраты находились под полным контролем и властью губернской администрации (генерал-губернатора, губернатора, казенной палаты) и были лишены самостоятельности в своей деятельности [14, с. 132].

Суть замены наместническо-воеводского устройства на губернское будет более понятной, если вспомнить, что в ликвидированных административных единицах шляхта (дворянство) собиралась на сеймики (региональное собрание), где коллективно вырабатывала и отстаивала свои местные интересы перед центральными властями, выбирала или утверждала кандидатов на административные должности, выбирала судей, определяла размеры некоторых видов налогообложения. Через своих представителей на вальном сейме (общегосударственном собрании) воеводская и поветовая шляхта участвовала в избрании монарха. Как подчеркивает Т. И. Довнар, в условиях самовластия это стало невозможным [10, с. 259].

В поиске наилучшего баланса организации белорусских территорий административно-территориальное деление часто подвергалось реформам (1796, 1802, 1822, 1842 гг.) [11]. Согласно реформе 1796 г. образованы три губернии: Белорусская с центром в Витебске, Минская с центром в Минске и Литовская с центром в Вильне. В результате реформы 1802 г. образованы пять губерний: Минская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская – и три генерал-губернаторства: Белорусское, Литовское и Киевское [15, с. 67]. Деление на пять губерний с небольшими изменениями в 1822 и 1842 гг. существовало до начала XX в. По отношению к шести губерниям (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской) официально использовалось наименование Северо-западный край. Российская власть проводила политику унификации и интеграции белорусских земель в империю. Форма автономизации белорусских территорий (План Огинского) не получила развития. Беларусь как этническая и территориальная общность не имела в составе Российской империи целостного политического статуса. Баланс отношений между центром и административно-территориальными единицами в Российской империи можно определить как централизованный, исходивший из единства и неделимости государственной власти и территории, неприемлемости политической автономии, основанной на национальной специфике.

Подводя итог, отметим, что в статье выделены три обобщающие модели АТУ, существовавших на белорусских землях: вассально-княжеская, наместническо-воеводская, губернская. Трансформация административно-территориальной организации осуществлялась без учета преемственности от одной формы государства к другой. В статье выявлены следующие региональные аспекты становления и трансформации административно-территориального устройства на белорусских землях от Древнерусского государства до распада Российской империи:

Во-первых, становление административно-территориального устройства на белорусских землях происходило под влиянием центр-периферийных отношений. Белорусские земли всегда оказывались периферией по отношению к центрам ядра – Киеву, Вильне, Кракову/Варшаве, Москве/Санкт-Петербургу.

Во-вторых, периферийность административно-территориальных единиц проявилась в особых взаимоотношениях с центром: особый политико-правовой статус белорусских земель (Полоцкой и Витебской) в ВКЛ, наличие института генерал-губернаторства для белорусских губерний в Российской империи.

В-третьих, белорусские земли были организованы и интегрированы в различные формы государственно-территориального устройства: города-государства, федерацию, сложное унитарное государство, конфедерацию, империю, однако свойственными для них оставались три управленческих уровня и пять административно-территориальных единиц на верхнем из них с основными центрами в Полоцке/Витебске, Вильне, Гродно, Минске, Могилеве.

Список использованных источников

1. *Туровский, Р. Ф.* Политическая регионалистика: учеб. пособие / Р. Ф. Туровский. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 465 с.
2. *Ридевский, Г. В.* Роль центр-периферийного подхода в становлении и эволюции представлений об устойчивом развитии / Г. В. Ридевский // Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. Г. Кольмакова (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 221–225.
3. *Туровский, Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений: монография / Р. Ф. Туровский; Гос. ун-т. – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2006. – 399 с.
4. *Пичета, В. И.* История белорусского народа / В. И. Пичета. – Минск: Изд. центр БГУ (Scriptor universitatis), 2003. – 184 с.
5. Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А. В. Пыжикова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 320 с.
6. *Окунев, И. Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики / И. Ю. Окунев. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 205 с.
7. *Юхо, И. А.* Государство и право Киевской Руси – Украины в VII–XVI вв. / И. А. Юхо // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зб. нав. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо. – Мінск, 2012. – С. 11–37.

8. *Белявцева, Д. В.* Концепт региона как инструмент для анализа конфигурации политического пространства государства / Д. В. Белявцева // Иппокрена. – 2016. – № 2. – С. 26–34.

9. *Роккан, С.* Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии / С. Роккан // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 46–73.

10. *Доўнар, Т. І.* Права Беларусі ў кантэксте гістарычнай эвалюцыі дзяржаўнасці [Электронны рэсурс] / Т. І. Доўнар // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2018. – Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/206726>.

11. Административно-территориальное деление Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/genealogiya/administrativno-territorialnoe-delenie-belarusi>. – Дата доступа: 02.02.2022.

12. *Орловская, Е. И.* Магдебургское право в городах Беларуси и Украины / Е. И. Орловская // Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 90-летию юридического факультета БГУ, Минск, 19–20 окт. 2015 г. / редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Юридический факультет БГУ, 2015. – С. 249–251.

13. Генерал-губернаторство в системе местного управления России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160310152031/http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/local?version=forprint>. – Дата доступа: 02.02.2022.

14. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.

15. *Тархов, С. А.* Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. / С. А. Тархов // Логос. – 2005. – № 1. – С. 66–101.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

С. Ф. Свилас, О. В. Ливиндюк
Белорусский государственный университет, Минск

S. Svilas, O. Livindiuk
Belarusian State University, Minsk

УДК 327(540:73)

ИНДИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖО БАЙДЕНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INDIAN-AMERICAN RELATIONS DURING THE PRESIDENCY OF JOE BIDEN: CHALLENGES AND PROSPECTS

В статье содержится анализ отношений между Индией и США после прихода в Белый дом администрации Джо Байдена. Подчеркнуто значение индийского фактора в дипломатии Вашингтона, выявлены преемственность и особенности этого вектора внешней политики США после прихода к власти лидера демократической партии, а также его основные сферы. Охарактеризованы достижения (оборона, борьба с пандемией

COVID-19, развитие инфраструктуры Индо-Тихоокеанского региона, борьба с изменением климата, передовые технологии, космос) и проблемы в сотрудничестве, влияющие на него России, Китая, Пакистана. Рассмотрена позиция Вашингтона по кашмирскому вопросу, дается прогноз ее возможной коррекции. Доказано, что важнейшим элементом стратегического партнерства между двумя государствами становится борьба с терроризмом и наркоторговлей.

Ключевые слова: Индия; США; индийско-американские отношения; Нарендра Моди; Джо Байден; всеобъемлющее стратегическое партнерство; Четырехсторонний диалог по безопасности.

The article contains an analysis of Indian-American relations after Biden's administration came to power; the article also determines Biden's contribution to the development of bilateral cooperation between India and the United States as vice president. The authors emphasize the importance of the Indian factor in Washington's diplomacy, furthermore, this article reveals the continuity and features of the Indian vector of US foreign policy after the Democratic Party leader came to power, as well as its main areas. The achievements (defense, the fight against the COVID-19 pandemic, the development of infrastructure in the Indo-Pacific region, the fight against climate change, advanced technologies, space) and issues in cooperation between the two states, the influence of Russia, China, and Pakistan on it are characterized in the article. The authors consider the position of Washington on the Kashmir issue and provide a reasonable forecast of the changes it may possibly meet. It has been proved that the most important element of the strategic partnership between the two states is the fight against terrorism and drug trafficking.

Keywords: India; USA; Indian-American relations; Narendra Modi; Joe Biden; a comprehensive strategic partnership; Quadrilateral Security Dialogue.

Премьер-министр Индии (с мая 2014 г.) Нарендра Моди поздравил Джо Байдена с «эффективной победой» на президентских выборах в США (2020 г.), а также поблагодарил его за содействие в укреплении индийско-американских отношений во время пребывания на посту вице-президента, выразив готовность к сотрудничеству, чтобы «поднять отношения Индии и США на новый уровень» [1]. Глава индийского правительства пожелал успеха и Камале Харрис на посту вице-президента, подчеркнув, что гордится наличием индийских корней «у столь выдающейся женщины» и рассчитывает, что она окажет содействие укреплению индийско-американского партнерства [2].

Энтузиазм индийского руководства основан на том, что во время своего вице-президентства (2009–2017 гг.) Джо Байден сыграл решающую роль при заключении американо-индийского соглашения о гражданской ядерной энергии (2008 г.), которое предусматривает поставки высокотехнологичного американского оборудования, а также положило конец изоляции Индии после ядерных испытаний 1998 г. в Покране и отказа подписать Договор о нераспространении ядерного оружия [3].

Байден оценивает отношения с Индией как «определяющие» мировую политику в XXI в., а также рассматривает индийскую диаспору в качестве

связующего звена между Дели и Вашингтоном, оказывая гражданам США индийского происхождения всяческую поддержку [4]. Учитывая благожелательное отношение Дж. Байдена к Индии, присутствие в администрации вице-президента и еще двух десятков сотрудников индийского происхождения на ключевых должностях, Нью-Дели рассчитывает на дальнейшее развитие сотрудничества в сфере безопасности и экономики, укрепление двухстороннего оборонного партнерства [3].

Двухсторонние отношения омрачаются рядом противоречий, среди которых наиболее острым является вопрос соблюдения прав человека и следования демократическим ценностям. Джо Байден, выступая 4 февраля 2021 г. в штаб-квартире Государственного департамента США, подчеркнул приверженность демократическим ценностям: «... мы должны начать с дипломатии, основанной на самых заветных демократических ценностях Америки: защите свободы, отстаивании возможностей, отстаивании всеобщих прав, уважении верховенства закона и достойном обращении с каждым человеком» [5]. Таким образом, встает проблема Джамму и Кашмира – территории, которая в августе 2019 г. была лишена автономного статуса по решению индийского парламента. По данным организации Human Rights Watch, индийские власти нарушают право мусульман Кашмира на свободу слова, а в 2019 г. значительно ограничили свободу передвижения кашмирцев и наложили запрет на их публичные собрания. После упразднения автономного статуса Джамму и Кашмира около 4 тысяч кашмирцев, включая видных политиков, были превентивно задержаны в соответствии с Законом об общественной безопасности, разрешающим задержание без суда на срок до двух лет [6; 7]. Пострадали также критики действий индийских властей в медиапространстве: в 2020 г. бизнесмена Мубин Шах обвинили в подстрекательстве к мятежу после того, как он подверг критике попытку изменить демографический статус Джамму и Кашмира с мусульманским большинством путем отмены ограничений на проживание; в том же году были возбуждены уголовные дела в отношении журналистов Гауэра Гилани, Пирзады Ашик и Масрата Захры [7].

Во «Всемирном докладе 2021» от Human Rights Watch отмечалось, что в 2020 г. индийская полиция «активно злоупотребляла властью», приводились случаи применения пыток в отношении содержащихся под стражей лиц и внесудебных казней. Национальная комиссия по правам человека сообщила о 77 смертях во время содержания под стражей, 1338 смертельных случаях в суде во время содержания под стражей и 62 предполагаемых внесудебных казнях [8].

Кашмирцы надеялись на то, что с приходом к власти новой администрации Вашингтон изменит свою позицию относительно кашмирского конфликта [9]. Их надежды питала размещенная на официальном сайте президента «Повестка дня Джо Байдена для мусульманско-американских общин», которая призывала Нью-Дели «принять все необходимые меры для возвращения жителям Кашмира их прав» [10]. Уверенность вселяла и вице-

президент Камала Харрис, сделавшая следующее заявление: «Мы должны напомнить кашмирцам, что они не одиноки в этом мире. Мы будем следить за ситуацией» [11]. Однако, несмотря на заявления США о готовности защищать демократические ценности по всему миру, ожидания кашмирцев пока не оправдались. Представитель Госдепартамента Нед Прайс в своем твиттер-аккаунте использовал формулировку «индийские Дхамму и Кашмир» [12], но на пресс-конференции 2 февраля 2021 г. Госдепартамент пояснил, что США все еще считают эти территории спорными между Индией и Пакистаном [13].

Вместе с тем есть основания полагать, что Вашингтон займет однозначную позицию относительно Дхамму и Кашмира. Во-первых, после ухода США из Афганистана существует угроза того, что нестабильность в этой стране вкупе с недовольством мусульманского населения Кашмира станет толчком к экспорту идей радикального исламизма в Индию, а затем в Пакистан и Китай [14]. Во-вторых, противостояние Индии и Пакистана при наихудшем развитии событий может привести к ядерной войне. В-третьих, Китай, который долгие годы формально занимал позицию нейтралитета по проблеме Кашмира, в 2020 г. поддержал Пакистан, возмущенный отменой автономного статуса этой территории [15]. Укрепление китайско-пакистанского союза и усиление китайского влияния в регионе невыгодно Вашингтону. В-четвертых, инициирование мирных переговоров по статусу Дхамму и Кашмира положительно скажутся на международном имидже США и станет подтверждением их твердого намерения продвигать демократические ценности в мире. Предшественник Джо Байдена Дональд Трамп (2017–2020 гг.) выражал готовность выступить в роли посредника для урегулирования конфликта, однако в Нью-Дели определили ситуацию с Кашмиром как «проблему двух сторон, которая будет решаться в двухстороннем порядке» [16]. Исходя из данного обстоятельства, можно предположить, что Вашингтон выберет иную стратегию: к примеру, предоставит Нью-Дели и Исламабаду площадку для переговоров или окажет содействие для начала переговорного процесса.

Серьезным поводом для разногласий между США и Индией являются закупки российского оружия, которые Нью-Дели осуществляет, несмотря на угрозу американских санкций. В ноябре 2021 г. Россия начала поставки в Индию зенитно-ракетных комплексов С-400, приобретенных в рамках оборонной сделки с Москвой на сумму 5,5 млрд долл. в 2018 г. [17; 18]. В соответствии с разделом 231 «Закона о противодействии противникам США посредством санкций» (2017 г.) Госдепартамент имеет полномочия на введение санкций против государств, осуществляющих торговые сделки с российским оборонным сектором [19]. Ситуацию накалило дальнейшее сближение России и Индии, которые в декабре 2021 г. на ежегодном российско-индийском саммите подписали 28 соглашений, а также программу сотрудничества в оборонной сфере на 2021–2031 гг. [20].

По данным Стокгольмского международного института исследования мира, Россия является для Индии крупнейшим поставщиком оружия: с 2016 по 2020 гг. на нее приходилось 23 % экспорта российского оружия [20]. У Нью-Дели всегда были тесные связи с Москвой, индийские вооруженные силы десятилетиями полагались на поставки российского вооружения. Несмотря на то что страна диверсифицировала свой импорт оружия и сблизилась с Соединенными Штатами в торговом и оборонном сотрудничестве, примерно половина импортируемого в Индию оружия приходит из России. Закупив российские зенитно-ракетные комплексы, Индия ясно дала понять, что на первое место ставит безопасность собственных границ с Китаем, а не «ублажение Америки» [21]. Весьма маловероятно, что США наложат на Индию санкции за оборонное сотрудничество с Россией, поскольку сильная и боеспособная Индия выгодна Вашингтону для сдерживания «китайской экспансии» в регионе.

Вскоре после принятия Дж. Байденом президентских полномочий (январь 2021 г.) США интенсифицировали оборонное сотрудничество с Индией. Так, 24 сентября 2021 г. в ходе саммита Четырехстороннего диалога по безопасности Дж. Байден принял в Белом доме Нарендру Моду, а также других представителей стран-партнеров по Четырехстороннему диалогу: премьер-министра Австралии Скотта Моррисона и премьер-министра Японии Ёсихидэ Суга. В ходе саммита был выдвинут ряд инициатив, направленных на борьбу с пандемией COVID-19, развитие инфраструктуры Индо-Тихоокеанского региона, борьбу с изменением климата посредством синхронизации работы портов для уменьшения выбросов углерода, налаживания поставок полупроводников для создания передовых технологий вроде 5G и сотрудничества в области космических разработок [22].

Одним из ключевых элементов всеобъемлющего стратегического партнерства между государствами становится борьба с терроризмом. Так, в октябре 2021 г. в Вашингтоне состоялось 18-е заседание Совместной рабочей группы США и Индии по борьбе с терроризмом, на котором государства-партнеры обязались расширять сотрудничество в правоохранительной сфере, обмен информацией, передовым опытом и усилить стратегическое сближение в борьбе с терроризмом. Они решительно осудили любое использование трансграничного терроризма во всех его формах и выступили за согласованные действия против террористических организаций «Аль-Каида», ИГИЛ/ДАИШ, «Лашкар-э-Тайба» (ЛЭТ). Обе стороны призвали режим талибов сделать все возможное для того, чтобы территория Афганистана не использовалась для угроз или нападения на какую-либо страну, для укрытия или обучения террористов, а также для планирования или финансирования террористических атак. США и Индия обязались продолжать тесные консультации по Афганистану в связи с исходящими отсюда потенциальными террористическими угрозами. Стороны также обменялись мнениями о противодействии сетям наркотеррора и транснациональным сетям незаконной контрабанды оружия [23].

Велика вероятность того, что «Аль-Каида» и «Исламское государство» используют подконтрольный талибам Афганистан как плацдарм для своей террористической деятельности. Антииндийские террористические группировки «Лашкар-э-Тайба» и «Джаиш-и-Мохаммед» также могут базироваться в Афганистане, чтобы совершать теракты в Кашмире или других частях Индии, как они это делали в 1990-х гг. [24].

Таким образом, избрание Джо Байдена на пост президента США было весьма благожелательно встречено индийским правительством. В Нью-Дели рассчитывают укрепить индийско-американское сотрудничество, активно налаживаемое в период президентства Дональда Трампа (2017–2020 гг.), а также вывести отношения между двумя государствами на новый уровень. Находясь на посту вице-президента (2009–2017 гг.), Дж. Байден неоднократно подчеркивал значение Индии как одного из ключевых партнеров США и внес значительный вклад в развитие американо-индийских отношений, инициировав подписание Соглашения о гражданской ядерной энергии (2008 г.), однако в перспективе они могут быть осложнены разным пониманием прав человека. Администрация Дж. Байдена заявила о намерении «сфокусироваться на защите прав человека и демократических ценностей в мире», а это означает, что будет поднят вопрос Джамму и Кашмира, где мусульманское население ограничено в свободе слова и передвижения, подвергается политическим преследованиям. Велика вероятность того, что США инициируют переговоры для разрешения кашмирского конфликта, поскольку протесты на этой спорной территории могут спровоцировать экспорт исламистских идей в Индию и усиление китайско-пакистанского союза, а мирное обсуждение кашмирской проблемы позволит Вашингтону снискать имидж миротворца. Вторым поводом для серьезных разногласий являются закупки индийской стороной зенитно-ракетных комплексов С-400 у России. Санкции со стороны администрации Байдена не последовали, вероятно, по той причине, что она заинтересована в сильной Индии для сдерживания Китая в регионе, а поставки российского оружия – та цена, которую Вашингтон готов заплатить. Столпом индийско-американских отношений является оборонное сотрудничество в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности, в приоритетах также ликвидация последствий COVID-19, улучшение инфраструктуры Индо-Тихоокеанского региона, борьба с изменением климата и сотрудничество в космической сфере. Вторым столпом партнерства Вашингтона и Нью-Дели следует назвать скоординированную борьбу с терроризмом, так как после вывода американских войск (2021 г.) возникла угроза превращения Афганистана в плацдарм для деятельности террористических организаций.

Список используемых источников

1. Narendra Modi congratulates Joe Biden on his victory in the presidential election [Electronic resource] / Narendra Modi's official twitter account. – 07.11.2020. – Mode of access: <https://twitter.com/narendramodi/status/1325145433828593664>. – Date of access: 20.02.2022

2. Narendra Modi congratulates Kamala Harris on her election as vice-president [Electronic resource] / Narendra Modi's official twitter account. – 07.11.2020. – Mode of access: <https://twitter.com/narendramodi/status/1325145671742054400>. – Date of access: 20.02.2022

3. *Sharma, A.* India has high hopes ties with US will deepen under Biden [Electronic resource] / A. Sharma // The Associated Press. – 05.02.2021. – Mode of access: <https://apnews.com/article/joe-biden-lloyd-austin-global-trade-india-new-delhi-913615e8746b11e7c39434cd4b6c6c12>. – Date of access: 20.02.2022

4. *Kugelman, M.* How May U.S.-India Relations Under Biden Differ From the Trump Era? [Electronic resource] / M. Kugelman // The Wilson Center. – 16.02.2021. – Mode of access: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/how-may-us-india-relations-under-biden-differ-trump-era>. – Date of access: 20.02.2022

5. Remarks by President Biden on America's Place in the World [Electronic resource] / The White House. – Speeches and remarks. – 04.02.2021. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>. – Date of access: 20.02.2022

6. About 4,000 people arrested in Kashmir since August 5: govt sources to AFP [Electronic resource] / The Hindu. – 18.08.2019. – Mode of access: <https://www.thehindu.com/news/national/about-4000-people-arrested-in-kashmir-since-august-5-govt-sources-to-afp/article61582905.ece>. – Date of access: 20.02.2022

7. India: Abuses Persist in Jammu and Kashmir [Electronic resource] / Human Rights Watch. – 04.08.2020. – Mode of access: <https://www.hrw.org/news/2020/08/04/india-abuses-persist-jammu-and-kashmir>. – Date of access: 20.02.2022

8. World report 2021: India [Electronic resource] / Human Rights Watch. – Mode of access: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/india#33ae4d>. – Date of access: 20.02.2022

9. *Hussain, B.* Kashmiris expect Biden to pressure India on human rights [Electronic resource] / B. Hussain // Nikkei Asia. – 03.09.2020. – Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Politics/Kashmir-turmoil/Kashmiris-expect-Biden-to-pressure-India-on-human-rights>. – Date of access: 20.02.2022

10. Joe Biden's agenda for Muslim-American communities [Electronic resource] / Presidential candidate Joe Biden's website paid for by the Democratic National Committee. – Mode of access: <https://joebiden.com/muslimamerica/>. – Date of access: 20.02.2022

11. *Chaudhury, D. R.* Democrat VP nominee Kamala has strong views on Kashmir but has refrained from taking a position [Electronic resource] / D. R. Chaudhury // The Economic Times. – 14.08.2020. – Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/democrat-vp-nominee-kamala-has-strong-views-on-kashmir-but-has-refrained-from-taking-a-position/articleshow/77512543.cms?from=mdr>. – Date of access: 20.02.2022

12. The Bureau of South and Central Asian affairs welcomes the resumption of 4G mobile internet in India's Jammu & Kashmir [Electronic resource] – The official Department of State's account for the Bureau of South and Central Asian Affairs. – 10.02.2021. – Mode of access: https://twitter.com/State_SCA/status/1359504796194131974. – Date of access: 20.02.2022

13. अमेरिका ने कश्मीर पर की ऐसी टिप्पणी, 'नरिश' हो गया पाकिस्तान = America's remarks on Kashmir left Pakistan 'disappointed' [Electronic resource] – Aaj Tak. – 05.03.2021. – Mode of access: <https://www.aajtak.in/world/photo/us-refers-to-jammu-kashmir-as-union-territory-pakistan-reacts-tlif-1217344-2021-03-05-1>. – Date of access: 20.02.2022

14. *Biberman, Y.* Eight reasons why the United States should promote Kashmir peace talks now [Electronic resource] / Y. Biberman // Atlantic Council. – 17.02.2021. – Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/southasiasource/eight-reasons-why-the-united-states-should-promote-kashmir-peace-talks-now/>. – Date of access: 20.02.2022

15. *Joshi, A.* India Has Handed China a Way to Interfere in Kashmir [Electronic resource] / A. Joshi // Foreign Policy. – 16.06.2020. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2020/06/16/china-kashmir-himalayas-pakistan-conflict/>. – Date of access: 20.02.2022

16. *Mohan, G.* Kashmir a bilateral issue, India tells US after Trump offers help [Electronic resource] / G. Mohan // India Today. – 22.01.2020. – Mode of access: <https://www.indiatoday.in/india/story/kashmir-a-bilateral-issue-india-tells-us-after-trump-offers-help-1639126-2020-01-22>. – Date of access: 20.02.2022

17. India's air defence gets a big boost, Russia starts delivery of S-400 missiles [Electronic resource] – The Indian Express. – 15.11.2021. – Mode of access: <https://indianexpress.com/article/india/india-air-defence-russia-delivery-s-400-missiles-7622888/>. – Date of access: 20.02.2022

18. *Gady, F-S.* India, Russia Sign \$5.5 Billion S-400 Deal During Modi-Putin Summit [Electronic resource] / F-S. Gady // The Diplomat. – 05.10.2018. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/10/india-russia-sign-5-5-billion-s-400-deal-during-modi-putin-summit/>. – Date of access: 20.02.2022

19. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Electronic resource] – U.S. Department of the Treasury. – Sanctions programs and country information. – Mode of access: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act#:~:text=On%20August%20%2C%202017%2C%20the,%2C%20Russia%2C%20and%20North%20Korea>. – Date of access: 20.02.2022

20. *Choudhury, S. R.* India and Russia broaden defense ties despite potential risk of U. S. sanctions [Electronic resource] / S. R. Choudhury // CNBC. – 07.12.2021. – Mode of access: <https://www.cnbc.com/2021/12/07/india-russia-broaden-ties-and-military-cooperation.html>. – Date of access: 20.02.2022

21. *Mashal, M.* India and Russia Expand Defense Ties, Despite Prospect of U. S. Sanctions [Electronic resource] / M. Mashal, K. D. Singh // The New York Times. – 06.12.2021. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2021/12/06/world/asia/india-russia-missile-defense-deal.html>. – Date of access: 20.02.2022.

22. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Electronic resource] / The White House. – Statements and releases. – 24.09.2021. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/>. – Date of access: 20.02.2022

23. Joint Statement on U.S.-India Counter Terrorism Joint Working Group and Designations Dialogue [Electronic resource] – U. S. Department of State. – 28.10.2021. – Mode of access: <https://www.state.gov/joint-statement-on-u-s-india-counter-terrorism-joint-working-group-and-designations-dialogue/>. – Date of access: 20.02.2022

24. *Taneja, K.* Siyech M. S. Terrorism in South Asia after the fall of Afghanistan [Electronic resource] / K. Taneja, M. S. Siyech // War on the Rocks. – 23.08.2021. – Mode of access: <https://warontherocks.com/2021/08/terrorism-in-south-asia-after-the-fall-of-afghanistan/>. – Date of access: 20.02.2022

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

В. Н. Семенова

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Semenova

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ГЛОБАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

GLOBALISM AS A POLITICAL IDEOLOGY: TYPICAL FEATURES AND POSSIBLE SCENARIOS OF DEVELOPMENT

В статье раскрываются концептуальные основания и характерные черты глобализма как политической идеологии, выделяются возможные сценарии развития глобализма (теории конвергенции, космополитизм, «новый мировой порядок»). Значительное внимание уделено концепции ведущего глобалиста современности Жака Аттали.

Ключевые слова: политическая идеология; глобализм; теории конвергенции; космополитизм; новый мировой порядок; Жак Аттали.

The article deals with the conceptual foundations and typical features of globalism as a political ideology, analyzing possible scenarios for the development of globalism (convergence theories, cosmopolitanism, the New World Order). Considerable attention is given to the concept of the leading modern globalist Jacques Attali.

Keywords: political ideology; globalism; convergence theories; cosmopolitanism; the New World Order; Jacques Attali.

В эпоху развития информационного общества глобализационные процессы носят объективный и комплексный характер, оказывая влияние на все сферы жизни современного общества, затрагивая интересы различных социальных групп. Формирование нового глобального общества сопровождается теоретическим осмыслением и идеологическим обоснованием данных процессов. Специфика нового витка глобализационных процессов заключается в доминировании информационных и коммуникационных каналов, посредством которых оказывается влияние на общественное сознание. В политической и экономической сферах глобализационные идеи и концепции неоднократно подвергались критике и ревизии, а в культурной сфере идеи глобализации доминируют только в западных странах и области их влияния [1, с. 133].

Нарастающие глобализационные процессы уже с конца 1960-х гг. требовали теоретической рефлексии и идеологического обоснования необходимости создания универсального мирового порядка. Теоретической легитимацией мондиалистских проектов второй половины XX в. становятся космополитические концепции, среди которых выделяется и глобализм (в узком смысле слова) как политическая идеология.

Идеология глобализма представляет собой мировоззренческое и ценностное обеспечение объективного процесса современного мирового развития – процесса глобализации. Историческими глобализационными проектами были империя Александра Македонского, Римская империя, империя Карла Великого, Византийская империя, английская и французская колонизация и др. В XX в. глобалистские проекты пытались осуществить СССР (концепция пролетарского интернационализма, целью которого должна была стать мировая революция [2, с. 7]), США («новое американское столетие»), в последней трети XX в. усиливались имперские амбиции Китая.

За последние 50 лет идеология глобализма превратилась в законченную и самостоятельную идеологическую систему, фундаментом которой являются идеи европоцентризма и неолиберализма. Одновременно на ее формирование оказали влияние не только классические идеи колониализма и империализма, но и концепции постиндустриального общества и технократические теории.

Фундаментальными основаниями идеологии глобализма являются:

- в экономической сфере – глобальный капитализм и, в частности, монетаризм Чикагской школы (представление о том, что капитализм является высшей точкой развития экономических отношений);

- в культурной сфере – европоцентризм (представление о ведущей роли западной цивилизации в развитии человечества, следствиями которого являются биологический и культурный расизм, социал-дарвинизм, прогрессизм);

- в политической сфере – доминирование западных либеральных ценностей, проект мирового государства и мирового правительства (как квинтэссенция развития либеральной политической модели и мирового правового государства).

С другой стороны, критикуя в теории тоталитарный дискурс традиционной социальной иерархии, монархической системы власти или социалистической плановой экономики, на деле идеологи глобализма подводят к мысли об объективной закономерности развития общества в сторону либеральной демократии. В программной работе «Конец истории?» (1992) один из идеологов мондиализма Ф. Фукуяма отмечает: «Существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии» [3, с. 95]. Отрицая диктатуру Большой истории и больших метанарративов, Фукуяма одновременно занимается апологетикой такого же большого и универсального исторического проекта – западной либеральной демократии.

Российский исследователь С. А. Пигалев в ходе рассмотрения идеологии «конца истории» в работах глобалистов Ф. Фукуямы, Ж. Аттали находит общие моменты с идеей «конца истории» у постмодернистов и даже традиционалистов, в частности Р. Генона: «...в современной интеллектуальной сфере имеет место своеобразный «антиисторический» консенсус очень далеких во всем остальном течений и отдельных исследователей» [4, с. 85].

Идеология глобализма критически относится к идее национальной элиты, противопоставляя ей мировую наднациональную элиту. Национальная элита привязана (в прямом и метафорическом смысле) к определенному пространству, государству, земельной собственности. Ее интересы непосредственно связаны с национальной экономикой, законодательством и политическим устройством государства. Традиционность национальной элиты сохраняется не только в доминировании пространственно закреплённых отраслей экономики (промышленности и сельского хозяйства), но и в системе организации труда и производства (фордизм).

Глобальная элита является следствием формирования новых типов капитализма – глобального капитализма и турбокапитализма. Связанная в основном со сферами финансов, услуг, IT- и информационно-коммуникационных технологий глобальная экономическая и финансовая элита нацелена на формирование единого экономического пространства и, соответственно, на преодоление политических границ и национальных экономик. Фундамент современного витка глобализации, отмечают российские исследователи В. В. Дягилев и О. В. Шевченко, коренится «...в концепции свободного рынка – финансового капитализма, государственные границы, национальная идеология являются препятствием на пути финансовых потоков. Денежный капитализм по самой своей сути космополитичен: для получения прибыли хороши любой антураж и любая почва» [1, с. 134]. Поэтому идеология глобализма (особенно ее западнцентристские версии), отмечает В. В. Дягилев, оказывается враждебной национальным интересам большинства стран мира [1, с. 136].

По мнению ряда исследователей идеология глобализма базируется на таких идеологических конструкциях, как эволюционизм, социал-дарвинизм и расизм [5, с. 20].

Теории эволюционизма, как в биологическом, так и в социальном плане, обосновывают идею о том, что различные человеческие цивилизации имеют возможность пройти в своем развитии одни и те же стадии, от примитивных форм социальной жизни до наиболее развитых и сложных. Те народы и цивилизации, которые не достигли уровня развития и организационной сложности наподобие западной цивилизации, рассматриваются как отсталые и развивающиеся. На позициях эволюционизма находятся практически все методологические подходы к интерпретации направленности и динамики исторического процесса. Линейный европоцентрический подход к интерпретации исторического процесса (Г. Гегель), формационный подход (К. Маркс), цивилизационный подход (О. Шпенглер, С. Хантингтон) используют в своих концепциях принципы эволюционизма.

Если эволюционизм является историческим фундаментом глобализма, то его антропологической основой выступают социал-дарвинистские теории (мальтузианство, Г. Спенсер, Ж. де Лапуж, Х. Чемберлен, Ф. Ницше и др.), отражающие духовную ситуацию, связанную с кризисом ценностного фундамента христианства и широким распространением неоязыческих

направлений. Связанные с социал-дарвинизмом расистские теории обосновывают и легитимизируют практику геноцида [5, с. 21].

Российский исследователь С. Ю. Хлыстунов отмечает следующие особенности глобализма как идеологии: частная идеология в рамках евроцентризма; идеология, оправдывающая и закрепляющая новый мировой порядок с разделением мирового сообщества на «постиндустриальное ядро», сырьевую полупериферию и периферию; управляется новый мировой порядок мировой элитой новых космополитических кочевников, территориально и духовно не привязанных ни к каким нациям и государствам.

Одновременно глобализм не является единой идеологической концепцией, а скорее представляет собой конгломерат в чем-то близких, а в чем-то принципиально различных идеологических доктрин о будущем развитии мировой цивилизации.

Можно выделить несколько таких магистральных направлений, некоторые из которых на сегодняшний день превратились в полноценные идеологии. Основными разновидностями глобализма в последней трети XX в. выступили теории конвергенции, идеология космополитизма и собственно идеология глобализма (в контексте обоснования американского варианта «нового мирового порядка»).

Суть идеи конвергенции двух политических и идеологических лагерей заключается в одновременном позитивном движении навстречу и постепенном слиянии двух систем (капиталистической и социалистической). Социализм включает в свою экономическую модель элементы конкуренции и идею прибыли, а капитализм заимствует опыт государственного планирования. Социализм постепенно инкорпорирует идеи индивидуальной свободы и прав человека, а капитализм – социальной защищенности.

Обосновывая теорию конвергенции, один из ее основателей, русско-американский социолог П. Сорокин видел единое будущее человечества в «смешанном социокультурном типе» [6, с. 290] – интегральном, социальном, культурном и личностном строе, который будет включать в себя большинство позитивных характеристик капитализма и социализма и будет свободен от их серьезных недостатков. П. Сорокин предполагает создание в будущем интегральной системы культурных ценностей, социальных институтов и типов личности, существенно отличных от капиталистических и социалистических моделей [7, с. 76].

Подобные идеи о постепенном переплетении политических и экономических моделей двух сверхдержав рассматривают в работе «Политические системы: США и СССР: Сходство и различия, конвергенция или эволюция» (1964) американские идеологи З. Бжезинский и С. Хантингтон. Постиндустриальное развитие западного общества и стран социалистического блока приведет к улучшению качества жизни, смягчению идеологического напряжения между странами и неизбежно к конвергенции систем. Одновременно в работах второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. («Америка в технотронный век», 1967; «Между двумя веками. Роль Америки в технотронной

эре», 1970) З. Бжезинский прогнозирует ведущую роль в будущем капиталистической системы США как ведущего политического и морального лидера, обосновывает легитимность американского мессионизма и америкоцентризма, обосновывает необходимость установления «нового мирового порядка» [8].

Фактическим сторонником теории конвергенции является также М. С. Горбачев, который, став Генсеком в 1985 г., инициировал пересмотр концептуальных оснований советской внешнеполитической доктрины [2, с. 9]. В работе «Новое политическое мышление» М. С. Горбачев отдает приоритет не государственным или национальным, а общечеловеческим ценностям. В основе нового политического мышления, отмечает российский исследователь Р. С. Мухаметов, лежит идея обеспечения выживания человеческой цивилизации [2, с. 10]. В работе М. С. Горбачева отмечены такие принципы внешней политики, как: «– отказ от вывода о расколе современного мира на две противоположные общественнополитические системы (социалистическую и капиталистическую), признание его единым и взаимозависимым; – признание приоритета общечеловеческих ценностей над любыми другими (классовыми, национальными, идеологическими)» [2, с. 10].

После распада социалистической системы и СССР теории конвергенции фактически потеряли свою актуальность. С 1990-х гг. доминирующими теориями в мондиалистском ракурсе рассмотрения будущего мировой цивилизации становятся глобалистские версии, от неокOLONиальной версии западного «нового мирового порядка» до более современных теорий гиперимперии и глобального мирового правительства.

Одним из ведущих глобалистов начала XXI в. является французский мондиалист, сторонник установления принципиально нового мирового порядка в лице новой гиперимперии Жак Аттали. Активный сторонник глобализма и реализации проекта мирового правительства Ж. Аттали в книге «Краткая история будущего» (2006), по своему собственному признанию, предлагает проектирование будущего. В частности, здесь описываются проекты мирового («глубинного») государства, сокращения населения, разрешения и поощрения эвтаназии, тотального контроля за населением, глобального военного конфликта, новых форм тоталитаризма и др.

Ж. Аттали отмечает, что однозначно прогнозировать глобальное развитие на сегодняшний день невозможно: вариантов развития неисчислимо много. Мир стал по-настоящему глобален, что означает очевидную нестабильность и тесную взаимосвязь. Изменить направление мирового развития может все, что угодно: любая новая идея, любой мятеж, государственный или военный переворот, любое научное открытие [9, с. 116]. Прогнозируя развитие мировой цивилизации на ближайшие 50 лет, Ж. Аттали выделяет несколько этапов.

На первом этапе (до 2030 г.) произойдет закат Америки как великой сверхдержавы: вследствие нового мирового экономического кризиса произойдет конец господства доллара и истощение геополитической мощи

США [9, с. 149]. «Конец американской империи» будет связан с тем, что США превратятся в заурядное государство. В одном из последних интервью Ж. Аттали отметил, что окончание данного этапа, ранее прогнозировавшееся им в 2025 г., фактически произошло уже в 2020 г. Однако перехватить утраченное лидерство, отмечает французский исследователь, не удастся ни Европе, ни Китаю.

Благодаря кочевой мобильности, а также средствам массовой коммуникации финансовая, образовательная и повседневная жизнь большинства людей постепенно уйдет в онлайн-пространство: «Человек будет постоянно находиться онлайн, а к 2030 году кочевая мобильность перерастет в гипернаблюдение» [9, с. 129]. Отпадет необходимость в центре, объединяющем производство товаров и услуг, в том числе социальных и политических. Под угрозой на втором этапе окажется национальное государство. Полицентричный мир будут представлять одиннадцать крупнейших и экономически развитых государств мира.

Не миновать глобальному обществу, полагает Ж. Аттали, и этапа нового средневековья, при котором правительства, представляющие национальные государства, окажутся не в состоянии контролировать социально-экономические и политические процессы. Фактически страны окажутся разделенными внутри на анклавные, независимые и ограниченные друг от друга общины, живущие в совершенно различных общественных укладах: от архаичного и феодального до гиперурбанистического. Ж. Аттали так описывает неофеодальный этап: «...огромные города будут представлять собой соседство шатких домишек без дорог, канализации, полиции и больниц, а несколько богатых кварталов превратятся в бункеры, охраняемые наемниками. Мафия станет контролировать огромные районы, где царит произвол, как уже сейчас происходит в Рио, Лагосе, Киншасе и Маниле» [9, с. 132–133].

Будущее во временном промежутке 2035–2050 гг. французский глобалист видит в русле формирования территориально не привязанной к какому-либо центральному государству гиперимперии: «...люди станут возвращаться к городам-государствам, которые правила миром на заре рыночного строя» [9, с. 185]. В гиперимперии рынок полностью победит государства, сформируется ситуация рынка без государства: «Государства, или то, что от них останется к 2050 году, станут совокупностью предприятий, преследующих одинаковые цели. Никакого гражданского равенства, справедливых выборов и информационной свободы» [9, с. 200–201].

В разгар неофеодализма, прогнозируемый Ж. Аттали к середине XXI в., мир наводнят армии пиратов и корсаров: «На месте стран, которые распадутся под давлением рынка и демократии, появятся пиратские государства и негосударственные образования, зоны беззакония. Ими будут управлять предводители вооруженных банд, контролирующие регионы, порты, нефтепроводы, дороги и сырье. Уже сейчас так происходит в Сомали, Приднестровье (на границе между Молдавией и Украиной), частично – в Эфиопии, на Шри-Ланке, в Афганистане, Пакистане и других регионах

Африки и Азии. Огромные города превратятся в пиратские царства, к которым не осмелится приблизиться ни полиция, ни армия. Уже сейчас мы можем наблюдать это в Бразилии, Нигерии, Конго, Колумбии» [9, с. 211–212].

Третий этап будущего связан с образованием гиперимперии, планетарной торговой площадки без центрального государства. Усиление гиперимперии приведет к тому, что сначала распадутся государственные службы, затем демократия, а после и сами государства [9, с. 169]. Этап гиперимперии завершится глобальным военным гиперконфликтом со всеми вытекающими последствиями неофеодализма: «Завтрашняя Африка не будет похожа на сегодняшний западный мир, это Запад в будущем станет напоминать современную Африку», – прогнозирует Ж. Аттали [9, с. 242]. Данный этап закончится длительной и тяжелой мировой войной, гиперконфликтом, и лишь после этого возникнет новый справедливый порядок.

Этот новый порядок, который, возможно, сложится к 2060 г., видится Ж. Аттали как новый полицентричный рынок, постепенно вытесняющий национальное государство не только из политической и экономической сферы, но также из социального сектора. Из-под контроля государства в частный сектор постепенно (это, согласно Ж. Аттали, логика рынка) уйдут здравоохранение, образование, культура, наука, экология и др. К 2040 г., прогнозирует французский глобалист, большинство контрольных функций государства будет отдано частному сектору, соответственно, национальное государство потеряет львиную долю своего суверенитета: «Рост рынков в полицентрическом мире наряду с развитием новейших технологий будет способствовать ослаблению роли государства» [9, с. 182]. Ж. Аттали предсказывает наступление времен анархо-капитализма, когда частные корпорации смогут успешно конкурировать с государственными во всех сферах, в том числе в военной, разведывательной и т. п. Однако данная ситуация постепенно приведет к гипернаблюдению и гиперконтролю индивида уже со стороны корпораций и, соответственно, к новому витку тотального паноптизма. Ж. Аттали надеется, что в самом ближайшем будущем будет создано открыто действующее мировое правительство, а также глобальная полиция, глобальное налогообложение и т. п. [10].

Анализу и критике глобалистских идей французского мыслителя посвятил ряд своих аналитических статей российский экономист, критик глобализма В. Катасонов. Философия Ж. Аттали, справедливо отмечает В. Катасонов, сводится к тому, что «всемогущество денег – самый справедливый общественный порядок, а рождаемое глобализацией племя «всемирных кочевников» должно быть решительно отсечено от их национальных корней» [10].

Таким образом, можно выделить следующую динамику развития мондиалистских проектов. Если в 1960–1970-х гг. в рамках мондиалистского подхода доминировали теории конвергенции, в 1990-х гг. активно продвигались идеи западного либерального универсализма и обосновывалась необходимость построения «нового мирового порядка» под эгидой США,

то в начале 2000-х гг. получают развитие космополитические сценарии и глобалистские версии нового типа (сетевой гиперимперии, новой биполярной политической системы и др.).

Список использованных источников

1. *Дягилев, В. В.* Глобализм и национальная идеология / В. В. Дягилев, О. В. Шевченко // *Власть*. – 2019. – № 4. – С. 133–137.
2. *Мухаметов, Р. С.* Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления / Р. С. Мухаметов // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. – 2012. – № 33(287). – Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. – С. 7–11.
3. *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 588 с.
4. *Пигалев, С. А.* Идея «конца истории» в контексте идеологии глобализации / С. А. Пигалев // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия*. – 2014. – № 1(21). – С. 82–86.
5. *Хлыстунов, С. Ю.* Глобализм как идеология: структура и сущность / С. Ю. Хлыстунов // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Философия. Политология*. – 2008. – Т. 8, вып. 1. – С. 18–22.
6. *Сорокин, П. А.* Главные тенденции нашего времени (главы из книги) / П. А. Сорокин // *Партнерство цивилизаций*. – 2014. – № 1–2. – С. 281–297.
7. *Жданов, В. Л.* Теория идеологической конвергенции. Взгляды П. Сорокина и Зб. Бжезинского / В. Л. Жданов // *Обозреватель-Observer*. – 2013. – № 7. – С. 73–79.
8. *Евгеньев, В. А.* Образы США и СССР в Концепции мировой политики Збигнева Бжезинского / В. А. Евгеньев // *Политические исследования*. – 2003. – № 1. – С. 179–186.
9. *Аттали, Ж.* Краткая история будущего: пер. с фр. / Ж. Аттали. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
10. *Катасонов, В.* Открытый заговор Жака Аттали претворяется в жизнь [Электронный ресурс] / В. Катасонов. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2021/01/25/otkrytyj-zagovor-zhaka-attali-pretvorjaetsja-v-zhizn-52768.html>. – Дата доступа: 25.06.2021.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Л. Н. Семёнова

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. Semenova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 320.0

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

PERSPECTIVES OF THE DIGITAL POLICY

Цифровая трансформация затрагивает все сферы общества, включая политику и государственное управление. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) открывают широкие перспективы для коммуникации и взаимодействия между всеми

участниками политического процесса, которые могут привести к электронной демократии. Правящая верхушка мировой капиталистической системы в силу своих корпоративных целей и классовых интересов, используя ИКТ, задает тенденцию тотального контроля социального поведения, что чревато скатыванием к цифровой диктатуре.

Ключевые слова: ИКТ; информационное общество; цифровизация; электронное правительство; электронная демократия; информационные платформы.

Digital transformation take place in all spheres of the society including the policy and the state governing. Information communicative technologies (ICT) open wide perspectives for communication and interaction between all participants political process, which can achieve the electronic democracy. The governing elite of the world capitalist system owing to the corporative purposes and the class interests on the ICT base determine the tendency of the total control of the social behavior. This is way to the digital dictatorship.

Keywords: ICT; information society; digital transformation; e-Government; e-Democracy; information platforms.

Процесс цифровизации всех сфер общественной жизни нарастает в мире стремительно. Ограничения, вызванные эпидемией COVID-19, придали ему решительное ускорение и повсеместный характер. С середины 1990-х гг. такие крупные международные организации, как ООН и ЮНЕСКО, Совет Европы, Европейская комиссия, попытались ввести цифровизацию в институциональные рамки, проводя представительные международные форумы и принимая соответствующие хартии, декларации, программы. Окинавская Хартия глобального информационного общества, принятая «Группой восьми» 22 июня 2000 г., провозгласила «революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на образ жизни людей, их образование и работу, а также на взаимодействие правительства и гражданского общества». На Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества в Женеве в 2003 г. принята Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». С 2005 г. Всемирные встречи на высшем уровне по построению единого глобального цифрового общества стали проводиться ежегодно. В 2011 г. Генеральная ассамблея ООН отнесла доступ к сети Интернет к неотъемлемым базовым правам человека, а ограничение доступа к сети и распространению информации признала нарушением этих базовых прав. Цифровизация активно идет в рамках всего мира, региональных интеграционных объединений и отдельных стран. Единый цифровой рынок формируется в странах Европейского Союза (ЕС). В ратифицированном в 2015 г. Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) предусматривается создание интегрированной информационной системы Союза и трансграничного пространства доверия [1, с. 3–6]. Страны берут обязательства и выполняют программы по цифровизации экономики, общества, управления.

Республика Беларусь не является исключением. Она активно осваивает и внедряет информационно-коммуникационные технологии, став по этому

показателю лидером СНГ, занимая передовые позиции в мировых рейтингах. Так, например, в рейтинге по развитию ИКТ, разработанном Международным союзом электросвязи, в 2017 г. среди 176 стран Беларусь заняла 32-е место [2, с. 3]. Высокое место свидетельствует о том, что работа в этом направлении ведется давно, системно и планомерно на основе выполнения государственных программ. В 1991–1995 и 2000 гг. в сложнейших условиях реализовывалась Государственная программа информатизации Республики Беларусь; в 2003–2005 и 2010 гг. выполнялась Государственная программа информатизации Республики Беларусь «Электронная Беларусь»; в 2011–2015 гг. – Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий; в 2016–2020 гг. – Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества [3]. Названия программ наглядно иллюстрируют поэтапность, преемственность, переход к новым рубежам на фундаменте достигнутого. В настоящее время Республика Беларусь приступила к реализации Государственной программы на 2021–2025 гг. «Цифровое развитие Беларуси». Ее положения четко коррелируют с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, в которой содержится раздел «Цифровая трансформация». В программах ставится задача внедрения и интеграции ИКТ, передовых производственных технологий и цифровых инноваций в виде отраслевых цифровых платформ, цифровых двойников производства, торгово-логистических платформ, технологий «умных городов» и т. д. во все сферы жизнедеятельности: образование, здравоохранение, транспорт, промышленность, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство. К 2025 г. планируется увеличить долю ИКТ в ВВП до 7,5 %, создать отраслевые и региональные цифровые платформы. Предусматривается развитие современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая развитие сотовой подвижной электросвязи по технологиям 4G и 5G [4].

Важным элементом этих программ является работа по внедрению технологий электронного правительства и элементов цифрового участия, что должно способствовать повышению качества государственного управления. В рейтинге по индексу готовности к электронному правительству по итогам проведенного ООН исследования в 2020 г. Республика Беларусь заняла 40-е место, опередив такие страны, как Китай, Бельгия, Греция, Латвия, Словакия, Сербия, Кувейт, Саудовская Аравия, Малайзия и др. [3]. Если впервые термин «электронное правительство» появился в США в середине 1990-х гг., то сегодня он без кавычек фигурирует в государственных документах, а эксперты с полным основанием рассуждают о моделях реально функционирующих электронных правительств. В таких условиях с определениями «электронный», «цифровой», «виртуальный» и т. д. не замедлили появиться и другие термины из сферы политики: виртуальная политика, электронная демократия, цифровая диктатура, электронные граждане, цифровое право и т. д.

Сегодня уже с полным основанием можно говорить о том, что к природной, социальной, техногенной средам, в которых живет человек, прибавилась особая информационно-коммуникационная цифровая виртуальная среда. Она создает принципиально новую культурную матрицу, новые коды восприятия мира и поведения в нем. Это тот случай, когда количественное накопление техники и технологий приводит к качественному изменению всех аспектов социальной жизни. Под воздействием ИКТ существенные трансформации происходят в политике.

На протяжении цивилизованной государственной истории в сфере политики можно выделить минимум два важнейших аспекта: состояние объекта и методы управления, используемые субъектом. Объект политики и государственного управления – народ – из инертной, подчиненной массы постепенно выходил на сцену исторического действия, вовлекался в политику и заявлял о себе. «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет) на рубеже XIX–XX вв. привело к активизации гражданского общества, росту политических партий и общественных объединений, их участию в политическом процессе, влиянию на государственную власть и, как следствие, изменению внутренней политики, формированию социального государства, в котором низшие слои и появившийся средний класс добились значительного улучшения собственного положения, реализации не только политических, но и социально-экономических прав. ИКТ имеют все основания стать той реальной сетевой коммуникационной инфраструктурой, организационным инструментом, который может вовлечь в политику еще большее число людей, всех желающих из самых удаленных уголков, людей разных профессий, сфер деятельности, уровней образования, степени занятости. Теперь не надо ехать в крупный город, идти на партийное собрание, участвовать в митинге, вносить петицию в парламент, сидеть в очереди к государственному чиновнику. Достаточно иметь электронное устройство, благодаря которому нажатием нескольких клавиш можно быстро и в любое время очутиться на нужном сайте, в интересующем чате не только какой-либо группы или партии, но и самого государства.

Собственно, на этом основывается и феномен электронного правительства (e-Government). Под ним понимается тот информационно-коммуникационный институт, который взаимодействует с органами государственной власти, гражданами, организациями в электронном формате с минимальным физическим взаимодействием. По существу он оказывает населению различные государственные услуги в максимально удобной форме 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году. Цифровой формат создает не только удобства, но и может обеспечить прозрачность всех политических действий: формирования общественного мнения (все могут увидеть высказанные мнения), вовлеченности граждан в процесс (можно зафиксировать количество поданных требований, участников какого-либо чата, электронного голосования), деятельности государственных органов (видны их реакция на запрос, принятое решение, контроль за исполнением, оценка заявителя) и т. д.

Развиваясь в этом направлении электронное правительство действительно может добиться декларируемых в различных международных документах целей: обеспечить не только более эффективное и менее затратное администрирование, но и кардинальное изменение взаимоотношений между обществом и правительством. Могут быть налажены следующие виды взаимодействия: между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen); между государством и бизнесом (G2B, Government-to-Business); между различными ветвями и органами государственной власти (G2G, Government-to-Government) [5]. По словам Ю. А. Зуляра, «политическая деятельность, бывшая уделом немногих, переместившись в виртуальное пространство, становится делом миллионов. Обитатели виртуального мира, сами того не понимая, превращаются в самую идеологизированную часть общества. Они как бы возвращают общество начала XXI в. во времена 100-летней давности, когда политикой занимались не из карьерных побуждений, а по зову сердца как первичной потребностью» [6, с. 183]. Это и должно привести к электронной демократии. Но только в том случае, если миллионы обитателей виртуального мира, электронные граждане, занимаясь политикой по зову сердца как первичной потребностью, будут исходить из благих побуждений и чистых намерений. В противном случае они рискуют превратить виртуальное пространство в темный деструктивный антигуманный хаос и накрепко привязать к нему своих адептов компьютерной зависимостью. Электронное правительство также должно действовать в виртуальном пространстве на основе гуманных идеалов, грамотно, профессионально, эффективно реализуя свои функции. В противном случае оно рискует перевести свою некомпетентность и неэффективность всего лишь из офлайн в онлайн. И тогда воцарится не просто виртуальный, но реальный управленческий хаос. Возвращаемся к проверенной историческим опытом бесценной классике: не техника, но кадры решают все.

От кадров объекта управления перейдем к кадрам его субъекта – к правящему классу. От внутренних качеств, ценностей и интересов этого класса зависит, как он сможет воспользоваться широкими возможностями информационно-коммуникационных технологий и обеспечить на их основе новую эффективную организацию общества и адекватное управление им. Эти возможности по-настоящему широки и порождают различные цифровые утопии. Светлая позитивная, но весьма отдаленная утопия, основываясь на логике глобального эволюционного процесса, частью которого является всемирно-исторический процесс, считает, что человечество может совершить глобальный эволюционный скачок и, вырвавшись из современной технократической материалистической цивилизации, используя все ее лучшие технические достижения, в том числе цифровые, перейти в принципиально новую информационно-космическую цивилизацию. Под информацией здесь понимается не только привычная нам «цифра», но и нематериальный тонкий мир, из которого на 95 % состоит космос. Но, к сожалению, ближайшей для нас перспективой пока являются другие утопии.

Жак Аттали в «Краткой истории будущего» представляет волны будущего. Последнюю пятую проектируемую им волну он рисует в виде гипердемократии. «Участники авангарда, – пишет он, – которых я называю трансчеловечество, станут руководить (и уже это делают) социальными предприятиями, для которых прибыль – всего лишь одно из средств, а не конечная цель. Трансчеловечество будет представлено альтруистами, гражданами мира, кочевниками и оседлыми одновременно, равными в правах и обязанностях, гостеприимными и уважающими весь мир. Вместе они создадут глобальные институции и переориентируют промышленные предприятия. Для благополучия каждого отдельно взятого человека они сотворят «основные блага» (самое важное – досуг), а для коллективного благополучия – общее благо (главное проявление – коллективный разум)» [7, с. 249]. Логика развития современного мира вполне определенно указывает на возможность такой траектории.

Ведущими компаниями по решению научно-технических проблем в сфере ИКТ и практическим внедрением этих технологий в жизнь: разработкой компьютерной техники (hardware), программного обеспечения (software), средств мобильной связи, обеспечением интернет-коммуникаций являются американские, а по сути транснациональные (ТНК) корпорации. Это так называемая большая пятерка американского IT-бизнеса: Microsoft, Apple, Amazon, Facebook, Google, Alphabet (Google в 2015 г. вошел в международный холдинг Alphabet; Facebook поменял название на Meta-Вселенная). Благодаря высочайшей рыночной капитализации в размере триллиона долларов каждая они оказывают сильное влияние на всю американскую экономику. Но в еще большей степени, чем на биржевые котировки, они воздействуют на политику и общественное мнение во всем мире. Создавая на базе интернета социальные сети, поисковые системы, хранилища больших массивов информации (big data), различные сервисы (видео, игры, реклама, интернет-торговля и др.) и получив таким образом прямой доступ к миллионам и даже миллиардам пользователей, они сами начинают заниматься бизнесом: рекламой, продажей информации, сбором информации по прямым заказам, начиная от различных лиц, включая популярных публичных политиков, и заканчивая бизнес-структурами, государственными органами, спецслужбами и т. д. По сути эти IT-гиганты поставили под свой полный контроль интернет и социальные сети всего мира (за исключением ряда стран, которые ограничили такой контроль). Соответственно перед теми политиками, которые смогут тем или иным образом взять эти компании под свой контроль и поставить перед ними четкие задачи, открываются безграничные возможности. В их руках оказывается мощное организационное оружие. Воздействуя на пользователей интернета и социальных сетей, можно провоцировать «цветные революции», устраивать массовые беспорядки, мобилизовывать и давать указания террористическим и прочим «спящим» ячейкам, дискредитировать неудобных политиков, добиваться нужных результатов на выборах и т. д. Задавая вопрос

о том, кто сегодня является хозяином Америки, В. Ю. Катасонов отвечает: «Это, увы, не американский президент. А IT-корпорации из Силиконовой долины. А если быть более точным, то Большой Брат (глубинное государство), который использует Силиконовую долину в своих целях» [8, с. 109].

Процессы цифровизации в большинстве стран мира, в том числе и в Республике Беларусь, осуществляются на основе компьютерной техники и программных продуктов вышеперечисленных IT-гигантов, по словам В. Ю. Катасонова, «из иностранных «цифровых кирпичей» – почти исключительно американского «железа» и «софта»». Поэтому строительство «цифровой России» он называет не иначе, как «цифровое минирование» [8, с. 7]. Откровенно высказался на эту тему и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в ежегодном Послании к белорусскому народу и Национальному собранию 28 января 2022 г., вспомнив лидирующую белорусскую IT-компанию – Парк высоких технологий (ПВТ): «У нас сегодня этот Парк высоких технологий создает продукт, являясь филиалом крупных предприятий Соединенных Штатов Америки и других предприятий. Там эти «Гугль», «Майкрософты» и прочие, а здесь их филиалы. И понятно, что спецслужбы давали указания, что уже установлено, материнской компании, они давали команду сюда. Финансировали вполне легально эти филиалы. И давали им команду: на улицу! Бороться, свергать, ломать и крошить». Поставив задачу развития импортозамещения, Президент подчеркнул: «Первейшая задача – как можно быстрее уйти от зависимости и заменить белорусскими аналогами ключевые компоненты для реального сектора экономики. Как вы поняли, я говорю об импортозамещении: от двигателей для БЕЛАЗа, редукторов, гидравлики до «ковидной» вакцины и отечественных микросхем» [9, с. 11].

Иначе мы рискуем полностью и безвозвратно попасть под управление правящей глобальной элиты, приступившей к демонтажу капиталистической системы и выстраиванию новых отношений. В глобальных трансформациях современного мира явно просматривается одна важная деталь: присвоение и освоение правящей верхушкой нового для нее ресурса – информации (после рабов при рабовладении, земли при феодализме, капитала в качестве овеществленного труда при капитализме). На вершине современной глобальной экономической и соответственно управленческой пирамиды находятся так называемые эксисты (от англ. access – доступ). Речь идет о владельцах и бенефициарах IT-гигантов, которые по существу являются информационными платформами, контролирующими информационные потоки, социальные сети, интернет вещей и т. д. По словам Е. С. Лариной, это «торгово-рекламно-транзакционные платформы, не просто интернет-гиганты настоящего, но и несущие конструкции будущего». «Нынешние платформы – это по своему политэкономическому функционалу деструктивный контур сферы обращения будущего строя». Ближайшее будущее – это эксизм – «общество неравного доступа к ресурсам, благам и возможностям» [10, с. 4].

Если в предшествующих общественных системах системообразующим был контроль правящей верхушки над вещественными факторами производства, невещественные же факторы (социальные и духовные) были лишь вторичными, то при эксизме во главу угла ставится контроль именно над невещественными факторами, прежде всего над средствами модификации поведения человека. Продукты Microsoft, Google, Amazon, Facebook и иже с ними не являются объектами стоимостного обмена, не вырастают из отношений собственник – предприниматель – производитель – потребитель. По мнению А. И. Фурсова, они «формируют поведение с заданными коммерческими и политическими результатами, вырабатывают у человека предсказуемое поведение, то есть дрессируют его. Люди превращаются в стандартизированные поведенческо-потребительские группы, то есть в обезволенные человеческие стада. При этом Большие данные (Big Data) обеспечивают наблюдение и контроль над такими сторонами и формами поведения, которые раньше невозможно было отследить в принципе» [11, с. 4]. А это уже будет модифицированное человечество, возможно, то трансчеловечество, на которое намекал Ж. Аттали. Такому человечеству не нужна будет ни электронная, ни просто демократия. Оно вполне уютно будет себя чувствовать в цифровой диктатуре, называя ее благообразными терминами и приписывая ей всевозможные достоинства.

В настоящее время в условиях глобализации у отдельной страны нет возможности выбора: как ей проводить цифровизацию и что строить – электронную демократию или диктатуру. Тенденцию развития задают транснациональные глобальные элиты, влиятельным сегментом которых являются эксисты, связанные с IT-гигантами. В этой ситуации странам, но не в одиночку, региональным интеграционным объединениям, стремящимся к иному будущему, необходимо «удержаться на склоне», обеспечить технологический суверенитет с тем, чтобы выйти из-под «железной пяты» накрывающего их «электронного колпака» и приступить к созданию и использованию ИКТ в истинно гуманных и справедливых целях.

Список использованных источников

1. *Рябиченко, Л. А.* Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля / Л. А. Рябиченко [Электронный ресурс] // Культура и безопасность. Интернет-журнал о культуре как факторе национальной безопасности. – Режим доступа: <http://sec.chgik.ru/ideologiya-tsfirovogo>. – Дата доступа: 05.03.2021.

2. *Бабосов, Е. М.* Роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 300 с.

3. Тезисы к докладу Первого заместителя Министра связи и информатизации Республики Беларусь П. Н. Ткача [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://mpt.gov.by/sites/files/doklad>. – Дата доступа: 01.02.2022.

4. Основные положения проекта программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles>. – Дата доступа: 27.01.2022.

5. Электронное правительство [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 27.01.2022.

6. Зуляр, Ю. А. Путеводитель по виртуальной реальности / Ю. А. Зуляр // Полис. – 2021. – № 1. – С. 182–191.

7. Аттали, Ж. Краткая история будущего: пер. с франц. / Ж. Аттали. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.

8. Катасонов, В. Ю. Цифровая диктатура и пандемия обмана / В. Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2021. – 512 с.

9. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию. Три вопроса к белорусскому народу // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 29.01 (№ 19).

10. Ларина, Е. Гамбургер для Байдена [Электронный ресурс] / Е. Ларина // Изборский клуб. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/20436/>. – Дата доступа: 07.02.2021.

11. Фурсов, А. Храм биоцифры. О глобальных трансформациях современного мира и человека [Электронный ресурс] / А. Фурсов // Зиновьевский клуб. – Режим доступа: <https://zinoviev.info/wps/archives/6853/>. – Дата доступа: 29.01.2022.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

О. Г. Слука

Белорусский государственный университет, Минск

O. Sluka

Belarusian State University, Minsk

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

THE POLITICAL PROCESS: CONTRADICTIONS AND THEIR RESOLUTION IN MODERN CONDITIONS

В статье в форме политического эссе рассматриваются противоречия политического процесса в современных условиях как определяющего фактора достижения общественного согласия в государстве.

Ключевые слова: политический процесс; общество; государство; политика; партия; противоречия; конфликт; гражданское общество; личность.

The article, in the form of a political essay, examines the contradictions of the political process in modern conditions as a determining factor in achieving public consent in the state.

Keywords: political process; society; state; politics; party; contradictions; conflict; civil society; personality.

Сущность и назначение политического процесса в современных условиях – это формирование и реализация управления в государстве в соответствии с исторической ролью народа или нации и обеспечение на этой основе высокого уровня и качества жизни граждан. Политический процесс – это механизм реализации политики в конкретных исторических условиях. И от того, насколько отлажен этот механизм, в полной мере зависит эффективность государственного управления и солидарность общества с социально-политическими целями государства. Острота обсуждения и разработки функций современного глобального и странового политического процесса весьма актуальна в связи с тем, что существующая политическая, как ее характеризуют политологи, «дикая капиталистическая система» оказалась в очередном системном кризисе. Повседневностью стала информация о разрушительных войнах в разных частях мира. Пугает международный терроризм, из-за нищеты и войн вынужденное переселение народов, непрекращающиеся заказные «цветные революции» в разных странах и, наконец, глобальная эпидемия коронавируса. В этой связи к месту вспомнить известную в свое время Международную конференцию 1992 г. в Рио-де-Жанейро «Повестка дня для XXI века». В ее решениях руководители большинства стран полагали, что в XXI в. не будет ни войн, ни эпидемий и во всех странах установится демократия. Но вопреки этому новый век стал словно проклятым, и от нас отступился даже сам Создатель. Общество упустило из рук вожжи управления своей судьбой. Политический процесс как форма управления государством и обществом при капитализме сложился давно. Он получил своеобразное морально-политическое подкрепление после распада СССР и успешно действует как всеобщая эксплуатационная система, облаченная в одежды демократии. Мы не выступаем против демократии, она успешно функционирует во многих странах при соблюдении ее основных закономерностей. Хотя английский премьер-министр У. Черчилль утверждал: «Много форм правления применялось и еще будет применяться в этом грешном мире. Демократия – наилучшая форма правления... если не считать всех остальных».

Партия власти во время выборов получает бразды правления государством и организует институты общества для реализации своей политики. Это – политические партии, общественные организации, религиозные общины и государственные структуры, которые учреждаются таким образом, чтобы соответствовать «линии партии», действовать в русле государственной политики. Формируется управленческая, элитарная прослойка, которая подчиняет себе по закону все сферы жизни в обществе, в том числе и всех граждан. Управленцы становятся хозяином всех государственных структур, аккумулируя в своем подчинении основные направления политики, экономики, культуры. Гражданское общество ставится в такие стесненные административные рамки, что не имеет возможности развиваться и заявлять свои права на определение норм жизни и поведения людей в государстве. Оно, гражданское общество, ограничивается в своих демо-

кратических действиях и существует параллельно государству, оттесняется за линию политического процесса и лишается возможности контролировать и влиять на государственные решения, что является отступлением от основных конституционных положений [1].

Политический процесс в таком правовом поле сужается до обслуживания субъектов государственного управления. Из политической жизни вытесняется общественное обсуждение, планирование и финансово-экономическое обеспечение производственной сферы. Директивным документам без общественной экспертизы подчиняется система образования и науки. Ограничиваются в общественной деятельности политические партии, общественные организации – профсоюзные, ветеранские, спортивные, молодежные, творческие союзы. Формируется и утверждается жесткий стиль управления, определяемый узким кругом чиновников.

В такой системе функционирования государственного управления в обществе накапливается неудовлетворение реализуемой политикой. Вызревает протест населения, постепенно перерастающий в массовые гражданские выступления. Наступает критический момент, когда права граждан соподчинены чиновникам-управленцам, а общество вытеснено из сферы распоряжения своей судьбой. Власть защищает свое правление волей народа и конституционными правами, которые декларируются в законодательстве от имени народа и для его блага. Складывается известная ситуация для общества и государства: низы не хотят терпеть авторитарное правление, а верхи не могут поступиться и поделиться с гражданским обществом правами принимать участие в управлении государством. Такой общественный контроль, как показывает практика, абсолютно необходим, потому что власть имеет не только все рычаги управления, право распоряжаться судьбами людей, но и материальным общественным достоянием, которое производят трудящиеся. В результате этих противоречивых отношений граждан, которые создают материальные и духовные ценности, и нанятой управленческой прослойки государственных служащих возникает социальный конфликт. Недавние социологические исследования в России показали, что 71 % граждан выражают недоверие к государственным служащим.

По всей Европе постоянно прокатывается волна протестов против властей. На острие борьбы в разных странах – например, запрет абортов в Польше, налог на сельхозпродукцию и демонстрация «желтых жилетов» во Франции, массовый поток мигрантов, карантин в связи с коронавирусом, борьба за отделение Каталонии от Испании и т. д. Политический процесс заходит в тупик: в обществе возникает ситуация, которую власти определяют как нарушение закона и попытку государственного переворота, а со стороны протестующих она расценивается как борьба за свои права.

Государство и общество делятся на два противоборствующих лагеря и пытаются установить истину, которая всегда находится посередине, т. е. на острие общественного конфликта. В данном случае, и это подтверждается революционным развитием политического процесса во многих, в том

числе и в крупнейших государствах мира, не работают основные достижения и законы демократии – свобода и права граждан – как главные закономерности развития и высшие ценности социального государства. В настоящее время заказ на эти ценности – свободу и справедливость – особенно сильный со стороны общественности и каждой личности. Процесс интеллектуального возвышения человека в современном социуме, возросшие культурные, образовательные, социально-бытовые запросы граждан и требования их обеспечения в государстве – это объективная данность развития творческой личности – homo kreatos, человека общества седьмого уровня технологического развития.

Требование обеспечения прав и свобод со стороны личности усиливается в противоречивых общественных отношениях. Демократические ценности, продекларированные в конституциях современных стран, превращаются часто в свою противоположность в реальной жизни. Например, положение о социальном государстве, объявленное в основных законах, имеет очень важный общественный смысл и в то же время широкую и манипуляционную трактовку. Это не государство гарантирует и предоставляет гражданину сферу социального обеспечения высокого уровня и качества, а все граждане, все общество своим трудом создают общественный продукт и условия для достойной материальной и культурной жизни. Государство в данном случае выступает только как регулятивный элемент справедливого планового распределения общественного капитала. Конфликт в современном обществе чаще всего и возникает на почве того, что государство несправедливо распределяет общественное достояние, нарушая тем самым социальную справедливость как один из основных принципов организации общества. Власть, которой обществом поручено осуществлять управление государством, на основе справедливых правил и конституции, присваивает себе безраздельное право без общественного согласия принимать непопулярные меры и вводить неконституционные законы, ограничивающие контроль общества за действиями правительства. В таких условиях неизбежно возникает внутреннее противостояние между обществом и властью.

В государстве создается такая ситуация, когда управленческая сфера – административные органы, система коммуникации, силовые структуры, массовая коммерческая культура и т. п., функционирует в государстве как отдельная сфера, существующая за результаты труда населения. Трудовая часть общества отделяется от государства декларируемыми законами о защите и благе того же населения, которое фактически отгорожено этими указами от всех жизненно важных процессов, которые являются определяющими судьбу как общества, так и государства.

Так формируется критический момент во взаимоотношениях общества и государства. Мирно такой конфликт разрешается редко. Мирно в том понимании, что наступает время нетерпения прежнего угнетенного положения, которое выражается в массовых протестах против политики, кото-

рая предложена управленческими структурами, и вызывает открытое, уже не кухонное, а противостояние на улицах и площадях. Найти общую правду обеим сторонам в данной ситуации трудно, потому что правда у каждого своя. Власть использует против протестующих закон и подкрепляет его преследованиями со стороны силовых структур. Квалификация действий общества конкретная – это нарушение закона и попытка свержения законной власти. Поэтому начинаются репрессии против граждан со стороны властей и при помощи вооруженных структур – парадоксальная ситуация, но, к сожалению, типичная практика в настоящее время в борьбе за власть. Свои воюют против своих за свои интересы и справедливость.

Страна оказывается в положении гражданского противостояния. И силы здесь далеко неравные. Власть имеет возможность использовать против своих граждан методы «усмирения», проводит аресты, задержания, суды, уголовные и политические преследования, вводит штрафные санкции, ужесточает уголовное законодательство и т. д. «Усмирение» граждан, власть, как во все исторические времена, проводит насильственными методами. Кстати, заметим, что такие процессы наблюдаются и проходят в так называемых странах кристально чистой демократии, где насилие над своими гражданами стало фактически нормой государственной политики. Мы уже говорили о революционных ситуациях в странах Европы и США. Политологи согласны в том, что современная капиталистическая общественно-политическая система не обеспечивает и не может обеспечить гуманистическое существование цивилизации, культурное и интеллектуальное развитие человека. Доказательством этого является и то, что «страны золотого миллиарда», в борьбе за свои постоянно растущие интересы, только разжигают мировой костер противоречий.

Пугающие общественность примеры у всех на слуху и перед глазами народов уже на протяжении всего XXI в. Трудно найти для положительно-го примера страну, где бы государство не воевало против своих граждан. Интересен в этой связи факт: в Беларуси в последние десять лет затихли разговоры о так называемой уважаемой европейской цивилизации. И хотя миграцию белорусов в европейские страны до сих пор остановить не удалось, наши граждане уже понимают, что там, в Европе, намазана булка маслом, но тонким слоем. Там нужна дешевая и грамотная рабочая сила, поэтому нас зазывают: пожалуйста, приезжайте к нам, для нашего обслуживания. Но вернемся к технологии ошибок в политических процессах. В кризисных ситуациях правительства выставляют против своих граждан свои же штыки. И в очередной раз такие репрессивные правительства демонстрируют бесправность своих граждан и лишение народа возможности высказать и отстаивать свое мнение и требования. Начинается борьба власти со своим народом и борьба, повторимся, неравная. Правительство пытается ликвидировать протесты и таким образом доказать, что часть населения не только не права, но и не имеет законной возможности реализовать свои требования.

Это самый опасный для общества момент, когда конфликт может, и иногда так бывает, перерасти в массовые гражданские столкновения. Жесткая непримиримость конфликтующих сторон приводит к тяжелым, не дай Бог, вооруженным столкновениям. Протестующие под давлением и преследованиями государственных силовых структур неизбежно переходят к более радикальным методам борьбы. Государство пытается укрепить свои позиции, сохранить власть и прикрывается декларацией защиты интересов народа, а протестующая часть общества для защиты своих прав и требований избирает также крайнюю меру борьбы против власти. В данном случае, как говорили классики революционной мысли: кризис назрел! Поучительный и вместе с тем печальный пример такого массового революционного выступления произошел в Казахстане в январе 2022 г.

Общество приходит в возбужденное состояние, падает производственная дисциплина, увеличиваются прогулы на рабочих местах, снижается производительность труда и качество продукции, нарастает отток квалифицированных специалистов. Многих удивил факт, что когда в Беларуси в 2020 г. начались протестные выступления, то из Парка высоких технологий за границу выехало много социально устроенных и материально обеспеченных специалистов. Наряду с этими негативными явлениями, которые нарушают мирную жизнь общества и нормальное функционирование государства, проявляется болезненное восприятие населением происходящих событий. В этом случае стабилизирующим фактором как раз и должен стать уравновешенный политический процесс. Власть и гражданское общество могут и обязаны прийти к согласию, чтобы не нарушить мирное равновесие и не войти в стадию разрешения конфликта силовыми методами.

Следует отметить еще одно обстоятельство, о котором политики и средства массовой информации не говорят. В кризисной ситуации резко увеличивается количество летальных исходов. Болезни, нарушение прав и свободы граждан, ощущение несправедливости и незащитности приводят к трагическим последствиям. На этом основании происходит большое количество нервных срывов, инсультов, инфарктов, которые лишают людей жизни, превращают их в инвалидов, делают несчастными. Это напрасные и невинные потери человеческих жизней и судеб. Никто не ответил, в том числе и власти США, почему в их высокоразвитой стране происходит массовая гибель людей от коронавируса. Даже Всемирная организация здравоохранения подозревает, не умышленный ли это отсев населения.

Кризисное состояние в капиталистическом обществе обостряется усиливающимся влиянием олигархической власти. Накопление капитала за счет эксплуатации трудящихся происходит постоянно и также постоянно нарушает сословное равновесие между бедными и богатыми. Характерный пример несправедливого распределения финансовых потоков: во время пандемии коронавируса капиталы миллиардеров увеличились на 230 миллиардов долларов! Доходы от производства и продажи лекарств,

строительства больниц, лечения и даже похорон составляют баснословные суммы.

Накопление капитала супербогатыми олигархами происходит за счет эксплуатации трудового населения. Трудящиеся оплачивают предоставления им работу по найму несколько раз. Во-первых, продукция производства предоставляет своим хозяевам прибыль. Потом из зарплаты отчисляется подоходный налог, затем профсоюзные и другие взносы. Дальше начинаются социально-бытовые отчисления. Растущие цены являются одной из главных причин возникающих протестов населения. По данным Всемирного банка, в 2021 г. почти половина населения планеты существовала на доходы ниже прожиточного минимума.

Эта причина, несомненно, является следствием ошибочной стратегии политического процесса. Власти не смогли выстроить свою экономическую политику таким образом, чтобы обеспечить успешное выполнение программных целей и задач и реализовать свои обязанности перед населением. Практика показывает, что в тех странах, где власть и гражданское общество на основе совместного диалога разрешают внутренние противоречия, революционные ситуации не возникают. Вместе с этим политики стараются убедить общественное мнение, что «цветных революций» избежать не удастся ни одной стране. Представляется, что это утверждение является политическим прикрытием для тех государств, где власти упустили из поля зрения объективное развитие политического процесса. Большинство постсоветских стран оказались в каком-то подопытном положении. Независимые государства стали ареной проведения разорительных революций. Они организуются якобы по одному сценарию, по «методичке», подготовленной неким общим для всех врагом, но не для своей страны, а для государств, где много нефти, богатых и необозримых территорий, огромное количество дешевой рабочей силы и т. п.

В Беларуси политический процесс дал «сбой» во время президентских выборов в августе 2020 г. Несомненно, это национальная трагедия, которая потрясла все общество. Очевидно, что власть, и это признано руководством страны, не предвидела политического напряжения в государстве, не разглядела взрывной опасности возможного общественного выступления. Эти ошибки стоили массового общественного протеста, что было обсуждено и осуждено на Всебелорусском народном собрании 11–12 февраля 2021 г. [2]. Отмечено, что системной, массовой и убедительной предвыборной агитации и пропаганды идеологические структуры также не организовали и не провели. Заинтересованных и научно обоснованных программ развития белорусского государства кандидаты на пост главы государства не представили, а то, что услышали граждане от претендентов на управление страной, было скорее похоже на школьное сочинение на заданную тему. Поэтому уже до выборов в обществе сформировалось протестное настроение и оно объединилось в общем их отрицании и настороженности к большинству кандидатов в президенты. Революционная ситуация стала

неожиданностью для нас и соседей, Европы и заинтересованного мира. Теперь очень остро стоит вопрос, как выйти из этого положения. В данный момент, как показывает практика, едва ли не единственный способ установить мир – это достижение договора власти с общественностью. Только общественный договор является истинной и верной дорогой к гражданскому спокойствию, обновлению законодательства и Конституции. Несомненно, что от власти зависит, насколько полно она понимает общественные запросы и готова выполнить свои конституционные обязанности – защитить законные права граждан и устранить противоречия в обществе мирным путем [3].

Другого пути восстановления гражданского мира и функционирования национального государства не существует. Опорные факторы гражданского мира в Беларуси, еще раз подчеркнем, известны, понятны и продекларированы на всех уровнях белорусской власти. Во многих выступлениях Президента Беларуси и заявлениях властей эти задачи подтверждены для решения. Необходимо также заметить, что представленная схема урегулирования гражданского мира логична и кажется простой только в изложении. На практике политический процесс стабилизации общества после революционного потрясения очень сложен, противоречив и, самое главное, длителен во времени. Общественный срыв в любом государстве наносит глубокие «раны» населению и травмирует общественное сознание, на восстановление которого потребуются время, изменения в социально-политическом курсе государства и отлаженная и действенная система политической работы в обществе.

Путь к общественному согласию будет длительным, непростым и трудозатратным, но если его не пройти, Беларусь потеряет динамику современного развития. При этом необходимо вернуть общественное доверие и уважение к учителям, которое было сильно подорвано во время прошедших выборов. Известный авторитетный политик белорусского происхождения премьер-министр Израиля сформулировал поучительную мысль: чтобы государство процветало, необходимо высоко ценить три профессии: учителя, врача и военного. Неоспоримая, как показывает жизнь, мудрость. Напряженное отношение в обществе сложилось к силовым структурам, народной милиции, которым также выпала сложная роль в прошедших событиях. В процессе ликвидации общественного противостояния силовые структуры находятся в самом сложном положении по отношению к гражданам.

Важнейшая задача ослабления революционного накала – это сближение позиций государства и общества. У нас надолго затихли собрания трудовых коллективов, не проводились или стали формальными форумы общественных организаций. Только во время подготовки к референдуму оживился выход власти к народу. Избиратели, может, впервые увидели в жизни и на экране телевизора «своих» депутатов парламента. Профсоюз практически оставил себе только название и сбор взносов. А ведь при отсутствии деятельной партийной системы профсоюз имеет огромные возможности влияния на социально-политические процессы в государстве,

отстаивая и поддерживая его интересы, но в основе его практической деятельности должно быть благополучие и качество жизни граждан. Это истина старая, как и профсоюз. Из «подполья» должны выйти все общественные организации, в первую очередь пятнадцать политических партий, которые даже по названиям не узнаются гражданами Беларуси. Кризисное время пережидали Белая Русь, БРСМ, ветеранские, женские и другие общественные объединения. Все они в глубоком «подполье»: не поддержали власть и оставили общество на произвол судьбы. Членам этих организаций сознавать это обидно, но они не проявили себя на ответственном этапе развития отечественной истории.

В данном контексте мы подошли к важному фактору разрешения политического процесса, роли его разработчиков и исполнителей. В нашей республике, в публичной сфере политического процесса, «светится» на экране телевидения небольшое количество «политологов». Они заполняют политическое пространство информацией, в то время когда нужно разрабатывать программные положения выхода государства из трудной ситуации [4]. Научное сообщество Беларуси в этот сложный политический момент также словно ушло в отпуск. В белорусских СМИ появились журналисты, не соблюдающие норм профессиональной этики, политических и культурных запросов большинства граждан. Они подражают голосам и тональности зарубежных источников и таким образом превращают информационное пространство в бранное поле, которое вызывает у людей неприятие и отторжение. Поэтому отдельные государственные СМИ часто уступали информационное поле и аудиторию альтернативным каналам.

Большую опасность представляют «политологи», которые базируются в соседних, в том числе и постсоветских, государствах и «советуют» белорусам, как строить свою судьбу по их рецептам. Какие это научения? Разорвать сотрудничество с Россией, ждать помощи от Европы и даже США, вводить и вводить европейские санкции и санкции, останавливать заводы и производство, забрать все деньги из банков и не платить коммунальные платежи, радикализировать протестные выступления и т. д., т. е. полностью разрушить нашу экономику и мир в стране. Эти «учителя» пытаются устроиться на многих сиденьях. С одной стороны, критикуют, с другой – поддерживают политику власти, пересаживаются на другой стул в другой студии и советуют протестующим тактику действий в уличных, дворовых, информационных протестах и борьбе против режима. Третьим нравится революция без конца, но на нашей территории. А четвертым хотелось бы повоевать, но только белорусскими, российскими или украинскими армиями. Это очень опасные советы, больше похожие на злонамеренную подрывную работу против наших граждан и государства. Напрашивается явный вывод, что заграничным политологам «до лампочки», как они сами говорят, судьба белорусского народа и нашего государства. Но птичка раздора вылетела и масло в огонь конфликта подлито. В данном случае мы оказались в опасной ситуации. И белорусскому обществу нужно быть бдительным,

чтобы не оказаться у разбитого корыта, которое соседским политикам снится и представляется как наше спасение. С другой стороны, сдержанное выжидание наших политиков вряд ли приведет к благополучному саморазрешению белорусского вопроса. Мы растерялись и не нашли разумного и оперативного выхода из ситуации противостояния, не смогли и упустили время для ликвидации напряжения не силовыми, а мирными методами. Но все же остается надежда, что такое глобальное прозрение для сохранения национального идеала – свободы, независимости и справедливости, несомненно наступит. Все белорусское общество заинтересованно ждет этого времени. Это и есть главный вывод и требование современного политического момента. На повестке отечественного политического процесса основной проблемой является мирный договор гражданского общества и власти, чтобы революционный протест не перекинулся на фронт гражданской войны. Любое противостояние или война без людских потерь, трагических поражений, жертвенных побед и желанного всеми мира не бывает. Но человек, общество, народ и прогрессивная власть всегда выбирают и стремятся к мирной жизни. Это исторический и единственно правильный выбор белорусского народа в процессе развития своего государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск, 2010. – с. 15.
2. Всебелорусское народное собрание // СБ. Беларусь сегодня. – 2021. – 12 февр.
3. Лойко, А. И. Беларусь и межкультурный ресурс ее наследия в области искусства / А. И. Лойко // История, мировая и отечественная культура: сб. – Минск, 2018. – с. 97.
4. От теории журналистики к теории медиа: сб. – М., 2019. – с. 149

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

В. А. Сокол, С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет, Минск

V. Sokol, S. Sivilas

Belarusian State University, Minsk

УДК 332.133.6(476.1)+339.92(476:510)

О СОВМЕСТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА «ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ»

ON THE JOINT CONSTRUCTION OF THE CHINESE-BELARUSIAN INDUSTRIAL PARK “GREAT STONE”

В статье рассматривается создание и деятельность Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» на протяжении 2014–2021 гг. Важнейшей

задачей данного института является его превращение в масштабный комплексный проект всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Беларусью, включающий широкий спектр направлений и форм взаимодействия.

Ключевые слова: Беларусь; Китай; стратегия «выхода вовне»; инициатива «Один пояс, один путь»; белорусско-китайское всеобъемлющее стратегическое партнерство; индустриальный парк «Великий камень»; Евразийский экономический союз.

The article discusses the creation and activities of the Chinese-Belarusian industrial park “Great Stone” during 2014–2021. The most important task of this institution is to turn it into a large-scale complex project of a comprehensive strategic partnership between China and Belarus, which includes a wide range of areas and forms of interaction.

Keywords: Belarus; China; strategy of “going outside”; Belt and Road Initiative; Belarusian-Chinese comprehensive strategic partnership; industrial park “Great Stone”; Eurasian Economic Union.

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» (далее – Парк) представляет собой формируемую в тесном взаимодействии Беларуси и Китая особую экономическую зону вблизи столичного Минска и рассматривается в качестве площадки для реализации более тесного сотрудничества в контексте инициативы «Один пояс, один путь», выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Парк призван содействовать взаимовыгодному развитию экономик двух стран и определен в качестве ключевого элемента участия Беларуси в Экономическом поясе Шелкового пути, он является первым объектом такого масштаба, построенным Китаем в евразийском регионе [1].

Строительство имеет огромное значение для развития как Беларуси, так и Китая. С позиции КНР указанный объект – это возможность развития своих предприятий в контексте стратегии «выхода вовне». В процессе продвижения инициативы наша республика обладает преимуществом географического положения: Беларусь – это не только важный узел Азиатско-Тихоокеанского экономического пояса, позволяющий Китаю усилить степень открытости европейскому континенту, но и вход «Одного пояса, одного пути» (далее – ОПОП) в Европу из Центральной Азии [2, с. 258]. В процессе реализации инициативы ОПОП Пекин придерживается принципа совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования. Инициатива призвана не заменить существующие механизмы и инициативы сотрудничества, а на уже созданной основе способствовать взаимному сопряжению стратегий стран-участниц, обеспечивать взаимодополняемость их преимуществ [3, с. 262].

С начала проведения политики реформ и открытости (1979 г.) все больше китайских предприятий стали вкладывать средства в строительство индустриальных парков за рубежом. После XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.) стратегия китайских компаний «выхода вовне» достигла более высокого уровня: они инвестируют уже не просто в строительство отдельных предприятий за рубежом, но создают группы заводов в рамках индустриальных

парков [4]. Тем не менее ограниченные собственным пониманием политических систем, общей политики, законов, языков и культур разных стран китайские компании сталкиваются с многочисленными трудностями при освоении зарубежных рынков.

Благодаря различным преференциям Китайско-Белорусский индустриальный парк превратился в эффективную инновационную платформу для выхода китайских предприятий на незнакомые рынки. Кроме того, Беларусь является членом Евразийского экономического союза, что позволяет беспрепятственно реализовывать производимые в Парке товары в Россию, Казахстан, Армению и Кыргызстан. Это рынки с большим потенциалом, охватывающие более 184 млн человек [5].

Для Беларуси Парк важен как площадка для привлечения прямых иностранных инвестиций. В Республике Беларусь накоплен необходимый опыт разработки и внедрения экономических стимулов для развития бизнеса, роста экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций. Создание свободных экономических зон стало эффективным инструментом экономической политики еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг., однако стало очевидным, что традиционных инструментов для решения задач по среднесрочному развитию и увеличению притока инвестиций стало недостаточно [3, с. 260].

Новой инициативой государственной экономической политики по стимулированию инвестиций, основанной на опыте Беларуси и Китая в реализации политики реформ и развития, явился парк «Великий камень». Для Беларуси это еще и новая форма сотрудничества с руководством иностранного государства по развитию собственной территории [1].

Для Беларуси Парк важен как инструмент сокращения отрицательного сальдо внешней торговли и стимулирования экспорта. В силу исторических причин республика имеет дефицит торгового баланса во внешней торговле, что требует постоянного поиска новых решений по стимулированию экспорта товаров. Благодаря созданию в 2005 г. Парка высоких технологий формируется устойчивая тенденция увеличения объема экспорта услуг. Однако, несмотря на значительный рост положительного сальдо торговли услугами, этого явно недостаточно для стабилизации ситуации в целом. Создание Китайско-Белорусского индустриального парка как новой площадки организации современных производств с учетом лучших мировых практик направлено на изменение структуры внешней торговли и сокращение пассивного торгового баланса Беларуси [1].

К 2022 г. в Парке зарегистрировано 85 резидентов, при этом учредителями 42 являются компании из КНР, что составляет более 50 % от общего числа резидентов. Возведена и активно эксплуатируется территория первоочередного освоения Парка, одновременно начаты проектно-изыскательные работы на территории второго этапа освоения. За 2015–2022 гг. в проект по созданию Парка инвестировано 715,3 млн долл. США, из них в инфраструктуру – 301,3 млн долл. США. Чистая прибыль предприятий-резидентов

составила 13,3 млн белорусских рублей, а сумма налогов, сборов и платежей, уплаченных резидентами Парка, – 27 млн рублей. Численность работников составляет 1766 человек, среднемесячная заработная плата – 2709 рублей (в 1,9 раза выше средней по стране). Экспорт продукции и услуг резидентов вырос более чем на 16 % и осуществляется в 20 стран мира [1].

Стратегия Парка – размещение инновационных и наукоемких производств, особый акцент сделан на привлечении «якорных» компаний с объемом инвестиций более чем 50 млн долл. США. В числе крупных действующих производств в парке – производство двигателей класса Евро 5 и 6 (ООО «МАЗ-Вэйчай»), лазерных систем (ООО «Рухтех»), автокранов (ООО «ЗУМЛИОН БЕЛ-РУС») и др. Ведется строительство объекта научно-технических разработок «Парк SINOMACH «Факел» ООО «СИНОМАЧБЕЛ», а также многофункционального центра с гостиницей ООО «Чайна Мерчантс-Синчэн Международный Выставочный центр». Прорабатывается реализация таких значимых проектов, как создание на территории Парка крупнейшего регионального логистического центра и железнодорожного терминала с участием управляющей компании крупнейшего европейского речного порта в г. Дуйсбург и китайского конгломерата China Merchants Group, организация фармацевтического направления и развитие кластера традиционной китайской медицины (производство медпрепаратов и предоставление различного спектра медицинских услуг) [1].

В июне 2021 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 215, направленный на улучшение инвестиционного климата в «Великом камне». Документ предусматривает целый ряд льгот, среди которых расширение полномочий органов управления Парка, создание дополнительных преференций для крупных инвестиционных проектов с объемом инвестиций 50 млн долл. США и более, упрощение земельных отношений и строительной деятельности, поддержка представителей малого бизнеса, обладающих инновационными идеями и разработками, расширение основных направлений деятельности Парка, в числе которых создание и развитие производств в сферах биофармацевтики, медицинской продукции, оказание медицинских услуг. Особо стоит отметить совершенствование посредством Указа № 215 системы комплексного обслуживания «одна станция», позволяющей в одном месте выполнять все административные процедуры, включающие регистрацию в Парке компаний, реализацию инвестиционных проектов и организацию производств [6].

Указ № 215 коррелирует с принятой 3 декабря 2021 г. Директивой Президента Республики Беларусь № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» (далее – Директива № 9), которая во многом затрагивает аспекты совершенствования деятельности Парка и задает вектор роста на среднесрочную перспективу [7].

Таким образом, Парк достиг значимых результатов на этапе раннего строительства инфраструктуры и привлечения инвестиций, что является

хорошей предпосылкой для дальнейшей реализации данного проекта как в рамках социально-экономического развития Беларуси, так и евразийского региона в целом. Вместе с тем в деятельности Парка по-прежнему существуют проблемы, требующие внимания регуляторов и субъектов хозяйствования.

Парк не является уникальным проектом с точки зрения китайской внешнеэкономической стратегии. Он создан по образу Китайско-Сингапурского индустриального парка в Сучжоу, развитие которого началось еще в 1994 г., и является одним из индустриальных парков, построенных Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», хотя и занимает ключевое место в этом списке. Уникальность Парка заключается в его расположении на пересечении крупнейших трансъевразийских транзитных маршрутов, что позволяет Китаю рассматривать проект в качестве площадки для выхода на рынки стран Западной, Центральной и Восточной Европы, а также на рынки ЕАЭС. Логистическое преимущество Парка учтено в Директиве № 9, предусматривающей создание в Беларуси международного логистического хаба на сухопутном маршруте Китай – Европа [8].

Что касается белорусского рынка как площадки для сбыта китайской продукции, то население Беларуси малочисленно для существенной заинтересованности со стороны китайских компаний. Кроме того, при проведении госзакупок предпочтение, как правило, отдается белорусским, а в странах ЕАЭС – местным производителям, что создает неравные условия для участия в них Китая. С другой стороны, углубление интеграции Беларуси и России может стать своего рода гарантией того, что товары, произведенные на территории Беларуси, будут также иметь свободный доступ на рынок Евразийского экономического союза [9].

Анализируя инвестиционное сотрудничество Беларуси с КНР, важно привести следующие данные. Объем внешнего инвестирования Китая (ПИИ Китая за рубеж) в 2020 г. составил 153,7 млрд долл. США. В список основных стран и регионов по привлечению китайских инвестиций в 2020 г. вошли Гонконг (8,9 млрд долл. США), Каймановы острова (0,85 млрд долл. США), США (0,6 млрд долл. США), Сингапур (0,59 млрд долл. США), Индия (0,21 млрд долл. США), Германия (0,13 млрд долл. США) и др. [10]. Инвестиции из Китая в Беларусь по итогам 2020 г. составили 104,5 млн долл. США, по итогам 9 месяцев 2021 г. – 74,1 млн долл. США [10].

Таким образом, доля Республики Беларусь в объемах внешнего инвестирования Китая весьма скромная при наличии высокого потенциала наращивания объемов китайских инвестиций в экономику страны. В то же время наблюдается низкая инвестиционная активность и определенное снижение экономического интереса к Беларуси. Это вызвано сложностями в привлечении кредитных ресурсов, отсутствием у нее развитого фондового рынка, что нивелирует интерес китайских компаний и фондов к приобретению акций белорусских предприятий, низкой инвестиционной активностью на уровне регионов.

В этой связи в Парке целесообразно активизировать презентационные мероприятия о конкретных проектах, проводить работу с китайскими ассоциациями и их членами, заинтересованными в инвестировании евразийского региона, осуществлять предметную работу с китайскими банками, стимулировать межбанковское взаимодействие, повышать инвестиционную активность на уровне регионов, активизировать работу с регионами в рамках проведения «Года регионов» Беларуси и Китая (на протяжении 2021–2022 гг.).

Парк пользуется беспрецедентной поддержкой со стороны лидеров двух государств – Президента Беларуси А. Г. Лукашенко и Председателя КНР Си Цзиньпина. Ближайшей задачей развития проекта является превращение Парка в образцовый проект двустороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Если сравнить информационное поле в отношении Парка на русском и китайском языках, то заметен контраст. В публикациях на русском языке основной акцент делается на развитии Парка – его стратегии, тактике и доведении до запланированных ключевых показателей роста, тогда как в китайском политическом дискурсе Парк чаще всего рассматривается в общем контексте китайско-белорусского сотрудничества и инициативы «Один пояс, один путь», а не как отдельный проект [11].

Парк «Великий камень» – не только и не столько объект экономического сотрудничества, а масштабный комплексный проект всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Беларусью. Он включает в себя широкий спектр направлений и форм взаимодействия, включая политическое доверие, экономическую выгоду, взаимопомощь в области безопасности и культурные обмены. Дружественные отношения между Китаем и Беларусью являются важной политической основой Парка и обеспечивают необходимую гарантию для его развития. За последние годы благодаря тесному, в первую очередь политическому, сотрудничеству строительство индустриального парка достигло значимых результатов.

Список используемых источников

1. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://industrialpark.by>. – Дата доступа: 15.02.2022.
2. Возможности белорусско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь» / под общ. ред. А. А. Тозика и Ху Биляна. – Минск: СтройМедиаПроект, 2020. – С. 258–260.
3. Си Цзиньпин. О создании Сообщества единой судьбы человечества / Цзиньпин Си. – Пекин: Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2021. – С. 262.
4. 中百工业园的进展、问题和前景 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.easdri.org.cn/newsinfo/518449.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.
5. 更多利好, 中白工业园迎来新发展 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.toutiao.com>. – Дата доступа: 16.02.2022.
6. Об изменении указов Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 июня 2021 г., № 215. – Режим доступа: <https://>

industrialpark.by/upload/iblock/387/38769066d62452e8a0280c40cca16117.pdf. – Дата доступа: 15.02.2022.

7. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 2021 г., № 9. – Режим доступа: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/9dir.pdf>. – Дата доступа: 14.02.2022.

8. Беларусь – Китай: «железное братство» [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/belarus-kitay-zheleznoe-bratstvo.html>. – Дата доступа: 18.02.2022.

9. Директива № 9 улучшает условия для привлечения в «Великий камень» инновационных проектов и стартапов [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/navstrechu-obshchey-vygode-direktiva-9.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.

10. 中国统计年鉴 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexh.htm>. – Дата доступа: 18.02.2022.

11. Се Сяюун: Межрегиональное сотрудничество – новая точка роста в отношениях Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Газета «Звезда». – Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20211110/1636525380-se-syaoyun-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-novaya-tochka-rosta-v>. – Дата доступа: 15.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. А. Сулейков

Институт экономики Национальной академии Беларуси, Минск

A. Suleikau

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk

УДК 351/354:323:321.01

БАК 23.00.02

ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК ФАКТОР СФЕРЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE PHENOMENON OF “SOFT POWER” AS A FACTOR OF THE ADMINISTRATIVE RELATIONS’ SPHERE

Статья посвящена значению концепции «мягкой силы» в контексте процесса государственного управления. В статье рассматриваются конкретные аспекты взаимодействия «мягкой силы» как политического феномена и государственного управления как деятельности, осуществляемой государственной системой. Автором делается вывод о возможности использования «мягкой силы» как инструмента и объекта реализации внутренней политики государства. Акцентируется внимание на способности «мягкой силы» видоизменять политический ландшафт и поле принятия управленческих решений. Автор статьи постулирует наличие заметной зависимости потенциала «мягкой силы» государственного аппарата от реализуемого им внутриполитического курса.

Ключевые слова: административная реформа; государственная политика; государственное управление; «дискурсивная сила»; КНР; «мягкая сила»; «жесткая сила»; политическая власть; ФРГ.

The article is devoted to the meaning of the “soft power” concept in the context of the public administration process. The article discusses specific aspects of the interaction between “soft power” as a political phenomenon and public administration as an activity carried out by the government system. The author concludes that “soft power” is able to take place of both object and tool of the the state’s domestic policy. Attention is focused on the ability of “soft power” to modify the political landscape and the field of administration decision-making. The author of the article postulates the presence of a noticeable dependence of the potential of the “soft power” of the state apparatus on the domestic policy pursued by it.

Keywords: administrative reform; public policy; public administration; “discursive power”; PRC; Soft power; Hard power; political power.

Концепция «мягкой силы», вследствие своих эссенциальных свойств, занимает существенное место в части научно-политического дискурса, связанной с анализом ее как феномена власти, так и отдельных ее форм и проявлений. Это продиктовано хотя бы тем, что сам автор концепции, американский политолог Дж. Най, охарактеризовал «мягкую силу» как способность добиваться того, что тебе нужно, через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату [1]. Применительно к сфере международных отношений под силой он понимает способность оказывать влияние на поведение других акторов для достижения желаемых результатов. При этом силовое воздействие в данном смысле осуществляется посредством принуждения или угрозы принуждения («кнут»); вознаграждения, стимулирования путем предоставления определенных экономических благ («пряник»); побуждения, проистекающего из привлекательности государства, которая ненавязчиво заставляет другого желать того же, чего желает субъект, оказывающий воздействие [2].

Также Дж. Най, основываясь на критерии способов оказания силового воздействия, выделил два типа «силы»: «жесткую силу» (включает в себя и военную мощь, и экономическое превосходство, «кнут» и «пряник») и «мягкую силу» (осуществляется посредством третьего способа оказания силового воздействия – так называемой привлекательности).

К «жесткой силе» Дж. Най относит военную силу и угрозу ее применения, разного рода формы экономического давления, например санкции и другие меры принуждения. Таким образом, суть и «жесткой силы», и «мягкой силы» примерно сходна: она заключается в способности достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разграничительной чертой между ними является инструментарий, при помощи которого власть осуществляется: проецирование «жесткой силы» реализуется через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силой» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество

более широкого характера, как правило, на базе единых культурных, политических, экономических и идеологических ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих и позволяющих оказывать влияние на другие страны [3]. «Жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект. Воздействие «мягкой силы» на объект носит непрямой, косвенный характер.

В целом, согласно Дж. Наю, основаниями «мягкой силы» могут служить:

1. Культура, как «высокая», так и «массовая» (в тех ее частях, которые привлекательны для других), представляющая собой набор значимых для общества ценностей.

2. Политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны и выражаются в конкретном политическом курсе, так и за рубежом).

3. Внешняя политика (в случае, если она носит легитимный характер, целесообразна с точки зрения морали и соответствует провозглашаемым политическим ценностям).

Указанные основания являются и главными ресурсами, формирующими «мягкую силу» государства. Культура и политические ценности являются частью исторического наследия нации, а внешняя политика как внешнеполитический курс носит субъективный кратковременный характер.

Важно упомянуть, что у «мягкой силы» существуют два содержательных аспекта [4]. Первый аспект – это пассивная «мягкая сила». Данный тип «мягкой силы» состоит из определенных статичных черт, присущих тому или иному государству, той или иной нации. Фактически, данный аспект «мягкой силы» является статичным ее проявлением, поскольку для того, чтобы задействовать пассивную «мягкую силу» не требуется дополнительных усилий или действий. Вторым содержательным аспектом «мягкой силы» является активная «мягкая сила». Данный аспект проявляется в случае, когда тот или иной актер делает определенные шаги к тому, чтобы донести до другого актора свои преимущества и сформировать в общественно-политическом пространстве этого актора позитивный образ себя или выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу [5].

Дж. Най трактует «мягкую силу» как косвенный способ осуществления власти. «Мягкая сила» действует, лишь побуждая других следовать определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения. При этом американский политолог подчеркивает, что «мягкая сила» ни в коем случае не идеалистична, а является лишь инструментом, который может быть использован как во благо (всеобщее или сугубо национальное), так и во вред.

«Мягкая сила» как социополитическое явление может быть раскрыто на нескольких уровнях. Так, «мягкая сила» может быть трактована как одна из форм власти, присущая человеческому социуму. В таком случае возможно ее применение органами государственной власти в процессе управле-

ния общественной системой. «Мягкая сила» способна выступать в качестве компонента социально-политического влияния того или иного субъекта как внутренней, так и международной политики, продуцируемый привлекательностью его образа, ценностей, идеологии или тех или иных функциональных черт субъекта. Наконец, понятие «мягкой силы» может обозначать конкретный набор определенных политических технологий, применяемых для продвижения национальных интересов того или иного государства как на международной арене, так и на внутривнутриполитическом поле. В этом случае акторы международных отношений имеют возможность применять эти технологии для расширения своего влияния на сферу внутренней политики других государств.

Очевидно, что «мягкая сила» как властный феномен, преимущественно сферы международных отношений, тем не менее имеет неразрывную связь с публичной политикой и государственным управлением как таковыми. В целом многообразие форм взаимодействия процесса государственного управления и «мягкой силы» видится возможным свести к нескольким общим категориям.

Во-первых, «мягкая сила» выступает в качестве аспекта и инструмента государственного управления. То есть аппарат государственного управления использует «мягкую силу» как совокупность технологий для расширения своего влияния внутри государства как формы организации общества. «Мягкая сила» применяется для осуществления прямого управления социальными процессами, повышения авторитета и легитимности существующего строя и формирования политико-психологических паттернов поведения, способствующих укреплению сформировавшегося в государстве status quo. Ключевым субъектом применения «мягкой силы» становится государственный аппарат, а объектами – общество и его институты. Как в случае и с использованием «мягкой силы» в международных отношениях, можно констатировать факт того, что «мягкая сила» использовалась в управлении внутривнутриполитическими процессами задолго до институализации концепции «мягкой силы» [6]. Так, российский политолог Ю. В. Ярмак в ряде своих работ отмечает, что идею «мягкой силы» и различные способы ее применения возможно обнаружить уже в ранних государствах: в древних Египте, Шумере, Вавилоне, Карфагене. В частности, к первым случаям использования «мягкой силы» Ю. В. Ярмак склонен относить как институт обожествленного правителя (фараона) в Египте, так и чрезвычайную влиятельность касты жрецов в Древнем Шумере. Особый акцент делается на феномене, который в последствии встречался и в истории Древнего Рима, и Древнего Китая, – культурная ассимиляция завоевателей и принятие ими образа жизни коренного населения как более цивилизованного и продуктивного.

В современном мире, по мнению некоторых исследователей, значимость «мягкой силы» как инструмента государственного управления возрастает

в силу того, что сверхскоростные структурные изменения в системе общественных отношений, утрата значимости и регулирующего потенциала традиционными институтами привели к ситуации «диффузии власти». Так, по мнению кандидата политических наук Е. О. Сониной, власть и влияние приобретают полицентричную и многоуровневую организацию, предполагающую не только (и даже не столько) скоординированные, формализованные, прогнозируемые действия, но и действия относительно автономные, не прогнозируемые и не очевидные [7]. Таким образом, государство теряет монополию ключевого субъекта влияния во внутренней политике. Возможность применения «мягкой силы» во внутренней государственной политике признает ряд китайских исследователей, что в своей работе отмечает кандидат политических наук Д. М. Ковба.

Однако одним из примеров практического применения «мягкой силы» как инструмента государственного управления являются аффилированные фонды, спонсирующие различные общественно-политические и научно-исследовательские мероприятия в и вне границ ФРГ: фонд им. Фридриха Эберта (основан в 1925 г., относится к ХДС), фонд им. Конрада Аденауэра (основан в 1965 г., относится к ХДС), фонд им. Розы Люксембург (основан в 1992 г., относится к Die Linke), а также аналогичные фонды других системных политических сил.

Несмотря на то что главным направлением таких фондов является внешняя политика, значительная часть мероприятий, финансируемых фондами, проводится и в рамках ФРГ. Организации, формируемые политическими партиями, играют значительную роль как в продуцировании «мягкой силы» на электорат, его интеграции, так и в политической социализации граждан. Так, блок ХДС/ХСС включает в свою структуру ряд объединений, таких как:

- а) Молодежный союз (молодежное крыло блока);
- б) Женский союз;
- в) Студенческий союз;
- г) Объединение среднего класса и бизнеса.

Во-вторых, государственный внутривнутриполитический курс, в свою очередь, выступает в качестве фактора, влияющего на «мягкую силу» государства, как положительно, так и отрицательно. Например, именно внутривнутриполитический курс и специфика системы государственного управления может рассматриваться как одна из слабых точек «мягкой силы» КНР в случае применения ее к целевой аудитории в США и странах Западной Европы. В то же время экономический потенциал и культурный элемент «мягкой силы» этой же аудиторией могут восприниматься крайне положительно.

В-третьих, «мягкая сила» иностранного государства, реализуя потенциал своего воздействия, способна трансформировать социополитическое и информационное поле, в рамках которого органы государственного управления формируют и реализуют внутривнутриполитический курс. В частности, «мягкая сила», воздействуя на ценностные предпочтения населения,

задает «повестку дня», т. е. в некоторой степени формирует перечень задач и проблемных вопросов, решение которых является целью государственного управления. Это, в свою очередь, детерминирует сосредоточение, фокусирование внимания государственной политики на тех или иных вопросах. В то же время «мягкая сила», формируя общественно-политический дискурс, воздействует и на образ мышления государственных служащих. В данном случае показательным является пример КНР, в последние годы производящей трансформацию своего подхода к политике «мягкой силы».

Классический подход к политике «мягкой силы», которого долгое время придерживалось китайское руководство, сформировался на рубеже 1990–2000-х гг. Обращение внимания китайского академического и управленческого сообществ к вопросам применения «мягкой силы» во внешней политике стало своеобразной реакцией на значительный рывок КНР в экономическом развитии, а также рост ее геополитического влияния. Главным предметом дискуссии стали основания, на которых Китай, претендующий на роль регионального лидера, смог бы выстраивать свою «мягкую силу». В рамках этой дискуссии сложились два ключевых подхода: культурный и комплексный. Культурное направление базировалось преимущественно на идее использования национальной культуры как главного основания и ресурса «мягкой силы». Это было вызвано и вышеупомянутым неприятием западной общественностью внутривосточного курса КНР, и определенным универсализмом китайской культуры: насчитывая в своей истории не одно тысячелетие, именно культура могла компенсировать непопулярность внутренней политики КНР.

Сторонники комплексного подхода рассматривают в качестве основания и ресурса «мягкой силы» не только и не столько национальную культуру, сколько комплекс факторов, ключевую роль в котором играют привлекательность экономической модели и внешнеполитическая репутация. Долгое время в китайском академическом дискурсе доминировал первый подход. Тем не менее в последние годы, на фоне некоторых неудач выстроенной на основании ценностей национальной китайской культуры системы «мягкой силы», китайская дипломатия делает все большую ставку на так называемую дискурсивную силу, или институциональную дискурсивную силу [8]. Сущность данного вида силы заключается в определении дискурса, изменении образа мышления и видения предпочтительного социального, политического устройства, а также миропорядка, что, в свою очередь, должно способствовать изменению институциональных рамок функционирования внешней политики КНР. Несмотря на то что некоторые исследователи разделяют «дискурсивную силу» и «мягкую силу», автор склонен расценивать «дискурсивную силу» как один из видов «мягкой силы». В частности, «мягкая сила» также ставит своей целью трансформацию предпочтений граждан, государственных служащих и элит, что, в свою очередь, определяет и развитие институтов внутренней и международной политики. Таким

образом, можно сделать вывод о том, что именно на использовании данной формы взаимоотношения «мягкой силы» и государственного управления в последнее время сосредоточена китайская дипломатия.

Вследствие вышеуказанного некоторые методы, применяемые государственными служащими в рамках процесса государственного управления, а также основополагающие принципы, устанавливающие структурные особенности управленческого аппарата, могут являться следствием влияния, продуцируемого иностранной «мягкой силой». В частности, в качестве примера подобного воздействия доктор политических наук Е. Г. Дьякова приводит так называемую административную моду, т. е. склонность государственных служащих заимствовать те и или иные управленческие решения из практики тех или иных стран [9]. Так, если в начале XXI в. законодателями такой моды являются США, то в конце XIX в. многие управленческие практики заимствовались у кайзеровской Германии и Франции. По мнению Дьяковой, популярность идей «электронного правительства», «корпоративного управления» и «нового государственного менеджмента» во многом продиктована не столько эффективностью данных практик как таковых, сколько существующим образом «успешности» стран коллективного Запада. При этом реальная результативность управленческих реформ может не учитываться, а приведение системы государственного управления к общему «цивилизованному» стандарту становится самоцелью. Сам же концепт, выработанный в рамках той или иной системы и имплементируемый в управленческую практику, не является «нейтральным», а содержит существенные черты, присущие породившей его политико-экономической системе.

Исходя из вышеуказанного возможно заключить, что несмотря на превалирование в научном дискурсе трактовки «мягкой силы» как ненасильственного инструмента скорее внешней политики государства, чем феномена внутривнутриполитической сферы и управленческой области, «мягкая сила» на протяжении истории человечества неоднократно применялась как один из инструментов государственного управления. При этом она может выступать не только как инструмент государственного управления, но и как следствие его качества и как объект его воздействия.

Список использованных источников

1. Nye, J. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation [Electronic resource] / J. Nye. – Mode of access: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>.
2. Вилков, М. А. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / М. А. Вилков, А. О. Наумов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 2(9). – С. 191–196.
3. Русакова, О. Ф. «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковалева // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 15–19.
4. Паршин, П. Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2(35). – С. 14–21

5. Пономарева, Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева. – Режим доступа: www.Rustfact.ru/node/6256. – Дата доступа: 13.03.2019.

6. Ярмак, Ю. В. «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса / Ю. В. Ярмак // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4. – С. 69–75.

7. Сони́на, Е. О. Перспективы применения технологий soft power в государственном управлении: опыт административной реформы в современной России / Е. О. Сони́на // Дискурс-Пи. – 2017. – № 3–4(28–29). – С. 247–253.

8. *Yongjing, Zhang*. The Discourse of China's Soft Power and Its Discontents / *Yongjing Zhang* // *Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics*. – NY: Lexington books, 2009. – P. 45–60.

9. Дьякова, Е. Г. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг // Дискурс-Пи. 2017. – № 3–4(28–29). – С. 229–237.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

В. С. Хомич

Белорусский государственный университет, Минск

V. Khomich

Belarusian State University, Minsk

УДК 321

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE TRANSFORMATION OF CAPITALISM IN THE CONDITIONS OF MODERN POLITICAL SYSTEMS

В статье рассматривается капитализм как аспект современных политических систем. Капитализм определен как общественный строй с системой доминирования частнособственнической модели производства и рыночного обмена, влияющих на постоянное изменение социально-политических институтов. Проанализирована трансформация теоретического осмысления капитализма и его влияние на изменения современных политических систем на примере западных стран. Отдельно изучен опыт развития рыночной экономики и политических систем Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: капитализм; капитализм «заинтересованных сторон»; либерально-демократическая политическая система; постдемократия; «постмодернистское разделение»; ценности.

The article considers capitalism as an aspect of modern political systems. Capitalism is defined as a social system with a system of domination of the private-property model of production and market exchange, affecting the constant change of socio-political institutions. The transformation of the theoretical understanding of capitalism and its impact on changes

in modern political systems on the example of Western countries is analyzed. The experience of the development of the market economy and political systems of the Republic of Belarus and the Russian Federation is studied separately.

Keywords: capitalism; capitalism of “stakeholders”; liberal democratic regime; post-democracy; “postmodern division”; values.

Проблематика темы статьи сфокусирована на том, как трансформации капитализма и рыночных отношений влияют на политические системы различного типа. Наибольшие изменения происходят в либерально-демократических политических системах. Тема актуальна ввиду изменчивости форм капитализма. Политическая теория капитализма будет развиваться в направлении взаимодействия бизнеса, государства и сообществ, что подтверждается программой Всемирного экономического форума 2020 и 2021 гг. Получат развитие теории, направленные на критику западной капиталистической политической и экономической систем. Теоретическую основу статьи составили работы К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина, М. Эльдемана, К. Крауча, Д. Харви, П. Вирно, Г. Юдина.

Цель статьи – выявить взаимосвязь между капитализмом и изменением современных политических систем и особенности влияния капитализма на политические режимы Беларуси и России.

Для осмысления трансформации капитализма в условиях современных политических систем следует определиться с основными дефинициями. С точки зрения автора статьи капитализм можно определить как общественный строй с системой доминирования частнособственнической модели производства и рыночного обмена, влияющих на постоянное изменение социально-политических институтов. Капитализм основан на рыночной экономике.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин изучали капитализм как реальность своего времени. Капитализм – «это такой способ производства, который основывается на частной собственности на средства производства класса буржуазии и эксплуатации капиталом наемных рабочих» [1].

Либерально-демократический режим является одним из важнейших политических условий трансформации капитализма. Капитализм в свою очередь влияет на демократические институты либерального политического режима. Марксисты называли либеральную демократию буржуазной. Современный американский политолог Л. Даймонд определяет либеральную демократию как политический режим, в котором «политическая власть должна быть ограничена и сбалансирована с помощью государственных и гражданских институтов, личные права и права меньшинств защищены, а верховенство закона гарантировано конституцией» [2, с. 30].

Отмеченная Л. Даймондом защита прав меньшинств и личных прав активно используется в современном либеральном политическом дискурсе. Так, на пресс-конференции в Делавэре Джо Байден, будучи избранным президентом США, заявил: «Обещаю своим избирателям самое расово и гендерно разнообразное правительство в истории Америки» [3]. В Евро-

пейском союзе одним из способов защиты меньшинств является пропорциональная система парламентских выборов, сосредотачивающаяся на репрезентации политических, религиозных и национальных меньшинств. Так, в Финляндии с помощью пропорциональной системы в парламент проходит Шведская народная партия, которая ориентируется на защиту прав шведского национального меньшинства. Согласно статье 25 Конституции Финляндии, Аландские острова, большая часть населения которых шведы, образуют один-единственный избирательный округ для выборов одного члена Эдускунты [4]. Такое конституционное закрепление прав национального меньшинства усиливает пропорционально-мажоритарную репрезентацию шведов.

Любая форма буржуазной демократии, как правило, позволяет влиять бизнесу на сферу демократического процесса и принятия решений. Например, в Великобритании перед парламентскими выборами 2019 г. от бизнеса Консервативная партия получила 5 млн 674 тыс. фунтов [5]. Особенность влияния бизнеса на политический процесс в либеральной демократии состоит в том, что бизнес встречает меньше препятствий на пути к финансированию. Например, в Великобритании нет верхней планки количества денежных средств, которые может получить партия во время выборов. Для сравнения, в Беларуси размер пожертвования юридического лица не может превышать 50 базовых величин при проведении выборов Президента Республики Беларусь [6].

На протяжении всей своей истории капитализм оказывал влияние на общественную жизнь и принятие политических решений. Анализируя либерально-демократический режим и влияние капитализма в странах Запада, мы можем заметить рост влияния капитализма на общественно-политическую жизнь. Это происходит на фоне свертывания программы государства всеобщего благосостояния в 1970–1980-х гг., что определило изменения влияния капитала на общественные процессы. По мнению социолога К. Крауча, период 1970–1980-х гг. ознаменовался переходом к постдемократии как новой форме демократии. Постдемократия по К. Краучу – это «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи различных манипуляционных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как формы, характеристики для здоровых демократий, казалось, оставались на своем месте. Неолиберальные реформы привели:

1) к «изменениям в классовой структуре постиндустриального общества, которые порождают множество профессиональных групп, которые так и не создали собственных организаций для выражения своих политических интересов;

2) огромной концентрации власти и богатства в транснациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах;

3) сближению бизнеса и политической элиты» [7, с. 3].

Тенденция замены конвергенции классов в западных странах «постмодернистским разделением» отмечена в работах Д. Харви. Указанное разделение в социальных отношениях стало складываться в 1970-е гг. Выразилось оно в том, что в больших городах перестала действовать жесткая стратификация по классовому признаку и роду занятий. Влияние политических партий, объединяющих широкие массы по какому-либо признаку, стало уменьшаться. В Великобритании на момент 2020 г. заметен рост Лейбористской партии (580 000 членов партии в 2020 г.), однако это все равно меньше чем в 1950-е гг. (время расцвета государства всеобщего благосостояния), когда партия насчитывала 729 624 человека [8, с. 104].

Взамен партий стали популяризоваться движения. Характерным примером в этом плане является политическая система Франции, где действуют два влиятельных политических движения: левое движение «Непокоренная Франция» и ультраправое движение «Реконкиста» Э. Земмура. Международную популярность получило движение «Black Lives Matter» и «Fridays For Future» в США и Европе соответственно. Популяризация движений обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что структурно они более свободны, чем классические партии и позволяют выражать больше групп интересов.

Концепция «разделения», предложенная Д. Харви, резонирует с понятием «множества» в интерпретации П. Вирно. «Множество» отменяет понятие «народ», указывая на то, что современное государство больше не отображает общество [9]. Индивиды делятся на множество групп, каждая из которых может отражать свои интересы через «общие места»: интернет, международные движения. Возникает кризис государства. Коммуникация стала тем, что объединяет множества людей вне зависимости от их места жительства. Это стало одной из причин, почему современные правительства западных стран стремятся к инклюзивности. Главная задача – попытаться вместить в себя все те «множества», которые заменяют монолитные представления о народе.

Неолиберализация 1970-х гг., как упоминалось выше, привела к концентрации власти и богатства в транснациональных корпорациях и к росту неравенства. По данным World Wealth and Income Database, верхние 10 % общества получают 37 % национального богатства в Европейском союзе, 41 % – в Китае, 46 % – в России. Растет имущественное неравенство в США, где 1 % общества имеет около 40 % национального богатства, в то время как в 1980 г. этот показатель не превышал 22 % [10].

«Замыкание политиков на самих себе», отмеченное в работах К. Крауча, объясняется феноменом символической политики. «Главные ключи к символической силе правительств находятся в повседневной общественной и частной деятельности, а не в экзотических и церемониальных актах государства» [11, с. 19]. Согласно теории символической политики, правительство «разыгрывает спектакль» перед обществом через СМИ, создавая ложные представления о том, как принимаются решения.

Сближение бизнеса и политической элиты доказывается выборами в Великобритании. М. Амерси в 2018 г. выделил 525 тыс. фунтов на предвыборную кампанию Консервативной партии Великобритании [12].

Изменения, связанные с утверждением «множества», ростом неравенства и увеличением влияния бизнеса на политику, привели к формированию новой «демократической» идеи переустройства общества – «капитализму заинтересованных сторон».

В настоящее время «капитализм заинтересованных сторон» в качестве концепта актуализирован на Всемирном экономическом форуме 2020 г. Под «капитализмом заинтересованных сторон» Совет по инклюзивному капитализму Ватикана понимает такую форму капитализма, которая «в основе своей направлена на создание долгосрочной ценности для всех заинтересованных сторон в виде бизнеса, инвесторов, сотрудников, клиентов, правительств и сообществ – руководствуясь подходом, который обеспечивает равенство возможностей, справедливые результаты, справедливость между поколениями и справедливость в обществе» [13]. В соответствии с этой концепцией крупный бизнес должен становиться инициатором демократических преобразований на уровне предприятий. Особенностью капитализма заинтересованных сторон и сопутствующей ему демократии является подотчетность бизнеса перед заинтересованными сторонами. Заинтересованными сторонами могут быть рабочие, экоактивисты, представители феминистских и ЛГБТК+ движений. Подотчетность компаний перед ними обеспечивает новую конвергенцию, только на этот раз между бизнесом и «множеством», а не рабочим классом. Государство взамен должно давать льготы компаниям, которые соответствуют требованиям.

Бизнес и изменения капитализма становятся важнейшим элементом изменения демократии. Потенциальное изменение демократии в Западном мире связано с динамикой ценностных ориентиров американского и западноевропейского обществ. Европейская комиссия утверждает, что основными ценностями европейского общества являются «инклюзивность, терпимость, справедливость, солидарность и недискриминация» [14]. Такие ценности коррелируют с идеями капитализма заинтересованных сторон, который является реакцией на постдемократию.

Переход к рыночной экономике (в ее различных вариантах) стал одним из направлений изменений социально-экономических систем государств бывшего СССР. После распада СССР в 1991 г. Россия и Беларусь начали построение рыночных экономик (а значит – капитализма или его отдельных элементов) и обновленных политических систем. Пример построения западной либеральной демократии на первых этапах становления белорусской независимости оказывал влияние на развитие страны. Республика Беларусь согласно Конституции 1994 г. – унитарное демократическое социальное правовое государство [6]. Особую роль в развитии страны играет ее социальная ориентация, что воплотилось в концепции социально ориентированной рыночной экономики.

В отличие от западных стран, в которых единство переходит во множество и государство теряет свою монополию на репрезентацию всех групп населения, политическая система Беларуси ориентирована на единство. В Беларуси мало сообществ, которые составляют «множество» групп (в терминологии П. Вирно) и ищут возможности коммуникации за пределами институтов государства. В Беларуси, в отличие от Запада, основным социальным гарантом остается государство, формируется скорее корпоративистская модель социального партнерства. Ключевой тренд белорусского общества, по данным Белорусского института стратегических исследований (БИСИ), – это выраженность патерналистских и потребительских установок граждан с ожиданиями нового качества «обратной связи» [15, с. 20]. По данным БИСИ, для белорусов ключевыми ценностями являются мир, безопасность, свобода, порядок, справедливость, права человека, законность, стабильность [15, с. 28]. Ценности демократии и толерантности находятся ниже вышеперечисленных согласно докладу БИСИ. В целом можно сказать, что преобладающие ценности носят консервативный характер. В настоящий момент в Республике Беларусь реализуется модель, в рамках которой «концепт социального государства дополняется идеей государства равных стартовых возможностей и “государства-партнера”» [15, с. 28].

В Беларуси бизнес не играет ведущей роли в принятии решений. Во многом это связано с неразвитостью института лоббизма и влиятельного крупного бизнеса. На уровне политических институтов страна выделяется своей апартийностью, в отличие от либерально-демократических систем, в которых партии играют ключевую роль репрезентации населения.

Однако стоит учитывать и тенденции общества на большую обратную связь с государством. Один из этапов усиления обратной связи может быть связан с усилением информированности общества об услугах электронного правительства. Развитию демократии, укреплению связи государства и гражданского общества может помочь создание консультативных органов при институтах государственной власти как на местном, так и на общегосударственном уровнях.

Таким образом, политическая система Республики Беларусь имеет отличия от либерального понимания демократии и капитализма как самоуправляемой системы. Это выражается в патернализме, стремлении к единству, порядку, стабильности и ориентации на усредненное общее дело. Белорусы обладают высоким доверием к государству как общественному институту, что снижает влияние капитализма в качестве аспекта политического строя. Консерватизм и патернализм в управлении и ценностях граждан объединяется с большой ставкой на социальное государство.

В контексте строительства Союзного государства актуален вопрос роли капитализма в качестве аспекта политической системы России. Экономисты В. Юрьев и А. Краснобельмов изучают развитие государственного капитализма в России, под которым понимают «влияние государства на экономику

как в форме владения мажоритарными или миноритарными пакетами акций компаний, так и в форме предоставления субсидированных кредитов или иной поддержки частных компаний» [16, с. 1]. Во многом это становится и основой сильного влияния государства на внутреннюю политику. В России развит и крупный капитал, который оказывает серьезное влияние на внутреннюю политику. Стоит заметить, что в России был разработан проект закона о лоббизме, который не был принят.

После распада СССР Россия ориентировалась на построение либеральной демократии, однако усиление персонификации власти и патернализм создал в этой стране другую форму демократии. Россию называют плебисцитарной демократией. Электоральные циклы в такой системе становятся главным механизмом демократии, вместо баланса и защиты прав политических меньшинств. Характеристики российской политической плебисцитарной системы: «синтез монархических и демократических элементов в рамках единой политической системы; синтез харизматического и легально-рационального господства; политическая роль народа сводится к аккламации через регулярные плебисциты и иные электоральные процедуры» [17, с. 33].

Капитализм, связанный с сильной и патерналистской ролью государства, стал основой для нелиберальной демократии, которую можно классифицировать как плебисцитарную. Еще сильнее отдалают Россию от традиционного либерально-демократического режима и ценности россиян. В России неоднозначно отношение к западному типу демократии: 45 % уверены, что для России западная демократия разрушительна [18].

Таким образом, западная демократия либерального типа находится на стадии перехода от постдемократической проблематики к попытке ее решения в виде капитализма заинтересованных сторон. Капиталистическая система является системообразующей для процессов, происходящих в США и Западной Европе, где бизнес напрямую влияет на принятие решений и построение политической системы. Либеральная демократия изменяется параллельно кризисным ситуациям капитализма.

Беларусь идет по альтернативному пути относительно либерально-демократического режима, делая ставку на социальное государство, патернализм и консервативные ценности. В России сформирована плебисцитарная политическая система с высокой ролью государственного капитализма.

Список использованных источников

1. Капитализм [Электронный ресурс] // Энциклопедия марксизма. – Режим доступа: <https://esperanto.mv.ru/wiki/Марксизм/Капитализм>. – Дата доступа: 06.02.2022.
2. Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под. ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – 462 с.
3. Байден пообещал США самое расово и гендерно разнообразное правительство в истории [Электронный ресурс] // НТВ. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2488445>. – Дата доступа: 06.02.2022.

4. Конституция Финляндии [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=139>. – Дата доступа: 06.02.2022.

5. «Русские» деньги британских тори. Кто и за что платит британским партиям? [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2488445>. – Дата доступа: 06.02.2022.

6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 07.02.2022.

7. Крауч, К. Постдемократия [Электронный ресурс] / К. Крауч. – Режим доступа: https://royallib.com/book/krauch_kolin/postdemokratiya.html. – Дата доступа: 07.04.2020.

8. Хомич, В. С. Постдемократия: взгляд на современное положение демократии / В. С. Хомич // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 24: сб. науч. ст. / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадуурского. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 103–104.

9. Вирно, П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.

10. Рост неравенства в мире – угроза для демократии [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20180109/241141195.html>. – Дата доступа: 06.02.2022.

11. Ионова, Е. В. «Символическая политика»: к истории концепта / Е. В. Ионова // Символическая политика. – 2012. – № 1. – С. 17–53.

12. Спонсор предвыборной кампании Джонсона стал фигурантом «досье Пандоры» [Электронный ресурс] // РИА новости. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20180109/241141195.html>. – Дата доступа: 06.02.2022.

13. What is inclusive capitalism? [Electronic resource] // Council for Inclusive Capitalism. – Mode of access: <https://www.inclusivecapitalism.com/what-is-inclusive-capitalism/>. – Date of access: 08.02.2022.

14. The EU values [Electronic resource] // Europa Component Library. – Mode of access: <https://inosmi.ru/20180109/241141195.html>. – Date of access: 06.02.2022.

15. Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова [и др.]. – Минск: БИСИ, 2021. – 56 с.

16. Юрьев, В. М. Предпосылки развития государственного капитализма в России / В. М. Юрьев, А. К. Краснобельмов // Символическая политика. – 2012. – № 8. – С. 141–145.

17. Юдин, Г. Б. Россия как плебисцитарная демократия / Г. Б. Юдин, А. К. Краснобельмов // Социологическое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 29–33.

18. Западные обесцененности [Электронный ресурс] // Левада-центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/10/28/zapadnye-obestsennosti/>. – Дата доступа: 06.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. В. Худяков

Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

A. Khudyakov

Scientific and Practical Center for the Problems of Strengthening the Law
and Order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus

УДК 323.1

ИДЕИ ЦИКЛИЧНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-ИСЛАМСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

IDEAS OF CYCLICAL SOCIAL DEVELOPMENT IN THE WORK OF MEDIEVAL ARAB-ISLAMIC THINKERS

В статье на основе письменных памятников анализируются учения крупнейших арабо-исламских мыслителей Ближнего и Среднего Востока, Пиреней. Дается разбор концепций, имеющих актуальное значение для дальнейшего формирования теоретических основ циклических процессов в политологии. В анализ вовлечено творческое наследие аль-Бируни, аль-Газали, аль-Маварди, аль-Магризи, аль-Мубашишира, Ибн Араби, Ибн Рушида, Ибн Хальдуна, Омара Хайяма, «Чистых братьев».

Ключевые слова: цикличность; перипатетизм; неоплатоники; суфизм; «золотой век».

On the basis of written monuments, the article analyzes the teaching of significant arab-islamic thinkers of the Middle and Near East, the Pyrenees. The analysis of concepts that are relevant for the further formation of the theoretical foundations of cyclical processes in political science is given. The analysis involves the creative heritage of al-Biruni, al-Ghazali, al-Mawardi, al-Maqrizi, al-Mubashshir, Ibn Arabi, Ibn Rushd, Ibn Khaldun, Omar Khayyam, the «Pure Brothers».

Keywords: cyclicity; peripatetizm; neoplatonists; sufism; «gold age».

Исследователи проблем государства и общества давно отмечают циклическую динамику политических процессов. Между тем, незначительное число публикаций не позволяет сформировать четкое представление о месте и роли циклических процессов в политической сфере [1–3]. В условиях высокого динамизма политических процессов актуализируется необходимость переосмысления творческого наследия различных эпох и создания эффективной методологии анализа и прогнозирования циклических процессов в политической сфере. В статье раскрываются основные моменты этой идеи на материале трудов средневековых арабо-исламских мыслителей.

Значимый вклад в формирование линейных и циклических концепций объяснения политических процессов внесли арабо-исламские мыслители. Их труды являются важным этапом развития античной философии

в условиях Средних веков. В результате гонений со стороны императоров многочисленные философские школы перебрались из Византийской империи на территорию Ближнего и Среднего Востока. В ходе дальнейших походов арабских завоевателей произошла ассимиляция «греческих наук».

Восприятие арабами наследия античных мыслителей обусловлено возможностью его применения как метафизического обоснования истинности божественного, так и для житейской практики.

Наиболее востребованными у арабо-исламских мыслителей были учения неоплатоников и перипатетиков. В трудах первых дальнейшее развитие получила философия классического неоплатонизма и его мистика, а вторых – творческое осмысление аристотелевского наследия.

На развитие восточного перипатетизма оказало влияние учение не только Аристотеля, но и других античных мыслителей: Платона, Демокрита, Эмпедокла, неоплатоников. Арабо-исламские мыслители не просто восприняли античное наследие, они, критически переосмыслив, выдвинули новые, оригинальные концепции, сообразные потребностям современности. Отдельные вопросы, связанные с цикличностью, были рассмотрены в трудах таких последователей учения перипатетизма как аль-Маварди, Ибн Рушд, Ибн Халдун, Омар Хайям и других авторов.

Философия неоплатонизма сочетает в себе идеализм и материализм, элементы научного исследования жизни человека и природных явлений, элементы мистики в познании божественного. Ее восприятие и дальнейшее развитие на Ближнем и Среднем Востоке носило сложный и противоречивый характер. Наследие неоплатоников широко применялось для обоснования своей идеологии как нараставшими влияние в обществе сторонниками ортодоксальной теологии, так и представителями новых течений в исламе.

Тема божественного начала пронизывает труды многих представителей арабо-исламского неоплатонизма и является ключевой темой полемики с перипатетиками. Крупнейший неоплатоник, а позже суфий, аль-Газали в трактате «Опровержение философов» так прокомментировал тезис оппонентов «о вечности мира», об отсутствии божественного начала: «В основу всей физики должно лечь понимание того, что природа подчиняется Всевышнему, что она не самостоятельна, напротив, является послушным орудием в руках своего творца. Солнце, звезды, природные тела – все подчиняется повелениям его» [4, с. 112].

Вечность и важность божественного для существования мироздания, покорность человека судьбе и бесконечно новая жизнь, которая наступает после смерти, образуют основу ислама. Данные аспекты вероучения нашли отражение в Коране. Наиболее часто упоминаемой в Священной книге является парадигма возвращения. «Как вы можете не верить в Аллаха, тогда как вы были мертвы, и Он оживил вас? Потом умертвит вас, потом оживит, а потом вы будете возвращены к нему» [5, с. 18]. «Из нее (земли) мы вас сотворили и в нее вас вернем и из нее вас изведем другой

раз» [5, с. 338]. «Всякая душа вкушает смерть. Мы испытываем вас злом и добром для искушения, и к Нам вы будете возвращены» [5, с. 349].

Постоянно повторяемое в Коране словосочетание «создает творение в первых раз, а затем воссоздает» можно толковать двояко: начало новой иной жизни или нового цикла [5, с. 223, 228, 413, 430, 437, 438]. Однозначного ответа в Священной книге не содержится.

Цикличность присутствует в разных течениях ислама. Их последователи признают эволюцию во всеобщем изменении, но только в рамках пантеистического учения. Ее ограниченность заключается в замыкании круга развития через возвращение к первоначальному состоянию, к Богу. Для подобных представлений о циклических процессах характерна ограниченность и метафизичность. Цикл воспринимается как поступательное движение в пределах определенного круга, т. е. движение предстает как повторяющиеся замкнутые круги – циклы. Между тем, учение арабо-исламских мыслителей о циклах содержало и прогрессивную идею – об их бесконечности. Смена циклов, когда новое порождается старым, является олицетворением рождения и смены миров, свидетельствует о вечности изменений во Вселенной и движения в ней. В трудах отдельных мыслителей встречаются отголоски и линейных концепций развития явлений в природе и обществе.

Неотделимость человека от божественного встречается у Ибн Араби в аллегористическом описании циклических процессов. Он сравнил их с дыханием человека. «Подобно тому, как человеческое дыхание представляет собой процесс сжатия и расширения, так и мир проходит две взаимодополняющие фазы одного и того же цикла. Он отрицается в каждый момент времени и заново воссоздается в следующий момент, причем между этими двумя фазами нет временного разрыва. Он возвращается назад к божественной сущности в каждый момент фазы сжатия и заново проявляется при расширении» [6, с. 123].

Линейная концепция Аврелия Августина и учение пифагорейцев оказали влияние на формирование эзотерической доктрины «истиных» исмаилитов. В соответствии с ней история представляется как прогрессия циклов, которая имеет как начало, так и окончание. Согласно своим циклическим взглядам исмаилиты считали, что человечество должно пройти через семь эпох, для каждой из которых характерен свой пророк. Богослов Бахауллы в трактате «Книга несомненности» пишет: «Тебе ясно и очевидно, что все пророки – это Храмы Дела Бога, который проявляется в различных одеяниях» [7, с. 238]. В более поздних редакциях доктрины отсутствуют ограничения по циклам.

У арабо-исламских мыслителей не вызывал сомнения характер движения мира – по большому кругу, с «великим возвращением». Стоические идеи о его шарообразности органично сочетались с неоплатоническими и чисто исламскими положениями. Ибн Араби пишет: «Знай, что, поскольку мир является шарообразным, человек в своем конце страстно стремится

к своему началу. Наш исход из небытия в существование – благодаря Ему, и к Нему мы возвращаемся» [8, с. 159].

Схожих взглядов придерживаются представители тайного общества «Чистые братья», которые соединили религиозную теологию с элементами учений неоплатоников и пифагорейцев, мистицизма суфиев, а также пытались объяснить Бытие с помощью чисел. Центральное место в их учении занимает неоплатоническая теория нисхождения и восхождения.

Для «Чистых братьев», как и для многих мыслителей Античности и Средневековья, характерна циклическая трактовка истории. «Каждое государство имеет время начала своего становления, время развития и время, когда начинает приходить в упадок. Каждый такой цикл длится 147 лет и за это время добро и зло в государстве меняются местами» [9, с. 11].

Важнейшими факторами, которые способствовали активному развитию арабо-исламской мысли, являлись прекращение завоевательных походов, развитие ремесленного производства и городов. Вопросы «урбанизации», повышение благосостояния элиты, падение нравов в обществе не прошли мимо внимания современников и мыслителей. В их трудах встречаются как отдельные высказывания по вопросам циклического изменения государств, так и стройные концепции, которые значительно опередили свое время.

В трактате «Избранные афоризмы» аль-Мубашшир содержится одно из первых описаний циклических фаз. «Долго существующие державы начинаются с грубости нравов, покорности Богу и власти. Если ее восприняли те, кто в ней наверху, а люди стали жить в безопасности, они начинают брать свою долю наслаждений. Если они погрузились в роскошь быта, то предадут забвению помощь. Происходящее становится им неподвластно, и дело их начинает препятствовать достижению ими искомого. И вот завершается державы дело всяким, кто попытается это делать» [8, с. 154].

Если у аль-Мубашшир изменения обусловлены падением нравов, в чем слышны отголоски Овидия и Саллюстия, то в трудах аль-Маварди и Ибн Халдуна к ним добавляется и экономический, и цивилизационный фактор.

Теоретические основы цикличности заложил аль-Маварди. В трактате «Облегчение рассмотрения и ускорение триумфа» он подробно разобрал вопросы эволюции государства. «Зарождение характеризуется тем, что держатели власти управляют своими подданными посредством грубой силы. Отличительная особенность следующей фазы развития, умиротворенность и стабильность. На этой стадии власть правит, руководствуясь принципами справедливости и «мягкого» отношения к подданным. Третья фаза развития – деспотия, так как именно при ней государство в конечном итоге приходит в упадок и умирает» [10, с. 575].

Наличие высказываний, схожих с суждениями Платона в «Государстве» и Аристотеля в «Политике», с высокой степенью достоверности позволяет говорить, как минимум, о хорошей осведомленности арабского мыслителя о трудах античных греков. Богослов выделяет следующие факторы де-

градации государства: отход властвующих от религиозных канонов и притеснение знатоков религии, несправедливость элит в отношении подвластных.

Аль-Маварди связывает наступление начала нового цикла, связанного с возрождением государства, с формированием определенных условий. «Смена старой державы происходит через восстановление религии, применение силы и использование денег. Важно учитывать, что новая держава, возникающая на месте прежней, обречена на соскальзывание в порочный цикл, который заканчивается упадком» [11, с. 35]. Трактат аль-Маварди на несколько веков опередил концепцию цикличности Ибн Халдуна.

Концепция Ибн Халдуна, совпадая с рассмотренными выше идеями, представляется более реалистичной, многоаспектной, содержит больше нюансов. Мыслитель исходил из того, что на примитивной стадии для общности присуща военная мощь, высокая мобильность, внутреннее равенство ее членов, неприхотливость в потреблении жизненных благ. На стадии цивилизованности как результат развития трудовых отношений и появления «прибавочного продукта» в общностях зарождаются властные отношения, воплотившиеся в государстве. Для защиты и контроля захваченных территорий, поддержания разрастающегося управленческого аппарата государство начинает вмешиваться в экономические отношения.

Параллельно представители властвующей элиты начинают отходить от простоты, присущей основателям государства, и грязнуть в роскоши. Это обостряет противоречия между ними и подданными, требует укрепления государственного аппарата и усиления армии, а также новых налогов. На смену налогам приходят прямые грабежи, а экономика деградирует.

Далее мыслитель описывает причины, которые приводят к деградации и гибели государства. «Люди третьего поколения забывают время сельской жизни и суровости. Благодаря привычке к приятной жизни и изобилию у них сильна любовь к роскоши. Кровная связь полностью утрачивается, люди забывают, как защищать и оборонять самих себя и отстаивать свои требования. Если приходит завоеватель, они не могут противостоять и защититься от него» [12, с. 574].

Государство, неспособное к дальнейшему существованию, погибнет само либо падет под натиском более энергичных соседей-кочевников. Захватив падшее государство, соседи начнут формировать новое, где правящая элита вновь пройдет полностью повторяющийся цикл – от простоты и демократизма до богатства и деградации. Мыслитель на эти циклы отводит государству время жизни трех поколений. У него циклы носят объективный характер, обусловленный развитием общества.

В трактате мыслитель применил подход, который ранее не встречался у его предшественников и современников. В каждой фазе эволюции государства для общества характерно качественно новое состояние, со своими специфическими признаками. Для людей также присущи особые черты, сформировавшиеся под влиянием каждой фазы.

Для концепции Ибн Халдуна характерна особенность: в ней циклы не замкнуты. Он признает преемственность между новым и погибшим государством, передачу в новых условиях обычаев и традиций от старой к новой властвующей элите. При исследовании циклов мыслитель уделяет много внимания укладу и уровню жизни населения, которые определяют процветание и могущество страны.

Из наиболее авторитетных последователей Ибн Халдуна отметим мыслителя аль-Макризи. Он детально рассмотрел причины инфляционных процессов в Египте эпохи мамлюков, причины и последствия коррупции для государственного аппарата. Ученый уточнил движущие силы, которые в рамках цикла определяют развитие и упадок династического государства.

В работах арабо-исламских мыслителей встречаются иные подходы, связанные с влиянием урбанизации на развитие общества. В трудах Ибн Сины, аль-Фараби, Ибн Баджи, Ибн Рушда и «Чистых братьев» [13, с. 59] встречается концепция Града как трансформированный Полис античных мыслителей и реакция на быстро растущую городскую цивилизацию. В утопиях античного наследия в рамках новых социокультурных условий получило свое дальнейшее развитие, направленное на совершенствование социума средневековья. В работах прослеживается влияние коранической концепции «золотой эпохи».

Наилучшей формой политического устройства Ибн Рушд называет Добродетельный Град. В трактате «Талхис ас-сияса» мыслитель под влиянием идей Платона рассмотрел эволюцию и содержание основных форм государственного правления (Градов): тимократический, олигархический, тиранический и демократический. В рамках концепции Аристотеля арабо-исламский мыслитель выделил добродетель как единственный способ недопущения нравственной деградации заблудших городов и построения идеального государственного строя.

Ибн Рушд не просто разделял взгляд Платона на то, что в прошлом имело место идеальное правление, в период первоначального ислама. Он пошел дальше античного мыслителя: Ибн Рушд считал, что имели место периоды его деградации и восстановления.

Приоритетность светского взгляда, лежащего в основе Добродетельного Града, перед богословским кардинально отличала его концепцию от идей других арабо-исламских мыслителей. Ибн Рушд, опираясь на данные современной ему науки, не разделял роль божественного начала не только в социальных процессах, но и в первоначале всех циклических процессов в природе.

Значительную часть своих работ А. Р. Бируни посвятил астрономии, математике и минералогии. Мыслитель не разделял взгляды перипатетиков по вопросу строения Вселенной. Он критически отнесся к учению Аристотеля о строении космоса в целом и «надлунного» и «подлунного» мира в частности, подвергнув критике идеалистические элементы его натурфилософии. При этом А. Р. Бируни отверг религиозные представления о мире

и считал недопустимым вмешательство религии в науку. «Многие люди, которые все приписывают премудрости Аллаха именно то, чего не знают в науке, оспаривали меня в этом вопросе», – пишет мыслитель [14, с. 72].

В трактате «Памятники мигнувших поколений» [15, с. 38] он изложил результаты своих астрономических наблюдений и, основываясь на принципах цикличности, способы исчисления времени. В трактате «Геодезия» ученый, полемизируя с представителями разных философских школ по вопросу вечности мира, приходит к заключению о его конечности. Основной акцент он сделал на изменчивости реального мира, в том числе и Земли, как результата движения и времени. «И гора претерпела изменения: то сошла вниз, то воздвиглась ввысь. Все эти обстоятельства требовали долгих сроков и сокрыты под качественно неизвестными процессами изменений» [16, с. 23].

Во взглядах О. Хайяма просматривается его приверженность учению перипатетиков. Подобно им, мыслитель видел в отношениях Бога с миром не творца и творимое, а причину и следствие. Влияние аристотелевского положения о производящей причине прослеживается во многих его работах, в первую очередь математически-астрономического характера. «Его идеи не только предвосхитили открытия европейских математиков, но и составляют основу календарной реформы. В ходе нее был введен более прогрессивный календарь, основанный на солнечном, а не лунном цикле» [17, с. 135].

Таким образом, в Средние века формирование циклических концепций в трудах арабо-исламских авторов происходило под влиянием творческого наследия античных и средневековых европейских мыслителей, а также возрастающей роли религиозного фактора. При ограниченности развития науки труды восточных мыслителей содержат в виде опосредованных выводов ряд прогрессивных положений о бесконечности движения и развития. Вся история развития арабо-исламской мысли отмечена постоянным стремлением возвращения к «золотому веку». От этого отталкивались видные мыслители, которые в поиске идеального государства создавали свои теории общественно-политического развития и устройства.

Список использованных источников

1. Драгунский, Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти / Д. В. Драгунский // Полис. – 1992. – № 1. – С. 17–22.
2. Логинов, А. В. Теория циклов в политических учениях IV – начала XIX вв. / А. В. Логинов // Экономическая история. – 2012. – № 3. – С. 62–71.
3. Розов, Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? / Н. С. Розов // Полис. – 2006. – № 2. – С. 8–28.
4. Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А. В. Сагадеева: собр. пер.: в 3 т. / сост. отв. ред. Н. С. Кирабаев. – М.: Изд. дом «Марджани», 2010. – Т. 3. – 360 с.
5. Коран / пер. Э. Р. Кулиев. – 6-е изд. доп. – М.: Умма, 2007. – 688 с.

6. *Наср, Сеййид Хусейн*. Философы ислама: Ибн Сина, ас-Сухраварди, Ибн Араби / Сеййид Хусейн Наср; пер. с англ., предисл. и коммент. Р. Псху. – М.: Языки славянской культуры: ООО «Садра», 2014. – 152 с.

7. *Мартыненко, А. В.* К вопросу о влиянии исламской традиции на вероучение Бахауллы / А. В. Мартыненко // *Minbar Islamic Studies*. – 2018. – № 11(2). – С. 235–244.

8. *Игнатенко, А. А.* Принцип циклизма в средневековой арабо-исламской мысли / А. А. Игнатенко // *Одиссей. Человек в истории*, 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 151–161.

9. *Аль-Баргути, А. К.* Человек и общество в философии чистых братьев: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / А. К. Аль-Баргути; Моск. гос. ун-т. – М., 1991. – 17 с.

10. *Туманян, Т. Г.* О теоретическом наследии Абу аль-Хасан аль-Маварди / Т. Г. Туманян // *Вест. С.-Петербург. гос. ун-та*. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 572–581.

11. *Игнатенко, А. А.* Средневековые «поучения владыкам» и проблематика власти / А. А. Игнатенко // *Социально-политические представления в исламе: История и современность: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения*. – М.: Наука, 1987. – С. 34–36.

12. *Мусаелян, Л. А.* О концепции философии истории Ибн Халдуна / Л. А. Мусаелян // *Филос. и общество*. – 2000. – № 3. – С. 133–154.

13. *Игнатенко, А. А.* В поисках счастья: (Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов) / А. А. Игнатенко. – М.: Мысль, 1989. – 254 с.

14. *Григорян, С. Н.* Из истории философии Средней Азии и Ирана (VII–XII вв.) / С. Н. Григорян. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 330 с.

15. *Бируни, А. Р.* Избранные произведения: в 8 кн.: в 7 т. / А. Р. Бируни; пер. и прим. М. А. Салье. – Ташкент: Изд-во Акад. наук Узбекской ССР, 1957. – Т. 1: Памятники минувших поколений. – 531 с.

16. *Маджиров, Д.* Натурфилософия Абу Рейхана Бируни: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Д. Маджиров; Таджик гос. пед. ун-т. – Душанбе, 2015. – 26 с.

17. *Морончик, С. Б.* Омар Хайям – поэт, мыслитель, ученый / С. Б. Морончик, Б. А. Розенфельд. – Сталинобад: Таджикгосиздат, 1957. – 210 с.

(Дата подачи: 10.01.2022 г.)

Чжан Юйлин

Белорусский государственный университет, Минск

Zhang Yulin

Belarusian State University, Minsk

УДК 327

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КНР О РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

GENESIS OF THE PRC'S CONCEPTS OF REGIONAL SECURITY

В статье раскрывается негативная реакция на защиту суверенитета и интересов Китая в Южно-Китайском море. Тем не менее Пекин создает альтернативы – партнерские отношения, институты и принципы в сфере безопасности, которые позволяют усилить интеграцию азиатских стран.

Ключевые слова: региональная безопасность; АСЕАН; КНР; НОАК; новая концепция национальной безопасности; архитектура безопасности; интеллектуальная война.

In the article the negative reaction to the protection of Chinese sovereignty and interests in the South China Sea is revealed. Nonetheless Beijing is creating alternatives – partnerships, institutions and security principles – that enhance the integration of Asian countries.

Keywords: regional security; ASEAN; PRC; PLA; a new concept of national security; security architecture; intellectual war.

Китай представляет собой уникальный набор вызовов и возможностей для глобального управления, экономического развития, а также безопасности и стабильности, которые влияют на международное сообщество.

С 2013 г. Китай четко призывает к созданию новой архитектуры безопасности в Азии. Институциональная активность Китая развивалась параллельно с сильной концептуальной активностью, которая проясняет объявленную новую региональную архитектуру безопасности. Вскоре после своего прихода к власти Си Цзиньпин обнаружил свою концепцию безопасности «Азия для азиатов» («Азиатское сообщество общей судьбы»), в которой выступал за создание «новой концепции безопасности», которая могла бы стать концепцией ориентира за пределами региона и должна быть, согласно официальному коммюнике, «общей, интегрированной, совместной и устойчивой концепцией безопасности» [25].

Китай недоволен текущей архитектурой управления безопасностью и при Си Цзиньпине заявил о политической решимости реструктурировать ее в постсоюзном направлении. Он стремится сделать это шаг за шагом в ближайшие десятилетия с помощью в первую очередь стран, которые не являются частью системы альянсов под руководством США, но также и союзников и партнеров США в области безопасности, которые могут присоединиться к неофициальному «кругу друзей» Китая. Для достижения этой цели Китай стремится оспорить «сетевую мощь» США, которая позволила Америке стать лидером в Азиатско-Тихоокеанском регионе [22].

Цель Китая заключается в том, чтобы создать новую систему региональной безопасности (исключительно азиатскую), свободную от альянсов, в большей степени ориентированную на проблемы внутренней безопасности, основанную на китайской экономической мощи. Эти цели не новы, но при Си Цзиньпине Китай более активно сосредоточился на том, как реализовать и институционализировать свое видение.

Китай является активным сторонником новой концепции безопасности. В 1996 г. в свете тенденций времени и особенностей Азиатско-Тихоокеанского региона он выдвинул инициативу о том, чтобы страны региона совместно развивали новую концепцию безопасности, которая направлена на укрепление доверия посредством диалога и укрепление безопасности посредством сотрудничества [26]. По мнению Китая, ядро такой новой концепции безопасности должно включать взаимное доверие, взаимную

выгоду, равенство и координацию. Новая концепция безопасности, по сути, состоит в том, чтобы подняться над односторонней безопасностью и добиваться общей безопасности на основе взаимовыгодного сотрудничества. Это концепция, созданная на основе общих интересов и способствующая социальному прогрессу [24].

На современном этапе Китай инвестирует в существующие региональные институты и механизмы безопасности, на которые он имеет или мог бы оказать значительное влияние, и наводит мосты между ними. К таким институтам относятся Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [16], Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), встречи в рамках АСЕАН (АРФ, АДММ+ и др.) [19; 23]. Китай также рассматривает возможность создания некоторых региональных форумов по безопасности (таких как Сяншаньский форум) как неотъемлемые части сети региональной безопасности, а также все многосторонние форумы, семинары и практикумы, которые Китай организует по вопросам, связанным с безопасностью.

Китайская реструктуризация управления региональной безопасностью носит гибкий характер и не требует создания нового официального института региональной безопасности как такового. Это институциональный процесс «наведения мостов», а не процесс создания. Институциональный процесс наведения мостов активно продвигается Китаем посредством значительных финансовых взносов (в СВМДА и ШОС, среди прочих институтов), более тесного сотрудничества между секретариатами заинтересованных институтов, а также активного формирования повестки дня, которая поощряет согласование многосторонних повесток дня с приоритетами Китая, насколько это возможно.

В этой связи в июле 2019 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) объявила о формулировке «Военно-стратегического ориентира новой эры» для адаптации к изменениям в форме войны. НОАК активизировала усилия по укреплению своего военного потенциала за счет внедрения передовых технологий. В речи, произнесенной на 19-м Национальном конгрессе Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся в октябре 2017 г., председатель Си Цзиньпин (генеральный госсекретарь) поставил долгосрочную цель превратить НОАК в «силы мирового уровня» к середине XXI в. [27]. «Силы мирового уровня» предполагают превращение в военную силу, соизмеримую с силами Соединенных Штатов. Укрепление военного потенциала, основанного на науке и технологиях, будет иметь ключевое значение для сокращения военного отставания НОАК от сил США. Си Цзиньпин излагает «укрепление вооруженных сил посредством научно-технического прогресса» в качестве одной из его стратегий создания НОАК. На этом фоне в Белой книге национальной обороны «Национальная оборона Китая в новую эру», опубликованной в июле 2019 г., НОАК выразила следующую точку зрения: «Движимая новым этапом технологических и промышленных революций, применение пере-

довых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), квантовая информация, большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей (IoT), набирают обороты в военное поле». НОАК считает, что военное использование таких передовых технологий имеет решающее значение и является ключом к судьбе будущих войн, и постепенное принятие новой тенденции военной революции может позволить НОАК «обогнать на повороте» [16].

Стремление НОАК использовать научно-технические достижения в военных целях проявляется в реструктуризации ее военной стратегии и развитии военного потенциала в новых областях безопасности. Что касается господствующей формы ведения войны, НОАК указала в отчете 2019 г., что «война по форме эволюционирует в направлении информационной войны и интеллектуальной войны не за горами» [16]. Интеллектуальная война описывается как «комплексная война, ведущаяся на суше, на море, в воздухе, в космосе, в электромагнитных, кибернетических и когнитивных областях с использованием интеллектуального оружия и оборудования и связанных с ними операций и методов, подкрепленных информационной системой IoT» (таблица).

Таблица

Изменения в военной стратегии КНР

Лидер	Наука, технологии и оружие НОАК	Военная стратегия, которая была принята (кроме активной защиты, которая была принята повсеместно)
Мао Цзэдун	Атомная бомба, водородная бомба	Народная война (в то время как ее содержание изменилось, сам термин сохранился в последующие эпохи)
Дэн Сяопин	Перспективное обычное вооружение	Локальные войны в современных условиях
Цзян Земин	Высокие технологии, высокотехнологичное оружие	Локальные войны в высокотехнологичных условиях
Ху Цзиньтао	Информация и оружие, действующие на основе информационных технологий	Локальные войны в условиях информатизации
Си Цзиньпин	Информация, разведка и оружие на их основе	Информатизированная война (переход к интеллектуализированной войне)

Примечание. Источник: разработка автора на основе [16].

Следовательно, НОАК находится в самом начале создания вооруженных сил для того, что Китай называет «новой вехой эпохи», чтобы победить в этой интеллектуальной войне.

Китай рассматривает экономический обмен и взаимодействие как важный путь к прочной безопасности на прилегающих к нему территориях. Как активный участник регионального экономического сотрудничества

различных видов Китай тесно сотрудничает с другими странами региона для многоканального, многомерного и многогранного нового экономического сотрудничества в этой части мира. Развитие регионально-экономического сотрудничества, осуществляемого в формате 10 + 3 в Восточной Азии, не только принесло реальные и ощутимые экономические выгоды заинтересованным странам, но и расширило взаимный обмен, взаимное доверие и сотрудничество между всеми вовлеченными сторонами и в результате вклад в безопасность и стабильность в регионе.

Также Китай уже давно работает над созданием и развитием механизма регионального диалога и сотрудничества в области безопасности. КНР считает, что ключевой гарантией безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона является система региональной безопасности, основанная на диалоге, а не на конфронтации. С этой целью страна придает большое значение ШОС и Региональному форуму АСЕАН (АРФ) и принимает активное участие в их работе.

ШОС – это успешный пример новой концепции безопасности. В свете растущих угроз безопасности, особенно международного терроризма, активизации экстремистских организаций, роста числа транснациональных преступных структур, производства и оборота наркотиков ШОС сделала сотрудничество в области региональной безопасности одним из главных приоритетов [16].

Изначально ШОС задумывалась как многогранная структура, в основе которой лежат три уровня сотрудничества: 1) в политике и безопасности, 2) торгово-экономической деятельности и 3) развитии культурно-гуманитарных связей. ШОС ставит конечной целью развитие и процветание народов, проживающих на ее территории.

ШОС продолжает постепенно развиваться – прежде всего как организация партнерского типа, основанная на схожих подходах государств-членов к развитию такого партнерства.

Отношения АСЕАН с Китаем тесно связаны с экспоненциальным ростом значения последнего в мире за последние 30 лет. Первое официальное взаимодействие Китая с блоком состоялось в 1991 г., а пять лет спустя ему был предоставлен полный статус партнера по диалогу [23]. Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и АСЕАН шаг за шагом развивается во все более тесных отношениях в сфере безопасности. Отношения между Китаем и АСЕАН были повышены до стратегического партнерства уже в 2003 г., раньше, чем с другими партнерами. С тех пор Китай начал множество совместных проектов по трем отраслевым направлениям АСЕАН [23].

В целом подход Китая к региональному управлению, похоже, определяется готовностью нынешнего руководства бросить вызов архитектуре безопасности в регионе, возглавляемой США. Но план Китая состоит не в том, чтобы заменить американскую систему альянсов своей собственной, а в том, чтобы создать другой тип партнерства в сфере безопасности,

который был бы более гибким и соответствовал его собственным интересам [19].

Продолжая прежние призывы к укреплению своего влияния, Китай настаивал на Всестороннем стратегическом партнерстве между АСЕАН и Китаем (АС-CSP) с наступлением 30-летия диалоговых отношений между АСЕАН и Китаем в 2021 г. [12, с. 225]. Это было встречено вежливым сдержанным ответом со стороны блока, как видно из Заявления Председателя 23-го созыва на Саммите АСЕАН – Китай [9]. На момент обсуждения потенциального взаимодействия АС-CSP рассматривался запрос Австралии на повышение уровня своих отношений до CSP [6].

Хотя Австралия извлекает выгоду из прочных экономических связей с Китаем, подразумевая наличие угрозы со стороны все более экстравертной политики Пекина при Си Цзиньпине, она является важным союзником США. Переломным моментом в стратегической политике Австралии в данном контексте стало начало пандемии COVID-19 в 2020 г., которая усугубила негативную оценку глобальной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Наряду с опасениями по поводу способности США сдерживать «китайский авантюризм» и сохранять существующий баланс сил власти Австралии разработали план «Стратегического обновления обороны на 2020 год» [1].

Стратегическое обновление подразумевает изменение оборонной стратегии Австралии в рамках усилий по защите существующего регионального порядка с уделением особого внимания Азиатскому региону, простирающемуся от северо-востока Индийского океана через морскую и материковую части Юго-Восточной Азии до Папуа-Новой Гвинеи и юго-западной части Тихого океана. Чтобы поддержать свои цели по «формированию стратегической среды Австралии», «сдерживанию действий против интересов Австралии» и «ответу надежной военной силой, когда это необходимо», Стратегическое обновление предписывает углубление существующих обязательств Австралии в отношении региональных оборонных партнерств [1]. Этот усиленный уровень безопасности является частью общегосударственных стремлений Австралии обеспечить безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе и содействовать сохранению благоприятного баланса сил.

Ключевой столп сотрудничества Китая с АСЕАН, возможно, носит экономический характер. Китай был первой крупной державой, заключившей соглашение о свободной торговле (ССТ) с АСЕАН [5], и в результате торговля и инвестиции между обеими сторонами быстро выросли. Китай является главным торговым партнером АСЕАН с 2009 г. [10]. В 2020 г. блок превзошел ЕС и стал главным торговым партнером Китая. Двусторонняя торговля в 2020 г. оценивалась в 731,9 млрд долл. США, а приток прямых иностранных инвестиций в регион превысил 7,6 млрд долл. США [3]. Благодаря их широкомасштабному сотрудничеству, охватывающему производственные мощности, коммуникационные и научные технологии, транспортное сотрудничество и «умные города», торговые взаимосвязи

КНР – АСЕАН стали ключевым сектором сотрудничества, и обе стороны работают над синергией общих стратегий в Генеральном плане АСЕАН до 2025 г. и китайском проекте «Один пояс, один путь» [4].

Однако их политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности подвержено меняющейся напряженности. Совместные усилия Пекина по обеспечению безопасности сосредоточены на борьбе с незаконным оборотом наркотиков, транснациональной преступностью и нетрадиционными вопросами безопасности. Что касается оборонной безопасности, Китай участвовал в различных форумах в рамках механизмов под руководством АСЕАН, таких как Встреча министров обороны АСЕАН+, Региональный форум АСЕАН и Восточноазиатский саммит. Однако их политические дискуссии в основном сосредоточены на спорном вопросе территориального суверенитета в Южно-Китайском море. Были инициированы различные меры по урегулированию этих все более напряженных отношений, включая Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море [20], подписанную в 2002 г., и текущие переговоры по Кодексу поведения, которые ведутся с 2017 г. [19].

Продолжающееся ухудшение китайско-американских отношений спровоцировало широкую обеспокоенность среди государств Азиатского региона, большинство из которых желает сохранить преимущества как существующего международного порядка, поддерживаемого Соединенными Штатами, так и взаимодействия с Китаем. Однако, как подчеркивает Дрю Томпсон в своей статье «Разъединение США и Китая и его последствия для региональной безопасности», ни США, ни Китай не заявляли о своем векторе внешней политики в этом вопросе. Хотя напористая внешняя политика Китая и «растущее влияние» побудили администрацию Д. Трампа заявить, что двусторонние отношения определяются конкуренцией, разделение, очевидно, не является «выполнимым или жизнеспособным» политическим выбором для Вашингтона или Пекина [21, с. 5]. В той мере, в какой американские компании перенесли производство и операции по цепочке поставок из Китая, в значительной степени определило сложность рыночных решений. Новый президент США Дж. Байден, вероятно, будет придерживаться основанного на интересах подхода к разъединению, нацеленного на области, имеющие ключевое значение для национальной безопасности США, сотрудничество останется возможным там, где интересы обеих стран совпадают [21, с. 16].

В статье о «Формирующейся большой стратегии Индии после Галвана» Канти Баджпай подчеркивает, как пограничные столкновения с Китаем в мае 2020 г. вдоль линии фактического контроля (ЛФК) в восточном Ладакхе привели к «почти консенсусному» договору. С другой стороны, Индия должна противостоять мощи Китая. «Внутренняя балансировка» сил Индии потребует быстрого экономического роста, в то время как Китай добился этого в период расцвета экономической открытости и глобализации. Индия пытается расти в период усиления протекционизма и деглобализации.

К. Баджпай утверждает, что индийскую стратегию внешней сбалансированности «провести легче» [8, с. 56].

Основа для «антикитайской коалиции» уже есть: Австралия, Япония, США и ключевые европейские державы относятся к Китаю с осторожностью. И хотя Индия проявляла осторожность в своем подходе к поддерживаемому США японскому видению FOIP, она стала более активно участвовать в «Четырехстороннем диалоге по вопросам безопасности», участниками которого также являются Австралия, Япония и США с 2019 г., когда Нью-Дели согласился на встречу четырех членов на уровне министров. Именно растущее стратегическое сотрудничество с США лежит в основе «усилий Индии по внешнему балансированию» [8, с. 58].

Китайские угрозы и экономическая мощь, а также собственное предпочтение Индией «стратегической автономии» могут замедлить или даже предотвратить создание стратегической коалиции. По словам К. Баджпая, курс американо-китайских отношений при президенте Дж. Байдене будет иметь решающее значение: любое существенное смягчение политики США в отношении Пекина может «осложнить усилия Индии по внешнему балансированию». Тем не менее долгосрочная задача по сокращению разницы в силе с Китаем останется [8, с. 59].

Таким образом, Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе развивает партнерские отношения в сфере региональной безопасности, правоохранительной деятельности, экономики, торговли и развития инфраструктуры, формируя тем самым новую архитектуру отношений в регионе.

Анализ мнения авторитетных политиков и специалистов показал, что хотя экономическая мощь Китая действительно оказала влияние на страны Азии, среди государств Юго-Восточной Азии все еще существует большое недоверие к политике и мотивации действий Китая. Территориальные споры с Китаем вызывают озабоченность у многих стран региона. Что касается вопросов безопасности, то государства – члены АСЕАН не готовы ориентироваться только на Китай как неоспоримого регионального лидера. Для большинства хеджирование политических решений в сфере безопасности остается оптимальной стратегией на данном историческом этапе. Однако, поскольку Китай может захотеть изолировать иных крупных акторов (в первую очередь США) из театра действий в Юго-Восточной Азии, многие хотели бы сильной и постоянной роли Соединенных Штатов в регионе. Что еще более важно, многим государствам приходится решать проблемы с недовольством внутренней общественности действиями Китая, затрагивающими их внутреннюю политику, что усложняет ситуацию.

Список использованных источников

1. 2020 Defence Strategic Update [Electronic resource] // Department of Defence: Publications. – Mode of access: <https://www.defence.gov.au/about/publications/2020-defence-strategic-update>. – Date of access: 11.01.2022.

2. Analysts: Rising Debt Burden Could Make Laos More Reliant of China [Electronic resource] // VOA News. – 08 June 2020. – Mode of access: https://www.voanews.com/a/east-asia-pacific_analysts-rising-debt-burden-could-make-laos-more-reliant-china/6190720.html. – Date of access: 12.01.2022.

3. ASEAN becomes China's largest trading partner in 2020, with 7 % growth [Electronic resource] // Global Times. – 14 January 2021. – Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1212785.shtml>. – Date of access: 09.01.2022.

4. ASEAN Becomes China's Largest Trading Partner in H1 [Electronic resource] // The State Council Information Office of The People's Republic of China. – 14 July 2020. – Mode of access: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2020-07/14/content_76271598.htm. – Date of access: 09.01.2022.

5. ASEAN looks to Upgrade FTA with China, Japan, South Korea by 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.china-briefing.com/news/asean-looks-to-upgrade-fta-with-china-japan-south-korea-by-2015>. – Date of access: 11.01.2022.

6. ASEAN Secretariat. Co-Chairs' Summary of the 33rd ASEAN-Australia Forum – Paragraph 38. – March 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://asean.org/wp-content/uploads/33rd-ASEAN-Australia-Forum-Co-Chairs-Summary-FINAL1.pdf>. – Date of access: 09.01.2022.

7. *Young, Ashley*. Singapore's Fears about US-China Relations and Three Wishes [Electronic resource] / Ashley Young // Providence. – 28 August 2020. – Mode of access: <https://providencemag.com/2020/08/singapore-fears-us-china-relations-three-wishes>. – Date of access: 09.01.2022.

8. *Bajpai, K.* India's Emerging Grand Strategy after Galwan: Bridging the Power Gap with China / K. Bajpai // Asia-Pacific Regional Security Assessment 2021: Key Developments and Trends. – IISS, 2021. – P. 54–60.

9. Chairman's Statement of the 23rd ASEAN-China Summit [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – 12 November 2020. – Mode of access: <https://asean.org/wp-content/uploads/47-Final-Chairmans-Statement-of-the-23rd-ASEAN-China-Summit.pdf>. – Date of access: 11.01.2022.

10. China-ASEAN in numbers: Trade ties [Electronic resource] // CGTN. – 11 September 2018. – Mode of access: https://news.cgtn.com/news/3d3d414e3145544d7a457a6333566d54/share_p.html – Date of access: 11.01.2022.

11. Congressional Research Service, US Restrictions on Relations with Burma [Electronic resource]. – Mode of access: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44570>. – Date of access: 09.01.2022.

12. *Hoang, T. H.* Understanding China's Proposal for an ASEAN-China Community of Common Destiny and ASEAN's Ambivalent Response / T. H. Hoang // Contemporary Southeast Asia. – 2019. – V. 41. – № 2. – P. 223–254.

13. *Jay, Panda*. Indonesia Alarmed at Fishing Suspected Chinese Submarine Drone in Its Waters [Electronic resource] / Jay Panda // May Escalate. – 3 January 2021. – Mode of access: <https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/indonesia-alarmed-at-fishing-suspected-chinese-submarine-drone-in-its-waters-may-escalate.html>. – Date of access: 09.01.2022.

14. *Kurlantzick, Joshua*. Vietnam, Under Increasing Pressure from China, Mulls a Shift Into America's Orbit [Electronic resource] / Joshua Kurlantzick // WPR. – 30 January 2020. – Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28502/as-china-vietnam-relations-deteriorate-hanoi-mulls-closer-ties-with-the-u-s>. – Date of access: 09.01.2022.

15. *Kuok, L.* An Introduction to Asia-Pacific Regional Security [Electronic resource] / L. Kuok, T. Hunley // IISS. – June 2021. – Mode of access: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/06/rsa-2021-introduction>. – Date of access: 12.01.2022.

16. NIDS China Security Report 2021: China's Military Strategy in the New Era [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nids.mod.go.jp/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2021_A01.pdf. – Date of access: 14.01.2022.

17. Overview of ASEAN-China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – April 2020. – Mode of access: <https://asean.org/storage/2012/05/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020-00000002.pdf>. – Date of access: 08.01.2022.

18. Overview of Dialogue Relations of ASEAN with the Abovementioned Countries: ASEAN Secretariat Information Papers [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – 2021. – Mode of access: <https://asean.org/asean/external-relations/>. – Date of access: 08.01.2022.

19. *Storey, I.* Assessing the ASEAN-China Framework for the Code of Conduct for the South China Sea [Electronic resource] / I. Storey // ISEAS_Perspective. – 2017. – № 62. – Mode of access: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_62.pdf. – Date of access: 10.01.2022.

20. The Code of Conduct of the Parties in the South China Sea: a Tremendous Mistake [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.asie21.com/2017/08/17/the-code-of-conduct-of-the-parties-in-the-south-china-sea-a-tremendous-mistake/>. – Date of access: 10.01.2022.

21. *Tomson, D.* US-China Decoupling and its Regional Security Implications / D. Tomson // Asia-Pacific Regional Security Assessment. – IISS, 2021. – PP. 3–19.

22. *Victor, D. Cha.* Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / D. Victor Cha. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. – 352 p.

23. 中国东盟关系 (Отношения Китая и АСЕАН) [Электронный ресурс] // Асеано-китайский центр. – Режим доступа: http://www.asean-china-center.org/2019-05/28/c_13356849.htm. – Дата доступа: 13.01.2022.

24. 《中国的亚太安全合作政策》白皮书 (Документ «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе») [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/36048/35875/35989/Document/1539229/1539229.htm> – Дата доступа: 13.02.2022.

25. 习近平在亚洲相互协作与信任措施会议第四次峰会上的讲话 (全文) (Выступление Си Цзиньпина на 4-м Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (полная речь)) [Электронный ресурс] // Агентство «Синьхуа». – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-05/21/c_1110796357.htm – Дата доступа: 11.02.2022.

26. 中国关于安全观的立场文件 (Документ с изложением позиции Китая по новой концепции безопасности) [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t4549.htm> – Дата доступа: 15.02.2022.

27. 习近平强调坚持走中国特色强军之路, 全面推进国防和军队现代化 (Си Цзиньпин подчеркивает приверженность пути сильной армии с китайской спецификой и всесторонней модернизацией национальной обороны и армии) [Электронный ресурс] // Агентство «Синьхуа». – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/18/c_1121820910.htm – Дата доступа: 11.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

Е Чэнь

Белорусский государственный университет, Минск

Ye Chen

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(1-6СНГ)

РЕФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

REFORMS AND ACTIVITIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: AN ANALYTICAL PERSPECTIVE OF SOCIAL IDENTITY THEORY

В статье рассматриваются основные направления реформирования деятельности СНГ и предпринята попытка проанализировать причины постепенного изменения статуса организации на современном этапе с точки зрения теории социальной идентичности. По мнению автора, создание СНГ было продуктом определенной эпохи и конкретного региона и его развитие и реформирование имеет большое значение для постсоветского пространства.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств; коллективная идентичность; постсоветское пространство; интеграция.

The article discusses the main directions of reform of the activities of CIS and tries to analyze the reasons for gradual change of its status at the present stage from the perspective of social identity theory. According to the author, the CIS emerged as a product of particular era and particular region and its development and reform is of great significance for the post-Soviet space.

Keywords: Commonwealth of Independent States; collective identity; post-Soviet space; integration.

В последние годы СНГ постепенно трансформируется в региональную интеграционную организацию с широким спектром областей сотрудничества и гибкими механизмами взаимодействия. Фокус сотрудничества в СНГ включает в себя не только региональное экономическое сотрудничество, но и региональную безопасность, культурное сотрудничество и другие аспекты.

В большинстве исследований, посвященных СНГ, рассматриваются причины его создания, этапы развития, институциональная структура и результаты сотрудничества в различных сферах. Ряд ученых анализируют роль российского фактора в развитии СНГ с точки зрения участия и интересов России в СНГ [1]. В последние годы ряд исследований посвящен дилеммам развития СНГ с разных точек зрения, например в контексте способности СНГ решать региональные проблемы после украинского кризиса [2; 3]. Некоторые исследователи рассматривают СНГ как одну из организаций

постсоветской интеграции, сравнивая сходства, различия и перспективы государств-членов. Следует отметить, что исследование развития СНГ, представленное во многих научных публикациях, представляет собой изучение региона СНГ в широком смысле и охватывает различные интеграционные организации постсоветского пространства. Ряд ученых используют теорию идентичности в своих исследованиях для анализа деятельности организаций, например Шанхайской организации сотрудничества и Организации Центрально-Азиатского сотрудничества [4; 5].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения основных этапов развития, реформирования и повышения эффективности СНГ на основе теории социальной идентичности. Основное внимание уделяется анализу политического поведения государств-членов в интегрированных организациях. В настоящее время, когда интерес ряда государств-участников к СНГ ослабевает, развитие и реформирование организации является важным элементом постсоветского пространства.

Содружество Независимых Государств – это союз государств, образованный республиками бывшего Советского Союза. СНГ было образовано для координации действий стран-участниц в области международной безопасности, строительства армии, экономического развития и культурного обмена. К основным институтам СНГ относятся Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны и др.

СНГ было создано для решения проблем, возникших после распада Советского Союза, раздела наследия бывшего СССР и организации новых отношений регионального сотрудничества. СНГ обеспечило основы экономического сотрудничества и взаимодействия в сфере безопасности между странами постсоветского пространства, что способствовало экономическому развитию и социальной стабильности стран. СНГ первоначально рассматривалось как экономический союз, включающий зону свободной торговли, единое экономическое пространство, валютный союз. Однако из-за того, что в первые годы после распада Советского Союза страны сосредоточились на создании собственной государственности и больше внимания уделяли внутреннему развитию, СНГ не достигло той высокой степени внутрирегиональной политической и экономической интеграции, которая планировалась в первые годы его создания. По мере развития интеграционных организаций разной степени на постсоветском пространстве роль СНГ в организации внутрирегионального экономического сотрудничества перешла к ним, в основном – к Евразийскому экономическому союзу. Этот фактор, наряду с процессами реформ в странах-участницах, ускорил намерения реформировать СНГ. С 2006 г. все основные документы СНГ призывают к высокой степени интеграции, однако, в отличие от многих международных организаций, Устав СНГ – основной документ СНГ – не ставит перед странами-участницами задачу достижения общей конечной цели, а лишь констатирует их готовность к сотрудничеству [6]. На встрече глав государств

СНГ в 2007 г. была принята Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и определен новый этап краткосрочных и среднесрочных целей развития [7].

Нынешнее СНГ представляет собой гибкую и недостаточно интегрированную организацию, в которой допускается различная степень участия в интеграции государств-участников. В СНГ реализуется Стратегия экономического развития, направленная на повышение производительности труда, развитие межгосударственных инновационных проектов, углубление межотраслевого сотрудничества, развитие торгово-экономического сотрудничества [8, с. 55]. С 2011 г. СНГ усилило борьбу с терроризмом, транснациональными преступными организациями, нелегальной миграцией, торговлей людьми и наркотиками. На заседании Совета глав государств СНГ в 2021 г. было отмечено, что цели и принципы, указанные в учредительных документах СНГ, остаются в интересах всех государств-участников. Общая задача стран СНГ – реализовать потенциал Содружества, укрепить его позиции на международной арене и обеспечить его дальнейшее динамичное развитие [9].

Направление реформ деятельности СНГ в значительной степени зависит от отношения стран-участниц к интеграции, которое определяется национальными интересами и уровнем национальной идентичности. Ученый-конструктивист Александр Вендт описал «типологическую идентичность» (type identity) и «коллективную идентичность» (collective identity) при определении национальной идентичности. Аналог «типологической идентичности» – это «типы режима» (regime types) или «формы государства» (forms of state) [10, с. 222]. Государства – участники СНГ стали на путь либеральной экономики после драматических перемен, последовавших за распадом Советского Союза. «Коллективная идентичность» приводит отношения между собой и к другим к логическому завершению, а именно к идентификации (identification). Идентификация – это когнитивный процесс, в котором граница «Я» и «Другой» становится размытой и на стыке возникает полная трансценденция [10, с. 224]. Коллективная идентичность СНГ имеет свои особенности, хотя государства – участники СНГ имеют хорошую основу для своей коллективной идентичности, основанной на сходстве истории и моделей развития. Однако, в отличие от других региональных интеграционных организаций, таких как АСЕАН, страны – участники СНГ имели коллективную идентичность как «бывшие советские республики», а после обретения независимости вступили на путь «деинтеграции».

На начальном этапе становления и развития СНГ как организация эволюционировала от стадии самостоятельного развития к совместному. В этот период государства – участники СНГ пережили период определения своей индивидуальной идентичности. Дальнейшее развитие их интеграции требовало восприятия их общей коллективной идентичности, в то время как у них была лишь типологическая идентичность принадлежности к одному и тому же постсоветскому пространству. Установление коллективной

идентичности, которая опирается на политическую культуру системы, существует в интерактивных отношениях акторов и подчеркивает межсубъектную согласованность. В 2000–2010-х гг. Грузия, Туркменистан и Украина минимизировали свое участие в СНГ, шесть стран СНГ были приглашены к участию в программе ЕС «Восточное партнерство». Эти процессы привели к тому, что коллективный консенсус идентичности, созданный в рамках раннего СНГ, постепенно распадался. Теория национальной идентичности и национальных интересов объясняет глубинные причины поведения и политического выбора государств – участников СНГ в региональном экономическом сотрудничестве.

Ряд ученых изучают процесс развития региональных интеграционных организаций, разделяя основные процессы теории социальной идентичности на социальную категоризацию, социальное сравнение и социальную идентификацию, что также актуально для изучения развития и реформирования интеграции в рамках СНГ [5, с. 53]. Социальная идентичность сначала испытывает классификацию вещей, обнаружение «принадлежности к себе» и формирование социальной категоризации. Посредством социального сравнения мы можем найти сходство во внутренних группах и выделить различия с внешними группами. После этих двух этапов формируются очевидные «личностные характеристики» и социальная идентичность. На первом и втором этапах развития СНГ прошло этап «социальной категоризации». В ходе политической и экономической трансформации страны-участницы стали независимыми и создали СНГ, обретая стабильную идентичность как страны на постсоветском пространстве. В силу своего геополитического характера страны СНГ в основном также разделяли общие подходы в сфере региональной безопасности и вследствие этого укрепляли военное сотрудничество против внешнего давления и проводили «социальное сравнение» с другими западными странами в международном сообществе. В настоящее время развитие СНГ все еще находится на стадии социального сравнения и в меньшей степени характеризуется «социальной идентичностью».

Можно утверждать, что дилемма идентичности является одной из основных причин медленного прогресса экономической интеграции в СНГ и, следовательно, деятельности по его реформированию. Государственные и этнические границы играют существенную роль в формировании и последующей динамике национальной и региональной идентичности [11, с. 84]. Неспособность стран – участниц СНГ сформировать социальную идентичность с высокой степенью единства обусловлена также различиями в восприятии индивидуальной идентичности в разных странах, и это различие определило разный выбор направления национального развития. После распада Советского Союза Литва, Латвия и Эстония не присоединились к СНГ, предпочтя интегрироваться в Европейский союз и НАТО. Это также означало, что страны, присоединившиеся к СНГ, получили возможность противопоставить свое восприятие идентичности как «Я»

и «Другие». Россия как региональная держава активно формирует свою идентичность в качестве регионального лидера и способствует созданию региональных интеграционных организаций с различными уровнями сотрудничества. Выбор моделей отношений между Россией и другими странами СНГ во многом отражает степень восприятия странами-участницами собственной идентичности и отождествления себя с коллективной идентичностью. Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией после российско-грузинского конфликта 2008 г. и вышла из СНГ в 2009 г. Азербайджан не проявляет интереса к внутренним делам СНГ. Участие Молдовы в СНГ в большей степени сосредоточено на экономическом и торговом сотрудничестве. Армения активно сотрудничает со странами Запада, сохраняя при этом союзнические отношения с Россией и участвуя в ОДКБ и ЕАЭС. Государства Центральной Азии также по-разному относятся к СНГ. Казахстан как крупная региональная держава в Центральной Азии позитивно относится к региональному сотрудничеству, при этом он также является крупным экспортером энергоносителей. Отношения Узбекистана с СНГ подвержены колебаниям, особенно в последние годы, когда к власти пришел новый президент Ш. Мирзиёев, который является сторонником развития регионального сотрудничества. Кыргызстан в целом позитивно относится к интеграции в Евразийском регионе и в то же время сдержан в сотрудничестве из-за уровня цен, разницы в доходах и восприятия российской политики в регионе. Таджикистан также с осторожностью относится к сотрудничеству, поскольку существует значительный разрыв между его внутренними экономическими возможностями и мощью других стран-участниц. Туркменистан, основой внешней политики которого является принцип нейтралитета, заинтересован в сотрудничестве с другими странами в основном в области экспорта энергоносителей и расширении своего энергетического рынка. Украина ограничила отношения с Россией после крымского вопроса в 2014 г. и вышла из институтов СНГ. Беларусь поддерживает отношения стратегического союзничества с Россией и активно содействует процессу интеграции СНГ, штаб-квартира которого находится в Минске.

Ограничение сотрудничества ряда стран-участниц в рамках СНГ, аморфность самой организации отражают тот факт, что до вступления в стадию социальной идентичности им еще далеко. С одной стороны, общая история, язык и культура являются основой для поддержания региональной идентичности в СНГ. В региональной экономической интеграции существует также и противоречие представлений. Происходит десоветизация регионального экономического сотрудничества, а дипломатическое поведение России может усугубить поляризацию региональных представлений. Несмотря на то что евразийство очень популярно среди российской политической элиты, оно не привлекает простых граждан СНГ [12, с. 109]. С другой стороны, идеологический плюрализм также ведет к разделению региональной идентичности. Западные ценности и социальные системы оказали сильное

влияние на политическую трансформацию постсоветского региона. Такие страны, как Украина, Молдова и Грузия, предпочитают ориентироваться в своей политике на ЕС и США. «Цветные революции» и политические потрясения также содействовали разжиганию националистических проявлений в этих странах.

В сущности СНГ не обладало достаточным потенциалом для решения региональных проблем. Столкнувшись с вопросами, оставшимися после распада бывшего Советского Союза, СНГ стремилось стать организацией региональной безопасности и драйвером развития. Однако существовали проблемы территориальных и вооруженных конфликтов внутри стран-участниц, а их совокупная мощь была недостаточно сильной. Потенциал России как региональной державы также был недостаточен в политическом и культурном плане для продвижения региональной интеграции [2, p. 256].

Международные организации могут расширить возможности отдельных государств для достижения целей, которые были бы невозможны в отсутствие договоренностей о сотрудничестве [13, p. 1]. Современный этап реформ деятельности СНГ направлен на обеспечение региональной безопасности, развитие экономического и гуманитарного сотрудничества и концентрируется на ключевых областях, составляющих общий региональный интерес. Как представляется, СНГ должно быть преобразовано в гибкую и широкомасштабную организацию сотрудничества. В соответствии с особенностями времени СНГ также уделяет внимание таким важным вопросам, как инновационное сотрудничество. По данным Статкомитета СНГ, в условиях пандемии падение экономики СНГ за 2020 г. составило 3 %, тогда как общемировое падение – 4,4 %, зоны евро – 6,8 %, падение самой мощной экономики в ЕС Германии – 5 %. Очевидно, что экономика стран СНГ находится ниже уровня мировой экономики, однако несомненно, что СНГ будет восстанавливаться быстрее, чем другие экономические союзы. В СНГ разработана новая стратегия экономического развития на период до 2030 г. [14].

В 2016 г. было принято решение об адаптации СНГ к современным реалиям, в котором предусматривался комплекс организационных и практических мер, направленных на повышение эффективности деятельности уставных и отраслевых органов Содружества путем уточнения и разграничения полномочий между этими структурами [8, с. 54]. СНГ также уточнило свою функциональную позицию и активно развивает сотрудничество, например, с китайской инициативой «Один пояс и один путь». СНГ также активизировало взаимодействие с Евразийским экономическим союзом и Организацией Договора о коллективной безопасности, которые предоставляют возможности для сотрудничества между странами региона и внешним миром. В качестве «ответа» на различия в идентичности участники СНГ приняли в качестве основополагающего принцип поиска точек соприкосновения при сохранении различий. Концепция «евразийского гражданства» была

разработана для продвижения научно-технического и интеллектуального сотрудничества, более приемлемого для молодых поколений [15, с. 155].

Несмотря на то что сотрудничество в СНГ в настоящее время не может полностью перейти в стадию социальной идентичности из-за сложности внутренних проблем, реформа деятельности СНГ предлагает возможность преодоления предрассудков и конфликтных ситуаций между странами-участницами на основе общих интересов.

Список использованных источников

1. *Kramer, M.* Russian policy toward the Commonwealth of Independent States: recent trends and future prospects / M. Kramer // *Problems of Post-Communism*. – 2008. – Т. 55, № 6. – P. 3–19.
2. *Kubicek, P.* The Commonwealth of Independent States: an example of failed regionalism? / P. Kubicek // *Review of International Studies*. – 2009. – Т. 35, № S1. – P. 237–256.
3. *Сян, Чэнь.* Анализ дилеммы развития и корней Содружества Независимых Государств / Чэнь Сян // *Исследование стратегических решений*. – 2015. – № 3. – С. 43–58.
4. *Ячжоу, Чэнь.* Эффект признания и дилемма Шанхайской организации сотрудничества / Чэнь Ячжоу // *Мировая экономика и политика*. – 2021. – № 2. – С. 19–46.
5. *Шу, Ян.* Региональная интеграция в Центральной Азии с точки зрения теории социальной идентичности / Ян Шу, Ван Шусен // *Российские исследования*. – 2018. – № 3. – С. 45–75.
6. Доклад Председателя Исполнительного комитета – Исполнительного секретаря СНГ В. Б. Рушайло на Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – 2006. – Режим доступа: https://e-cis.info/page/3391/79638/?sphrase_id=30317. – Дата доступа: 20.12.2021.
7. Об итогах заседания Совета глав государств СНГ (г. Душанбе, 5 октября 2007 года) [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – 2007. – Режим доступа: https://e-cis.info/page/3463/79721/?sphrase_id=30312. – Дата доступа: 20.12.2021.
8. *Русакович, А. В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: курс лекций / А. В. Русакович. – Минск: РИВШ, 2019. – 212 с.
9. Итоги заседания Совета глав государств СНГ [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – 2021. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/20861/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2815_oktjabrja_2021_goda%29. – Дата доступа: 20.12.2021.
10. *Вендт, А.* Социальная теория международной политики / А. Вендт. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2014. – 397 с.
11. *Кувенева, Т. Н.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т. Н. Кувенева, А. Г. Манаков // *Социологические исследования*. – 2003. – № 7. – С. 77–84.
12. *Колодзинская, Г. В.* Общегражданская идентичность и евразийское сознание / Г. В. Колодзинская // *Социокультурная евразийская интеграция: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Л. А. Василенко*. – Белгород, 2017. – С. 105–114.
13. *Lawrence, Z.* The United Nations: International Organization and World Politics / Z. Lawrence, E. R. Robert, C. P. Jack // *Cengage Learning*. – 2005. – 308 p.

14. СНГ и евразийская интеграция: перспективы развития // [Электронный ресурс] / Интернет-портал СНГ. – 2021. – Режим доступа: https://e-cis.info/news/566/94643/?sphrase_id=30317. – Дата доступа: 20.12.2021.

15. Кармазин, Д. Н. Формирование евразийской гражданской идентичности и интеллектуальной кооперации в процессе становления гражданского общества и развития евразийской интеграции в Беларуси / Д. Н. Кармазин // Социокультурная евразийская интеграция: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Л. А. Василенко. – Белгород, 2017. – С. 155–167.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

М. М. Юсна

Республиканский институт высшей школы, Минск

М. Yuspa

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 32.01:316.7

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОНЯТИЕ, ВИДЫ

SYMBOLIC CAPITAL: ORIGIN, DEFINITION, TYPES

В статье проводится анализ смысла термина «символический капитал», представленного в работе «Практический смысл» Пьером Бурдьё в 1980 г. Автор приходит к выводу, что определение, предложенное французским социологом, является скорее синонимом «репутации». Однако у «символического капитала» есть существенный потенциал для использования в качестве инструмента для системного анализа личностей, общностей, цивилизаций.

Ключевые слова: символический капитал; индивидуальный символический капитал; территориальный символический капитал; коллективный символический капитал; цивилизация; национальная безопасность; информационная безопасность.

In the article is being analyzed the meaning of the term «symbolic capital», introduced in «The Practical Sense» by Pierre Bourdieu in 1980. The author comes to the conclusion that the definition proposed by the French sociologist is rather synonymous with «reputation». However the «symbolic capital» has a significant potential for use as a tool for the systematic analysis of individuals, communities, civilizations.

Keywords: symbolic capital; individual symbolic capital; territorial symbolic capital; collective symbolic capital; civilization; national security; information security.

В статье «Столкновение цивилизаций?» (1993) С. Хантингтон отметил, что после окончания холодной войны противостояние ведущих мировых цивилизаций не завершилось ввиду победы либеральной идеологии над коммунистической и установления глобального либерального миропорядка, как полагал Ф. Фукуяма в работе «Конец истории?» (1989).

Противостояние лишь поменяло свою форму и трансформировалось от войны идеологий к столкновению цивилизаций через различие конфессиональных, культурных и этнических идентичностей [11]. Столкновение цивилизаций имело место всегда, только сегодня мы видим этот процесс лучше, чем наши предки пару столетий назад, лишь благодаря развитию информационных технологий, стирающих границы межкультурной и межличностной коммуникаций.

Цивилизации состоят из людей и их групп, и для эффективного понимания происходящих процессов в рамках взаимодействия различных цивилизаций необходимо правильным образом собирать, хранить, обрабатывать и использовать данные о людях, что является жизненно необходимым как для белорусской общности, так и для Русской цивилизации в целом в условиях все набирающей обороты многоликой беспринципной конфронтации. В этой связи большой интерес для анализа представляет концепция «символического капитала», представленная французским социологом Пьером Бурдьё.

Впервые понятие «символический капитал» появляется в его работе «Практический смысл» (1980), которая стала результатом этнологических исследований автора в колонизированном Францией и затем обретшем независимость Алжире, где он изучал жизнь местного населения в Кабильском регионе и влияние колониальных войск и администрации на трансформацию племенного уклада [9, с. 358–358]. «Символический капитал» Бурдьё определил как «капитал чести и престижа», разумно накапливая и преумножая который индивид получает некий более высокий статус, позволяющий ему пользоваться дополнительными преимуществами в социуме [3, с. 231].

Исходя из представленного видения можно с большой долей вероятности предположить, что речь идет о некоем внешнем антураже или, говоря уже известными терминами, о репутации, определение которой говорит о качестве характера, основанном на общей оценке людей или общественном уважении – добром имени [10]. По сути, мы имеем дело с так называемым ребрендингом, когда берется уже некоторое время существующий на рынке продукт/организация или человек (личный бренд) и меняется внешняя графическая оболочка, название, пересматривается подход к философии продукта, его истории. В данном случае репутации придали магический флёр традиционности. При этом Бурдьё рассматривает символический капитал как пополняемый ресурс посредством, например, демонстрации своего статуса неким бессмысленным, с точки зрения обывателя, шествием, что предполагает наличие финансовых ресурсов на такого рода показ и, следовательно, ограничение допуска в клуб символических капиталистов [3, с. 233].

Автор сопоставляет подходы к осуществлению экономических отношений в отдельно взятой общности и известной ему европейской капиталистической модели и справедливо отмечает, что экономизм капиталистического общества не может понять эту архаичную сущность традиционной экономики, так как она построена на абсолютно другом мировосприятии.

Он указывает, что рассматриваемое общество обожествляет окружающую природу и этими своими действиями возводит моральный барьер, не позволяющий видеть природу исключительно как источник необходимого в производстве сырья, а труд как борьбу за сырье с божественной природой [3, с. 222]. То есть у этих людей выстроена иная структура мировоззрений, в соответствии с которой экономика является производной от мирного сосуществования с природой, а не результатом ее покорения.

Бурдьё рассматривает пример традиционного ужина в качестве благодарности каменщику за выполненную работу как скрытую форму оплаты – «коллективно согласованное притворство». Фактически хозяин дома мог бы отдать работнику стоимость ужина и тем самым избежать исполнения этого трудоемкого и бесполезного на взгляд европейца ритуала, но предпочитает вложить средства в покупку ингредиентов для трапезы [3, с. 224]. Полагаем, что в данном случае речь идет об устоявшемся обычае общности, а не попытке завуалировать экономическую составляющую повседневной деятельности, как это видит западный человек исходя из шаблонов своего мышления.

Подобные действия хозяина можно интерпретировать как желание продемонстрировать наемному работнику высокий уровень уважения к его труду, так как им и его супругой было потрачено время на выбор продуктов и их приготовление, а такое внимание не может быть оценено деньгами. Это может быть символом почетности любого труда в обществе.

Чем бы это ни было, но оно было глубоко заложено в местные устои, однако, в результате воздействия европейских практик, понимание этих процессов начало меняться и в 1955 г. произошел скандал, когда местный каменщик попросил денежную компенсацию за приготовленный обед и удалился [3, с. 223]. Таким образом, символ потерял свое значение – культурный процесс поменял направление своего движения, впитав элементы мышления, более свойственные колонизаторам.

В описании символического капитала Бурдьё не делит его на категории, но из его анализа можно сделать вывод, что символический капитал все-таки стратифицирован. Так, автор указывает, что «соглашения заключаются тем легче и тем полнее полагаются на “добросовестность”, чем генеалогически ближе участвующие в них группы или индивиды; и наоборот, чем более обезличенными оказываются отношения, т. е. по мере перехода от отношений между братьями к отношениям между “чужаками” – жителями разных деревень, тем менее шансов, что сделка вообще будет заключена, зато при этом она все более способна стать чисто “экономической”» [3, с. 225].

В этих словах можно увидеть, что есть некая малая родственная группа, у которой свои традиции ведения дел и ее члены понимают, что в отношении друг с другом все неписанные правила будут соблюдены и поэтому можно обойтись и без внешних экономических или юридических инструментов во взаимном обмене, но нет гарантии, что данные правила,

передаваемые из уст в уста, будут также соблюдаться и членами иной группы, и поэтому начинает работать другая процедура, т. е. мы приходим к делению символического капитала на типы. В данном случае – индивидуальный и коллективный.

Бурдьё приводит хороший пример коллективного символического капитала, представляя отношения купли-продажи: «...старички-информаторы неистощимы в рассказах о том, какие хитрости и обманы обычно практикуются на «больших рынках», т. е. при обменах с незнакомыми людьми. От них только и слышишь, что о мулах, которые убегают, едва приведенные к новому владельцу, о растирании быков особой травой (*adhris*), чтобы они распухли и казались более упитанными...» [3, с. 225]. В этом описании экономической коммуникации на рынке мы видим обращение к еще одной копилке знаний. С одной стороны, это все те же знания группы, с другой – они привязаны к конкретной географической зоне со свойственной ей флорой, возможно, не представленной в местах обитания племени, с которым ведутся торговые отношения. Это знание одновременно является и частью базы данных группы и привязано к территории, т. е., по сути, это символический капитал места, который является набором информации о местности, и обладание им позволяет получать не совсем этическое преимущество при осуществлении сделок по продаже скота.

Примеры традиционного уклада алжирского племенного общества, представленные Бурдьё, демонстрируют, что символический капитал есть не что иное, как знание или набор данных, которые можно использовать для увеличения собственной экономической или репутационной выгоды в зависимости от контекста применения. Обладание и использование символического капитала формирует определенное мнение об обладателе, фактически создавая его репутацию.

Данное обстоятельство еще раз доказывает, что символический капитал этой малой группы есть не что иное, как вместилище особой информации, закодированных данных. И представитель другой группы не в состоянии оценить глубину этих знаний, так как не владеет, исходя из примера отношений на рынке, природным контекстом развития общности конкурента – т. е. ключами декодирования, которые позволяют представителям той или иной общности вести такую некрасивую рыночную борьбу.

На накопительную, распределительную и обучающую функции коллективного символического капитала обращает внимание и российский политический мыслитель А. С. Панарин, по словам которого это есть не что иное, как копилка памяти, общих ценностей и обычаев, в которую также входят образы героев и габитусы (шаблоны поведения, основанные на локальном знании) [6]. Российский исследователь Д. А. Аникин отмечает, что важной составляющей символического капитала является социальная память, которая есть «совокупность способов репрезентации прошлого», т. е. процедура по обращению в историческое знание и его последующего представления в той или иной форме [1].

Бурдьё в своей работе воспринимает кабийские племена как стоящие на более низком уровне развития, констатируя, что «никто не ведаёт различия между трудом производительным и непроизводительным, прибыльным и неприбыльным» [3, с. 228]. Он указывает, что эта общность не хочет принимать «объективную суть» экономики, и приходит к выводу, что местные экономические взаимодействия, не имеющие видимого материального значения, по сути «бескорыстные и вместе с тем бесполезные». Это, по мнению автора, означает, что «отрицаемый капитал, признанный в своей законности, а значит не узнаваемый в качестве капитала – это и есть символический капитал» [3, с. 230].

Российский исследователь Н. Г. Федотова, которая отмечает, что в современном обществе под понятием капитала «в самом широком контексте, понимают ресурсы, приносящие прибыль» и можно предположить, что символический капитал Бурдьё тоже должен иметь некие ресурсы, благодаря которым он приумножается [7]. В данном случае мы можем сказать, что ресурс, приносящий прибыль при мошеннических сделках на традиционных рынках, описанных Бурдьё, даёт знание о правильном использовании предоставленных природой материалов, базирующееся на ареале обитания племени. И мы опять приходим к тому, что символический капитал – это некий объём уникальной для его носителя информации, который позволяет его выделить среди других.

Бурдьё смотрит на символический капитал как на элемент «экономики добросовестности, где лучшую, если не единственную экономическую гарантию составляет добрая слава» [3, с. 232]. Но что это если не традиция, укоренившаяся столетиями развития этой общности? Ведь должны быть критерии оценки «доброй славы», которые позволяют делать заключение о порядочности личности.

На примере рыночной торговли, где человек «за счёт кредита и капитала доверия, который даёт репутация человека не только богатого, но и честного», может совершать сделки, не используя материальные ресурсы, а опираясь лишь на свою репутацию, мы опять видим, что Бурдьё рассматривает символический капитал очень узко – как имиджевую составляющую индивидуума не пытаясь заглянуть в глубь самого явления и вставить этот анализ в контекст [3, с. 233].

Когда же мы все-таки погрузимся в детали происходящих событий, от которых никогда нельзя отходить в исследовании, то сможем увидеть, что эта репутация не является чем-то врожденным и не передается человеку с кровью, за исключением тех случаев, когда ребенок рождается в уважаемой семье с неким авансом доверия, который он должен будет подтвердить по мере взросления. Индивид не растет в стерильной среде, а постоянно находится в различных группах (семья, спортивный кружок, школа, университет, армия, работа, страна), которые передают ему традиции, верования, знания и другие элементы кода, формирующие его индивидуальный символический капитал. На основании полученных данных происходит

сознательная или бессознательная оценка этого человека иными людьми. Очевиден и тот факт, что этот индивидуальный символический капитал не имеет равной значимости в разных общностях и потому не может быть исключительно репутацией. Это можно хорошо увидеть на примере следующей гипотетической ситуации.

Допустим, на планете Земля в какой-то мало изученной местности сохранилось небольшое и автономное поселение людоедов, которое использует обряд поедания людей сугубо в ритуальных целях – для устрашения своих противников. Раз в месяц они нападают на соседей, и по итогу этой миссии воины съедают сердца убитых противников и нанизывают их уши себе на ожерелье. Чем длиннее ожерелье, тем выше социальный статус члена племени, так как это указывает на то, что он умелый боец, прожил долгую жизнь и имеет серьезные в ней познания.

В соответствии с шаблоном Бурдье этот человек обладает у себя в общности весомой репутацией, имиджем храбреца и, следовательно, значимым символическим капиталом. В своей группе он свободно может этим статусом пользоваться, так как любой захочет ему помочь в сезон уборки урожая, чтобы взять на себя частичку его символического капитала в виде передаваемых знаний о земледелии и ведении военных кампаний. Но сможет ли он получить такой же социальный статус, если решит эмигрировать в западную Европу? В недалеком будущем, с учетом тяги Западной цивилизации к легализации всяких, еще половину века назад запрещенных, практик, это вполне возможно, но сегодня на него однозначно будут смотреть как минимум с осторожностью.

Тут мы приходим к выводу, что символический капитал без местной культурного процесса, знаний, смыслов, символов, традиций, религии, а может природных особенностей, существовать не может. И логичным кажется вывод, что символический капитал (в данном случае индивидуальный) – это набор знаний индивидуума, которые формируют его умения, мировосприятие, мировоззрение, характер и репутацию. Но эти знания не существуют сами по себе в пространстве. Человек откуда-то их черпает! Другие же соплеменники производят оценку его качеств на основании переданного кем-то шаблона, а не верят на слово. Значит, есть и система хранения более высокого уровня – уровня деревни, племени, профсоюза, партии, народа, страны, цивилизации – уровня общности.

Теперь, когда люди слышат ключевые слова, то у них сразу в голове начинают всплывать определенные символы. Слышат еврей и ассоциации подсказывают – Холокост, тяжелая судьба, Израиль, развитая наука и сельское хозяйство, банковское дело, мяжа аседласці. Слышат белорус – картошка, толерантность, добрососедство, тяжелая судьба двух мировых войн, геноцид немецкими захватчиками, трудолюбие, молодое государство, «русский со знаком качества», как говорит Президент Беларуси [2]. Русские – богатая история, один народ с белорусами и украинцами, литература, стойкость, широта души и т. д. Все это объединяет М. В. Демид

дова, отмечая, что одной из важнейших характеристик символического капитала сегодня является «доверие на основе знания», которая рождается из способности символического капитала к «информационному накоплению» [4; 5].

На основании приведенного анализа, можно уверенно сделать вывод о том, что понятие символического капитала имеет более глубокое и весомое значение, чем в него изначально вложил Пьер Бурдьё.

Мы предлагаем дополнить первичное определение, представив новое авторское прочтение символического капитала как системы накопленных знаний, основанной на различных характеристиках объекта исследования, таких как язык, культура, история, религия, география расположения и жизнедеятельности, способы осуществления действий, климат и пр., которые формируют его мировоззрения, формат мышления, шаблоны поведения и в дальнейшем репутацию в глазах других.

Также символический капитал можно разделить на различные типы. Он может быть индивидуальным, коллективным (семья, класс, профсоюз, трудовой коллектив, человеческая общность, цивилизация, прочее), территориальным, символическим капиталом неодушевленных объектов, корпоративным символическим капиталом и иным.

Исходя из приведенных аргументов, мы делаем вывод, что символический капитал имеет важнейшее значение в системе изучения людей и общностей, которые они составляют. Зная эти особенности и сформировав инструментарий для сбора, хранения и обработки информации символического капитала, можно прогнозировать поведение индивидуумов и наций, просчитывать риски от принимаемых решений, осуществлять перенастройку отдельно взятых общностей, закладывая нужные, позитивные векторы развития, а также противодействовать попыткам злонамеренного воздействия на символический капитал извне.

Список использованных источников

1. Аникин, Д. А. Социальная память как символический капитал / Д. А. Аникин // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9(152). – Выпуск 24. – С. 282–287.

2. БЕЛТА: Лукашенко напомнил, что «белорус – это русский со знаком качества» [Электронный ресурс] // Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости». – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2019-01-18/BELTA-Lukashenko-napomnil-chto-belorus>. – Дата доступа: 11.01.2022.

3. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. – («Gallicium»).

4. Демидова, М. В. Модели управления символическим капиталом / М. В. Демидова // Вестник ПАГС. – 2015. – № 1(46). – С. 91–98.

5. Демидова, М. В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса / М. В. Демидова // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 27–32.

6. Панарин, А. Стратегическая нестабильность XXI века [Электронный ресурс] / А. Панарин // E-LIBRA Электронная библиотека. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/103354-strategicheskaya-nestabilnost-xxi-veka.html>. – Дата доступа: 16.01.2022.

7. Федотова, Н. Г. «Капитал» Маркса в контексте теории символического капитала / Н. Г. Федотова // Философская мысль. – 2018. – № 9. – С. 38–44.

8. Definition of Reputation [Electronic resource] // MERRIAM-WEBSTER'S UNABRIDGED DICTIONARY. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/reputation>. – Date of access: 16.01.2022.

9. International Encyclopedia of the Social Sciences. – 2nd edition: in 9 vol. / ed.: W. A. Darity Jr. – Detroit, etc.: Macmillan Reference USA, 2008. – Vol. 1.

10. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations? [Electronic resource] / S. P. Huntington // Foreign Affairs – 1993. – Vol. 72, № 3. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>. – Date of access: 10.01.2022.

(Дата подачи: 10.02.2022 г.)

П. В. Юсупов

Белорусский государственный университет, Минск

P. Yusupov

Belarusian State University, Minsk

УДК 328.182

**ГРНТИ 11.15.89 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ.
МАССОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ**

**ИНСТИТУТЫ КОММУНИКАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

**INSTITUTIONS OF COMMUNICATION OF THE FEDERAL
EXECUTIVE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND BUSINESS COMMUNITY AS A TOOL
OF THE STATE POLICY FORMATION**

В статье раскрывается опыт функционирования общественных советов как инструмента коммуникации органов исполнительной власти и бизнес-сообщества Российской Федерации. Показано, что опыт Российской Федерации может быть применен для развития системы взаимодействия государства и бизнеса в Республике Беларусь в целях повышения эффективности коммуникации при формировании государственной политики и повышения конкурентоспособности белорусских компаний на рынке Российской Федерации.

Ключевые слова: взаимодействие государства и бизнеса; формирование государственной политики; коммуникации; бизнес; консультативные общественные советы; политика в области предпринимательства.

In the article the experience of functioning of public councils as a communication tool between the executive authorities and the business community of the Russian Federation

is revealed. It is shown that the experience of the Russian Federation can be applied to the development of a system of interaction between the state and business in the Republic of Belarus in order to increase the effectiveness of communication in the formation of state policy and increase the competitiveness of Belarusian companies in the Russian market.

Keywords: interaction between the state and business; the formation of state policy; communications; business; advisory public councils; business policy.

Одним из направлений развития белорусской политической науки является исследование коммуникации бизнес-сообщества и органов государственной власти или GR-деятельности по организации отношений с органами государственной власти. Ввиду интенсивности интеграционных процессов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией актуальным становится вопрос развития консультативных органов при министерствах и ведомствах Республики Беларусь, а также выявление характерных черт развития данного института в Российской Федерации.

Активизация исследования механизмов взаимодействия государства и бизнеса в Российской Федерации связана со становлением рыночной экономики и пониманием необходимости установления механизмов коммуникации. Наибольшую известность в изучении GR-деятельности, взаимодействия власти и бизнеса получили работы российских политологов А. Д. Богатурова, Д. О. Матвеевкова, О. А. Морозова, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой, П. А. Толстых, А. Ю. Вуйма. Проблемам коммуникации государственных институтов и бизнеса, а также GR-деятельности посвящены публикации следующих белорусских политологов, социологов, специалистов в области коммуникации: Н. А. Антанович, Н. А. Беляева, Е. А. Мордосевича, И. В. Сидорской, Л. В. Слуцкой, П. Л. Соловьева, Р. Н. Костицына, К. Ю. Кисель, С. И. Мачихина. Так, Н. А. Беляевым изучен опыт работы советов по развитию предпринимательства при областных и районных исполнительных комитетах [1], выявлены основные аспекты развития системы саморегулирования бизнеса в Республике Беларусь [2]. В 2019 г. издано пособие «GR: организация отношений с органами государственной власти» под редакцией доктора политических наук Н. А. Антанович [3]. И. В. Сидорская, П. Л. Соловьев, Р. Н. Костицын поставили вопросы институционализации GR-деятельности в Республике Беларусь [4]. И. А. Андрос раскрыла тенденции социально-экономической трансформации предпринимательства и деловой активности в Республике Беларусь [5].

Механизмы коммуникации бизнеса и органов государственной власти в Республике Беларусь нуждаются в совершенствовании. Использование опыта развития консультативных структур Российской Федерации актуально по причине усиления интеграционных процессов в рамках Союзного государства.

Целью данной статьи является выявление основных коммуникационных инструментов взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и бизнес-сообщества.

С точки зрения политической науки, при рассмотрении коммуникации бизнеса и органов государственной власти важно определить соотношение бизнес-объединений с типами групп интересов. В данной статье мы будем использовать классификацию групп интересов Г. Алмонда и Г. Пауэлла, согласно которой группы интересов делятся:

- на аномические (возникают спонтанно, степень влияния и организованности не высока, могут пользоваться насильственными методами, как правило, период и сила влияния таких групп не велики, так как отсутствует скоординированная программа действий, функция артикуляции интересов работает плохо);

- институциональные (хорошо организованы, долговременны, преследуют определенный, хорошо сформулированный интерес, имеют устав; высокоэффективны, так как в группах соблюдается четкий порядок. После достижения своих целей такая группа может переключиться на продвижение других интересов) [6, с. 239].

Группы интересов по критерию внутренних связей подразделяют:

- на ассоциативные (добровольные объединения, имеющие некие политические цели);

- неассоциативные (имеют недобровольный характер, а их деятельность менее постоянна, нежели деятельность ассоциативных).

Согласно вышеприведенной классификации можно сделать вывод, что бизнес-структуры являются институциональными ассоциированными группами интересов. Бизнес-ассоциации и союзы имеют стабильную структуру, систему членства, обладают общностью интересов и высокой способностью к выработке согласованных позиций.

Исходя из теории групп Г. Алмонда, Дж. Пауэлла, Ф. Шмиттера, различают две модели взаимодействия государства и групп интересов: плюралистическую и корпоративистскую [7, с. 38, 39]. В плюралистической модели в обществе существует множество групп интересов, контактирующих друг с другом, иногда конфликтующих. Процесс выработки властных решений находится под постоянным давлением этих конкурирующих групп. Функция государства сводится к роли арбитра или нейтральной стороны, создающей правила игры.

Корпоративистская модель подразумевает меньшее количество групп, место каждой из которых четко определено строгой иерархией. Главную роль играют крупные бесконкурентные ассоциации. Процесс выработки решений в этой модели представляет собой взаимодействие ограниченного числа групп с властью. Ассоциации занимают четко определенное им государством место в формировании политики. Государство в данной модели выполняет роль доминирующего субъекта политики.

Формирование механизмов официальной коммуникации в рамках обеих приведенных моделей дает всем участникам коммуникации ряд преимуществ:

- 1) равенство и понятные четкие правила доступа к коммуникации;

2) прозрачность коммуникации, способствующая снижению коррупционных рисков;

3) возможность официально установить коммуникацию с государственными органами, что повышает уровень доверия бизнес-сообщества к государственной политике и, в конечном итоге, приводит к повышению инвестиционной привлекательности и формированию доверительной атмосферы ведения бизнеса.

В Российской Федерации сложилась система, объединяющая черты корпоративистской и плюралистической моделей взаимодействия власти и бизнеса. Объективная ограниченность корпоративистской модели сформировалась в силу большого количества крупных компаний и бизнес-ассоциаций в сочетании с большим количеством бизнес-интересов. При реализации корпоративистской модели многие субъекты предпринимательской деятельности остались бы без возможности коммуникации с федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ) Российской Федерации (РФ). По этой причине открытость системы принятия решений на всех уровнях становится все более важной.

Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 93-р утверждена «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти». В Главе IV «Механизмы (инструменты) реализации принципов открытости» в качестве наиболее важных обозначены механизмы «организации работы с референтными группами» и «взаимодействия федерального органа исполнительной власти с общественным советом» [8]. В развитие положений «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» разработаны методические рекомендации по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти РФ с референтными группами. Целями коммуникации являются: всестороннее выявление и учет законных интересов заинтересованных референтных групп при принятии решений, затрагивающих их законные интересы; осуществление оценки рисков и преимуществ общественно значимых решений, выбор решений в условиях информированности ФОИВ о законных интересах заинтересованных референтных групп и с учетом ресурсных ограничений; содействие развитию прозрачных и доверительных отношений с обществом; повышение информированности общества о работе ФОИВ: планах, решениях, результатах; повышение доверия общества к решениям исполнительной власти; корректировка принятых решений ФОИВ с учетом изменившихся обстоятельств [9].

Под *референтными группами* понимаются широкие социальные и (или) профессиональные группы физических и юридических лиц, которые обладают общими охраняемыми законом интересами, которые потенциально могут быть затронуты решениями ФОИВ. Рекомендации определяют участников референтных групп как физических лиц и организаций (некоммерческие унитарные и корпоративные организации, в том числе профессиональные союзы и др.), которые выражают оценки и мнения референтных

групп и с которыми ФОИВ осуществляет непосредственное взаимодействие. Деятельность ФОИВ должна осуществляться в сотрудничестве с референтными группами посредством мероприятий, направленных на «максимальный учет мнения данных групп» [9]. На основании приведенных выше определений можно сделать вывод о создании в России института взаимодействия с референтными группами как официального коммуникационного механизма влияния на принимаемые органами власти решения.

Нормативно закрепленный механизм осуществления консультаций с референтными группами со свободным доступом к коммуникации соответствует плюралистической модели власти и бизнеса. На практике наибольшие возможности коммуникации с органами государственной власти имеют жестко организованные ассоциированные профессионализированные бизнес-структуры и GR-отделы крупных компаний, поскольку позиции данных субъектов вырабатываются достаточно оперативно и представляются наиболее организованно. Тем не менее государственные органы Российской Федерации обладают управляющей ролью в данной коммуникации и правом 1) выбора позиций, наиболее соответствующих государственным интересам, 2) отбора референтных групп для участия в ряде мероприятий.

Остановимся на роли общественных и консультативных советов при органах государственной власти. Основными целями деятельности советов являются консультирование государственного органа по вопросам реализуемой им политики и осуществление общественного контроля за его деятельностью. Так, согласно п. 1 ст. 13 Федерального Закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественные советы при федеральных органах исполнительной власти «... выполняют консультативно-совещательные функции и участвуют в осуществлении общественного контроля в порядке и формах, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации ... положениями об общественных советах» [10]. Пункт 2 приведенного закона указывает, что деятельность советов «содействует учету прав и законных интересов негосударственных субъектов в отношении деятельности федеральных органов власти» [10].

Формирование общественных советов по общему правилу происходит на конкурсной основе. Полномочия формирования советов возложены на Общественную палату Российской Федерации, которая формируется выборным путем. Включение в состав совета осуществляется на основании критерия осуществления тем или иным субъектом деятельности в сфере полномочий данного ФОИВ. Государственные органы совместно с Общественной палатой разрабатывают требования к кандидатурам в состав совета. При этом при формировании советов действуют общие требования п. 6 Закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»,

предоставляя доступ в состав советов только представителям общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, целями деятельности которых являются представление или защита общественных интересов. Данные требования создают условия для доступа коллективных субъектов, что позитивно сказывается на репрезентативности предоставляемых в рамках советов мнений.

В соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации от 4 апреля 2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» Общественные советы самостоятельно принимают Кодекс этики своих членов [11]. Кодексы этики при различных ФОИВ разработаны на основе общего кодекса Общественной палаты и имеют ряд схожих положений, требующих придерживаться морально ответственного поведения, не допускать распространения недостоверной информации, быть беспристрастным, относиться ответственно к заседаниям совета, придерживаться политики открытости во взаимодействии со СМИ и правил вежливого общения [12].

Описанные положения напрямую направлены на достижение конструктивного диалога в рамках общественных советов, при этом уделяя большое внимание критерию беспристрастности его членов. Также выделяется значимость публичного освещения деятельности советов в средствах массовой информации.

Таким образом, институт Общественных советов в Российской Федерации реализует идеи политики открытого правительства. Механизмы формирования и функционирования советов свидетельствуют о сочетании плюралистической и корпоративистской моделей взаимодействия органов власти и бизнес-сообщества. Конкурсный отбор членов совета представляет возможность равного доступа в его состав любым группам, соответствующим публично открытым критериям.

С распада СССР и до настоящего времени система коммуникации бизнес-структур и органов государственной власти в Российской Федерации накопила наибольший на постсоветском пространстве опыт как конфликтного, так и кооперативного опыта взаимодействия предпринимателей и ФОИВ. Пример – взаимодействие при формировании нормативного регулирования субъектов строительного бизнеса и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации позволило девелоперам в 2021 г. достичь рекордных показателей по вводу в эксплуатацию жилья за всю историю России – более 90 млн м² [13].

Взаимодействие Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации и бизнес-сообщества (в особенности розничных сетей) позволило разработать систему антимонопольного комплаенса (терминология, официально используемая ФНС и Минэкономразвития РФ), представляющую собой добровольно принимаемую компаниями политику внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства [14].

Таким образом, в Российской Федерации сложилась смешанная модель взаимодействия власти и бизнеса, сочетающая черты корпоративистской и плюралистической моделей коммуникации. В 2014 г. в Российской Федерации принята Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, что показало готовность Правительства России расширить коммуникацию с бизнес-сообществом. Инструментами взаимодействия ФОИВ и референтных групп являются общественные советы при органах власти, дающие возможность представления своей позиции по рассматриваемым вопросам любым группам интересов. Группы бизнес-сообщества ввиду институционализации и ассоциированности имеют преимущество.

Конкурсное формирование общественных советов, открытость деятельности, установление кодексов этики также соответствуют плюралистической модели. В отличие от института консультативных советов Республики Беларусь, в Российской Федерации возможность направления кандидатур в состав советов предоставлена только общественным объединениям и некоммерческим организациям, что способствует росту качества дискуссии, уровня предоставляемых позиций, их репрезентативности. Тем не менее государственный орган также достаточно независим в принятии решений и не обязан учитывать представленные мнения членов советов. По-прежнему сохраняются неформальные связи в продвижении и защите бизнес-интересов, что ограничивает формирование доверительных отношений между бизнесом, государством и обществом. Но возрастание открытости правительства приводит к росту доверия со стороны бизнес-сообщества к осуществляемой государственными органами политике, что способствует повышению инвестиционной привлекательности и стимулирует деловую активность. Коммуникация государственных органов и бизнес-сообщества является крайне важной с точки зрения повышения эффективности принятия решений и формирования государственной политики.

Список использованных источников

1. Чем помочь региональным советам по развитию предпринимательства? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/chem-pomoch-regionalnym-sovetam/>. – Дата доступа: 07.02.2022.

2. *Беляев, Н. А.* Перспективы внедрения и развития института саморегулирования бизнеса в Республике Беларусь / Н. А. Беляев // Теоретико-прикладные перспективы научного обеспечения современного развития экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 23 мая 2019 г. / БГУ; Академия управления при Президенте Республики Беларусь; под ред. В. С. Каменкова, Н. Л. Бондаренко. – Минск: БГУ, 2019. – С. 10–13.

3. GR: организация отношений с органами государственной власти: учеб. пособие / Н. А. Антанович [и др.]; под ред. Н. А. Антанович. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 267 с.

4. Сидорская, И. В. Тенденции развития GR-образования в Беларуси / И. В. Сидорская, П. Л. Соловьев, Р. Н. Костицын // Весн. БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2016. – № 1. – С. 85–90.

5. Андрос, И. А. Социально-экономическая трансформация предпринимательства в Республике Беларусь: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01 / И. А. Андрос. – Минск: БГУ. – 51 с.

6. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

7. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учеб. пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 407 с.

8. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации, 30 янв. 2014 г., № 93-п // КонсультантПлюс. Россия – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/. – Дата доступа: 07.02.2022.

9. Методические рекомендации по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти с референтными группами [Электронный ресурс]: утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства, 28 июня 2016 г., № 5 // КонсультантПлюс. Россия – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290479/. – Дата доступа: 07.02.2022.

10. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 21 июля 2014 г., № 212-ФЗ; в ред. Федер. закона от 27.12.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/. – Дата доступа: 07.02.2022.

11. Об Общественной палате Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 4 апр. 2005 г., № 32-ФЗ; в ред. Федер. закона от 11.06.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/. – Дата доступа: 07.02.2022.

12. Об Общественном совете при Министерстве экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития Российской Федерации, 2 фев. 2021 г., № 43 // Портал Минэкономразвития России – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/_prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_02_fevralya_2021_g_43.html. – Дата доступа: 07.02.2022.

13. Общественный совет при Минстрое России подвел итоги работы за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgsu.ru/news/Universitet/Obshchestvennyys_ovetpriMinstroeRossipodvelitgirabotyza2021god/. – Дата доступа: 07.02.2022.

14. Общественные советы ФАС России подвели итоги своей работы за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/news/31677>. – Дата доступа: 07.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

К. И. Ярмошук

Белорусский государственный университет, Минск

K. Yarmoshuk

Belarusian State University, Minsk

БАК 23.00.04

ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОПЕРНИЧЕСТВА АВСТРАЛИИ И КНР ЗА ЛИДЕРСТВО В ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (ЮТР)

TRADITIONAL INSTRUMENTS OF COMPETITION BETWEEN AUSTRALIA AND CHINA FOR LEADERSHIP IN THE SOUTH PACIFIC REGION

В данном исследовании рассмотрены и подробно охарактеризованы традиционные инструменты, которые используют Австралия и КНР для поддержания своего лидерства в ЮТР. Важно отметить, что автор под традиционными инструментами подразумевает те направления соперничества между КНР и Австралией, которые сформировались исторически до пандемии COVID-19. Также выделены причины заинтересованности обеих стран в субрегионе, отмечены ключевые события, которые обусловили смены лидера субрегиона, и обозначены условия, при которых сформировалась ситуация конкуренции за лидерство Австралии и КНР в ЮТР.

Ключевые слова: региональное лидерство; Южно-Тихоокеанский регион; Форум Тихоокеанских Островов; помощь в целях развития; большие белые братья региона; ОПОП.

This study examines and describes in detail the traditional instruments that Australia and the PRC use to maintain their leadership in the Southeast Asia-Pacific region. It is important to note that the traditional tools include those areas of rivalry between the PRC and Australia that were formed historically before the COVID-19 pandemic. The reasons for both countries' interest in the subregion are also highlighted, the key events that led to the change of the subregion's leader are noted, and the conditions under which the situation of competition between Australia and PRC in the South Pacific occurred are outlined.

Keywords: regional Leadership; South Pacific; Pacific Islands Forum; development aid; big white brothers of the region; One Belt One Way initiative.

ЮТР важен для Австралии в плане обеспечения своей безопасности и экономического процветания. Австралия делает основную ставку на отношения с Меланезией: этот субрегион включает в себя 4 независимые страны – Папуа – Новую Гвинею (ПНГ), Соломоновы Острова, Вануату и Фиджи, и одну французскую «заморскую страну» – Новую Каледонию. В отличие от Микронезии и Полинезии, она обладает большими залежами полезных ископаемых. Острова Науру и Манус исключительно важны для осуществления жесткой миграционной политики Австралии, ведь прибывающие к австралийским берегам нелегальные мигранты размещаются в австралийских лагерях на этих островах. Хотя государства Океании

имеют статус «малых островных развивающихся государств» (МОРГ), они также являются равноправными участниками ООН, поэтому их право голоса является очень полезным для Австралии при голосовании в рамках ООН [1].

В XX в. ЮТР играл побочную роль во внешней политике Китая. Если говорить о китайском присутствии в регионе, то оно проявлялось только в китайской миграции в экономических целях. На место не особо хотевших работать жителей островов приходили трудолюбивые китайцы, которые экспортировали все, что только можно, даже ракушки и высушенную мякоть кокосов [2]. В общем и целом число китайских мигрантов в Океании может достигать 500 тысяч человек. Однако мировой экономической кризис 2008 г. дал возможность Китаю закрепиться в ЮТР и составить конкуренцию Австралии.

ВВП Китая в 2009 г. вырос на 7,5 %, тогда как ВВП Австралии показал один из самых низких показателей роста (0,1 %), поэтому Австралии пришлось свернуть ряд программ помощи Океании [3]. До 2008 г. основная статья экспорта Французской Полинезии – черный жемчуг – поставлялся в Австралию. После кризиса почти весь экспорт жемчуга приходился на КНР [4]. После финансового кризиса не только Австралия, но и другие доноры (в наибольшей степени Япония и Франция) значительно снизили уровень своей помощи странам региона [5]. Однако в 2009 г. курс австралийского доллара начал устойчиво расти, поэтому Австралия смогла удержать в ЮТР прочные позиции. Так, в 2009 г. в рамках AusAID Австралия предоставила 3,7 млрд австрал. долл. помощи для стран Океании, чтобы помочь им справиться с последствиями финансового кризиса [1]. В 2010–2011 гг. помощь Австралии ЮТР оценивалась в размере более 1 млрд долл. [6, с. 20].

Таким образом, два лидера в субрегионе оказались в состоянии соперничества за лидерство в ЮТР.

Сейчас стоит выделить традиционные инструменты, которые используют Австралия и КНР для поддержания своего лидерства.

Традиционные инструменты Австралии:

1. Австралия является признанным во всем субрегионе лидером по поддержанию мира и безопасности в ЮТР. Форум Тихоокеанских островов (ФТО) – самая крупная международная организация в ЮТР, ее можно назвать в некоторой степени аналогом ООН в Океании. Когда пост генсека ФТО занял австралиец Грег Урвин (в должности с 2003 по 2008), Австралия смогла превратить ФТО в инструмент продвижения своих интересов. Именно он поспособствовал принятию Бикетавской декларации, на основе которой Австралия и Новая Зеландия могут вводить свои войска на территории терпящих бедствие стран ФТО для обеспечения в них порядка и стабильности. Австралия позиционировала себя как гаранта безопасности в ЮТР, а ее участие в миротворческих операциях в Ираке и Афганистане помогало продемонстрировать свои военные возможности и поддерживать

статус лидера [1]. Австралия с союзниками провели операции на Соломоновых Островах и Восточном Тиморе. Также имело место австралийское вмешательство в разрешении кризиса на о. Бугенвиль [7]. В рамках Бикетавской декларации также было принято решение о создании коллективных вооруженных структур безопасности по поддержанию мира и стабильности в регионе, которые должны были направляться в кризисные районы. Ядром региональных формирований стали военные силы Австралии и Новой Зеландии. В 2002 г. под влиянием событий 11 сентября в США ФТО принял Декларацию Насонини, в которой помимо борьбы с терроризмом были включены борьба с организованной преступностью, наркоторговлей, отмыванием денег и сексуальным насилием. За этой работой должна была следить Генеральная прокуратура Австралии, а исполнителями стали полицейские силы Австралии и Новой Зеландии [7].

Австралия делает многое для обеспечения безопасности в ЮТР. Существует Программа содействия полиции (Policing assistance Program), Программа кооперации в области обороны (Defence Cooperation Program) [8, с. 74–75].

2. Экономические стимулы. В рамках Соглашения о Южно-Тихоокеанском региональном торгово-экономическом сотрудничестве 1980 г. (SPARTECA) большинство членов ФТО получили преференциальный режим доступа на рынки Австралии и Новой Зеландии [6, с. 27]. С 2002 г. действует Тихоокеанское соглашение о более тесных экономических отношениях (PACER), которое способствует улучшению торговых отношений и бизнес-коопераций между Австралией и Океанией. Оно предусматривает поэтапный процесс либерализации торговли, начиная с Соглашения о свободной торговле товарами среди тихоокеанских стран (PICTA), а позднее должно было распространяться и на услуги [9]. Когда новое соглашение PACER Plus, подписанное в Нукуалофе (Тонга) 14 июня 2017 г. Австралией, Новой Зеландией и 8 тихоокеанскими островными странами – Островами Кука, Кирибати, Науру, Ниуэ, Самоа, Соломоновыми Островами, Тонга и Тувалу, вступит в силу, будет создана ЗСТ, которая охватывает товары, услуги и инвестиции. Большинство тарифов будут нулевыми к 2032 г., а тарифы на абсолютно все товары будут отменены к 2047 г. [10].

3. Гуманитарное измерение.

3.1. Помощь в целях развития. Австралия – это крупнейший донор помощи в целях развития для стран ЮТР. Первые государственные программы экономической помощи нуждающимся странам были запущены Австралией в 1974 г.; с 1995 г. стала действовать унифицированная программа помощи AusAID, более 60 % ее объема приходится как раз таки на Океанию (от 2,5 млрд австрал. долл. и выше). С 2015 г. Австралия продолжает выделять восьмую часть своего военного бюджета на помощь странам и территориям Океании (4 млрд долл. в год) [1].

3.2. Рабочие возможности. Во многих странах Океании значительную часть ВВП составляют денежные переводы экономических мигрантов.

Тонга и Самоа, к примеру, находятся в первой десятке таких стран [6, с. 23]. Поэтому Австралия ввела Программу сезонных рабочих (Guest Worker Program), которая предлагала для стран ЮТР контракты на неквалифицированные виды работ в Австралии сроком до 7 месяцев [9]. Австралийская новая Тихоокеанская рабочая программа (Pacific Labour Scheme) позволяет рабочим из региона заниматься несезонной низкой и среднеквалифицированной работой в сельской местности Австралии в таких секторах, как здравоохранение, социальная помощь и сектор услуг [9, с. 101–102]. Австралия работает над увеличением рабочих мест и оказанием островным странам помощи в таком секторе, как туризм. Эти действия Австралии являются одним из способов поддержания своего лидерства в ЮТР, потому что выгода для стран ЮТР огромна: с 2012 г. в рамках Сезонной рабочей программы было выдано более 18 000 виз для сезонных работников из Тихого океана и Тимора-Лешти. Каждые полгода работники в среднем отправляют домой 5000 долл. В Тонге, крупнейшем поставщике сезонных рабочих в 2016–2017 гг., сумма составила более 13 млн долл. – это почти половина стоимости ежегодной программы развития Австралии для Тонга [9, с. 102].

4. Партнерство Австралии с «большими белыми братьями региона». Наиболее важными внешними игроками в ЮТР традиционно являются Австралия, Новая Зеландия, США и Франция, которые работают вместе в качестве партнеров, в том числе в соответствии с Соглашением Франции, Австралии и Новой Зеландии 1992 г. (FRANZ) для содействия сотрудничеству в ответ на природные бедствия, в целях обороны, а также в рамках Четырехсторонней координационной оборонной группы (Quadrilateral Defence Coordination Group), созданной в 1998 г. для координации воздушного и морского наблюдения. Эти четыре страны также участвуют в многосторонних мероприятиях, таких как ежегодная Гуманитарная миссия Тихоокеанского партнерства. «Большие белые братья» начали консолидировать свои усилия, чтобы удержать свои позиции в Океании перед натиском КНР. Совместные инициативы предпринимаются в сфере финансирования программ развития, антикоррупционных мер, усиления прозрачности финансовых операций, проходящих через австралийские, французские банки и банки США [2]. Также австралийские и французские силы обороны работали вместе, чтобы предоставить гуманитарную помощь Вануату после Тропического циклона «Пэм» [8, с. 138].

Традиционные инструменты Китая:

1. Огромные финансовые вливания КНР.

1.1. Помощь в целях развития. До мирового финансового кризиса после Австралии Франция была вторым донором в ЮТР. Но после кризиса ее место занял Китай. Китайские инвестиции привлекательны для стран ЮТР, так как КНР не выставляет никаких политических условий для государств-получателей. Исключением является лишь то, что страны-реципиенты помощи должны следовать политике «одного Китая» [6, с. 21].

От «больших белых братьев» раньше эти страны получали помощь либо под конкретные проекты в рамках программ развития, которые жестко контролировались, либо вообще в виде техники и потребительскими товарами. От Китая же поступали «живые деньги» – прямые денежные переводы на счета [11]. В 2012 г. отмечено, что от КНР страны Океании получили в общей сумме 600 млн долл., что больше помощи, которую выделяли США. В отношениях с Китаем у стран Океании налажился прибыльный бизнес в теневом секторе: наркоторговля на Фиджи, преступная сеть торговли китайскими девушками легкого поведения в Тонга. Поэтому экономические выгоды от китайского присутствия стали более прибыльными для стран Океании. В 2004 г. на Фиджи была раскрыта одна из самых крупных лабораторий по производству метамfetамина, также чуть позже задержали партию героина 400 кг, подпольную же сеть держали гонконгские китайцы [11].

1.2. Один пояс, один путь (ОПОП). КНР установила дипломатические отношения с 10 странами ЮТР: Фиджи (1975), Самоа (1975), ПНГ (1976), Вануату (1982), Соединенные штаты Микронезии (1989), Острова Кука (1997), Тонга (1998), Ниуэ (2007), Соломоновы Острова (2009) и Кирибати (2019). Самыми крупными реципиентами китайских кредитов являются ПНГ и Фиджи, что неудивительно, ведь КНР находится с этими странами в отношениях стратегического партнерства [12].

С 2015 г. КНР подключила 8 стран Океании к ОПОП. Это нашло широкий позитивный отклик среди стран Океании, так как в ОПОП они видели огромный потенциал для выстраивания региональной инфраструктуры. Важно отметить, что с точки зрения экономики ЮТР составляет лишь 0,12 % глобального объема торговли КНР, поэтому подключение стран этого субрегиона к ОПОП происходило не в экономических, а в геостратегических целях [12].

Если говорить о сотрудничестве КНР с этими странами в рамках ОПОП, то страны заключали меморандумы о взаимопонимании, островные страны получали гранты под инфраструктурные проекты. Австралия рассматривала подключение стран ЮТР к ОПОП в качестве угрозы, была активна риторика, что на островные страны в будущем будет оказываться влияние под давлением кредитных обязательств, а также высказывались опасения, что мирная инфраструктура может быть трансформирована в военные объекты КНР. К примеру, причал стоимостью 90 млн долл. США был построен с помощью кредита от Китая в Вануату, что спровоцировало оппозицию Вануату. Лидер оппозиции Ишмаэль Кальсакау в интервью Fairfax Media отметил, что кредит не был подвергнут оценке парламентом Вануату. Законодатели не могли понять, включали ли условия кредита уже имеющиеся долговые обязательства. Вануату оказалось должно Китаю, и в случае дефолта государства Китай возьмет на себя этот стратегический объект. В Австралии военные эксперты считают, что делалось все это с умыслом, чтобы отобрать объект и превратить его в военный [13].

2. Поддержка сил, оппозиционных лидерству Австралии в ЮТР. В 2006 г. из-за установления на Фиджи нелегитимного авторитарного режима членство Фиджи в ФТО было приостановлено, а Австралия и США наложили экономические санкции и запрет на продажу оружия [14]. КНР воспользовалась этой возможностью, чтобы оказать Фиджи как масштабную экономическую помощь, так и содействие в области военной охраны морских границ по более низким ценам, чем это раньше делала Австралия [15].

Фиджи взяли на себя ведущую роль в регионе, прежде всего потому, что Фиджи лучше обеспечены ресурсами, чем другие страны ЮТР, там также находятся штаб-квартиры большого количества региональных организаций, включая ФТО. Фиджи также стала донором помощи в регионе, заключив меморандумы о взаимопонимании в области развития с Кирибати, Тувалу, Соломоновыми Островами, Науру, Республикой Маршалловы Острова, ФШМ и Вануату. Основываясь на таком сотрудничестве по линии «Юг – Юг», премьер-министр Фрэнк Байнимарама сформулировал концепцию «Переосмысление Океании» (Rethink Oceania), которая выступает в поддержку государств ЮТР, которые дистанцируются от Австралии, Новой Зеландии и других традиционных внешних игроков. Ф. Байнимарама посетил Пекин в 2013 г., он стал первым главой Тихоокеанского острова, который встретился с Си Цзиньпином. В настоящее время фиджийские военнослужащие также проходят обучение в России, Китае и Индии, которое они при другом раскладе исторически получили бы в рамках Австралийской программы военного сотрудничества [16, с. 14]. Фиджи были отстранены от участия в форуме в 2009 г., и, хотя им было предложено официально вернуться в ФТО после демократических выборов в сентябре 2014 г., они отказались это сделать. Ф. Байнимарама заявил, что «он не будет участвовать в каких-либо встречах лидеров Форума, пока не будет поднят вопрос о влиянии Австралии и Новой Зеландии». Фиджи выступает за исключение Австралии и Новой Зеландии из ФТО или за включение других внешних партнеров, таких как Китай, Япония, Корея и США, чтобы ослабить влияние этих двух стран [16, с. 16].

Форум развития островов Тихого океана (ФРОТО) (Pacific Islands Development Forum) возник по инициативе Фиджи в связи с приостановкой членства Фиджи в ФТО в 2009 г. В 2012 г. было достигнуто соглашение о созыве ФРОТО в 2013 г. Ф. Байнимарама приветствовал создание ФРОТО как «новую эру регионального сотрудничества», ведь «ФТО обеспечивал доминирование отдельных государств». Поэтому ФРОТО исключает развитые государства, такие как Австралия, Новая Зеландия и США, но включает представителей гражданского общества и частного сектора. ФРОТО получает финансирование от КНР и России [16, с. 17–18].

Таким образом, можно говорить о том, что до мирового финансового кризиса 2008 г. Австралия смогла добиться единоличного лидерства в ЮТР. Однако экономический кризис дал возможность Китаю закрепиться

в ЮТР и составить конкуренцию Австралии. Эта конкуренция за лидерство продолжается по сей день. Два государства соперничают на некоторых треках, а также используют разные инструменты поддержания своего лидерства.

Стоит отметить следующие традиционные инструменты Австралии:

1. Австралия является признанным во всем субрегионе лидером по поддержанию мира и безопасности в ЮТР (Австралия лидер ФТО и имеет ключевое значение в декларациях Бикетавы, Насонини, Боэ).

2. Экономические стимулы (Соглашение о Южнотихоокеанском региональном торгово-экономическом сотрудничестве, Тихоокеанское соглашение о более тесных экономических отношениях, Соглашение о свободной торговле товарами среди тихоокеанских стран).

3. Гуманитарное измерение, которое представлено помощью в целях развития и предоставлением обширных рабочих возможностей в Австралии на особых условиях.

4. Партнерство Австралии с «большими белыми братьями региона» (совместные инициативы, учения, гуманитарные миссии и т. д.).

Говоря о китайских традиционных инструментах, стоит выделить:

1. Огромные финансовые вливания КНР как в целях развития, так и в рамках ОПОП.

2. Поддержка сил, оппозиционных лидерству Австралии в ЮТР (главным образом Фиджи).

Список использованных источников

1. Пале, С. Е. Роль Австралии в Южно-Тихоокеанском регионе в 2000-х гг. / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2009. – № 13. – С. 71–79.

2. Пале, С. Е. Потеснит ли Китай Австралию в Южно-Тихоокеанском регионе? / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 14. – С. 62–70.

3. Пале, С. Е. Судьбы Океании в начале XXI века / С. Е. Пале // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 1. – С. 32–37.

4. Пале, С. Е. Китай и Франция в Южно-Тихоокеанском регионе: борьба за Таити / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 22. – С. 17–26.

5. Пале, С. Е. Архитектура Австрало-французских отношений в Южно-Тихоокеанском регионе в XX – начале XXI в. / С. Е. Пале // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2013. – № 6. – С. 62–71.

6. Brown, P. Australian Influence in the South Pacific [Electronic resource] / P. Brown // Australian Defence Department. – 2012. – Mode of access: <http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/documents/Commanders/2012/Brown-2012.pdf>. – Date of access: 15.01.2022.

7. Тимошенко, В. Н. Океания на современном этапе; забытые проблемы «ненужного» региона / В. Н. Тимошенко // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 4. – С. 83–94.

8. Defence White Paper 2016 [Electronic resource] / Australian Defence Department. – 2016. – Mode of access: <http://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> – Date of access: 07.01.2022.

9. 2017 Foreign Policy White Paper [Electronic resource] // Australian Government. – 2017. – Mode of access: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper>. – Date of access: 28.01.2022.

10. PACER Plus at a Glance [Electronic resource] // Australian Department of Foreign Affairs and Trade. – 2021. – Mode of access: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/pacer-at-glance-update-2021.pdf>. – Date of access: 07.01.2022.

11. Пале, С. Е. Темная сторона китайского присутствия в Океании / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2012. – № 19. – С. 15–24.

12. Smith, G. The China Alternative: Changing Regional Order in the Pacific Islands [Electronic resource] / G. Smith, T. Wesley-Smith // JSTOR. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/j.ctv1h45mkn.13?seq=25#metadata_info_tab_contents. – Date of access: 15.01.2022.

13. Мамчиц, Р. Китайский дракон готовится проглотить Океанию? [Электронный ресурс] / Р. Мамчиц // Деловой журнал Инвест-Форсайт. – 2019. – Режим доступа: <https://www.if24.ru/kitaj-proglotit-okeaniyu/>. – Дата доступа: 26.01.2022.

14. Пале, С. Е. Современная ситуация в Южно-Тихоокеанском регионе / С. Е. Пале // Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура: материалы 38-й Межинститут. науч. конф. ИВ РАН, Центр ЮВА, Австралии и Океании, Москва, 30 ноября 2017 г. / Мск. ИВ РАН: под ред. Д. С. Панарина. – М., 2017. – с. 14–19.

15. Wilson, J. Trade Diversification is Essential for Australia's Recovery [Electronic resource] / J. Wilson // Australian Institute of International Affairs. – Mode of access: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/trade-diversification-essential-for-australias-recovery/>. – Date of access: 15.01.2022.

16. Wallis, J. Special Report: Complex and Crowded. The Changing Geopolitics of the South Pacific / J. Wallis // Australian Strategic Policy Institute [Electronic resource]. – Barton, 2017. – Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/import/SR103_South-Pacific.pdf?nRFKLRaA7Sk8eiUHEljRf6efYSho5QYo. – Date of access: 27.01.2022.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абраменко Е. Г.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	3
<i>Апанович А. И.</i> ПРЕДЫСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	10
<i>Барахвостов П. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ФРОНТИРА	18
<i>Венидиктов С. В.</i> ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ ПОСТПАНДЕМИИ	25
<i>Волочков Т. Б.</i> ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВЕБ 2.0 НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	32
<i>Гавриков А. В., Котляров И. В.</i> ВЫБОР КАК ИМПЕРАТИВ УСПЕХА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ)	41
<i>Герасимович К. А.</i> РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	48
<i>Драгун Д. В.</i> РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	54
<i>Евстафьев В. А.</i> О ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРУКТУР	62
<i>Жмакина Т. В.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ	69
<i>Калишук В. О.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА	76
<i>Кандричина И. Н.</i> ПРОБЛЕМА ТОЧНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОГНОЗА	83
<i>Козловский В. А.</i> ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	90
<i>Козыренко Р. Н.</i> ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В БОГОСЛОВСКИХ И АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (X–XIII ВВ.)	98
<i>Корело О. Н.</i> ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	110
<i>Лемешова Т. В.</i> НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА	119
<i>Мельник В. А., Радкевич М. И.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ИДЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	125
<i>Мельник Р. В.</i> РОЛЬ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	134

<i>Острога В. А.</i> ГЕНЕЗИС ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ.....	143
<i>Панченко А. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	151
<i>Побережная О. Е.</i> КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	166
<i>Посталовская О. А.</i> ДИСКУРС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	173
<i>Рыжский А. С.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ	181
<i>Свилас С. Ф., Ливиндюк О. В.</i> ИНДИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖО БАЙДЕНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	188
<i>Семенова В. Н.</i> ГЛОБАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ	196
<i>Семёнова Л. Н.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ.....	203
<i>Слука О. Г.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	211
<i>Сокол В. А., Свилас С. Ф.</i> О СОВМЕСТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА «ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ».....	220
<i>Сулёйков А. А.</i> ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК ФАКТОР СФЕРЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	226
<i>Хомич В. С.</i> НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	233
<i>Худяков А. В.</i> ИДЕИ ЦИКЛИЧНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-ИСЛАМСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ.....	241
<i>Чжан Юйлин.</i> ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КНР О РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	248
<i>Е Чэнь.</i> РЕФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	258
<i>Юсна М. М.</i> СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОНЯТИЕ, ВИДЫ.....	265
<i>Юсуфов П. В.</i> ИНСТИТУТЫ КОММУНИКАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	272
<i>Ярмошук К. И.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОПЕРНИЧЕСТВА АВСТРАЛИИ И КНР ЗА ЛИДЕРСТВО В ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (ЮТР)	280

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В двух частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *А. И. Кизик*

Компьютерная верстка *Т. В. Лукашинок*

Подписано в печать 27.06.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 16,86. Уч.-изд. л. 21,05. Тираж 100 экз. Заказ 61.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.